ЮРИЙ АНДРЕЕВ
ГРИГОРИЙ ВОРОНОВ

БАГРЯНАЯ ЛЕТОПИСЬ

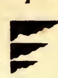
Отчизны верные сыны

Библиотека
"Отчизны верные сыны"

ЮРИЙ АНДРЕЕВ
ГРИГОРИЙ ВОРОНОВ

БАГРЯНАЯ ЛЕТОПИСЬ

•

Роман

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОСААФ СССР
1988

ББК 84.Р7
А65

Оформление тома, иллюстрации
И. И. ПЧЕЛКО

Печатается по изданию: **Андреев Ю. А., Воронов Г. А.** Багряная летопись.— Л., 1974.

А $\frac{4702010200-028}{072(02)-88}$ $\frac{КБ-45-38-87}{БЗВ-6-3-87}$

Грозовой 1919-й... Даже и сегодня, по прошествии почти семи десятилетий, поражаешься накаленности, трагедийности того времени — сложнейшего в истории молодой Республики Советов. Белогвардейские формирования, интервенты империалистических государств, взаимодействуя между собой и опираясь на контрреволюционные заговоры в разных регионах страны — в Поволжье и на Дальнем Востоке, Северном Кавказе и в Средней Азии — огнем и голодом стремились сломить народ, поднявшийся на защиту завоеваний социалистической революции. Вихрями свинца и осколков снарядов враги Октября надеялись убить веру трудящихся в социальную справедливость. Свистели нагайки и шомпола над спинами рабочих и работниц, бедных крестьян и крестьянок, сочувствовавших Советской власти.

Особенно тяжелая обстановка сложилась на востоке: дивизии «верховного правителя России» Колчака приближались к Волге; казалось, еще немного — и они разрубят фронт красных, неудержимо двинутся на Москву...

Событиям этой огнедышащей поры и посвящен роман «Багряная летопись».

...Войска южного крыла Восточного фронта возглавляет человек особой полководческой воли, революционного мышления. Вот он идет в часть, где заговорщики подбили на бунт красноармейцев и вознамерились убить его. Зная об этом, командарм отправляется к ним без оружия, без охраны. Его встречают злобными выкриками. Но разве остановишь угрозами человека, которого царский суд дважды приговаривал к смерти? Нет, не остановишь! Он несет в себе веру в светлую судьбу трудящихся, в судьбу своей Родины. Каждое слово, наполненное энергией незаурядного ума, пронзительной логикой и твердостью, вынуждает заговорщиков отказаться от злого умысла, подчиниться могучей воле большевика.

Что же это за человек?

Фрунзе! Михаил Васильевич Фрунзе. Он — в центре романа.

Где источник воли и разума такого человека?

Одна из сцен книги прямо отвечает на этот вопрос.

«...Фрунзе подошел к окну, распахнул его и повернулся к Авксентьевскому:

— Ты спрашиваешь, Костя, где же все-таки я получил военное образование? Так?

— Точно так. И что тебя все-таки подтолкнуло к военному делу?

Фрунзе посерьезнел, задумался:

— Думал, экономистом буду, в Политехнический поступил. Не вышло. А подтолкнула меня, Костя, одна беседа. Всего лишь одна: с незабвенным нашим Ильичем.

— С Лениным?! Когда?

— Давно это было, девятнадцать лет тому назад: в девятьсот шестом году. Двадцати одного года от роду попал я в Стокгольм, на Четвертый съезд партии. Молодым был. Хотя и обстрелянным. А ему тридцать шесть — в расцвете сил и зрелости был. И вот начал он меня обо всем выспрашивать, особенно об иваново-вознесенских Советах. Интересовался и баррикадными боями. А потом и говорит: «Что стрелять рабочие умеют, это хорошо. А вот руководить военными действиями многие ли из них могут по-настоящему? И не думаете ли вы, что в будущих восстаниях-битвах это умение может сыграть решающую роль? Революционеры должны овладевать военными знаниями, это еще Энгельс писал! Я бы вам советовал над этим подумать».

Да, еще на заре революционных бурь в России вождь партии большевиков Владимир Ильич Ленин был озабочен подготовкой военных специалистов из числа рабочих-революционеров. Он заставил подумать об этом тогда еще молодого, но уже испытанного в баррикадных боях революции девятьсот пятого — седьмого годов Михаила Фрунзе и тем самым определить свой жизненный путь.

Прошло немногим более двенадцати лет после первой встречи Михаила Васильевича с Лениным, и бывший баррикадный боец встал во главе красных войск в центре Восточного фронта. Полководец новой формации, профессиональный революционер, вооруженный глубокими знаниями военного дела, оказался там в чрезвычайно трудные для Советской республики дни — зимой 1919 года. Армии Колчака, насчитывавшие уже около 400 тысяч человек, приготовились к наступлению против всего советского Восточного фронта, растянувшегося почти на 2000 километров. Как известно, планы Колчака потерпели крах. Белогвардейские войска были не только остановлены, но и отброшены назад, далеко за Урал, а затем и разгромлены. В этой серьезнейшей операции во всем блеске проявился полководческий талант Михаила Васильевича Фрунзе.

Соприкасаться с таким человеком — счастье. Впитать в себя, в свое сознание образ его мышления и действий, включая готовность к испытаниям на верность Родине,— значит обогатиться духовно и нравственно. И такую возможность получит каждый, кто проникнется вниманием к страницам «Багряной летописи».

Построен роман оригинально, как бы по законам летописного свода, без претензий на эпичность. Взят лишь один год из боевой жизни М. В. Фрунзе, но прослежен он основательно, с разных точек зрения, глазами разных людей, с точным указанием места и времени действия. Все ключевые эпизоды исторически реальны. Однако такая строгость изложения не помешала раскрыть поступки и психологию главного героя романа.

Образ Фрунзе, его характер, интеллектуальная зрелось, воля, мобильность ума — не декларируются, а раскрываются в деталях, в столкновении разных точек зрения, в оценках и глубоком анализе обстановки. Решения Михаила Васильевича оказывают серьезное воздействие на мысли и дела его товарищей, верных соратников. Подмечая различные черты Фрунзе, наблюдая за ним то глазами бывшего штабного генерала Новицкого, то глазами солдата Далматова, то взыскательным взглядом целой толпы взбунтовавшихся бойцов бригады Плясункова, вникая в существо его приказов и директив, авторы, быть может, сами того не замечая, заставляют читателя переживать, радоваться за полководца и даже размышлять о нынешнем дне. Фрунзе, как живой, во всей своей естественной красоте, будто сходит со страниц романа и властно, требовательно вторгается в нашу теперешнюю жизнь.

Одна за другой раскрываются перед читателем детали конкретного решения задач по обучению бойцов формирующихся частей Красной Армии, по обеспечению их оружием, боеприпасами, обмундированием, продуктами питания. И это — в предельно сложный, напряженный период! По всему Поволжью прокатилась волна эсеровских мятежей, Самара кишмя кишела агентами иностранных разведок, белогвардейскими заговорщиками. В самом штабе армии притаились шпионы, предатели, посланцы эсеровского центра. Они путали карты нашего командования, мешали осуществлять нужный маневр по сосредоточению войск на решающих участках. Из Реввоенсовета Республики, возглавляемого Троцким, приходили разноречивые директивы и распоряжения: то отходить, то обороняться... Обстановка обострена до предела.

Следя за событиями, происходящими в 1919 году на Восточном фронте, читатель видит, что М. В. Фрунзе как полководец опирался в своей деятельности на решения партии, обращался по наиболее сложным вопросам непосредственно к Владимиру Ильичу Ленину, который, как известно, не только интересовался ходом военных действий, но и, по существу, определял их развитие. Он глубоко вникал в слож-

ности борьбы с колчаковцами и помогал Фрунзе в решении тактических и стратегических задач по разгрому врага.

Ярко, зримо, с редкостным художественным чутьем освещаются в «Багряной летописи» такие судьбы людей, такие столкновения характеров, осмысление которых всем своим пафосом обращено в сегодняшний день, к сердцам и душам молодежи: цените и оберегайте завоеванные отцами духовные богатства народа.

В стиле, в манере письма авторов есть и юмор, и взволнованность, и удивительная простота, позволяющая доходчиво изложить весьма сложные вопросы.

Наряду с исследованием принципов полководческого искусства Фрунзе авторы рассказали о многих малоизвестных или вовсе неизвестных фактах, связанных с именем замечательного полководца. Это подготовка покушения на М. В. Фрунзе в Уральске и Уфе; изменение в плане контрудара по Колчаку; столкновение Фрунзе с Троцким; борьба с эсерами...

Заслугой авторов романа, несомненно, является и то, что они убедительно показали товарищей, сподвижников М. В. Фрунзе. Членом Реввоенсовета Южгруппы был В. В. Куйбышев — твердый, последовательный марксист-ленинец, профессиональный революционер. В решении сложных политических задач на него опирался М. В. Фрунзе. Верными соратниками командарма стали бывший генерал царской армии Ф. Ф. Новицкий, честно служивший революции, начдив В. И. Чапаев, комиссар Д. А. Фурманов. Характеры их достоверны, убедительны.

Отважные действия молодых красноармейцев Володи Фролова, Гриши Далматова, бывалого солдата Еремеича становятся олицетворением боевой способности людей, которые знают, за что и против кого воюют, чьи интересы защищают. Их тысячи и тысячи, честных и стойких бойцов — защитников молодой Республики Советов. Фрунзе верил в способности своих воинов, а те всем сердцем верили ему, понимали его замыслы, на выполнение которых шли осознанно и решительно. И неудивительно, что бывшие царские военачальники с академическими дипломами, обогащенные опытом ведения боевых действий на германском фронте, такие матерые знатоки оперативного искусства, как генерал Ханжин, на которого адмирал Колчак полагался как на верного исполнителя своей воли, терпели поражение. Они и помыслить не могли, что их солдаты способны понять социальную сущность войны: ведь это, как им казалось,— просто серая послушная масса; накорми, обуй ее и приказывай — «Шагом марш, вперед!»

Уже после гражданской войны в своих теоретических трудах Михаил Васильевич Фрунзе, опираясь на ленинское учение о войне и мире, подчеркивал, что политическая сознательность людей неразрывно связана с целями и задачами общества. Говоря о выборе направле-

ния главного удара в наступлении, Фрунзе решающую роль отводил человеку: без него мертва любая, даже самая совершенная техника. Вот почему, считал Фрунзе, так важно обучение и политическое воспитание воинов в духе пролетарской идеологии, преданности социалистическому Отечеству. Это стержневая грань советской военной доктрины, основополагающие мысли которой сформулировал Михаил Васильевич Фрунзе.

Особое значение придавал он разведке и знанию настроения людей в тылу противника.

В этой связи большой удачей авторов «Багряной летописи» мне представляется образ Наташи Турчиной. Умная, образованная, душевно чуткая девушка, невеста студента, ставшего отважным воином, Гриши Далматова, она в силу сложившихся обстоятельств оказалась в захваченной колчаковцами Уфе. Безбородько, начальник контрразведки штаба Ханжина, знавший ее еще по Петербургу, предлагает ей работу переводчицы. В то же самое время и подпольщики Уфы устанавливают с Наташей связь; Турчина снабжает их секретной информацией. Эта совсем еще юная девушка помогает штабу красных, а значит, и Фрунзе находить верные решения, побеждать врагов революции.

«Багряная летопись» охватывает короткий период военной деятельности М. В. Фрунзе, но именно в это время выявились характерные черты полководца новой формации, полководца из народа. И все это емко, образно запечатлено в романе. Воля Фрунзе, умение разгадывать и, более того, предугадывать замыслы врага, принимать неожиданные, единственно верные решения не могут не поражать. Михаил Васильевич был близок к рядовым и командирам, находил пути к душе и разуму каждого, вдохновлял всех их на творческое осмысление боевых задач. Личная храбрость, забота о воинах, стремление одержать победу малой кровью принесли ему всеобщее признание. Тактик, стратег, мыслитель, психолог, революционер в военной науке — такого еще не знала история войн и военного искусства.

Постичь образ мышления и действий такой личности на конкретных примерах возможно лишь при условии прямого, личного контакта, соучастия и сопереживания. По одним документам и воображению предметной выпуклости не достигнешь. Однако роман «Багряная летопись» удивительно правдив, жизнен. Все основные действующие лица названы собственными именами, характеристика каждого подкреплена документальными свидетельствами. Как и каким путем это достигнуто?

Лет двадцать назад к мемуаристам, объединившимся при Доме офицеров Ленинградского военного округа, попала пухлая папка с материалами, собранными участником гражданской войны Григорием Александровичем Вороновым: дневниковыми записями, письмами, выписками из архивных документов. В них было много сказано о Михаиле Василь-

евиче Фрунзе. Выяснилось, что Воронов участвовал в боях с колчаковцами в 1919 году, встречался с Фрунзе, знал его лично. Воистину драгоценный материал! Оставить его просто в папке было бы преступлением, превратить в книгу — задача непростая. Как быть?

Удалось уговорить опытного литератора, ныне доктора филологических наук Юрия Андреевича Андреева тщательно просмотреть эти документы.

Прошло еще четыре года, и появился роман «Багряная летопись» двух авторов — Ю. Андреева и Г. Воронова. Счастливое творческое содружество, объединившее благородные устремления бывалого воина и писателя-профессионала.

Живет и долго будет жить в сердцах читателей «Багряная летопись»— весомое подспорье в воспитании молодого поколения на боевых традициях отцов и дедов. Образ Михаила Васильевича Фрунзе зовет и всегда будет звать к самосовершенствованию, к поиску своего места в жизни.

«...ЖЕЛАЮ УДАЧИ ВАШЕМУ «АЭРОПЛАНУ»!»

— Сержант? Сейчас ко мне придут из «Аэроплана».— Пропустите.— Начальник восточного отдела Интеллидженс сервис господин Уильямс нажал вилку телефона и попросил новый номер.

— Миссис Лилия? Да, я. Славная погодка, не правда ли?.. Нет, конечно, не ради этого. Я был бы крайне признателен вам, если бы вы принесли мне все, что у вас есть о новом военно-морском министре большевиков, наркоме Фрунзе, да, вашем старом друге, а заодно поприсутствовали бы у меня на беседе. Благодарю вас.

Респектабельный, плотного сложения мужчина, седовласый, в отшлифованных почти до полной прозрачности очках, закурил сигару, откинулся в кресле. «Итак, просят в достойной форме объяснить офицерам воздушного флота ее королевского величества причины феноменальных успехов Михаила Фрунзе. За несколько лет встал в ряд с крупнейшими полководцами всех времен и народов, стал военно-морским министром. Почему?.. Потому что его доктрина оправдала себя? Не будем об этом!.. Обстоятельства ему благоприятствовали? Ну, уж я-то во всяком случае делал все, чтобы он сломал себе шею как можно раньше. Многие сильные мира сего добивались того же. Колчак, Жанен, Нокс, Гревс, господин Врангель, господа эсеры. Очень добивались! Где же объяснение? Личная одаренность?.. Да! Феномен, уникум, неповторимое сочетание личных свойств. Так и скажем».

— Это вы, миссис!— Уильямс вежливо встал.— Прошу вас. Сколько уж лет не устаю любоваться вами. Что

ни говори, в славянках заключено какое-то скифское очарование. Вы согласны со мной?

— Да, сэр, во вторник вы уже употребляли это словосочетание.

— Конечно, надо и то сказать, что они дики и необузданны нравом. Их мужья в свое время не сумели воспитать ни своих жен, ни своих крестьян. Потому и пострадал цивилизованный мир. Большевики хорошо воспользовались этой невоспитанностью, не так ли, миссис? Прошу вас, присядьте. Сейчас нам придется давать консультацию одному молодому человеку. Вы ведь любите консультировать молодых людей, не правда ли?

— Мистер Уильямс, вы не удивитесь, если я сообщу, что уже много лет не устаю удивляться однообразию ваших шуток?

Уильямс одобрительно кивнул ей и задумался, постукивая пальцем по столу.

«Уникум. А не многовато ли уникумов для одной страны? И не уникально ли, что эта страна — нищая, безграмотная — выбросила нас, выбросила прочь и всех других? Нет, не будем об этом!— Джентльмен раздраженно заходил по мягкому ковру.— Плебс! Хамье! Насекомые!.. Да, но вот у них один гениальный стратег, вот другой, вот третий... Ну, не будем об этом...»

Он обернулся на вежливый стук:

— Заходите! Добрый день, молодой человек. Не правда ли, отличная погодка? Итак, что же вы принесли мне? Суждения большевиков? Любопытно, любопытно! Что говорит мистер Калинин, президент всея Московии? «Для меня не подлежит никакому сомнению, что жизнеописание Фрунзе может стать настольной книгой для воспитания нашей коммунистической молодежи». Ну знаете... Тут же высказывания этой международной коммунистки, которую проморгали изъять наши немецкие друзья,— Клары Цеткин. «Полководца, равного нашему Фрунзе, нет и не может быть во всем мире, ибо нет и не может быть во всем буржуазном мире полководца, с которым органически связаны мысли и чувства миллионов. Нет и не может быть полководца в буржуазных государствах, на которого обращены взоры угнетенных, где бы эти угнетенные ни находились: в соседней ли Германии, Китае, Индии или в каком-нибудь другом месте земного шара».

Ну, мой юный друг, все это, мягко говоря, не находка.

Сотрудник «Аэроплана» сокрушенно развел руками.

— А это кто? Воронский, критик? Знаю, знаю! Критик, которого критикуют, хе-хе-хе! Может быть, хоть здесь будет что-либо оригинальное? «На вершинах власти одни из выдающихся замечательных людей управляют и руководят, создавая вокруг себя среду преклонения, авторитета, другие сильны дисциплиной, третьи — деловитостью и практицизмом, четвертые — дипломатичностью и приспособленностью. Товарищ Фрунзе создал вокруг себя среду крепкого, сердечного и отрадного содружества. И дисциплина, и авторитет, и такт, и деловитость проходят через это содружество. Известно, как прочно он связан с текстильным Иваново-Вознесенским рабочим краем. Это связь революционных бойцов, но целиком проникнутая дружбой. Он прямодушен и открыт. Он слишком духовно богат, чтобы идти кривыми окольными дорогами». Да, немногим лучше остальной демагогии.

Джентльмен бегло просмотрел остальные вырезки, отбрасывая одну за другой в сторону.

— Не находка, мой друг, ваша подборочка, не находка! Если что-либо подобное появится в вашем «Аэроплане», то мы с вами улетим далеко-далеко, хе-хе-хе! Ну, что ж, посмотрим, что приготовила миссис Лилия. Смею заметить, сэр, женщины нашей службы, особенно такие, как эта маленькая брюнетка, стоят нескольких полков, скомплектованных из мужчин сплошь гвардейского роста. Можете как-нибудь к слову отметить что-либо подобное в печати, паблисити ведь никогда не мешает, услуга за услугу, не так ли, хе-хе-хе?.. Все, все есть в этом досье.— С гордостью нумизмата он принялся извлекать документы.— Все, все может пригодиться настоящему разведчику, мой юный друг, и мы не брезговали ничем: вот, к примеру, письмо Софии Фрунзе к своему мужу. О чем оно? Буквально ни о чем, о вечной любви да о стремлении повидаться. «Одного лишь прошу я у судьбы: умереть раньше тебя, Миша»,— с усмешкой прочел он.— А мы благодаря этому письмецу точно узнали, куда и когда поедет этот стратег. Вот приказик, вот газеточка армейская — гроши стоили, мой друг, а мы о смене диспозиции из них узнали, и ценная голова у красных полетела; ох, ценная! Да, так все может пригодиться. Ага, вот именно то, что я ищу! Выписка из родословной Фрунзе. На ней-то мы с вами и сыграем. Отбросим всю большевистскую заумь: «Революция, связь с массами, сердечное содружество...»

Наша с вами задача показать случайность и неповторимость такого явления, как Фрунзе, в коммунистических условиях, не так ли? Ну, я рад, что вы со мной согласны. Прежде всего надо будет отметить, что его отец — молдаванин, то есть можно говорить о румынском происхождении нового советского вождя. А ведь румыны гордятся своим происхождением от той римской колонии, которая в древние времена являлась передовым постом Римской империи против скифских орд. Поэтому вполне возможно, что румыны могли дать и теперь военного гения. С другой стороны, мать Фрунзе — крестьянка из-под Воронежа. Воронеж является городом, который дает имя области, граничащей с территорией донских казаков в южной России, поэтому есть полная возможность предполагать, что в этой крестьянской девушке текла казачья кровь, а стало быть, в ней сохранились боевые качества. Соединение отдаленных римских предков с казачьей кровью легко могло создать военного гения. Ну и так далее, мой юный друг. Желаю удачи вашему «Аэроплану»! Главная наша задача — убедительно показать, что революция и Фрунзе суть явления разные, совпавшие чисто случайно. Чисто случайно! Вы хорошо меня поняли?

— Да, сэр! Разрешите вопрос, сэр?

— Прошу вас, сэр.

— Если можно, откровенно, сэр: какую опасность в дальнейшем представит для нас нарком Фрунзе, сэр?

— Какую? Миссис Лилия...

Та бесстрастно вынула несколько бумаг из раскрытой папки и прокомментировала их:

— Начал реорганизовывать армию на совершенно новых началах. Создает ряд военных академий. Заметьте — не скоростных курсов и училищ, а академий! Есть данные из авторитетных источников, что он планирует особое внимание уделить развитию авиации, танков, подводного флота и артиллерии. Готовит новые уставы. Эксперты считают, что его суждения о стратегии и тактике, о характере будущей войны дерзки до гениальности. Достаточно?

— Я покорен эрудицией, миссис! Можно ли, сэр, воспользоваться вашим предложением и посвятить миссис Лилии серию очерков? Я уверен, будет потрясающий успех, сэр!

— Можно, сэр, конечно, можно! Через тридцать лет, сэр, через тридцать лет! В 1954 году, согласны? Ха-ха-ха! Пишите тогда в свое удовольствие, но сейчас мы не будем

мешать работать миссис, предположим, Лилии: ее подопечные еще нуждаются в ее заботе, ха-ха-ха!

— Слушаюсь, сэр!— Журналист не без труда погасил жадно разгоревшийся взор.

Миссис Лилия с холодным интересом, оценивающе поглядела на него. Перехватив ее взгляд, мистер Уильямс по-отечески покачал головой:

— Не старят вас годы, миссис Лилия, нет, не старят. Есть еще вопросы у джентльмена?

— Еще один, если позволите, не для прессы: истоки военных увлечений Фрунзе, если можно, сэр.

Уильямс, прищурясь, испытующе посмотрел на журналиста, потом кивнул миссис Лилии.

— Фанат-ленинец,— сухо ответила та.— В девятьсот шестом году получил от Ленина личный совет овладеть военными знаниями. Начал изучать языки, чтобы читать источники в подлиннике. Усердно учился даже в камере смертников, куда был дважды посажен царем, который, к сожалению, не смог довести и этого дела до конца. Если бы не этот болван, я имею в виду царя, то Колчак и Врангель, может быть, сейчас..

— Благодарю вас, миссис,— жестко прервал ее шеф.— Благодарю за внимание, сэр. Я надеюсь, ваш «Аэроплан» возьмет верный курс. Повторяю: Фрунзе и русская революция — явления, совпавшие чисто случайно, чисто случайно! Не так ли? Всего наилучшего, сэр! Еще раз желаю удачи вашему «Аэроплану»!..

12 декабря 1918 года.
МОСКВА

Владимир Ильич, военный комиссар Ярославского округа явился вовремя, ждет.

— Отлично! Лидия Александровна, пригласите его, пожалуйста, сюда и позвоните Дзержинскому, что Михайлов-Фрунзе уже у меня. Феликс Эдмундович хотел с ним повидаться.

Фотиева вышла, Ленин встал из-за стола, принялся ходить по комнате.

— Разрешите, Владимир Ильич?

— Прошу, прошу!— Ленин задержал ладонь Фрунзе в своей, вглядываясь в его лицо.— Садитесь, Михаил Васильевич. Как вы относитесь к нашему предложению?

Фрунзе задумчиво прихватил рукой мягкую белокурую бородку.

— Владимир Ильич, поймите меня правильно.

— Правильно? Постараюсь!..

— Я хочу воевать и надеюсь, что буду полезен на фронте. Но ведь опыта командования таким крупным соединением, как армия, у меня нет. Я думал: доверят полк, лучше кавалерийский,— справлюсь, а тут...

— А вы знаете,— саркастически спросил Ленин,— что у меня тоже нет опыта командования таким крупным, как вы изволили выразиться, «соединением»? Между прочим, и Феликс Эдмундович до революции тоже другими «соединениями» занимался!

— Отказывается? Сомневается?— спросил вошедший в этот момент Дзержинский. Он мягко надавил на плечо Фрунзе, чтоб тот не вставал, и сел рядом с ним на диванчик.

— Не то чтобы совсем, но просит кавалерийский полк,— живо ответил Ленин.

— Это хорошо,— не скрывая усмешки, кивнул головой Дзержинский,— все-таки не эскадрон, не сотню... Слушайте, Михаил Васильевич,— серьезно и пристально глянул он ему в глаза,— не так давно, шестого июля, в тот день, когда левые эсеры Мирбаха убили, а меня арестовали в Покровских казармах, вы где были?

Фрунзе улыбнулся, опустил голову: ход мыслей Дзержинского был ему ясен. В тот памятный день он разведывал на броневике подходы и подъезды, готовя атаку на Покровские казармы. Вопрос Дзержинского был упреком и означал: как же ты, военный комиссар Ярославского округа, свой из своих, партиец, боевик, неоднократно проверенный в деле, можешь отказываться от столь ответственного поручения в такое напряженное время?

— Вот это уже другой поворот событий,— одобрительно кивнул головой Дзержинский, увидав его улыбку. Фрунзе поднял глаза и, все так же улыбаясь, поглядел на Дзержинского. Охватив ладонями лоб, пристально смотрел на них Ленин: на единомышленников, своих младших соратников, породненных революционной борьбой крепче, чем любым кровным родством...

— Михаил Васильевич,— мягко сказал он,— вы должны знать, что вам могло бы быть и полегче: Реввоенсовет предлагает в командармы спеца, вашего нынешнего помощника по Ярославскому округу, а вас — членом РВС армии. Но мы в ЦК полагаем, что при нашей острой, просто катастрофической нехватке кадров большевиков-руководителей, способных мыслить политическими категориями, соотношение в этом случае должно быть обратным. Надеемся, что мы убедим председателя РВС в целесообразности нашего варианта.

— Готов выполнить волю ЦК.— Фрунзе встал, оправляя гимнастерку. Ленин тоже встал.

— Да, Михаил Васильевич, пришел тот решительный момент, к которому вы готовились всю предыдущую жизнь.

— Что решили: в Седьмую петроградскую или в Четвертую на Восточном?— спросил у Ленина Дзержинский.

— Петроград близко, пусть съездит сначала туда, ознакомится. Михаил Васильевич, в Петроград вы поедете как член Всероссийского Центрального Исполнительного

Комитета, как посланец ЦК. Я надеюсь, вы расскажете мне по возвращении все, что вам покажется примечательным.

— Пусть съездит в Петроград и как член ВЦИК, и как студент четвертого курса Политехнического института,— пошутил Дзержинский.— Зачем запускать академические дела? После войны дипломированным специалистам работы будет выше головы!

— Зайду и в Политехнический,— улыбнулся Фрунзе.

Когда за ним закрылась дверь, Дзержинский сказал:

— Всюду сложно, Владимир Ильич, но на Восточном, по-моему, особенно нужны партийные кадры. В штабах и в армиях много спецов, в частях — много партизанщины. И наши «друзья» эсеры работают там очень активно. Полагаю, что мне надо будет в скором времени совершить туда поездку.

Ленин подошел к карте, отдернул шторку. Постоял, покачиваясь с носков на пятки, глядя на линию красных флажков, окруживших республику.

— Значит, от имени ЦК будем рекомендовать Реввоенсовету командармом Фрунзе,— сказал он.— Куда? Через несколько дней решим. Я тоже думаю о возрастающем значении Восточного фронта. Думаю непрерывно. В 1919 году судьбы революции в значительной степени будут решаться там.

16 декабря 1918 года.
ПЕТРОГРАД

«Придет или не придет? Придет или не придет?..— Григорий, глядя поверх бесчисленных голов, энергично проталкивается сквозь густую толпу форменных шинелей и самых разных, больше потертых, пальтишек.— Но почему это меня так волнует? Ведь я пришел на политический митинг, который мне интересен. Так что же я за человек? Познай самого себя... Поди попробуй!»— Обрывки мыслей, дробный самоанализ, обычный для людей, вступивших в период мучительного самоопределения личности, тем не менее не мешали ему без особой вежливости раздвигать плечами плот-

ный поток вливавшихся в партер студентов, решительно перешагивать через стулья, наставленные в проходе, и эту особенность своего поведения он мельком, краем сознания тоже отметил.

— Гриша! Далматов! Рули сюда!— услыхал он радостный вопль, прорезавший многоголосие толпы. С высоты своего недюжинного роста он увидал, как приплясывает у самой сцены, подавая призывные знаки, Володя Фролов, закадычный друг.

— Иду! — Он ответно помахал рукой и круто изменил путь. И вдруг как горячим ножом напрочь обрубило, отмело весь хоровод пестрых мыслей: рядом с Володей Григорий увидал темную меховую шапочку на короне золотых волос! Наташа сидела в пушистой беличьей шубке, выжидательно повернув лицо к нему. Их глаза встретились, она радостно улыбнулась, он начал пробиваться буквально напролом.

— Наташенька!..

Слегка покраснев, но не опуская глаз, она протянула ему руку, и Григорий, чувствуя, что тоже неудержимо краснеет, пожал ее и тут же выпустил.

Володя подчеркнуто тяжело вздохнул:

— И что ж ты делаешь, любовь! Наташа, глянь, как закраснелися их высокоученое благородие.— Зеленоватые глаза его лукаво подмигнули Григорию.

— Потеснись-ка!— Григорий с размаху сел ему на колени.

— Уй-ю-юй, раздавишь меня, крохотку, каланча коломенская, брысь!— Володя энергично тряхнул его поближе к девушке, сам повернулся в кресле:— Гляди-ка, вместо одного буржуя как раз два революционера умещаются!

— Ну, мы уже здесь, пора открывать собрание,— не отрывая глаз от Наташи, произнес Григорий.

— И хоть бы меня, старика, не обманывали,— с нарочитым укором сказал Володя.— Ну для чего вам теперь собрание, а? Одна помеха, ей-богу!

Мариинский театр был переполнен. В ложах сидело и стояло человек по двадцать, во многих креслах партера сидели по двое, галерка, казалось, вот-вот рухнет, а молодежь продолжала ломиться в театр.

Огромные хрустальные люстры вполсвета мерцали над головой, холодно отсвечивал голубой бархат портьер и кресел, тускловато горели боковые канделябры.

— Пожалуйте сюда, ваше благородие!— приглашал профессоров в царскую ложу тучный капельдинер.— А то ведь эти неучи места не уступят. Не те времена, нет, не те! Еще и сюда норовят пройти, чухна проклятая!..

Неторопливо раздвинулся занавес. На сцене, ближе к рампе, стоял длинный стол, покрытый красной скатертью. На подставке — большая карта России. Люстры постепенно померкли, гул начал спадать.

Григорий глубоко вздохнул.

— Ты чего?— тихо спросила Наташа.

— Много. Разное. Знаешь, сколько еще надо в жизни сделать?

Она легонько сжала ему руку. Он еще раз вздохнул.

Из-за кулис вышли несколько человек и сели за стол, весело переговариваясь. Мужчина с сильной проседью встал, взял в руки колокольчик, выразительно посмотрел на него, поставил на место. По залу прокатился одобрительный смех.

— Товарищи! Рассаживайтесь побыстрее... Общее собрание студентов и революционной молодежи города Петрограда объявляю открытым. У нас в гостях член Всероссийского ЦИК, иваново-вознесенский и ярославский окружной военный комиссар товарищ Михайлов-Фрунзе. Мы пригласили его выступить перед вами с докладом о международном положении, он, конечно, сказал, что занят, но мы его спросили: неужели ты, питерский студент в прошлом, не хочешь встретиться с нынешними студентами славного Петрограда? Ну, тут он, ясное дело, должен был нам уступить... Итак, слово нашему дорогому гостю!

Под дружные аплодисменты поднялся от края стола коренастый, лет около тридцати человек в гимнастерке защитного цвета. Он тронул русые усы, оправил ремень и вышел вперед. Спокойно всмотрелся в зал, улыбнулся, провел рукой по ежику волос.

Ярко освещенный Фрунзе был виден резко и отчетливо, вплоть до узенькой белой полоски подворотничка, до складок и трещинок на блестящих голенищах.

— Гриша, Гриша, а галифе-то кожаные,— толкал приятеля Володя.— Вот бы такие, а?

— А глаза у него ясные-ясные,— сказала Наташа.— Он добрый. А лоб, как купол.

Григорий, не отвечая, кивнул головой.

— Нет, дорогие товарищи и коллеги, не надо было меня долго уговаривать встретиться с вами.— Голос до-

кладчика звучал негромко, но отчетливо.— Это, конечно, шутка. Согласился выступить я сразу. Дела у нас с вами обстоят так, что каждому нужно знать всю правду, во всей ее сложности...

«Каждому нужно знать всю правду, во всей ее сложности. Смело! Старый Фролов тоже говорит, что большевики никогда не боятся правды, потому что история за них. За нас...»— пронеслось в голове у Григория.

— Немногим более года тому назад здесь, в Питере, было провозглашено государство трудящихся, которые не захотели больше воевать за интересы мирового империализма, не захотели отдавать свои жизни ради обогащения кучки негодяев. Может быть, среди вас есть люди, которые считают иначе, которые думают, что большевики, положившие начало прекращению мировой войны, этой жестокой и бессмысленной бойни народов, поступили неправильно?— Фрунзе шагнул вперед.— Может быть, вы, молодой человек,— он направил палец, как показалось Грише, прямо на него,— хотели бы умереть, чтобы господин Рябушинский стал еще богаче? (Гриша сделал отрицательный жест.) Нет? Но, может быть, вы, уважаемый профессор, хотели бы, чтобы эти сидящие здесь юноши превратились в гору трупов ради захвата Дарданелл? Нет? Вы качаете головой? Следовательно, мы с вами думаем одинаково!

— Во берет, во берет-то!— восторженно прошептал Володька.— Ну, большевичок, а?— Круглое лицо его сияло: уж в ораторах-то и агитаторах он разбирался досконально!

Гриша смотрел на Фрунзе в глубокой задумчивости: он видел уже не обыденного простого усатого человека (рабочего ли, конторщика ли?),— перед замолкшей огромной аудиторией стоял трибун, заведомо сильнейший, чем его противник, потому что он, как это ясно и остро почувствовал Гриша, действительно знал самую сердцевину правды.

— Но, к сожалению, не все думают так, как мы с вами, гражданин профессор. Господам мировым империалистам, родным братьям Рябушинского, Путилова, Шапошникова и других, не понравилось ни то, что мы решили жить мирно, ни то, что мы начали строить общество, где нет и не может быть места эксплуататорам-кровососам. Наглость империалистов и белых генералов не знает границ. Посмотрите на карту...

Фрунзе взял указку и перешел в глубину сцены.

— Десанты экспедиционных военных сил Англии, Франции, Америки, Японии, Турции, Италии и Греции высаживаются на нашей земле. Щедро вооружаются белые армии. Интервенты отторгли от Советской республики северные губернии, районы Белоруссии, Украины, юг России, Туркестан, Урал, всю богатейшую Сибирь и Дальний Восток.

Вам холодно? Вам голодно? Вы понимаете теперь, почему у нас нет угля, почему опустели магазины, почему введены карточки? Но, товарищи, положение может быть еще тяжелее...

«Еще тяжелее? Указка и так очертила на карте кружок маленький, как сердце. Но он не боится говорить об этом». Гриша сидел окаменев. Он слушал Фрунзе, он пытался разобраться в своих мыслях, он волновался от того, что рядом была Наташа, ему казалось — он предчувствовал, что сейчас ему откроется что-то самое важное в жизни.

А Фрунзе продолжал говорить. Он словно мыслил вслух перед слушателями, и сам процесс его мышления захватывал Далматова. Фрунзе обращался то ко всем сразу, то к отдельным людям — зал слушал затаив дыхание, боясь пропустить слово.

— Гриша, Гришенька, ты меня слышишь?..— Наташа теребила его.

Он повернулся к ней с сияющими глазами, невпопад кивнул. Она не стала переспрашивать, сердце ее остро сжалось: она поняла, что это взгляд человека, который любит ее, но который сейчас не с нею. И юная девушка по-женски мудро в мгновенном озарении увидела всю свою судьбу с ним: вот так и впредь он будет уходить от нее в мыслях, стремясь к чему-то недомашнему, главному в его жизни, и это — горько, и это — счастье, потому что мужчина, которого любишь, всю жизнь должен стремиться к полету души и разума...

— Я не знаю, молодые люди,— продолжал Фрунзе,— достаточно ли хорошо вы представляете, что такое социализм, ради какого лучезарного будущего, ради какого солнечного завтра шли на каторгу ваши отцы и братья, ради чего мы боролись, не боясь ни петли, ни пули...

— «Мы пахали!» Ха-ха-ха!— вдруг издевательски и зычно прозвучало с галерки.

Как на шарнире, резко повернулся Григорий на этот голос. Театр ответил на выкрик негодующим гулом, но с разных сторон, как по команде, поднялся свист.

— Спокойно, спокойно!— поднял руку Фрунзе. Он дождался тишины и сказал:— Это верно, господа свистуны. Мы,— он сделал широкий жест в сторону президиума,— и впрямь пахали. А что касается меня, то я дважды был приговорен царским судом к смертной казни. А первую свою пулю я получил вот в эту руку девятого января девятьсот пятого года на Дворцовой площади, когда вместе с другими большевиками пытался уговорить народ не верить батюшке-царю. Сколько вам лет тогда было, господин баритон? Три или пять? Ну, продолжайте свистеть! Чего же вы замолчали?

Зал ответил аплодисментами и хохотом.

Приоткрыв рот от удовольствия, слушал Володя Фролов.

— Разбитые внутри страны, помещики и капиталисты держатся на окраинах, опираясь на помощь иностранных разбойников. Обманом и насилием, продажей родины, предательством всех интересов народа они мечтают задушить советскую власть, вернуть господство помещичьего кнута. Так что же делать?— Фрунзе отошел от карты, подошел к рампе и несколько секунд всматривался в лица притихших студентов.

Кашляни кто-нибудь — услышит весь зал.

Григорий понял, что сейчас, сию минуту, ему откроется нечто, может быть, самое главное для всей его судьбы, для всех его поступков.

— Так что же делать?— снова спросил Фрунзе.— Отказаться от наших завоеваний? От земли, принадлежащей народу? От фабрик и заводов, возведенных руками рабочих? Отказаться от нашего солнечного будущего, господин баритон? Нет, никогда! Господ империалистов мы заставим уважать нас. Для этого нужна вооруженная сила, кадровая армия, армия, хорошо организованная, преданная пролетарской родине, полностью вооруженная. Нужно создать армию, обучить и оснастить. Вот наша главная сейчас задача. Армия — это прежде всего бойцы и командиры, сознательные граждане, понимающие, что они защищают и против кого борются, готовые всегда на подвиг. Кто же, как не рабочие и крестьяне и революционные студенты, по зову нашей партии может дать нам крепкий, передовой, сознательный костяк армии?

Товарищи студенты! Судьба революции — и в ваших руках. Каждый поступит так, как подскажет ему его собственная совесть. Все на защиту революции!

«...Девятнадцатый год, уже девятнадцатый! Так мало сделано, и так много, так бесконечно много еще нужно сделать... Гореть большой идеей... Конечно, что-то посильное делалось для революции: кружок за Невской заставой, бой с городовыми и юнкерами на Старо-Невском в то октябрьское утро, патрули... Как подскажет собственная совесть... А кругом фронты, а вокруг пожар жестокой войны... Хватит рассуждать, надо действовать!.. Действовать!»

Всегда ли можно определить состояние человека по его внешнему виду, по его поведению? Вот бурно рукоплещет Володька. Его лицо, на котором даже зимой проглядывают веснушки, светится радостью. А вот сидит, угрюмо насупясь, вобрав голову в плечи, Григорий Далматов. Его темно-карие глаза смотрят мрачно, губы твердо сжаты. Восемнадцатилетний человек недоволен происходящим? Нет, молодой человек недоволен собой. Человек подходит к решению, может быть, самому важному из всех, какие ему придется принять в жизни.

В шквал аплодисментов и свиста вдруг ворвались могучие, суровые звуки музыки: оркестр начал играть «Интернационал».

— Вставай, проклятьем заклейменный,— запел Фрунзе.

— Весь мир голодных и рабов!— Члены президиума, отодвинув стулья, встали.

Песнь освобождения подхватили в партере, студенты вставали один за другим, гимн революции, торжественно разрастаясь, поднимался по ярусам:

— Мы наш, мы новый мир построим,— гремело в театре, пробивалось на площадь.

— Добьемся мы освобожденья своею собственной рукой!— уверенно, грозно обещали тысячи молодых голосов.

Наташа подняла к Григорию голову и вздохнула: она читала в его душе, как в открытой книге.

— С Интернационалом воспрянет род людской!— мощно, радостно прозвучали заключительные слова, и снова грянула буря оваций.

— Товарищи, может быть, есть вопросы к докладчику?

— Есть!— раздался зычный возглас из центра партера. Все головы сразу повернулись туда.

Небрежно оправляя черную шинель внакидку, поднялся рослый студент-путеец.

— Значит, дела советской власти обстоят из рук вон плохо, и вы призываете всех нас идти на фронт спасать ее? Правильно я вас понял?

— Если я правильно понял вас,— ответил Фрунзе,— и вы действительно являетесь студентом, то вы, очевидно, являетесь постоянно неуспевающим студентом.

Громовой хохот покрыл его ответ.

— А ведь это Хорьков, все по митингам болтается, народ мутит,— заметил Володя.— Какой он там студент!

— Демагогия!— воскликнул Хорьков.— Личный выпад! А вот вы, лично вы почему не пошли на фронт, а сидите здесь, в тылу? Вот ответьте-ка!— И он победоносно сел.

— Вы спрашиваете, почему я не на фронте? Отвечаю. В рядах рабочих дружин дрался на Красной Пресне. В Октябрьские дни во главе двухтысячного отряда иваново-вознесенских красногвардейцев штурмом брал в Москве гостиницу «Метрополь», где засели юнкера. Подавлял восстания эсеров в Москве и в Ярославле. Сейчас занят формированием полков и дивизий Красной Армии. На днях получил назначение в действующую армию. Надеюсь, встретимся с вами на фронте.

И молнией осветило Гришины мысли слово «фронт», все расставило по местам.

— Есть еще вопросы?— Председатель собрания поднял руку, останавливая аплодисменты.

Все стало ясно до предела, Григорий больше не колебался.

— Я хочу сказать!— Он стремительно встал.

— Пожалуйста.

Прогромыхав ботинками вдоль оркестровой ямы, взлетев по ступенькам на сцену, он остановился у стола, одергивая китель.

Спокойно и выжидательно смотрели на него члены президиума.

— Володечка!..— схватила Наташа за рукав Фролова. Но Володя во все глаза глядел на решительное, какое-то незнакомое лицо друга и только отмахнулся от нее.

— Товарищи! Коллеги!..

Голос Григория дрогнул. Тысячи почти неразличимых во мраке лиц были перед ним. Он ощутил себя как бы на полочке гигантского микроскопа, который просвечивает насквозь и многократно увеличивает все его мысли, желания, побуждения, и он почувствовал, как в душе его исчезло все мелькавшее, второстепенное, чтобы сконцентрироваться на том главном, что достоверно объяснило бы тысячам людей, почему он решил выйти на ярко освещенную сцену и встать под их выжидающие взгляды. И, уже почти не волнуясь, он сказал:

— В эти грозные минуты надо помочь нашей стране. Она первая показала миру путь к народной свободе. Если мы не защитим ее, мы предадим все человечество, все поколения, сколько их ни будет, и мы предадим себя, потому что пройдем мимо самого главного, самого важного в своей жизни. Товарищи, коллеги! Нельзя, чтобы жизнь прошла просто так... Прошу записать меня добровольцем в Красную Армию!

Он глянул в улыбающиеся глаза председателя и, не слыша ни грома аплодисментов, ни резкого свиста, ни возгласов, направился назад к лесенке.

— Товарищ,— громко и весело остановил его Фрунзе.— Вы забыли сказать нам, как вас зовут и откуда вы.

— Далматов Григорий. Технологический, первый курс.

— Спасибо, товарищ!— Он крепко пожал ему руку.

— Что ж, записываю Григория Далматова.— Председательствующий быстро занес несколько слов на чистый лист бумаги.

— И меня!— Фролов опрометью ринулся Григорию навстречу. Толкнув невзначай его плечом в грудь, он быстро взобрался на сцену.

— Товарищи!— громко закричал он.— Докладчик верно говорил: помочь надо Красной Армии. Пиши, товарищ председатель: Фролов Владимир Федорович, с Обуховского завода, ученик токаря, восемнадцать лет.

К выходу с шумом, демонстративно начали пробираться некоторые студенты, опять с разных сторон раздался свист, но уже лес рук забелел в зале в ответ на вопрос председательствующего, кто еще хочет записаться добровольцем в Красную Армию...

Медленно шли Григорий и Наташа из театра. На город опускалась снежная сиреневая мгла. Белели заиндевевшие деревья и решетки вдоль набережной. На Исаакиевской площади при свете костров красногвардейцы бе-

жали с винтовками наперевес, кололи соломенные чучела. Наташа взяла Григория под руку, крепче прижалась к нему. Молча они пересекли площадь. С большого плаката на гостинице «Астория» прямо на них глядел рабочий в солдатской гимнастерке и спрашивал: «Ты записался добровольцем?»

— Это я-то?— спросил его Гриша.— Записался. Только что записался.

— А как же я?— произнесла Наташа. Они остановились. Гриша повернулся к ней, взял ее лицо в ладони. Доверчиво и укоризненно смотрели на него огромные глаза.

— Если бы я не записался, ты меня презирала бы. И я презирал бы себя. А когда я вернусь, я приду к тебе и скажу: Наташенька, вот я вернулся. И мы поженимся.

Две пары глаз придвинулись одна к другой: сурово и требовательно, почти жестоко смотрели карие, страдальчески-задумчиво вглядывались в них голубые.

— Уезжаешь! А я?

— А ты дождешься меня. Обязательно, потому что ты моя судьба, потому что ты родилась для меня, потому что ты моя половинка.

— Половинка. Да... Послушай, я вспомнила стихи:

Сейчас наступит ночь. Так черны облака...
Мне жаль последнего вечернего мгновенья:
Там все, что прожито,— желанье и тоска,
Там все, что близится,— унылость и забвенье...

— Нет, не забвенье, ты дождешься меня, ты дождешься! Не слушай поэтов!

— Да, милый, я дождусь.

Они медленно пошли к Невскому. На улицах было пустынно, только у продовольственных магазинов стояли длинные темные очереди притопывающих на морозе молчаливых людей. Покрылись узорами замерзшие стекла нетопленных петроградских квартир. Лишь кое-где дымили из жестяных форточек трубы «буржуек».

— Так что же мне делать, Гришенька?— задумчиво спросила Наташа.

— Жди меня здесь. Из города не уезжай. Держись своего госпиталя.

И опять она, молоденькая девушка, с проницательностью зрелой, умудренной годами женщины — кто может сказать, почему так возможно?— поняла, что в их жизни

все практические решения, все заботы быта лягут на ее плечи, потому что он попросту не может их понять в их противоречивости.

— «Из города не уезжай»,— повторила Наташа.— Ты же знаешь энергию моей матери. В последнее время мать мечтает любыми путями перебраться в Англию, к отцу.

— А может быть, он вернется? Царские заказы уже давно кончились, его полномочия — тоже, а заводы в Петрограде не хуже, чем там у них.

— Нет, ведь у нас всем верховодит мама, она не велит ему и думать о возвращении. А в госпитале... В госпитале все смотрят на меня как на барышню, как на буржуйскую дочь... Они думают, что я жалею раненых, чтоб выслужиться. Разве они знают, как я тебя люблю, как я с тобой к рабочим в кружок ходила?.. Ой, милый ты мой, ничего-то я не вижу, что впереди будет, ничего! Знаю только, что не легко будет, не просто будет. Но мы встретимся, Гришенька, встретимся!

Они подошли к ее дому, остановились.

— Гришенька, один ты у меня оставался, а теперь и тебя не будет! Мама стала такая злая, скрытная. К ней все ходят бывшие офицеры, даже один генерал. Большевиков они ненавидят, шипят. Ну, как это можно? Разве такой, как этот Михайлов-Фрунзе, для себя старается? Ведь он для всех живет, а тут как змеи шипят...

Они стояли на мраморных ступеньках подъезда. Странная полутьма — серая, морозная, белесая — окружала их, неуловимо изменяя очертания знакомых домов.

— Не шевелись!— Она положила ладонь на его губы.— Я буду слушать, что говорит твое сердце. Какое сильное! Молчи!— Прильнув щекой к его шинели, она замерла.

— Люблю! Люблю! Навек! Навек!— стал ей подсказывать Григорий.

— Уеду! Уеду! Уеду!— печально возразила она и быстро выпрямилась: мимо проходил высокий мужчина в бекеше, в серой каракулевой папахе.

— А, Наташенька!— неожиданно остановился он.— Здравствуйте. Мама дома?— Его глаза с недобрым интересом остановились на Грише.— Эх, молодость, молодость! И мороз ее не берет...— И он скрылся в подъезде.

— Это тот самый генерал, знакомый отца,— Авилов. Он-то больше всех и уговаривает маму уехать от большевиков, обещает ей свою помощь... Гришенька! Я пойду, а то он наговорит на меня маме, что было и не было. До встречи!— Она поцеловала Григория в щеку и побежала наверх. Оглянулась, помахала рукой и вот уже исчезла за поворотом лестницы.

Если бы они знали, сколько событий, и каких событий, вторгнется в их жизнь после этого расставания!..

На медной дощечке выгравировано: «Н. М. Турчинъ». Наташа открыла хитроумным ключом высокую дубовую дверь и вошла в прихожую. Рядом с шубой матери висели мужские пальто: бекеша Авилова и два других — одно с бобровым, другое с каракулевым воротником.

— Кто там? Наташа?— услыхала она голос матери.— Заходи, деточка!

В большой комнате с тремя зашторенными окнами стояла ореховая мебель, обитая розовым шелком. Весь пол устилал богатый персидский ковер. В углу громоздилась горка со старинным фарфором, в другом углу — рояль. На стенах висели картины — много картин!— в тяжелых золоченых рамах: Поленов и Веницианов — подлинники.

На диване рядом с матерью сидел пожилой, незнакомый Наташе, с безупречным вкусом одетый человек. Авилов в углу стоял с другим, тоже незнакомым Наташе, темноволосым мужчиной отличной выправки. «Какое красивое и неприятное лицо»,— подумала девушка.

— Знакомься, доченька. Это мистер Уильямс из Лондона, большой друг нашего отца.

Сделав книксен, Наташа пожала крепкую руку респектабельного джентльмена.

— Надеюсь, у вашего отца нет поводов расстраиваться из-за своей милой дочери...— добродушно произнес англичанин без каких-либо признаков иностранного акцента.

— Штабс-капитан Безбородько!— представил Авилов своего соседа.

Подтянутый сухопарый брюнет лет тридцати подчеркнуто вежливо склонил перед Наташей голову и четко сдвинул каблуки. Она сделала быстрый книксен и перед ним. Безбородько пристально посмотрел ей прямо в глаза.

— Деточка, вот тебе письмо от папы, можешь почитать его у себя, у нас тут серьезный разговор, не для детей.

Наташа молча вышла к себе, не затворив, однако, дверь в гостиную: «Нет, мамочка, сколько ты ни молодись, а я уже не маленькая и судьбу свою знать хочу!»

Первым заговорил англичанин:

— Смею заметить, миссис, что ваша дочь удивительно хороша. Я сказал бы, подлинная русская красавица в духе картин Васнецова. Очевидно, мягкий, ласковый характер?

— Мягкий? Ласковый?— Мать саркастически рассмеялась.— Вероятно, мистер Уильямс не имел счастья воспитывать собственную дочь? Э, да что тут рассказывать, это надо самому пережить. А сейчас еще с большевиками завела знакомство, ходят вокруг какие-то подозрительные субъекты, того и гляди обворуют!

— Вот как? Тем больше у вашего супруга имеется оснований прислушаться к мнению своей благоверной. У нас по достоинству оценили его незаурядный инженерный талант, и мы хотели бы, чтобы мистер Турчин остался в Великобритании. Поэтому мы с полным пониманием относимся к вашему желанию переправиться с дочерью на территорию, занятую нашими друзьями, откуда вы свободно сможете уехать в Лондон. Я продолжу доводы господина Авилова, принимающего столь большое, как я понял, участие в ваших делах. (Послышалось недовольное хмыканье Авилова.) Разумеется, чисто дружеское участие, господин Авилов? Ну, я шучу, шучу! Или у вас большевики отшибли чувство юмора, господа? Итак, вы узнали сейчас о тех боях, которые, возможно, произойдут за Петербург и, возможно, будут идти на его улицах. Это опасно, мадам. Надо решаться быстрее.

— Господа,— с нескрываемой досадой ответила мать.— Зачем вы ломитесь в открытые ворота? Речь сейчас идет не о решении, речь идет о том, как сохранить все это,— она провела рукой перед собой.— Ведь я уже не девочка, господа, не идеалистка, я знаю, как должен быть обставлен шалаш, для того чтобы в нем был с милым рай. Вам известна эта русская пословица, господин Уильямс? Вы согласны со мной?

— Вполне согласен, миссис Турчина. Это,— Уильямс показал рукой на картины,— поможет вам доставить

в Англию наше посольство. Там есть трезвые люди, которые без особой щепетильности относятся к запретам большевистских временщиков на вывоз так называемого национального достояния. Громоздкие предметы постарайтесь реализовать сами, я уверен, у вас есть добрые знакомые среди комиссионщиков-антикваров...

— Ах, господа, столько интересных мужчин против одной слабой женщины.

— Не против нее, а за нее, мадам,— сильным веселым голосом возразил Безбородько.

— Госпожа Турчина! Мы хорошо понимаем вас, но мы понимает также и чувство вашего мужа, крупного инженера и очень ценного знатока артиллерийского оружия, в том числе морского. Его спокойствие — это важное государственное достояние. Мы гуманисты, люди цивилизованные и не можем далее волновать этого человека!

— Надежда Александровна,— горячо заговорил Авилов.— Пожалуйста, выслушайте меня. Я буду предельно конкретен. Господин Безбородько в ближайшее время получит в свое распоряжение вагон первого класса. Направление Самара — Уфа. Упакуйте все ценное в чемоданы. Вам с дочерью предоставляется целое купе. Я буду ехать в этом же вагоне,— сделал он едва заметный нажим голосом.— Из Уфы с помощью верных людей вы переедете на лошадях линию фронта и попадете в распоряжение войск адмирала Колчака. Далее, через Омск вы добираетесь до Владивостока, а затем — в Лондон. Надежда Александровна! Мы просим вас не мешкать. Когда еще повторится такой случай?

— Ну ладно, я согласна, согласна...

— Вот это деловой разговор,— удовлетворенно произнес Уильямс.— Мой старый друг господин Турчин будет долго пожимать мою руку. Разрешите считать вопрос улаженным. Господин Безбородько будет держать вас в курсе событий.

— Господа, вы уже уходите? А как же чай?

— В следующий раз, мадам! В следующий раз.

Мужчины галантно целовали ручку Надежде Александровне. Вскоре за ними хлопнула дверь.

— Наташенька! Чай пить!

Девушка порывисто вошла в гостиную.

«Надо достать побольше мешковины для упаковки ковров,— озабоченно подумала Надежда Александров-

на.— Но, господи, до чего же хороша Наталья и в самом деле. Как быстро летит время!.. Какая стать, какие глазищи... Нет, конечно, скорей, скорей отсюда! Оставаться среди этого хамья, всплывшего на поверхность, просто невозможно...»

— Мама! Я все слышала. Я никуда не поеду.

— Да?— Надежда Александровна хладнокровно оглядела дочь.— Очень интересно. Это что же, тебя студентик твой, социаль-демократ, локти залатанные, так научил разговаривать с родной матерью?

— Не поеду!— топнула ногой Наташа.

— Сколько же можно быть такой глупой? И неблагодарной?— Глаза матери облили Наташу нескрываемым презрением.— Все романтикой живешь? Идеалами? В госпитале своем в куклы играешь или насмерть искалеченных бинтуешь? И сама такой же хочешь стать — без рук, без ног? Ты что, не видишь, что делается, что готовится? Кругом шкурники, бандиты, спекулянты, шпана. Так-то, милочка, кто сейчас за себя не постоит, того и жалеть нечего. Но я и себя спасу, да и вас с отцом вытяну, двух блаженных, не от мира сего, крест мой пожизненный. Нет уж, голыми руками нас не возьмешь. И запомни: будет так, как я сказала! Ишь, много воли себе взяла...

Надежда Александровна резко погасила свет в гостиной и в гневе проплыла мимо дочери. Наташа упала на диван и безутешно зарыдала. Она не могла вспомнить дня, когда бы мать приласкала ее, прижала бы ее голову к своей груди. Отца она не видела уже четыре года,— он принимал за границей оружие для русской армии и флота. После окончания гимназии Наташа хотела пойти на учительские курсы, но мать энергично и непреклонно заставила ее поступить одновременно и на курсы стенографии, и медицинских сестер. «Нечего баклуши бить, с твоим-то румянцем и то и другое вытянешь! Со стенографией всегда с куском хлеба будешь, а сестры милосердия очень модны нынче в избранном обществе, вон даже царица и великие княгини посещают военные госпитали!»

«Она всегда поступает, как сама считает нужным, со мной не считается. Уехать! А Гриша? Любимый, любящий, такой чистый, такой искренний, так увлеченный высокими идеями, и его приятели — студенты и рабочие, и кружок политической агитации в старом домике, у отца

Володи Фролова, где я вместе с Гришей занималась и даже — шутка сказать!— выступала,— все это так не похоже на пустой, фальшивый мир прежних знакомых. Лишиться этого — все равно, что лишиться свежего воздуха, лишиться счастья».

Плачет, содрогается в рыданиях Наташа. «Надо бежать,— мелькнула у нее мысль.— Но куда?» И как бы отсекая даже предположение об этом, мать начала закрывать на ночь все сложные и хитрые запоры. Проскрипели крюки, вгоняемые в тугие гнезда. Напевая под нос французскую песенку, Надежда Александровна проследовала в спальню, мельком глянув в темный провал гостиной.

«Я лучше знаю, в чем твое счастье, милая»,— холодно и уверенно подумала она.

27 декабря 1918 года. ПЕТРОГРАД

Не в первый раз шел на конспиративную встречу Безбородько, но редко когда испытывал такое чувство близкой и реальной опасности, зябкое ощущение провала, как сейчас. Весь его профессиональный опыт подсказывал, что подпольные собрания с большим числом разношерстных участников — дело почти наверняка гиблое. Сегодня же в особняке на Фонтанке, как он знал, соберется около трех десятков людей, самых разных по своим взглядам, профессии и общественному положению. Организаторами собрания были эсеры, но кроме них приглашены монархисты, кадеты, а также несколько лиц, не связанных никакой партийной дисциплиной. «Цвет нации!— злобно думал Безбородько.— Болтуны, ораторы, словоблуды! Как затеют свои умные споры о принципах, да с криками, да с битьем в грудь, тут и бери их, разлюбезное ЧК, голыми руками!» В сумерках его смуглое лицо за поднятым воротником стало вовсе темным, лишь остро поблескивали глаза. Его несколько успокаивало лишь то, что многие участники собрания были платными агентами сэра Уильямса, а уж этот серый волк, как успел понять Безбородь-

ко; не из тех, кто терпит пустопорожние словеса и брезгует маскировкой.

Однако на бога надейся, а сам не плошай! Безбородько круто свернул в подворотню на Николаевской улице и, расстегнув пальто, стал тщательно поправлять теплое кашне. Прошло несколько минут, мимо никто не прошел. Безбородько застегнулся, еще выше поднял меховой воротник, перевел свой заслуженный безотказный браунинг в кармане на боевой взвод и вышел на улицу. Кругом никого. Он пошел на Загородный проспект, завернул на Гороховую, затем на набережную Фонтанки. То завязывая шнурок на ботинке, то отворачиваясь от ветра, чтобы закурить, то неожиданно сворачивая в подъезды, он убедился, что слежки нет. Тогда, ускорив шаг, он направился по указанному адресу. Парадный вход был закрыт, надо было идти через двор. На ящике у ворот сидел, завернувшись в тулуп, дворник. Зорко глянув на Безбородько, он спросил:

— Вам куда, господин хороший?— Это был условленный пароль, но Безбородько не предполагал, что спрашивать будут уже на улице.

— Я на именины к Луизе Казимировне,— повеселев, ответил он. «Неплохо, неплохо! Иностранец-то работает солидно». Тошнотворное чувство страха сразу притихло.

— Проходите! Под аркой ворот, налево.— И «дворник» трижды нажал кнопку звонка. При приближении Безбородько дверь открылась. Он вошел и оказался зажатым между двух молодых людей хорошей офицерской выправки. Безбородько улыбнулся совсем весело.

— Что вам угодно?— был задан с каменной вежливостью вопрос.

— Я приглашен на домашнее торжество.

— Кем?

— Моей кузиной,— ответил Безбородько улыбаясь. Лицо спрашивающего осталось отчужденно суровым, и матерый разведчик с облегчением почувствовал себя почти в полной безопасности.

— Проходите на второй этаж, там можно раздеться.

Безбородько бодро поднялся наверх, сдал горничной пальто и меховую шапку, взял девушку за пухлый подбородок, с интересом всмотрелся: «Ей-ей, ничего...» Горничная потупила лукавые глазки: «Что это вы, право»,— но

потом кокетливо и многозначительно улыбнулась ему. Он поправил перед зеркалом пробор и вошел в зал, откуда доносился шум голосов, женское ленивое пение под гитару.

На мягких креслах и диванах сидели мужчины и женщины. Безбородько четким наклоном головы отдал приветствие и прошел вдоль стены в угол, стараясь не привлекать ничьего внимания: опыт научил его прежде всего составлять общее мнение, а уж затем вести себя по обстановке. Среди присутствующих сразу же бросались в глаза двое: крупный мужчина с широкой пухлой грудью и темной волнистой шевелюрой («Уж не завивается ли?» — мелькнуло у Безбородько), — он наигрывал на гитаре, подчеркнуто влюбленно глядя в глаза поющей женщине и беззвучно шевеля ртом вслед за нею, — и эта женщина, грациозная брюнетка лет двадцати пяти, с яркими губами, одетая в желтое парчовое платье с глубоким вырезом. «Так вот, значит, вы какие», — подумал Безбородько. Он узнал их по фотографиям, показанным ему Авиловым: эсер-боевик Семенов и его гражданская жена Нелидова. О Нелидовой Авилов говорил как о женщине умной, образованной и опасной, способной увлечь любого мужчину. Происходила она из семьи самарских помещиков.

На диване сидел лысый мужчина лет пятидесяти в черной визитке. Безбородько узнал и его по карточке: эсер Сукин, видный специалист по организации мятежей среди крестьянства. Его брат командовал корпусом у Колчака. Сукин любезничал — корректно и по-светски — с двумя бесцветными дамами. «Для технической работы в чужих штабах такие незаметные божьи коровки просто незаменимы», — внутренне одобрил выбор Уильямса Безбородько.

У рояля стояла группа мужчин, также известных ему по фотографиям и характеристикам Авилова: одетый с иголочки высокий седеющий брюнет, в прошлом полковник царской армии, ныне интендант Красной Армии Грушанский; щеголеватый и сдержанный в жестах Гембицкий, генштабист, бывший штаб-ротмистр, кадет по убеждениям; эсер Хорьков по кличке Черный студент, работающий среди студентов. Остальных участников «домашнего торжества», одетых под рабочих, мелких чиновников, студентов, Безбородько не знал.

...Коль кого я полюблю,
Жизнь отдам я за него свою.
Ах! Живо-живее,
Целуй меня смелее!
Вся страстью горю я, целуй меня,—

сильным грудным голосом пела Нелидова, глядя на Семенова, а его подвижное лицо самозабвенно вторило каждой строке романса.

Раздались аплодисменты, крики «бис!», «браво!». Нелидова опустила глаза, глубоко вздохнула. «Весьма откровенно дамочка обнажилась, не по нынешней моде,— подумал Безбородько.— Эмансипация? Распутство? Во всяком случае, наряд предназначен не для Семенова. Да, надо бы познакомиться с нею поближе, хм, поближе...»

Словно услыхав его мысли, Нелидова мгновенно подняла на Безбородько внимательный взгляд темных, слегка раскосых глаз, потом, небрежно скользнув взором мимо него, громко спросила Семенова:

— Ну что, Сашенька, твою любимую?

Он восторженно кивнул головой, взял несколько аккордов, и Нелидова широко, раздольно запела:

Мой костер в тумане светит;
Искры гаснут на лету...
Ночью нас никто не встретит;
Мы простимся на мосту...

Из внутренних комнат появился Авилов. Неслышно ступая, он подошел к Безбородько и шепотом позвал за собой. Безбородько кивнул и направился за ним, пристально посмотрев на Нелидову. Она подняла на него смеющиеся глаза, едва заметно подмигнула.

На прощанье шаль с каймою
Ты на мне узлом стяни!
Как концы ее, с тобою
Мы сходились в эти дни.

«Да, Саша Семенов, только глупец тебе позавидует,— недобро усмехнулся Безбородько.— Идут ветвистые рога твоей волнистой шевелюре».

Авилов закрыл дверь и обратился к вытянувшемуся перед ним дежурному — молодому суровому атлету:

— Поручик, в кабинет больше никого не пускать. В крайнем случае вызывать только меня. Сигнал тревоги — один длинный звонок.

— Слушаюсь!— Офицер, повернувшись по-уставному, вышел. Авилов запер за ним дверь.

В глубине огромной комнаты, погруженной в полумрак, сидели двое. Пахло дорогой сигарой. Авилов и Безбородько также сели в глубокие кожаные кресла.

— Как будто собрались все, с кем я хотел побеседовать особо?— спросил Уильямс.

— Да, сэр. Можно начинать,— ответил Авилов.

— Господа,— начал Уильямс,— срочность вашего вызова объясняется неожиданными и чрезвычайно важными событиями, которые произошли в Москве. На днях в Кремле Ленин высказал свои соображения о возможности считать Восточный фронт с весны следующего года главным фронтом. Наши сведения совпадают, господин Авилов? Благодарю вас. Он говорил о политическом и стратегическом значении людских и материальных ресурсов, которыми обладает адмирал Колчак, и о значении железных дорог в средней России для возможной переброски резервов при грядущем наступлении войск адмирала на Москву. Не буду углубляться в его аргументы и терминологию, но подчеркну со всей ясностью: это большая угроза! Вы, конечно, понимаете, что ленинский прогноз затруднит генеральное наступление войск его высокопревосходительства адмирала Колчака, который должен наконец-то разгромить главные силы большевизма и вернуть вам, истинным патриотам, вашу поруганную родину.

Уильямс затянулся, не спеша выпустил дым, переводя внимательный взгляд с одного сидящего на другого.

— Итак, господа военные, элемент внезапности, видимо, утерян. Я обращаю ваше внимание на то, что Ленин пришел к своему выводу чисто логическим путем, не имея точных данных разведки. Больше того, пришел к нему вопреки весьма энергичному докладу председателя Реввоенсовета Троцкого и вопреки возражениям Главкома Вацетиса. Лично мне кажется гегельянско-марксовой заумью его диалектические рассуждения о резервах и стратегии в том виде, как мне их передавали, но факт остается фактом: у этого человека воистину дьявольский дар предвидения. Становится совершенно очевидным, что Ленина необходимо убрать. И чем быстрее, тем лучше. Господин Авилов, я не понимаю: о чем думают так называемые «боевики-эсеры»! Куда они глядят? Одно неудачное покушение, и все? — Жест Уильямса выразил сразу недоумение и презрение.

— Не будем совсем уж умалять их заслуги, сэр; Урицкий, Володарский ликвидированы. И Ленин...— корректно напомнил Авилов.

— Да, да, знаю, знаю! Но Ленин-то жив! Так?

— Мы сегодня же поговорим с Семеновым и другими сведущими лицами,— примирительно ответил Авилов.

— Хорошо. Но пока дела обстоят таким образом: Ленин уже говорил о возможности направить резервы, боеприпасы, обмундирование, артиллерию, броневые автомобили, новые формирования на Восточный фронт. Больше того, он заявил, что в случае необходимости обратится с письмом к рабочим крупных городов с просьбой оказать помощь добровольцами, а также дополнительным снаряжением для борьбы с адмиралом Колчаком. В Москве, Петрограде, Туле и других городах уже ощущается прямо-таки бешеная активность большевиков по организации добровольческих отрядов.

Уильямс резко встал:

— И запомните, господа, самое главное. Мой опыт подсказывает: победа в России не будет легкой! Не обольщайтесь на этот счет! Из вонючих дыр, из сырых подвалов, из кривых избенок выползли наружу миллионы, десятки миллионов жадных и злых рабов, которым большевики пообещали отдать добро хозяев, ваше добро! Десятки миллионов, господа,— страшное слово! Как загнать всю эту темную массу насекомых назад? Только не с помощью либеральной болтовни! Беспощадность, решимость идти до конца во имя спасения цивилизации, воля, сила — вот что нас может спасти. Большевистская саранча пожрет все вокруг себя и двинется на мир. Мы с вами в ответе перед историей! И потому — никакого сентиментализма, никаких иллюзий. Жестокая борьба до конца!— Он сел, обведя присутствующих темными глазами. Сделал затяжку, отряхнул пепел.— Маленькая новость: командовать Четвертой армией Восточного фронта будет назначен некий Фрунзе, известный нам весьма решительным подавлением восстаний, организованных господами эсерами. Насколько мне известно, это свирепая, неукротимая личность, беглый каторжник, бунтарь, террорист, фанатик, нечто вроде наполеоновских маршалов. Не думаю, что воевать с ним и его дикими ордами будет легко. Кстати говоря, как мне сообщили, несколько дней тому назад этот Фрунзе весьма зажигательно выступал здесь, в Петрограде, но гос-

пода эсеры не сумели свести с ним свои счеты. Не слишком ли вяло они работают? Мне кажется, они отстают от требований века!

Авилов бессознательно поежился под колючим взглядом маленьких, злых глазок Уильямса.

«Ах лют, волк-волчище!— подумал Безбородько.— Одно слово — хозяин!»

— Среди нас присутствует штабс-капитан Безбородько,— продолжал Уильямс. Безбородько встал и поклонился.— Учитесь, господа: кто узнает в этом франтоватом приказчике боевого офицера? Кстати говоря, господин Авилов, я советовал бы вам сменить бекешу на цивильное пальто. Вы меня поняли?

Авилов склонил голову.

— Садитесь, штабс-капитан. Все, что вы сейчас услышите, прошу запомнить и доложить генералу Ноксу и адмиралу Колчаку. Пароль вам сообщит господин Авилов. Итак, прошу барона Штейнингера доложить господам о планах петроградской организации.

Лысоватый пожилой человек, одетый в лоснящуюся от старости визитку — старый чиновник, да и только!— притушил сигару, поудобнее вытянул ноги, на секунду задумался и спокойно, даже монотонно начал:

— В санкт-петербургской организации, возглавляемой моим штабом, на сегодня состоит десять тысяч четыреста шестьдесят два вооруженных члена. Организационно они сведены в батальоны, имеющие свои штабы и подразделенные на боевые группы. Ко дню восстания они перейдут на казарменное положение в подобранные с этой целью особняки и большие квартиры, покинутые своими хозяевами. По детально разработанному плану, когда мы отдадим соответствующий приказ, власть в городе будет захвачена в течение двух-трех часов. Батальоны займут Смольный, телеграф, телефон, все вокзалы, мосты, Морской порт и Морской канал. Члены нашей организации проникли на руководящие посты в штаб Седьмой армии, обороняющей подступы к Петрограду, в систему кронштадтской крепости, где комендантами ряда фортов стали наши люди. Нами установлена регулярная агентурная связь со штабом Юденича. В момент подхода армии господ Юденича и Родзянко мы нанесем большевикам смертельный удар с тыла. Мы имеем свыше семи тысяч винтовок, три тысячи револьверов и пистолетов, шестнадцать станковых пулеметов и одну трех-

дюймовую батарею, хранящуюся в каретнике... одного из посольств. Весь личный состав нашего руководящего штаба и я особо просим передать верховному главнокомандующему адмиралу Колчаку, что мы готовы к бою под трехцветным знаменем Российской империи с заклятым врагом нашей родины и считаем себя частицей войска русского, ведомого его высокопревосходительством. В основном все, господа.

«По крупной ходит старикан,— усмехнулся Безбородько.— Капитально задумано. Но что касается меня, то лучше быть отсюда подальше: если только восстание задержится, такую громоздкую организацию непременно ухватит Чека, а уж там умеют распутывать сети».

Помолчав, барон добавил:

— Я прошу передать адмиралу, с которым, кстати говоря, мы провели немало приятных часов во время его прошлогоднего визита в нашу столицу, чтобы он поторопился с началом своего генерального наступления. Это отвлечет силы большевиков на Восток и поможет генералу Юденичу захватить Петроград, что, в свою очередь, облегчит верховному главнокомандующему наступление на Москву.

Безбородько понимающе склонил голову.

Уильямс удовлетворенно кашлянул:

— Генерал Авилов, мы слушаем вас.

Авилов встал, зашел за кресло и оперся на него руками:

— Прошу прощения, господа, не могу докладывать сидя: военная привычка. Итак, я вчера вернулся из Москвы. По поручению центра довожу до вашего сведения о наших контрмерах. Командующий Восточным фронтом Сергей Каменев, ориентирующийся на Ленина, член военсовета Гусев в ближайшее время будут сняты. Наши люди сумеют их скомпрометировать. Фрунзе будет задержан в Иванове месяца на два. Предлог найдется: скажем, отсутствие замены. До его приезда в Четвертую армию будут направлены наши люди: Грушанский назначается чрезвычайным уполномоченным по снабжению всей этой армии, его задача — дезорганизовать тылы. Гембицкий в качестве генштабиста получает назначение в оперативный отдел штаба армии, он будет — хе-хе!— готовить решения командарму. Семенов — у него есть большевистский партбилет — направляется «комиссаром» в одно из ударных соединений армии, его «политработу» вы пред-

ставляете. Меня в ближайшие дни посылают на Восточный фронт с рекомендацией на должность командующего Первой или Пятой армией. Возможен вариант,— начальником штаба Четвертой, с тем чтобы в необходимый момент заменить Фрунзе.

Авилов театрально сделал паузу, чтобы усилить впечатление, но лица сидящих перед ним разведчиков были неподвижны.

— Далее: выделено еще девять боевых офицеров для немедленной отправки в штабы армий Восточного фронта. Они будут держать связь со мной. Еще двенадцать человек во главе с господином Сукиным направляются на организацию крестьянских восстаний в тылу у красных. Что касается нашей прелестной исполнительницы цыганских романсов госпожи Нелидовой, то она, как имеющая большой и успешный опыт конспиративной работы, направлена на организацию связи между армией и центром, сэр. Ее недюжинный, совершенно мужской ум и умение находить общий язык с состоятельными деревенскими хозяевами позволит нам использовать ее впоследствии в том же амплуа, что и господина Сукина. Вот главное, господа.— Авилов поклонился и сел.

— Благодарю вас, генерал. Штабс-капитан Безбородько, вам все ясно? Сидите, господа, сидите!— Уильямс снова тяжело поднялся.— Главное для нас сейчас — подготовить как следует Восточный фронт. Назначение своих или, по крайнем мере, нейтральных людей на ответственные посты. Снятие Каменева с должности командующего Восточным фронтом. Невыполнение приказов и повсеместный саботаж. Крестьянские восстания в тылах у большевиков.— Он шагал по кабинету, обрубая каждую фразу ладонью.— И еще раз, господа: не будьте щепетильны! История оправдает любые ваши шаги. Любые! За дело, господа, за дело! Я лично отвечаю за все операции на Восточном фронте перед союзным командованием и вскоре буду иметь честь встретиться с вами где-либо возле Самары. Я очень надеюсь, что наши встречи будут приятны,— с нажимом произнес Уильямс.— Не так ли? Вы меня поняли, господа? А сейчас я прошу генерала Авилова поочередно представить мне лиц, отправляемых на Восток.

Участники совещания вышли в зал в разгар вальса. Авилов подошел к Семенову, что-то шепнул ему. Семе-

нов поцеловал руку Нелидовой и отправился за Авиловым.

— Я смею?— не мешкая обратился к ней Безбородько, мгновенным движением опередив Гембицкого.

— О да, вы смеете.— Нелидова увлекла его в танце, с едва уловимой насмешкой глядя прямо ему в глаза. Вальсируя, она отклонилась назад, смело положившись на силу его руки, и с деловым, нескрываемым интересом в упор продолжала смотреть на него. «Ну, мадам! Ни оттенка кокетства. Здесь надо идти напрямую, хитрость не пройдет»,— с невольным уважением подумал Безбородько.

— А добрый пиджачок-то на вас,— ядовито кинула она.— Сколько на толчке отдали?

— Галина Ивановна, а ведь я давно хотел с вами познакомиться. («А до чего ж хорошо сложена и гибка, как без костей. И разрез глаз пикантен»).

— Вы знаете мое имя?— она с улыбкой подняла брови.

— Не только имя, но и всю вашу жизнь.

— О! Это интересно. Расскажите же, всеведущий господин.— Маленькая женщина вальсировала легко, свободно.

— В девятьсот тринадцатом году вы кончили Высшие женские курсы, но домой в Самару возвращаться не захотели,— начал он, безошибочно припоминая факты, сообщенные ему Авиловым.

— Вот как? А почему, позвольте узнать, не захотела?

— С одной стороны, это объясняется вашим увлечением работой в партии социалистов-революционеров: тайные собрания, смелые речи, сильные личности, романтика, а с другой...— Безбородько импровизировал безошибочно.

— Да, а с другой?..

— А с другой стороны, увлечение иного рода. Как бы это сказать... В общем, не для ветхозаветных самарских нравов. Арцыбашев и тому подобное...

— Ого! Вы опасный человек! Сколько вы хотите за такое досье?— Она весело рассмеялась.

— Я раб ваш, Галина Ивановна.

— Вот как? Экстерьер подходящий, годится!

«С жеребцом сравнила, ну-ну, обхождение!»— с усмешкой подумал Безбородько.

— А знаете ли вы, опасный человек,— прошептала Нелидова,— что я-то знаю о вас больше, чем вы обо мне, хотя никогда раньше не видела вас, с отчетами филеров о ваших увлечениях не знакомилась и даже не знаю, как вас звать?

— Охотно верю,— согласился Безбородько.— У вас необыкновенные глаза. Они читают прошлое и будущее. Вы расскажете мне все, что знаете?

— Да, конечно, в соответствующей обстановке, не так ли?— Нелидова выскользнула из его рук и закричала:

— Господа, а не проверить ли нам, что в столовой делается?

Все потянулись за нею. В большой комнате стоял уже накрытый огромный стол на резных ногах. Белоснежная льняная скатерть с фамильными вензелями и гербом была уставлена, как в доброе довоенное время, тончайшего фарфора тарелочками. Вилки, ножи и ложки лежали на серебряных подставках. Играли многоцветными огнями хрустальные бокалы и рюмки. Бутылки из подвалов Бордо и Ливадии гордо темнели на ослепительных салфетках. Сверкали графины с водкой. Блюда с изысканными закусками теснились вокруг них.

— Прошу садиться, господа!— провозгласил появившийся с другой стороны Семенов.— Галина Ивановна, ваше место!

— Пойдемте-ка!— Нелидова подхватила Безбородько под руку и подвела к Семенову.

— Сашенька, познакомься: я встретила своего старинного друга еще по Самаре.

— Очень рад, милая,— кисло, с явным неудовольствием произнес Семенов,— представь же нас.

Безбородько, не торопясь назвать себя, скрывая усмешку, ждал, как Нелидова выйдет из сложной ситуации.

Не теряя спокойствия, кротко взглянув на него — ни искры растерянности или злости не промелькнуло в ее взгляде,— Нелидова ответила:

— Ты знаешь, в детстве мы дразнили его Жабой — у него все руки были усыпаны бородавками... (Безбородько от неожиданности кашлянул). Но сейчас он уже выздоровел, ты не бойся... О, «товарищ» Гембицкий, как же мы не станцевали с вами этот замечательный вальс? Садитесь, господа, садитесь!

Началась трапеза. Вскоре подошли Уильямс, Авилов, барон Штейнингер, Сукин и другие, зазвенел хрусталь, послышались тосты.

— Ну, как понравилась вам ваша кличка?— с ленивой издевкой повернулась Нелидова к Безбородько.— Со мной ведь шутки плохи! Налейте, пожалуйста, мне вон из той бутылки. Мерси... Ах, до чего же благородна эта жидкость! Какой букет!..

— Да, о такой женщине, как вы, я давно мечтаю,— прямо посмотрел он на нее.

— Ах, месье, не лукавьте. Уберите этот красивый флер и недосказанность. «Мечтаю»,— передразнила она.— Ведь я действительно читаю в вашей душе, как в открытой книге. Уж будьте откровенны до конца!

— То есть?

— Уж коли вы все обо мне знаете, то вам известно и то, что верные мужички в исправности содержат мое самарское имение и что домик мой в Самаре полон продовольствием. Стало быть, интерес ваш ко мне вполне объяснимый и сугубо материальный. И еще я видела, как вы смотрели мне на грудь. А хороша она у меня, сознайтесь?

— Сколько я могу судить, да. В общем-то, мадам, вы говорили почти правильно.— Он пристально глянул ей в глаза.— Не хотите ли отведать из той заманчивой древней бутылки?

— Почти? Что же неправильно?— она приподняла брови.

— Есть еще такое старомодное слово «душа». Куда же его?— Он налил ей тяжелой темно-вишневой жидкости.

— Ах, вот как! Значит, вы через декольте душу мою старались разглядеть... Ах, незнакомец, до чего мне надоели все эти притворства, эти условности. Однова живем! Захотела — и знакомлюсь с мужчиной, и не нужны мне никакие слюнявые слова: «И буду век ему верна». Зачем? А захотела — пью вино!— Она лихо, как водку, опрокинула в рот столетней выдержки вино.— А не так давно, почитай намедни,— издевательски выговорила она,— мы с дружками вол-ис-пол-ком жгли. Активисты там были. Там и остались, не увидала я их отлетающих на небо душ. Может быть, дым помешал? Густой был дым, черный! Ничего, спала потом спокойно. Так как же насчет души-то?— Ее глаза неподвижно остановились на нем.

— Спокойно?— Безбородько налил ей снова, ему на миг стало не по себе.

— Господа!— часто застучал ножом по столу Семенов.— Я предлагаю тост за наши святые идеалы, за нашу святую многострадальную Русь, за успех нашего правого дела.

С недоброй косой улыбкой Нелидова чокнулась с Семеновым, многозначительно посмотрела на Гембицкого, подняв в его сторону рюмку, и, не глядя на Безбородько, опять выпила залпом:

— И когда только кончится эта болтовня! Уж лучше пить. А я вижу, я все вижу, незнакомец! Споить меня хотите? Пожалуйста! С нашим удовольствием!

— Да, насчет души,— без нее много проще,— промолвил Безбородько, глядя в ее остановившиеся глаза.— Легче и ясней.

— Обожаю прямоту в мужчине!

— Не только прямоту?— язвительно спросил он.

— Разумеется.— Она пренебрежительно пожала плечами.— Но это хорошо, это очень хорошо, что вы девственницу из себя не корчите, не то что эти словоохоты. Вам что, идеалы нужны или мое тело? Любовь к отечеству или мое имение? Вот то-то и оно!

— Когда мы встретимся?

— Вы торопитесь? Вам некогда? Все правильно. Слушайте, внимательно слушайте! Завтра я занята. Послезавтра приходите в «Европейскую», номер двести двадцать шесть. Ровно в два часа дверь будет открыта. Не стучите. Ах, незнакомец,— продолжала она,— вы только посмотрите, как они все жрут. И это главное. Хоть тут они откровенны. Я рада, что вы были со мной откровенны, у нас с вами дела пойдут. Кстати, как вас, незнакомец?

— Василий.

— Василий... Василий... Для толпы подходит, легко затеряться. И бабам нравится. Это настоящее?

— Пожалуй, да.

— «Святая многострадальная Русь»,— злобно передразнила она.— Мое имение — вот моя Русь! По какому праву я должна нищей оставаться, а?!

— Тише, родная, тише,— обернулся к ней Семенов.— Уж ты-то нищей не останешься. Нельзя тебе столько пить, скоро домой поедем, бабаиньки будем... Ну, не нервничай, деточка, не нервничай.— Он с укоризной посмотрел на Безбородько.

Ее тяжелый взгляд вновь заискрился, залукавился. Она повернулась к Семенову и запустила тонкую руку в его пышную шевелюру.

Безбородько по-хозяйски оглядел ее прекрасные плечи, стройную шею и, не торопясь, допил старое темно-красное вино.

10 января 1919 года. ПЕТРОГРАД

По заснеженным, заледеневшим, давно не убиравшимся улицам спешат Григорий и Владимир. Ладно сидят на них шинели, огнем горят надраенные пряжки. Парни в приподнятом настроении: впервые близкие увидят их в форме. Воскресенье. Первая и последняя за две недели увольнительная: для прощания с родственниками, скоро — на фронт!

— Значит, так,— оживленно командует Григорий.— Ты первым делом заходишь на разведку к дворничихе, которой я из казармы отправил для Наташи письмо, а я жду в подъезде. Дальше ты докладываешь обстановку, и мы действуем, как учил Еремеич на тактике, по ситуации: атакой во фронт или глубоким обходным маневром. Ну, давай!— Он увесисто хлопнул друга по плечу.

— Будет исполнено, ваше высокоученое благородие!— Володька лихо козырнул и двинулся в подвал.

Гриша занял наблюдательный пост у подъезда. Притопывая каблуками, не в силах унять нервную дрожь, он взглядывал то вверх, то на дворницкую. Господи, всего какие-то десять метров, если считать по прямой, отделяют его от Наташи. Любым путем он добьется, чтобы она вышла, а уж там... Он явственно до неправдоподобия услыхал ее голос: «Гришуня, Гришенька...», представил, как она в одном платьице рванулась из двери по лестнице к нему вниз и попала прямо ему в объятия. Он даже соединил руки, прижимая ее, нежную, гибкую, к грубой колючей шинели...

— Гриша! Давай сюда! Беда!— вдруг услышал он Володю. Тот, высунувшись по пояс из дверей, махал ему

рукой. Бывают мгновения: человек уже понял — случилось что-то страшное, но знает это еще только разумом, чувства еще молчат, они еще живут в старом времени...

Григорий опрометью метнулся к Володе, перелетел в три шага через двор и бросился по ступенькам вниз.

— Беда! Ее мать увезла!

(«Увезла... Значит, жива! Догнать!..»)

— Ты что? Не может быть!

— Заходи. Тебе от Наташи письмо.

Дворничиха — плотная женщина лет сорока — стояла посредине чисто вымытой комнаты в платке и валенках, в руках держала овчинную шубу: видимо, Володя застал ее перед уходом.

— Уж тебя-то, голубок, я знаю, частенько видывала у ворот с турчинской барышней и письмишко твое в срок передала,— вздохнула она.— Да вот упустили ее мы с тобой, теперь не воротишь.

— Да как же все вышло? И где письмо?

— Заходите, присаживайтесь, солдатики. Сейчас найду.

Ребята сели. Дворничиха покопалась в ящике комода, вынула записку. Гриша мгновенно вырвал ее у нее из рук и развернул бумагу: «Мой родной и единственный. Все погибло. Я как арестованная. От меня спрятали пальто. Не знаю даже, как передать эту записку Анастасии Петровне. Одна надежда — сбежать по дороге или в самой Уфе. Целую тебя крепко, крепко, крепко. Мы встретимся обязательно, это вещает мне сердце. Твоя навсегда *Наташа.*

P. S. Гришенька, если ты уедешь, пиши на адрес Анастасии Петровны. Я тоже буду писать ей. Мы найдем друг друга!»

Григорий медленно протянул записку Володе. Тот пробежал ее глазами:

— М-да, так значит... Вот буржуи проклятые! Всюду норовят людям нагадить! Ну, ничего...— Он досадливо крякнул.

— Раздевайтесь-ка, ребятки, угощу я вас и все про Наташеньку расскажу.— Дворничиха сбросила платок, разгладила лицо ладонями.

— Да уж какое там угощение, рассказывайте быстрее,— попросил Григорий. («...Я вернусь к тебе...» Она уже где-то далеко! А говорят, сердце сердцу весть подает... Ее увозили, а я... Как же теперь?..»)

— Ну, снимайте шинели. Я-то знаю: солдат всегда поесть готов.— Голубая ситцевая кофточка и просторная черная юбка Анастасии Петровны замелькали между плитой и столом.

Друзья машинально принялись обдирать горячую кожуру с картошки, хозяйка присела напротив и, тоже макая картошку то в соль, то в блюдце с подсолнечным маслом, начала рассказывать.

— Позавчера утром позвали меня в пятую квартиру. А я уже не раз примечала, что барыня Надежда Александровна вещи разным шустрым личностям распродают, да все больше вечером или ночью. А тут оне вызывают меня и говорят: «Мы, Настя, временно уезжаем к родственникам на Волгу, а ты уж присмотри за квартирой. Я вернусь, хорошо тебе заплачу». Ничего себе, думаю, «временно», одни стены голые остались! Наташа, кричит, принеси-ка Настасье мой подарок! Входят Наташенька, вся заплаканная, нос распухши, на меня не глядят, протягивают мне старое барынино пальтецо. Поблагодарила я, конечно, и пошла домой. Мне не подойдет, думаю, так в деревню своим отправлю. Конечно, сразу начала примерять, то да се. Сунула руку в карман,— глядь, записка, мне адресованная. Разворачиваю — в ней другая: «Передать Григорию Далматову».

— А где ваша записочка, Анастасия Петровна?— спросил Володя.

— Да вот она, читайте, ребятки.

Григорий схватил записку. Наташиной рукой, таким родным почерком было написано: «Анастасия Петровна, умоляю вас, если мой знакомый студент Далматов (высокий такой, красивый)...»

— Вишь ты, «красивый». Любит она тебя!— заметила дворничиха.

— «...если он долго не придет,— торопливо читал вслух Григорий,— потому что военным стал, то вы его разыщите на Литейном проспекте, в бывшем Арсенале, в казарме, где добровольцы, и мою записку отдайте. Я вам буду письма писать, а вы мне ответ присылайте. Анастасия Петровна, если вы согласны, то приходите к нам снова, вроде помощь предложить, чемоданы снести, а я пойму. Наташа Турчина».

— Сходила?— вскинулся Володя.

— А как же. Зашла я, мать сама открывает, я громко спрашиваю: «Вам помочь чего, Надежда Алексан-

дровна?»— А тут и Наташенька выходят. Ну, я ей шепнуть сумела: дескать, все сделаю, не беспокойся. А уж как уезжали они, я и не видела. Да не волнуйся, соколик, будет она мне писать, ты мне свой адресок дашь, вот и найдете друг дружку.— Морщинки на ее лице сочувственно сошлись.

— Спасибо за участие, Анастасия Петровна. Я вам буду писать обязательно. Нам пора.— Григорий встал, надел фуражку.

— Ишь, голубок, с лица изменился. Беда всегда приходит не сказавшись. Все опишу, солдатики, не беспокойтесь. Ведь очень я Наташеньку люблю, всегда она такая душевная была и простая, без спеси дворянской: не в матушку пошла, а в отца, добрый был барин. Счастливого вам пути, сыночки!

Простоволосая, в одной легкой кофточке на сильных круглых плечах, вышла она на мороз вслед за ними.

Так же стремительно, но молча и совсем в другом настроении, чем какой-нибудь час назад, шагали друзья к Старо-Невскому, на конечную остановку паровичка-кукушки. Невыносимо долго, как им казалось, ехали они к старому Обуховскому заводу, к Фролову. Мороз всерьез принялся за их уши, за ноги, заставил притопывать, дуть в кулак, тереть нос, щеки. Было не до разговоров. Они обменивались лишь отрывистыми репликами:

— Федор Иванович... Интересно, что он скажет...

— Скажет! Батя знаешь какой?

— Поможет?

— Не бойсь! Вернем...

Вагон паровичка полз едва-едва, вровень с санным обозом, который двигался по белоснежной Неве. Неподвижно лежали на мешках возчики в громадных тулупах, густой пар поднимался над терпеливо вышагивающими лошаденками.

— Да, ситуация!..

— Ничего, распутаем!

Паровичок сипло просвистел и остановился на кольце, будто истратил последние силы. Друзья соскочили на скрипучий утоптанный снег. Стужа заставила их припустить бегом. За калиткой в сугробах — глубокая траншея. Рванули дверь и наконец-то очутились в тепле.

— Кого бог дает?— Из комнаты высунулась лохматая русоволосая голова в очках.— Ого! Мать! Соколы наши явились, беги встречай!— Федор Иванович вышел в се-

ни.— А ну, как вы в шинелях-то выглядите? Ничего, ничего, жидковаты пока, конечно. Каши солдатской надо есть побольше, тогда взматерееете. Ну, заходите!

Они прошли в рабочую комнату Фролова-старшего. На верстаке, в ворохе пахучих стружек, лежала оконная рама, у стены стояла другая, уже готовая. Старый токарь Фролов был на все руки мастер. Сейчас он оторвался от столярной работы. Ребята привычно уселись на табуретки у стены: они часто бывали здесь среди товарищей Володькиного отца и вместе с ними читали марксистскую литературу.

— Ну, как идет служба? Как там мой закадычный дружок Еремеич? Хорошо ли дубит вашу шкуру? Не дает ли поблажки?

— Батя, Наталью к белым увезли!— бухнул Владимир.

— Кто увез? Когда? Куда? Ну-ка, ты, Григорий!

Федор Иванович тепло и уважительно относился к стройной и румяной молоденькой медсестре, которую не однажды привозили сюда на занятия после ее дежурств в госпитале Володя и Гриша. Сидя между дружками, она жадно слушала все выступления и споры о накоплении капитала и функции денег, о роли государства и вторичности сознания. «Пускай интеллигентская дочь ума-понятия набирается,— думал Федор Иванович.— Нашему делу это на пользу. Вон Гришу за два года уже и не узнать. Правда, и Володька от студента кой-чему учится, со временем батьку перегонит,— токарь, а вишь, по вечерам стал учебники разбирать: геометрию, физику для гимназии». И Наташа им всем на удовольствие однажды решилась — провела беседу о русской литературе.

И вот — к белым увезли! И не только того жаль, что у Григория невесту увезли,— нашу девку белые среди дня забрали, вот в чем беда!

— Ну-ка, рассказывайте, рассказывайте, олухи царя небесного!..

— ...Да, Гриша, вырос ты ученый, реальное кончил, в институт даже поступил, нам, старикам, лекции, понимаешь ли, читаешь, а умишко-то у тебя еще неразвитой,— заключил он, выслушав Григория.— Да и ты остолоп хороший,— сурово сказал он сыну.— Ведь знали вы, что к ним разный подозрительный элемент зачастил, ведь прямо говорила она, что мать хочет ее увезти к белым,

а что сделали? Да ничего! Пальцем не шевельнули, ротозеи ученые! Где ваше чутье пролетарское было?

Он задумался, вынул кисет, свернул козью ножку.

— Дай-ка закурить, батя,— смело попросил Володька.

— Ишь ты!— удивился отец.— И меня не боишься? Ну, шут с тобой, кури, уже своя голова на плечах.

Фролов-младший, старательно свернув козью ножку, тоже задымил, морща конопатый нос.

— Ну, ладно! Не горюй, Гриша. Постараемся твоей беде помочь. На то и Чека в море, чтобы белый карась не дремал, как говорится. А впредь будет наука. Классовая борьба — она, брат, не только в общественном порядке ведется, как вы нас, неучей, все научали; она, видишь, и каждого по личному задевает: вот тебя, к примеру, невеста и проводить не придет на вокзал. Что же, на фронте злее будешь. Так и учат вас, желторотых!

— Опять про политику завел, старый хрен?— вошла-вкатилась в комнату невысокая кругленькая Пелагея Никитична.— Володька, да ты никак куришь?— ужаснулась она.— А ты, слепая кочерыжка, за умными-то разговорами такого безобразия не видишь? А Еремеич куда в казарме глядит? А может, этот вояка вас и приучил баловать, а?!

— Эх, мать, недаром сказано: учи дитя, пока оно поперек лавки ложится, а как вдоль вытянется,— поздно будет!

— Ну, спелись уже! Здравствуйте, мои золотые!— Она поцеловала Гришу, потом Володю.— Фу, все равно, что козла! Прошу вас к столу, господа умные да благородные.

Обед был сытным и обильным,— голод еще не пришел в эту семью, старики держали поросят, имели огород, но Грише кусок не шел в горло.

— Кушайте, сынки, кушайте, когда-то еще домашнего придется отведать,— накладывала им в тарелки Пелагея Никитична.— Не убивайся, Гришенька, все образуется, а после разлуки встреча ещё слаще покажется. Свидетесь даст бог, поженитесь, нам внучат принесете... Кушайте, дорогие, впрок, а я вам на дорогу и сала дам, и сухарей соберу.

— Да, ребятки, потрудиться вам придется,— задумчиво потягивал цигарку Федор Иванович.— Военная служба — дело серьезное, а уж когда узнают, что вы из крас-

ного Питера,— то и тройной спрос будет! Ну да ничего: Еремеич все войны прошел, мозги вам направит. А самое главное — это вы должны знать, что если белые вас одолеют, то висеть нам с матерью на той осине, что напротив, и крови тогда прольется рабочей видимо-невидимо!

— Что за человек! Прямо замучил всех своей агитацией,— вмешалась Пелагея Никитична.— Разве они сами не понимают? Так нет: твердит, и твердит, и твердит, привык агитировать, и дома спасу нет. Ты, Гришенька, лучше меня послушай, как мы с моим старым решили: троих-то старших сынков мы на германской войне потеряли. А и ты отца-мать схоронил, с одной сестрой остался. Так вот, прими нас за родителей, а Володьку считай своим братом. Прости, если что не так сказала!

Григорий вскочил, с грохотом опрокинув стул, обнял и поцеловал Пелагею Никитичну, затем Федора Ивановича. Володя тоже встал, подошел к матери, поклонился ей, поцеловал в щеку, потом трижды поцеловал отца, который задумчиво дымил, будто не обращая на них внимания, да вдруг начал вытирать под очками глаза.

— Вот и два сыночка у нас,— сдерживая слезы, проговорила Пелагея Никитична.— И за Володьку нашего я теперь поспокойнее буду. Ты, Гриша-то, поумней, а как выскочишь в командиры, Володьку не забывай.

— Ну, мать, доставай свою заветную наливочку, которую прячешь от меня в кухне под ящиком, разопьем мы ее сейчас по такому случаю!

— Вот сатана, все пронюхает!— проворчала она.

Долго, допоздна сидели они вчетвером, обсуждая все важное, сидели одной семьей.

В первый и последний раз...

8—18 января 1919 года. ПЕТРОГРАД — МОСКВА — ИНЗА — САМАРА — УФА

Безбородько ехал с большим комфортом: в его распоряжении был отдельный вагон первого класса из двухместных мягких купе. Согласно мандату, подписанному

предреввоенсовета Троцким, он, Василий Петрович Васильев, являлся уполномоченным Реввоенсовета республики по выполнению особых заданий, а вагон был предоставлен ответственным военным работникам, назначенным на Восточный фронт. Вход в вагон разрешался по пропускам. В распоряжение Безбородько-Васильева были выделены три бойца. Они заняли ближнее от входа купе и по очереди несли охрану. Посадка в вагон, а также выход из него без разрешения «уполномоченного Реввоенсовета» категорически запрещались.

Мадам Турчиной с ее многочисленными чемоданами и дочерью было предоставлено самое дальнее купе, Безбородько с Авиловым заняли предпоследнее. В Москве вагон был полностью загружен пассажирами. Турчиным по условиям конспирации знакомство с ними не рекомендовалось, и всю последующую дорогу — около полутора недель — обитатели двух последних купе проводили вместе довольно много времени.

Надежда Александровна стремилась почаще уходить в мужское купе и прилагала лишь минимальные усилия, чтобы сохранить хоть какую-то видимость светских приличий. Авилов же совершенно откровенно радовался этому «роману».

Безбородько, побыв немного с ними, уходил к Наташе, скромно садился в дальний от нее угол, листал какой-либо старый журнал или художественный альманах из новых, изредка ронял два-три слова. В общем, вел себя весьма ненавязчиво, между тем неустанно и незаметно наблюдал за печальной девушкой, стараясь поточнее определить ее характер,— просто так, по профессиональной привычке.

Направление его непрестанно работающей мысли становилось все более и более определенным. В конце концов, мне уже за тридцать лет, думал он, пора становиться на твердую почву. Нелидова... А что, собственно говоря, Нелидова? Конечно, как женщина, как партнер, она великолепна... Он остро глянул на Наташу. А ведь этот бутончик со временем, пожалуй, заткнет за пояс многих, ох, многих дам... Красива, образованна, умеет держать себя с достоинством, в рамках. Года через два — с ее-то данными, с положением ее папá и энергией ее мамá — она сделает блестящую партию, взлетит в такие верха, что тебе, Васька, и глянуть будет страшно: станет королевой угля или принцессой универсальных магазинов... Да, так

о чем это я? О Нелидовой. Ну, эта нигде не пропадет: умна и хитра, как змий, находчива, как дьявол, наблюдательна, холодна, беспощадна. В душах людских читает, что тебе в открытой книге: раз — и насквозь человека видит! И в любой, самый неподходящий момент — хоть после той первой бешеной встречи в номере «Европейской»— вдруг начинает снимать с твоей души одежку за одежкой и безжалостно оставляет эту душу бедную во всей ее неприкрытой наготе. Да не стесняйся, говорит, я ведь еще хуже. Хочешь, расскажу, как я красную санитарку взводу солдат отдала да что им приказала?.. Нет, умна она, конечно, да все же не очень,— оголтелость до добра не доводит. Ну, господь-бог с ее умом: самое главное, что имение ее — дело весьма и весьма проблематичное, один снаряд — и все сгорело, а домик в Самаре — кто его знает, что еще за домик. Нет, это не фундамент жизни.

Безбородько вздохнул, перелистнул страницу.

— Вы почему вздыхаете?— тихо спросила Наташа.

— Да так, картинки довоенной поры разглядывал: украинская хатка, садочек, дивчина в саду... Гляньте... Я ведь родом из-под Киева.

Она взяла у него «Ниву», которую он нашел в купе у бойца охраны, положила на колени: на обложке была нарисована задумавшаяся девушка на берегу под омутом.

«Да, Нелидова — не вариант. Экзотический эпизод, не более. Нужен такой домик, чтобы не сгорел ни при каких обстоятельствах... Где-нибудь в Америке, в Индии, в Африке, черт побери!..»

Ему отлично было известно о готовящемся в Петрограде восстании, он знал даже то, что начальник штаба красной 7-й армии, обороняющей Петроград, бывший полковник Люндквист, работает на Юденича; он знал о подготовке мятежей в фортах; в числе немногих избранных Безбородько знал о прочных связях иностранных разведок с некоторыми высокопоставленными чинами в управлении Главкома и в Реввоенсовете. Безбородько знал, что весь состав пассажиров его вагона, подобно жадным бактериям, поразит штабы армий Восточного фронта; ему было известно, где и когда высадились или предполагают высадиться войска Англии, Америки, Франции, Японии, Турции, Италии и других стран и какую огромную помощь оружием, боеприпасами, интендантским снаряже-

нием оказывают они белым армиям. Он знал все это и многое другое.

Тем не менее контрразведчик Безбородько в окончательную победу белых не верил.

И из допросов захваченных красноармейцев, и лично проведя много времени в тылу у красных, он превосходно знал меру неистребимой ненависти восставшего народа к своим бывшим господам,— той осатаневшей ненависти, которая скорее бросит человека на смерть, чем приведет к смирению. Что знаменательно: с чувством этим Безбородько сталкивался не только тогда, когда имел дело с идейными руководителями. Нет,— повсеместно, допрашивая даже какого-нибудь замухрышного инвалида-обозника.

Глядя на мир вполне реально, он не видел того пряника, который способен был вдохновить солдат и мужиков, мобилизованных в белые армии, сражаться не жалея сил. На сколько-нибудь длительную войну они были совершенно, с его точки зрения, непригодны. «Долго ли будут мужики-солдаты слушать своих господ, хорошо зная, что красные отобрали землю у помещиков и передали ее крестьянам?..»— задавал себе вопрос Безбородько.

Трезво взвешивая соотношение сил (сказывалась школа отца, статистика-экономиста по образованию, управляющего большим имением) и думая лишь о себе, он видел впереди только разгром — пусть даже где-то не очень близко, пусть после свирепых побед,— но неминуемый разгром белых генералов, а следовательно, и неизбежную собственную гибель. Он вдруг явственно представил, как стоит в нательной рубахе перед отделением стрелков, как их командир поднимает руку и звенящим голосом произносит: «По кровавому врагу пролетарской диктатуры...» Безбородько опять глубоко вздохнул.

— Вам тоже плохо?— услыхал он тихий голос Наташи.

— Ах, мадмуазель, кому же сейчас хорошо?

— Да вот мама не вздыхает,— непримиримо произнесла девушка.

— Наташенька, Наташенька, как мало вы еще понимаете в жизни взрослых людей... Вы и понятия не имеете о тех тревогах, заботах, мыслях, которые ее гложут, о той ответственности, которая лежит на ней. Дитя мое, поверьте, вы видите лишь оболочку...— Он участливо взял ее за руку. («Чем черт не шутит? Может быть, будущая королева кокса или нефти когда-нибудь и замолвит сло-

вечко за своего давнишнего, скромного и ненавязчивого спутника...»)

Какая же дочь не хочет, чтобы о ее матери говорили хорошо, чтобы убедительно доказали ей, что она заблуждается в своих подозрениях? И Наташа из деликатности не сразу отняла свою руку у Безбородько.

— Не надо, Василий Петрович,— негромко произнесла она.

Какой-то ослепительный разряд бесшумно взорвался в его мозгу. Он разом, до мельчайших подробностей увидел исход из этого ада! Безбородько медленно выпустил Наташину руку, глядя на девушку жарко разгоревшимися глазами. «Бог мой! Мой бог! Какой же я осел! Болван! Тупица! Да вот же он, вот мой домик за морем — отличный двухэтажный домик в Лондоне! Мой чемоданчик с золотишком да ее папаша — это уже кое-что! Ого! Посмотрим, кто еще будет королем! Значит, так: я завоевываю сердце девочки. Перебрасываю ее с мамашей в Омск, там в церкви сочетаемся законным браком. Выправляю документы в британском посольстве на сопровождение жены и дочери мистера Турчина в Англию, а далее — адью, господа! Ах, черт! Мамаша!..— Его глаза недобро сузились.— А впрочем, она сейчас занята лишь собой... Мой будет домик за морем!..»

— Что вы так странно смотрите на меня?— тревожно спросила Наташа.

— Странно?

— Так, вероятно, смотрит, простите,— она горько улыбнулась,— голодная змея на мышонка.

— Фантазерка вы, Наташа.— Сердце у него колотилось от всех этих мыслей, от смысла жизни, вдруг явившегося ему как знак с неба, но он старался говорить спокойно.

— Да уж,— усмехнулась она.

— А может быть, сейчас подошел бы другой образ?

— Например?

— Как соловей на розу?

— Это тривиально, Василий Петрович, извините.

— Да, это не совсем то. А ведь теперь будет то: как умирающий от жажды на глоток свежей, чистой воды, который способен вернуть ему жизнь.

— Однако!..

— Ах, Наталья Николаевна, как же мало вы еще понимаете в жизни взрослых. Вы так поглощены своими

переживаниями, что сгори я тут на месте перед вами, обратись в пепел, вы бы даже глаз не подняли!

— Да отчего же вам гореть?

Безбородько резко встал:

— Извините, я должен выйти!— и с силой закрыл за собой скользящую дверь.

«Что это с ним?— подумала Наташа.— Он действительно взволнован».

«Ну, брат! Не проморгать! Гран-при всей жизни — прошедшей и будущей. Гляди в оба!»— пригрозил он себе и от нестерпимого возбуждения хлопнул себя ладонями по бедрам.

— Надежда Александровна! — решительно сказал он вечером, оставшись наедине с мадам Турчиной.— Прошу вас понять меня правильно.— И он легко опустился перед ней на колено. Надежда Александровна вопросительно-иронически подняла одну бровь.— Я официально прошу у вас руки вашей дочери. Я полюбил ее всем сердцем, не мыслю себе без нее жизни и прошу вас дать ваше согласие на наш брак, который как положено, освятит православная церковь.

— Присядьте, Василий Петрович, а не то кто-либо войдет сюда и подумает бог знает что.

Безбородько сел. Она насмешливо смотрела на него.

— Думали, думали и надумали. Ну, а Наташа согласна?

— Я еще ничего не говорил ей о своих чувствах. Такой разговор нужно начинать не с девушкой, совершенно неопытной в житейских делах.

Надежда Александровна ухмыльнулась:

— Ну, а вам-то зачем этот брак, Василий Петрович? Какой вам резон сейчас жениться, грубо говоря? А еще проще — какая корысть?

— Резон лишь один, Надежда Александровна: глубокое чувство.

— Чувство? В нашем-то положении? Бездомных, гонимых беглецов потаенных? Полноте, Василий Петрович! Говорите уж прямо.

— Да, Надежда Александрова. Мы — беглецы, мы — бездомные, но сердцу-то не прикажешь! Браки заключаются на небесах. Ни война, ни мир, ни потоп вселенский не могут помешать вспыхнуть в сердце человеческом святому пламени любви. Я полюбил Наташу с первого взгляда и жизни без нее не представляю. А кроме того,

сколько же мне вести холостой, неприкаянный образ жизни? Ведь уже четвертый десяток разменял...

— Браки, и верно, заключаются на небесах, но долг родительский — заботиться о детях на земле, чтоб жили они сытно и безбедно.

— Сытно? Безбедно? — переспросил Безбородько.— Гляньте-ка? — Он приподнял диван и вытащил из-под него чемоданчик.— Смотрите, хватит ли здесь на достойную жизнь вашей дочери?

Тупой блеск желтого металла, острые многоцветные вспышки камней ударили Надежду Александровну по глазам.

— Корысть, спрашиваете? Нет ее у меня, я богат предостаточно. Позвольте, мадам... («Эх, трусы в карты не играют!»)— И Безбородько приколол ей на грудь тяжелую платиновую брошь, разукрашенную точечками бриллиантов, со сверкающим камнем в центре.— Примите эту безделицу как знак моего безграничного к вам уважения. Он небрежно накинул мягкое покрывальце на монеты, кольца и украшения, захлопнул чемоданчик и, крякнув от усилия, убрал его на место.

— Полноте, Василий Петрович,— растерянно возразила Надежда Александровна, переводя взгляд с броши на Безбородько.— Да кто же в наше время бросается такими подарками? Это же целое состояние! Нет, нет, возьмите...

Он успокаивающим жестом коснулся ее руки:

— Вы видите, я времени даром не терял и, как человек современный, ищу в вашей дочери не приданое, но родственную, ласковую душу! Ну, так как?

Тон Надежды Александровны совершенно изменился. Она заговорила уважительно, медленно подбирая слова:

— Что я могу сказать, Василий Петрович? Деньги — это очень хорошо. Без них никуда. Однако и не в них все счастье. Мужчина вы деловой, интересный, сильный, образованный. У начальства на хорошем счету, карьера ваша обеспечена. Но ведь и Наташа моя, слава богу, ничем не обделена, ума и красоты ей не занимать. Да и молода, зелена она еще, надо бы ей посидеть пока у отца-матери за пазухой...

«Торгуешься? Дорожишься?!» Безбородько метнул мгновенный бешеный взгляд на мадам Турчину... Надежда Александровна этот взгляд и едва заметное его

движение уловила, и холодом потянуло у нее по спине. «Боже ж мой, да ведь ему убить, ограбить, сбросить с поезда ничего не стоит! Перстни-золото он небось не за деньги покупал...»

Да, не знала Надежда Александровна, как близка была она к истине в этот момент!.. Но Безбородько овладел собой. С изысканной вежливостью, но твердо он повторил:

— Браки заключаются на небесах, Надежда Александровна! Не нам нарушать господню волю, небесное провидение.

«Разбойник! Грабитель! Убийца! Тебе ли говорить о провидении!»

— Такие люди, как мы с вами, Надежда Александровна, должны держаться один другого в это смутное время. Не будем мешать друг другу.— Он интимно, со значением улыбнулся.

Надежда Александровна слегка покраснела, но тут же взяла себя в руки и ответила строго и сдержанно:

— Но я прежде всего мать, господин Безбородько.

— А я прежде всего отвечаю за господина Авилова,— весело возразил он,— и обязан доставить его к месту назначения целым и невредимым. Но, сколько я могу видеть, в его сердце уже зияет несколько сладостных пробоин...

«Ну, просто голыми руками берет!»— подумала она о нем уже с оттенком восхищения и пригрозила пальчиком:

— Ах, опасный вы человек, Василий Петрович!

— Служба такая, Надежда Александровна,— тоже шутливо ответил он.— Прошу вас заметить, что в качестве родственника я сделаю все возможное и невозможное, чтобы обеспечить ваше быстрое и беспрепятственное путешествие до Лондона. Вы знаете, конечно, что всюду банды, восстания, беспардонность наших «друзей», солдатня.

— До Лондона. Так. Вместе с нами? — Она, сощурясь, посмотрела на него.

— Разумеется. Не могу же я бросить молодую жену и ее беспомощную мать.

Он склонился и поцеловал ее пухлую душистую руку. Она, поколебавшись миг, приложилась к его безукоризненному пробору. Деловые люди договорились о вооруженном нейтралитете.

Задумчиво постояв у дверей Наташиного купе, он постучался и вошел.

— Добрый вечер, Наталья Николаевна! Разрешите посидеть у вас? Вы читаете? О, «Война и мир»! Ведь этой книге нет равных во всей мировой литературе.

— «Началась война, то есть совершилось противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие»,— прочитала Наташа.

«Ну, это смотря какой разум!— мысленно возразил Безбородько.— Недаром молвится: "Кому война, а кому мать родна"». Но спорить не стал, а горячо продолжал:

— Как раскрыты здесь люди! И из высшего общества, и рядовое дворянство, и крестьяне — буквально все! Смею заметить, что психология военного человека передана необыкновенно верно. Однако это не только психологический документ, но и серьезное историческое исследование! А вы знаете, в чем главная особенность этой книги? Да нет, откуда вам, вы еще слишком молоды!

— При чем здесь возраст?— искренне удивилась Наташа.

— А при том, что когда читаешь этот роман в юности —это одно. Смею сказать, что он видится ручейком, небольшой речкой. Когда читаешь его в зрелом возрасте, то как бы стоишь перед широкой рекой, противоположный берег которой едва виден вдали. И только в старости, да и то далеко не каждый человек, способен понять, что перед ним целый океан, имя которому — жизнь!

— Это интересно!— Наташа оживилась.— В таком плане я о «Войне и мире» никогда не думала. И что же, по-вашему, отдельные образы этой книги с возрастом читателя тоже изменяются? Наташа Ростова, например?

— Боже мой, конечно! Вот вы, Наталья Николаевна, на что обращаете внимание прежде всего? Молчите? Сам скажу: на порывистость, поэтичность, искренность! Так?.. Так! А мы, люди более зрелые, конечно, любуемся ее душевной красотой, но больше-то любим Наташу замужнюю! Да-да, представьте себе! Ибо что, как не супружество и материнство, является высшим, святым предназначением женщины?..

— Вот как? А ум, стремление к истине, готовность служить справедливости — вы это в женщине отрицаете? Не слишком ли патриархален ваш идеал?

— Отнюдь!— Безбородько живо выставил руку вперед.— Напротив, без всяких прикрас и мишуры он современен, я бы сказал даже, что дерзок и может эпатировать ханжей. Слушайте: разве мы ценим в существе противоположного пола не то, в первую очередь, чего лишены сами? Разве не ценим мы в женщинах прежде всего женственность, а в мужчинах — мужественность? И если это так, разве не является венцом жизни материнство? Исчезни оно — и прервется бытие! Так есть ли что-либо более значительное в мире?

— Женственность, вы сказали,— задумчиво повторила она.— Мужественность... Предположим. Но что именно вы понимаете под женственностью? Разве не выигрывает женщина, разве не становится она более совершенной и, следовательно, более женственной, если кругозор ее становится шире, ум — отточенней? А разве не становится лучше мужчина, если он научается ценить доброту, если он лишается прямолинейности, грубости и прочих атрибутов «сильного пола»?..

(«Господи, и как же ты, божий цветочек, смог в такие-то времена произрасти в такой гимназической невинности? Да при такой-то жох-мамаше... Василь, это же клад!»)

— Вы правы, но не до конца,— возразил он. Ведь есть же где-то граница, которую нельзя переступить без того, чтобы не лишиться обаяния — женского или мужского...

Впервые за много дней в Наташе пробудился интерес к окружающему миру. Безбородько про себя отметил это.

— А любите ли вы стихи, Наталья Николаевна?

— Люблю, но не всякие.

— А можно я прочту вам свои любимые?

— Прочитайте.

— А вы угадайте, кто автор:

Когда б не смутное влеченье
Чего-то жаждущей души,
Я здесь остался б — наслажденье
Вкушать в неведомой тиши:
Забыл бы всех желаний трепет,
Мечтою б целый мир назвал —
И все бы слушал этот лепет,
Все б эти ножки целовал...

— Узнали?— Он кончил читать.

— Да. Пушкин. А теперь попробуйте-ка угадать вы:

Дни настают борьбы и торжества.
Достигнет Русь завещанных границ,
И будет старая Москва
Новейшею из трех ее столиц.

Она лукаво смотрела на него. Безбородько задумался. Пушкин? Лермонтов? Этого стихотворения он вообще никогда не слыхал. Гадать ему показалось несолидным.

— Ваша победа, Наташенька. Сдаюсь.

— Тютчев. «Спиритическое предсказание». Между прочим, большевики действительно вернули столичный сан Москве. Разве не так?— с вызовом спросила Наташа.

— Большевики... Что вы можете знать о большевиках? Гимназия, курсы, госпиталь, салон вашей маман: все это не те сферы, где можно было с ними познакомиться вплотную.

— Были и другие сферы,— сдержанно ответила она.— И мне кажется глубоко человечной их главная идея о том, что солнце равно должно светить всем людям без исключения.

— Это поэзия, Наталья Николаевна, и я искренне счастлив встретить в наш бурный, кровавый век человека столь идеальных взглядов. Кстати, а откуда вот эти поэтические строчки:

Отчего же сердце просит
Все любви, не уставая,
И упорно память носит
Дней утраченного рая?

Отчего в часы томленья,
В ночь бессонную страданья
О тебе мои моленья,
О тебе мои желанья?

Раздался небрежный стук в дверь, и, не дожидаясь ответа, в купе вошла Надежда Александровна.

— О, стихами заговорили, Василий Петрович? Да еще какими выразительными.

Безбородько почтительно встал:

— Увы, это, к сожалению, не мои, а Аполлона Григорьева. Решили отдохнуть, Надежда Александровна?

— Да, железная дорога утомляет. Кроме того, я хотела сказать, что вас ищет солдат из охраны.

— Разрешите пожелать вам покойной ночи.— Безбородько галантно поцеловал руку Турчиной и, уходя, долгим взглядом посмотрел в глаза Наташе.

В тамбуре его ждал старший караула с цифровой депешей из Москвы. Взяв ленту, он отправился к себе в купе и вместе с Авиловым занялся расшифровкой. Пробившись без толку около получаса, они поняли, что телеграмма имеет двойной ключ. Тогда, вынув фальшивое дно ящика из-под домино, сверяясь с едва заметными знаками на нем, Безбородько быстро начал писать на чистом листе бумаги текст телеграммы. Содержание ее их обоих чрезвычайно взволновало:

«ЧК ищет по всем дорогам и станциям классный вагон, в котором едут мать и дочь из Петрограда, а также разыскивается бывший генерал Алымов. К счастью, фамилия перепутана, примет нет. Проинструктируйте охрану вагона. Следующие указания получите Самаре. Шифровку уничтожить. Оперод».

— Ну, что вы можете сказать как опытный в этих делах человек?— нервно спросил Авилов.

Безбородько, пощипывая черную бровь, ответил не сразу, продумывая до мелочей содержание этого неприятного документа:

— Первое: по нашим документам вагон идет из Москвы, а не из Петрограда. Номер его в Москве изменен. Сделал я это на всякий случай, но, как видите, содеянное пригождается. Следовательно, вагон из Петрограда Чека найти не может и потому, сбитое с толку, ищет повсюду дочь и мать.

Второе: в списках у нас никаких женщин нет, в вагон мы никого пускать не будем, а охрану (все это проверенные боевики-эсеры) строго предупредим отвечать на эти вопросы отрицательно. Женщин попросим занавесок на станциях не открывать, на перрон нигде не выходить.

— Это, конечно, утешительно, но каким образом Чека пронюхало о вагоне и обо мне? — Авилов явно перетрусил.

— Трудно сказать, вероятно, какое-то заинтересованное в ком-то из Турчиных лицо весьма приблизительно связало их отъезд с вашей личностью. Возможно, кто-то из Наташиных друзей. По счастью, фамилия перепутана, документы вам менять не придется,— это было бы делом сложным. На всякий случай советую вам усы сбрить и твердо запомнить, что в Петрограде вы уже два года не были и никаких Турчиных не знаете. Думаю, что все обойдется, хотя симптом неприятный. Одна-

ко Чека поищет, поищет и бросит: у них много забот поважнее и с каждым днем будет все больше.— Постепенно успокаиваясь, Безбородько позволил себе говорить с нагловатой назидательностью, но генерал этого не замечал.

— Уф, полегчало. Вот что значит профессиональный подход к делу. Вы далеко пойдете, Василий Петрович!..

«Да, человек с такой хваткой далеко пойдет,— думала и в это время Надежда Александровна, погасив свечу и устраиваясь поудобнее под атласным одеялом.— Но разбойник, чистый разбойник! Однако отчего же ему не стричь, если сам бог овец посылает? Но соответствует ли он нашему кругу? Сможет ли соблюсти в приличном обществе манеры, вон ведь как на меня глазами зыркнул, как зверь дикий. «Наталия Безбородько». Не очень-то звучит. Да, кстати, что сама Наташа-то о нем думает?»— И, зная нигилистические взгляды дочери, с умыслом спросила:

— А тебе известно, деточка, что Василий Петрович богат, очень богат? Это я точно говорю!

— Ах, мама, какое мне до этого дело?

— То есть как это «какое дело»?— совсем непоследовательно обиделась Надежда Александровна.— В наше-то время все, наоборот, последнее теряют. А ты говоришь «какое мне дело»... Ну, а как тебе он сегодня показался?

— Я не скучала.

— Не скучала? Еще бы,— с иронией прокомментировала мать.— С таким-то завидным кавалером не соскучишься, наоборот, насмеешься. Покойной ночи, деточка... Или наплачешься,— зловеще добавила она.

Поезд то шел, то долго стоял на какой-то станции, мимо вагонов бегали люди, кричали, ругались, упрашивали их посадить. Звучал начальственный голос Безбородько. Потом поезд двинулся, а Наташа все не смыкала глаз. «Гриша, друг мой единственный, где ты сейчас? Мне из вагона выйти невозможно, но в Уфе я от них убегу. А этот Василий Петрович. Почему он так настойчиво все сводит на любовь? «О тебе мои моленья, о тебе мои желанья...» «И все бы слушал этот лепет, все б эти ножки целовал...» Какой взгляд был у Василия Петровича на прощанье. А впрочем, какие все это пустяки.— Наташа в испуге подбирает ногу, ей чудится, что нога высунулась из-под одеяла и Безбородько страстно припал к ней губами.—

Фу, боже мой, так я уже заснула?» Наташа шепчет почти забытые слова молитвы и засыпает.

На следующий день после обеда в купе зашел Авилов. «О господи, до чего же пресный, бездарный и ложномногозначительный человек! Что ни скажет, все пошлость. А мама, мама-то как оживилась! Неужели он может нравиться?» Начали играть в карты, пили чай, медленно и скучно тянулось время.

Раздался стук, появился Безбородько. Он весело и оживленно извинился: «Все дела, все служба!» Наташа опустила глаза под его взглядом. Он подсел к столику. Его приход внес оживление в чинную компанию. Теперь уже вчетвером играли в «66», и трижды они с Наташей наголову разгромили своих старших партнеров. Авилов пригласил Надежду Александровну на площадку «подышать свежим воздухом перед сном по-стариковски», помог надеть ей шубку, платок, и они ушли.

— Наталья Николаевна,— непринужденно-весело начал Безбородько,— я не люблю оставаться битым. Вчера вы загадали мне стихи, которых я не знал, можно ли мне сегодня прочитать вам, в свою очередь, стихи, автора которых вы не отгадаете?

— Пожалуйста, но вы можете снова проиграть.

Безбородько тихо, медленно, с нарастающим чувством начал:

Еще томлюсь тоской желаний,
Еще стремлюсь к тебе душой —
И в сумраке воспоминаний
Еще ловлю я образ твой...

Твой милый образ, незабвенный,
Он предо мной везде, всегда,
Недостижимый, неизменный,
Как ночью на небе звезда...

— Ну, Тютчева я знаю,— с улыбкой произнесла Наташа. («Однако, он проявляет чрезмерную настойчивость. Надо заставить его понять это».) А вот послушайте-ка:

Они меня истерзали
И сделали смерти бледней —
Одни своею любовью,
Другие враждою своей.

Они мне хлеб отравили,
Давали мне яда с водой —

Одни своей любовью,
Другие своею враждой.

Но та, от которой всех больше
Душа и досель больна,
Мне зла никогда не желала
И меня не любила она...

— «И меня не любила она»,— пристально глядя на нее, медленно повторил он.— Боже мой, с вами невозможно бороться на этом поприще. Но утешает строчка «Мне зла никогда не желала»...

— Зачем же вообще желать зла людям?

— А между тем вы причиняете мне огромную боль,— сдавленно, шепотом произнес Безбородько, шагнув к ней. Как завороженный, он взял ее руку и поцеловал. Наташа попыталась отнять руку, но он запрокинул ее голову и припал к губам.

Она сделала усилие высвободиться и почувствовала себя в железных путах. «Что это такое? Почему он смеет врываться в мою жизнь? Негодяй! Я убегу от них, убегу! Гриша! Мама!» Она с силой вырвалась из его объятий и, задыхаясь, произнесла:

— Это непорядочно, Василий Петрович! Уйдите немедленно, иначе я... иначе я оскорблю вас!

Безбородько упал перед ней на колени:

— Наталья Николаевна! Не гоните меня! Выслушайте сначала, ведь я тоже человек! Выслушайте, а потом делайте, что хотите...

— Как вам не совестно!

— Наталья Николаевна! Я был покорен вами с первого взгляда. В пути я полюбил вас еще больше! Я живу только вами, дышу только вами, я брежу вами наяву! Наталья Николаевна! Пощадите меня. Это не флирт, не дорожный роман! Я прошу вас стать моей женой перед богом и людьми. Наталья Николаевна! Если бог есть, он меня покарает за неправду, а я клянусь, что в вас — весь смысл моей жизни, все мое счастье. Клянусь богом! — неистово и грозно крикнул он, подняв к небу правую руку.

Наташа сидела, сжавшись в комочек. Прямо перед нею неподвижно стояли жгущие, требовательные глаза Безбородько. Что это такое? Что за неожиданность? Безбородько опять взял ее за руку и что-то быстро и горячо заговорил. Она сидела неподвижно, не слыша его. «Что делать? Что сказать, чтобы он понял? Ведь у меня есть

Гриша, я дала ему клятву дождаться его. Что Безбородько говорит? Что без меня у него не будет жизни, что он погибнет в кровавой метели, что только я могу его спасти...»

В коридоре послышались громкие голоса. Безбородько вскочил с колен и бросил нескрываемо злобный взгляд на дверь.

— Ну, мы хорошо подышали на ночь, даже спать расхотелось,— вплыла в купе оживленная Надежда Александровна.— У вас, кажется, интересный разговор? Ну-ну, беседуйте, беседуйте... Наверно, все о Тургеневе да о Толстом? Мы пойдем, не будем вам мешать.— Она сбросила на полку шубку и платок и вышла к Авилову.

Безбородько резко защелкнул за ней замок.

— Немедленно откройте дверь!— потребовала Наташа.— Иначе я сделаю что-нибудь с собой или с вами!— Два взора встретились: один — испуганный, негодующий, другой — бешено-распаленный.

Секунду Безбородько колебался, но вдруг мелькнула трезвая мысль: «Спугнешь — не воротишь!» Его глаза дрогнули, взгляд сломался, он провел по лицу рукой, как бы очнувшись от наваждения, пробормотал: «Что вы со мной делаете? Боже! До чего я дошел, не владею собой»,— и сел на валявшуюся шубку.

— Прошу вас выйти, Василий Петрович. Я устала, мне нужно отдохнуть,— потребовала Наташа.

— Да, да, конечно, разумеется... Простите меня, Наталья Николаевна. Я... Одним словом... Вы умный человек, должны понимать... Покойной ночи...

Он вышел. Вскоре появилась мать. Наташа слушала и не слышала ее болтовни. «Что же это такое? Что же это такое?» Перед внутренним взором Наташи проносились его жесты, его искаженное лицо, она гневно вспыхнула, вспоминая этот поцелуй... Стучали колеса, она то дремала, то просыпалась, так летела-тянулась эта страшная ночь. Измяв всю подушку, она заснула только под утро и проснулась лишь к обеду. А вечером повторилось все снова: Авилов, карты, оживленный, остроумный Безбородько. Внимательно всматривалась в него девушка, но он избегал ее взгляда. Авилов, как обычно, пригласил Надежду Александровну в тамбур «подышать свежим воздухом на сон грядущий», она с готовностью вышла, накинув шубку, и Наташа

опять осталась вдвоем с Безбородько. Он тотчас сел рядом с ней и тихо сказал:

— Эта ночь была для меня мучением. Моя жизнь на переломе. Если вы откажете мне, это будет равносильно убийству. У меня не будет цели, ради которой стоило бы оставаться в этом мире. Наталья Николаевна, вы действительно хотите моей смерти?

— Чего вы ждете от меня?— глухо проговорила она.

— Теплого, понимающего взора, дружеского участия в моей страшной, неприкаянной судьбе, такого ответа на мое признание, который позволил бы мне хоть на что-то надеяться.— Он произнес это сдавленным чужим голосом: обостренный слух принес ему весть, что мадам Турчина с Авиловым замкнули за собой дверь на ключ. «Трусы в карты не играют! Возьму ее сейчас, тогда никуда от меня не денется...» Его руки, сдавливая, опрокинули ее на подушку, губы впились в ее рот. Наташа билась, звала на помощь... «Врешь, мой будет домик за морем!» Яростно и грубо он рванул ее халат... «Врешь, никуда не денешься, мой будет домик за морем!»...

Что только наутро не говорила Надежда Александровна ей, обессилевшей от горя и физических страданий. Пожалуй, впервые в жизни проявила она себя матерью: она плакала, она бранилась (злобным, свистящим шепотом), она призывала на голову насильника все возможные кары («И главное, кто? Кто?! Да как он смел себе позволить!..»)

Наташа молчала. Анна Каренина, в отчаянии стоящая перед рельсами, все время виделась ей. Умру! Умру! Но что это? Мать говорит уже совсем иначе:

— Но он у нас так просто не открутится! Мы его живо под венец упечем!

«О чем она говорит?— брезгливо поморщилась Наташа.— С ума она сошла, что ли? Какой венец? Куда упечем?.. Умный, начитанный... Как он смел так грубо унизить меня, не посчитаться со мной, так нагло, бессердечно оскорбить... Нет! Сбежать от них при первой возможности. Но как меня примет Гриша?— Слезинка выкатилась на ее щеку.— Нет, смерть, только смерть!..»

По необъяснимой ей самой ассоциации Наташа увидела себя в Мариинском театре, воочию представила большевика-докладчика Михайлова-Фрунзе. Как он го-

ворил о лучезарном будущем, где все будут счастливы, где человеку и в голову не придет обидеть другого человека. А Безбородько — враг, он бесчеловечен!.. «Ну что ж, пускай Гриша для меня потерян... Буду жить так, чтобы он был мною доволен... Убегу от них!» Она открыла глаза и впервые сегодня посмотрела на ясный мир — через влажную завесу слез.

Вагон остановился. Началось движение по коридору, стук каблуков, голоса, скрип чемоданов. В дверь постучали. Не дожидаясь разрешения, вошел Авилов.

— Станция Инза. Здесь я, пожалуй, пересяду на симбирский поезд... Так будет вернее. Наташенька, вы заболели? Поправляйтесь, деточка! Желаю счастливо добраться вам до своей цели, обнять почтенного родителя. Надежда Александровна! Я всегда буду вспоминать часы, проведенные в вашем обществе, как счастливейшие в моей жизни. Вы — редкой, благородной души женщина!— Он припал к ее руке.

— Я провожу вас к тамбуру, мой друг.

Она вернулась слегка заплаканная, совершенно забыв о Наташином горе. Но не прошло и получаса, Надежда Александровна встряхнулась, подвела перед зеркалом губы и брови, начала мурлыкать какой-то романс.

— Ну, ладно,— вполголоса подвела она итог,— финита ля комедиа. Наташенька, да перестань ты убиваться и переживать... Ну, полюбил тебя без ума интересный, решительный мужчина, ну, поторопился слегка. Между прочим, моя дорогая, скажу тебе доверительно, далеко не каждый мужчина на это способен, далеко не каждый!.. Приедем в Омск, обручитесь с ним перед лицом господа бога и заживете, как два голубка. Стерпится — слюбится. Думаешь, я так уж страстью пылала, когда замуж шла? И ничего — прожила не хуже других...

— Никогда!— зло отрубила Наташа.— Теперь уж позволь мне самой своей судьбой распоряжаться: детство кончилось.

— Не так решительно,— осадила ее мать.— Оно у тебя тогда кончится, когда у тебя будет законный муж! А до тех пор не забывай, как с матерью разговаривать.

«Умру,— горестно подумала Наташа.— Она не любит меня. Никому я на белом свете не нужна».

Безбородько приходил дважды. Наташа смотрела сквозь него и отворачивалась к окну. Надежда Алексан-

дровна хоть с холодком, но вежливо говорила с ним, однако он был явно встревожен: а вдруг сорвалось? Эх, черт побери, что подходит нелидовым, здесь могло дать осечку. Поторопился, явно поторопился! А почему, собственно, я ею недоволен?— успокаивал он себя.— Моя жена так благородно и должна себя вести!..

В Самаре вышли все остальные пассажиры, и до Уфы они ехали уже втроем, не считая охраны. В Уфу прибыли семнадцатого рано утром. Безбородько приказал отогнать вагон на один из запасных путей и ушел. Мать с дочерью собрали и упаковали вещи, пообедали, его все не было. Он явился вечером, промерзший, озабоченный.

— Сударыни, вы готовы? Сани уже ждут нас!

Охранники принялись таскать вещи из вагона, грузить, укладывать — наложили полный кузов. Безбородько заботливо поставил на дно саней маленький тяжелый чемоданчик, посадил дам и сам сел лицом к ним.

— Трогай!— Сани заскрипели, дернулись и быстро понеслись по темным заснеженным улицам. Минут через двадцать путники уже въезжали во двор дома рядом с церковкой, который должен был стать их кратковременным пристанищем.

Хлопотливая хозяйка радушно встретила их, напоила чаем из клокочущего самовара, взбила сливки. Наташа не вслушивалась в ее рассказы: «Не все ли мне равно теперь...» Им с матерью было постелено в просторной спальне, они разделись, легли. Надежда Александровна вскоре громогласно захрапела. Наташа встала и, вытянув руки, направилась в темноте к двери: в сенях над умывальником она видела толстый крюк... Пронзительно скрипнула половица. От неожиданности и страха девушку прошиб озноб, она села в кресло, подтянула ноги... Она увидела себя в гробу. Вот гроб на кладбище открывают в последний раз, плачет мать, целуя ее в ледяные губы, горючие слезы матери заливают лицо покойницы — такой молодой... Ах нет! Она не будет по мне убиваться! Кого она любит кроме себя? А Безбородько — вот он стоит над моей могилой,— может быть, он немного опечалится... И я должна умирать из-за этой мерзкой личности? Да никогда! Это же нелепость, глупость! Я нужна Грише. Он все поймет. Нет, бежать, найти его — отдать себя на его суд. Если любит — примет, если нет — одинокая уйду на всю жизнь

работать в больницу, где люди страдают, где им нужен уход и помощь. Нет! Жить и бороться за свое счастье!

Наташа неподвижным клубком свернулась в кресле. Тикали часы, все так же всхрапывала мать. Неизвестно, сколько протекло времени, смутно начали прорисовываться маленькие окна...

С утра, когда мать и Безбородько ушли в город, предупредив, что днем будут поданы лошади, Наташа связала в узелок кое-какие свои вещи, документы и несколько фотографий. Она уже направилась к выходу, но остановилась у стола и написала записку: «Мама, не ищи меня. Если ты меня найдешь, я расскажу всем о твоих планах. Я лично родину не брошу. Поцелуй за меня папу. Господину Безбородько скажи, что я его презираю и ненавижу».

Хозяйка ушла в коровник. Наташа оделась и вышла. Щелкнула щеколда в воротах. Глубоко вздохнув, с решимостью отчаяния она направилась наугад через весь город, лишь бы подальше. Так шла она около часа, прошла центр, миновала какие-то мастерские и неожиданно вышла к кладбищу на горе.

— Дедушка,— как в омут головой, долго не колеблясь, обратилась она к старичку, который сидел у ворот, греясь на зимнем солнце,— вы где живете?

Старик с любопытством и симпатией глядел на нее и не торопился отвечать («Что-то я таких строгих да модных барышень у нас не встречал»).

— Я-то? А здесь на кладбище и живу, сторожем работаю, за могилками приглядываю. А ты откуда же такая на кладбище явилась?

— Здесь люди ходят, дедушка. Пойдемте от них, я вам все расскажу.

— Ну, пойдем, пойдем, девонька, что у тебя приключилось?— Он проводил гостью в домик.— Ну, так что же случилось, внученька?

Перед Наташей сидел небольшой старичок с неожиданными для седовласой головы живыми темными глазами. И, почувствовав сразу и безошибочно, что этому человеку можно довериться, Наташа, сильно волнуясь, рассказала, как она работала медицинской сестрой в военном госпитале, как ее насильно увезли из Петрограда. Мать ее решила перейти к белым с помощью одного бывшего офицера. За него она хочет выдать ее замуж, а он

ненавистен ей. В Петрограде у нее жених, которого она очень любит, но он ушел добровольцем в Красную Армию. Они приехали сюда поездом, а из Уфы их на лошадях должны были перевезти сегодня через линию фронта к колчаковцам. Оставшись одна, она убежала из того дома, где они переночевали. Сейчас она просит приютить ее («Вот мои документы, дедушка. А вот колечко, денег у меня нет»).

Он слушал ее очень внимательно.

— Колечко ты свое возьми, еще пригодится. Значит, не захотела к Колчаку убежать? Это хорошо. Вот за пологом тут кровать моя, приляг отдохни. Ложись, ложись, я тебя охраню.

Наташа скинула шубку, ботинки и, не раздеваясь, легла поверх пестрого лоскутного одеяла. Бессонная ночь сказалась — она крепко и надолго заснула.

— Внученька, а внученька, проснись-ка. Вот тут к тебе один хороший человек пришел,— услыхала она голос старика. Быстро спустив ноги, она села и стала оправлять волосы.

— Можно, барышня?— Занавеска отдернулась, перед Наташей стоял, пытливо глядя на нее, пожилой рабочий.

«Бог мой, до чего ж похож на Володиного отца! Такой же русоголовый, в очках, только в плечах пошире да ростом повыше». Она тряхнула головой, как при наваждении. Он сел перед ней на табуретку, протянул широкую сильную ладонь.

— Александр Иванович.

— Наталья Турчина.

— Не захотела к Колчаку, Наталья Турчина?

— Не захотела.

— Правильно, что не захотела. А офицер-то с мамашей собрались к нему? Может, и документы какие везут?

— Насчет документов не знаю. А сами собрались.

— Где же вы ночевали? Адресок-то можете сказать?

— Извините меня, вчера мы приехали поздно вечером, а сегодня мне не до того было.

— Ну, а хозяйку-то назвать можете?

— Да, Мария Ивановна. Вдова священника, держит корову. Забор у нее высокий, ворота глухие. Дом рядом с церковью.

— Сложное дело,— усмехнулся мужчина.— Тут таких не один десяток, почитай. Однако попробуем отыскать. А к дедушке Василию как попали? Сюда то есть.

— Шла куда глаза глядели. Лишь бы уйти подальше. Вот и пришла. Очень лицо у дедушки... Ну, доброе. Я к нему и обратилась.

Мужчины переглянулись.

— А медсестрой работать можете?— спросил Александр Иванович.

— Могу и хочу.

— Ладно. Ждите здесь. Я за вами пришлю из госпиталя свою дочку, отвезет она прямо к месту работы, а я пока договорюсь по телефону. Прощайте. Спасибо от советской власти.— Он еще раз бережно пожал ее руку.

— Дедушка, а кто это был?— сразу же спросила Наташа.

— Это-то? Моего покойного сына друг, раньше работал в депо, а теперь самый главный в ревкоме нашем. А Тоська у него — душевная девка, добрая да смешливая, она тебе сразу поглянется. Это уж точно.

Вскоре за Наташей приехали легкие санки. В дом вошла румяная кареглазая девушка, закутанная в белый пуховый платок.

— Здравствуйте, Наташа. Я — Тося, дочка Александра Ивановича,— с застенчивой улыбкой поздоровалась она.— Будем работать вместе. А сейчас я вас от дедули заберу.

Новый человек — всегда событие в жизни, а тут перед Наташей стояла та, с которой ей предстояло работать. Наташа пристально вгляделась в ее милые, доверчивые глаза и вдруг, неожиданно для себя, порывисто обняла и поцеловала Тосю.

— Ну, вот и сладились. А я что говорил?— рассмеялся довольный старичок. Он проводил их через темное, безмолвное кладбище до самых ворот. Тося накрыла Наташу крылом своего теплого платка. Девушки тесно прижались друг к другу. Конь дернул, санки легко понеслись, тоненько зазвенели бубенцы на дуге.

Ни огонька не светилось в окнах. Искрился под луной снег. Ломаной черной линией бежала под полозьями тень от бесконечных заборов. Прохожих не было, неистово лаяли собаки, запертые во дворах. Город чего-то ждал, притаившись в ночи.

31 января — 1 февраля 1919 года. САМАРА

— Фрунзе, Михаил Васильевич, командующий Четвертой армией.

— Куйбышев, Валериан Владимирович, председатель Самарского губисполкома.

Они стояли, не торопясь разжать руки, всматриваясь друг в друга почти без улыбки, внимательно, глаза в глаза.

Они никогда не встречались прежде, но слышали друг о друге много от общих знакомых-подпольщиков и давно уже втайне удивлялись тому, как до деталей совпадают их пути в революции. Выросшие в Средней Азии, оба вступили в борьбу совсем еще юношами. Студенты-петербуржцы, оба активно участвовали в первой русской революции. Оба — старосты в политических тюрьмах. Каждый был сослан в Иркутскую губернию, и жили они неподалеку друг от друга: Фрунзе — в Манзурке, Куйбышев — в Тутурах. Оба совершили удачные побеги. Каждому пришлось после революции подавлять лево-эсеровские мятежи. Оба стали военными организаторами: Фрунзе — военкомом Ярославского округа, Куйбышев — политкомом Первой армии Восточного фронта.

Михаилу Фрунзе не раз представлялся образ Куйбышева, витязя революции, и вот он, его брат по революции, стоит перед ним: высокий человек с прекрасным лицом, с огромными темными глазами, с волнистыми волосами.

— Заждались мы вас, Михаил Васильевич,— мягко сказал Куйбышев. Он глядел на ясноглазого крепыша: ни сединки в темно-русых волосах, а ведь дважды подолгу сидел в камере смертников, и каждая ночь могла стать последней в его жизни. «Прощайте, товарищи!»— этот душераздирающий крик, от которого начинала бушевать в ночи вся тюрьма, не раз слышал Куйбышев, но Фрунзе слыхал его не сквозь стены, а в своей камере — от тех, кто сидел вместе с ним, кого уводили сегодня. А завтра могли увести и его...

— Долго ждали? Гороскопчик надо было составить,— пошутил Фрунзе.— Я слыхал, что царь-батюшка дал вам возможность в астрономии усовершенствоваться?

— Да, спасибо благодетелю,— рассмеялся Куйбышев,— время на самообразование он выделял нам щедро. Годов не жалел!

— Присаживайтесь, Валериан Владимирович. Обстановка меня далеко не радует. Прошу вас со всей откровенностью обрисовать положение дел, как оно вам видится. Сюда, на фронт, я буквально рвался, но изо дня в день застревал в каких-то невидимых сетях.

Куйбышев сел, задумался.

— Да. Начнем с того, что приказ о вашем назначении был подписан еще двадцать шестого декабря, но аппарат Главкома с необъяснимой медлительностью подбирал вам заместителя на вашем прежнем посту ярославского военного комиссара. Я дважды запрашивал Ленина, и, видимо, только его вмешательство ускорило ваш приезд в армию — с задержкой более чем на месяц. Не могу не сопоставить с этим фактом ряд других: в штабе и в армейском аппарате очень много недостаточно проверенных военных специалистов из бывших царских офицеров. Штаб же фронта и более высокие инстанции все шлют и шлют нам новых специалистов, и по-прежнему в большинстве своем из бывших.

— Что ж, я знаю многих из старых офицеров и генералов как людей абсолютно честных и порядочных,— задумчиво возразил Фрунзе.— Взять хотя бы моего помощника Федора Федоровича Новицкого — этому бывшему генералу я доверяю полностью.

— Не спорю,— живо ответил Куйбышев,— но вы говорите о тех, кого уже проверили, а сейчас на этот очень сложный участок без оглядки шлют военспецов неясных политических взглядов. А вас недвусмысленно задерживают в тылу. Не знаю, кто конкретно тут замешан, но его тенденция мне совершенно ясна.

— Да,— коротко ответил Фрунзе,— тенденция не из лучших.

— Вражеская агентура действует здесь весьма активно. Есть случаи прямого разложения. В Куриловский полк, дислоцированный в районе Уральска, было влито много кулаков. Среди комсостава оказались эсеры, развернувшие активную пропаганду.

— Все те же наши «друзья»-эсеры...

— Две недели назад в полку началось восстание. Полк не выполнил приказа штаба армии о переходе в наступление. Командир и комиссар полка были убиты. К вос-

ставшим присоединился Туркестанский полк. На место происшествия выехал член Реввоенсовета армии Линдов с группой политработников. Он выслал в мятежный полк отважного петроградского коммуниста Чистякова. Чистяков был зверски убит. К мятежникам присоединился бронепоезд. Команда бронепоезда захватила вагон товарища Линдова. Линдов и почти вся его группа были расстреляны. Мы помогли командованию армии подавить этот мятеж, но главные организаторы скрылись и, безусловно, возобновят свою деятельность при первом же удобном случае.

— А меня, командующего, держат в тылу! Черт знает что!— Фрунзе ходил по кабинету.— Вы знаете, Валериан Владимирович, наш предреввоенсовета, конечно, крупная голова, знаменитый деятель, но многие его поступки «гениальны» в такой степени, что находятся за гранью целесообразности. Иногда начинаешь думать, что его логика идет странными путями.

— Не будем сейчас о Троцком,— нахмурился Куйбышев.— Более чем странные пути его логики я наблюдаю уже полтора десятилетия... Разумеется, в армии немало боеспособных частей, например, Александрово-Гайская бригада, некоторые полки 25-й дивизии, которой командовал Чапаев. Есть и другие боевые части. Но дисциплина в них слабая, много партизанских замашек. Далее: сколько я могу наблюдать, армия снабжается плохо, не хватает самого необходимого.

— Тревога, тревога и тревога?

— Да. Самоуспокоенность была бы преступна.

— Я рад, что мои взгляды совпадают с вашими.— Фрунзе прямо посмотрел в глаза Куйбышеву.— Абсолютно совпадают. В ближайшее время я поеду в части. Когда полностью ознакомлюсь с положением армии, напишу доклад Владимиру Ильичу, согласовав его с вами. Но пока у меня есть предварительные предложения: надо направить сейчас побольше коммунистов в аппарат армии и непосредственно в части. В первую очередь следует укрепить политотделы, развернуть широкую политическую работу среди бойцов. Мне кажется, что необходимо будет провести партийную и профсоюзную мобилизацию. Продумайте это.

— Если можно, держите в поездке со мною связь. Берегите себя, помните о Линдове!— попросил Куйбышев.

Они встали.

— Что ж, история с Линдовым глубоко поучительна, конечно. Но мне она кажется более сложной, чем это представляется с первого взгляда. Видимо, Линдов не сумел найти должного контакта с рядовыми и командирами. Врагов всех оттенков у нас хватает, но в целом армия всегда поддерживала политику партии. Ведь эта политика исходит как раз из интересов масс.

— Желаю удачи, Михаил Васильевич!..

Ровно в тринадцать ноль-ноль адъютант Сиротинский доложил Фрунзе, что весь командный и политический состав штаба, всех управлений и отделов армии собран в зале заседаний.

Михаил Васильевич одернул гимнастерку, провел рукой по ежику волос, открыл дверь.

— Встать!— скомандовал Новицкий. Чеканя шаг, он шел навстречу Фрунзе. Неукоснительно требовательный в вопросах воинской дисциплины, Федор Федорович Новицкий в соответствии с уставными предписаниями остановился в трех шагах от командарма и четко отрапортовал ему. Фрунзе поздоровался с ним и повернулся к собравшимся.

— Здравствуйте, товарищи командиры и политработники!

Ответили ему неровно, не в лад, иные с ленцой, а иные промолчали.

— Садитесь!— Сопровождаемый Новицким, он прошел к столу. Зал затих. Многие тянули головы, чтобы разглядеть нового командующего.

Фрунзе встал:

— Товарищи! Решением Центрального Комитета Коммунистической партии и Всероссийского ЦИКа, приказом Реввоенсовета республики от 26 декабря 1918 года за № 470 я назначен командующим Четвертой армией. Мне поручено в кратчайший срок восстановить в армии строгую революционную дисциплину, порядок и боеспособность.

Товарищи командиры! Здесь, на нашем фронте, решается сама судьба России. Историческая задача, которую мы решаем, необычайна, необыкновенна! Я хочу, чтобы в вас проснулось чувство патриотической гордости: на нас с вами смотрят не сорок прошедших веков и не бездушные пирамиды,— на нас смотрит все будущее великой страны. Каким будет оно — зависит от нас: полуколония, растаскиваемая как жирный пирог, или непоко-

лебимый плацдарм новой, лучшей жизни, которая начинается отсюда для всех народов земли.

Фрунзе прошелся вдоль стола, вглядываясь в лица.

— Я надеюсь,— он усмехнулся,— вы не считаете меня настолько наивным, чтобы я полагал, будто все вы, сидящие здесь,— убежденные большевики. Нет, я так не считаю. Но патриотами считать вас я имею основания, думать о вас как о людях, которые не хотят видеть свою страну несчастной, залитой кровью, распроданной,— могу и хочу. Я надеюсь, что наши совокупные усилия не оставят места проявлениям трусости, малодушия, лености, корысти или измены. В случае же их проявления суровая рука беспощадно опустится на головы тех, кто в этом последнем, решительном бою окажется предателем интересов рабоче-крестьянского дела, дела Советской России.

— Высоко летит, где-то сядет,— едва слышно шепнул Грушанский своему соседу Гембицкому.

— Посадим!— уверенно кивнул тот.— Не он первый, не он и последний.

Фрунзе внимательно оглядел зал.

— Не успел я приехать и принять командование армией, как притаившиеся враги, желая скомпрометировать меня перед массами бойцов и командиров армии, начали распространять слухи, что я бывший генерал, что мне верить нельзя, что я начну возвращать в армию старые порядки. Вы прекрасно знаете, что в нашей армии честным генералам, которые отдают свои силы, талант и знания укреплению мощи революционных войск, дорога открыта, они пользуются доверием, почетом и уважением. Федор Федорович может подтвердить это... (Новицкий кивнул, строго глядя через стекла пенсне в зал.) Но, что касается меня, то я генерал от царской каторги и политической тюрьмы. Член партии большевиков, я с девятьсот шестого года изучал военное искусство по заданию Ленина, изучал повсюду, даже в тюрьмах. Военным специалистам, сидящим здесь, возможно, покажется странным такой способ оканчивать академию, но у меня, к сожалению, не было выбора. Распространение слухов обо мне требую прекратить.

Приветствую вас и призываю к дружной неустанной работе. Завтра с утра приказываю явиться ко мне: начальнику оперативного отдела штаба армии с докладом о положении на фронтах частей армии — в девять ноль-

ноль; начальнику снабжения армии с докладом о состоянии снабжения в частях и наличии на складах всех видов довольствия в армии — в одиннадцать ноль-ноль; начальнику политотдела подготовиться к докладу о состоянии политической работы в армии — к двенадцати ноль-ноль. Моим помощником, членом РВС армии и временно начальником штаба приказом РВС республики утвержден Федор Федорович Новицкий, теперь ваш ближайший и прямой начальник.

На этом совещание считаю закрытым. Вы свободны и можете приступить к исполнению своих служебных обязанностей.

Присутствующие, однако, продолжали сидеть, как будто ожидая чего-то еще. Видимо, требовалось время, чтобы осмыслить сказанное новым командармом.

— Встать! Приступить к работе!— скомандовал Новицкий.

Все поднялись и, вполголоса обмениваясь мнениями, начали выходить из зала.

Вставляя ключ в дверь своего кабинета, Новицкий увидал, что на ручке болтается серебряный нательный крестик. «Странно! Когда я уходил, его здесь не было». Сорвав его с черной нитки, Федор Федорович подошел к письменному столу и осмотрел крестик. На нем было что-то мелко выгравировано. С помощью лупы он прочел: «Генерал! Твоя дорога не с красными». С другой стороны было написано: «Можешь найти верных друзей». Новицкий разволновался не на шутку, ему стало так худо, что он даже перекрестился. Что делать? Поделиться с Фрунзе да еще заодно рассказать, как, словно бы по обмолвке, работник оперативного отдела штаба Гембицкий обратился к нему сегодня: «Ваше превосходительство»? Или уж не отвлекать командующего? Посоветоваться с кем-либо из политотдела или с членом Реввоенсовета Берзиным? Поймут ли его? А если умолчать, как будут развиваться события тогда?.. Старик расстегнул китель. Нет, надо взять себя в руки, успокоиться, все хорошенько обдумать, а потом и принимать соответствующие решения.

Раздался громкий, уверенный стук.

Новицкий быстро сунул крестик в боковой карман, застегнул ворот:

— Прошу!

Четким строевым шагом вошел невысокий и ладный, средних лет военный:

— Товарищ помощник командарма! По приказу командующего фронтом прибыл для вступления в должность начальника укрепрайона Самарского участка военный инженер Карбышев!— Спокойные глаза его искрились улыбкой.

— Друг вы мой! Дмитрий Михайлович! Да как же я рад вам!— Новицкий пошел к нему, раскрыв объятия. Старые товарищи — их боевая дружба начиналась еще на фронтах империалистической войны — крепко обнялись.— Умница вы моя дорогая...

— Удивительно,— с усмешкой сказал Карбышев,— как разворачиваются события. Стоят в красном штабе двое вояк его императорского величества, всея Руси самодержца, один бывший генерал, другой в прошлом инженер-полковник, обнимаются, а затем отправляются честью и верой бить своих прежних сослуживцев? А? Ну, как наш командарм?

— Удивительная, я вам скажу, личность! Огромная память. Знает девять языков. В военной истории можете с ним и не пытаться вступать в состязание — забьет!..— Новицкий уселся на диван, увлекая за собой Карбышева.— Вы слышали, может быть, что меня приглашали остаться в Москве, во вновь открытой академии? Так я, зная Фрунзе по совместной службе в Ярославском военном округе, отказался от академии, согласился на его предложение, поехал с ним сюда. Друг мой, мы, профессиональные военные, можем дать здесь немало. Но должен вам сказать, что гражданская война и действия Красной Армии вносят чрезвычайно много своеобразного, небывалого в военное искусство.

— О, рад встретить единомышленника!— воскликнул Карбышев. Он живо поднялся.— Я слышал от иных своих коллег мнение о нынешней войне как о хаотичной, иррациональной, непонятной, но таковой она представляется лишь лицам с закостенелыми взглядами! А на деле — это сугубо маневренная война, и боевые действия, если вдуматься, явно тяготеют к железным дорогам, шоссейным и водным коммуникациям, а также к населенным пунктам, но отнюдь не к сплошным линиям фронтов, как было прежде. А ведь это определяет совсем иные принципы фортификации, не так ли?

— Вы имеете в виду...

— Я имею в виду, что главенствующую роль в укреплениях должны получить не сплошные траншеи и окопы,

а укрепленные районы, перекрывающие узлы дорог, охватывающие города, населенные пункты...

— Родной вы мой, ведь Фрунзе это же говорил неоднократно. Правда, он толкует это по-своему, как политик, ибо утверждает, что гражданская война — дело столь же войск, сколь и населения. Идемте к нему, не будем тратить золотого времени!

Новицкий и Карбышев вновь обнялись, вглядываясь в лица друг другу.

— Я ведь вовсе не сентиментален, Федор Федорович,— задумчиво произнес Карбышев.— Более того: педант, сухарь, логарифмическая линейка. Но сейчас мне почему-то вспоминается художественная литература и старый Тарас Бульба, который говорил, что воевал за свой народ, и верил, что нет уз святее товарищества...

Новицкий глядел на Карбышева, и каким же мелким показался ему давешний эпизод с крестиком!

— Пошли!— энергично сказал он.— Его высокопревосходительство адмирал Колчак времени нам дают в обрез, а то и меньше...

На следующее утро, когда часы в кабинете, где сидели Фрунзе и Куйбышев, стали неторопливо отбивать девять медных ударов, в дверь вошли Новицкий, начальник оперативного отдела Яковский, его заместитель Гембицкий и еще три других работника оперативного отдела штаба. Они выстроились. Новицкий спросил:

— Товарищ командующий, разрешите начальнику оперативного отдела товарищу Яковскому доложить о положении частей армии у карты?

Фрунзе протянул ему руку, поздоровался и представил:

— Федор Федорович, это Куйбышев, председатель губисполкома, «губернатор» Самарской губернии. А это — мой помощник, член РВС — Федор Федорович Новицкий.

«А молоды нынче «губернаторы». Без кондовости,— подумал Новицкий.— И хорошо это, конечно, да не жидковаты ли для такой ноши?..»

Перед ним стоял высокий широкоплечий человек в защитном кителе, с пышными волосами, с тонкими чертами лица, с большими, широко разнесенными глазами. Новицкий ощутил стальное пожатие твердой ладони. Куйбышев благожелательно, слегка улыбаясь, смотрел на него.

— Федор Федорович, Валериан Владимирович предлагает нам первые два вопроса разобрать здесь, а третий — сообщение начальника политотдела — перенести на бюро губкома. Там нам легче будет принять ряд практических решений в помощь политотделу. Как вы считаете?

— Очень хорошо. Я всегда за практические решения. Разрешите товарищу Яковскому начинать?

— Прошу.

Фрунзе, Новицкий и Куйбышев сели за стол лицом к карте, и начальник оперативного отдела начал докладывать обстановку.

— Армия занимает линию фронта, обращенную на юго-восток, протяженностью около трехсот пятидесяти верст. Вблизи линии фронта нами упорно удерживаются такие крупные города, как Оренбург, Уральск и Александров Гай. Наиболее близкий к Самаре участок фронта — это его центр под Уральском, он находится отсюда в ста тридцати верстах. Наиболее удаленный участок — левое крыло, резко загнутое к северу,— отстоит от нас в двухстах тридцати верстах. Железная дорога связывает нас с Оренбургом, расстояние — двести верст. С остальными участками фронта связь — гужевой транспорт. Сплошной линии фронта с окопами полного профиля нет. Войска занимают населенные пункты, прикрывают дороги, высоты. Численность армии на переднем крае фронта составляет пятнадцать тысяч семьсот шестьдесят два штыка, тысячу четыреста шестьдесят две сабли, а всего семнадцать тысяч двести двадцать четыре бойца и командира, двести двадцать девять пулеметов, семьдесят шесть орудий. Средняя плотность войск на одну версту — около сорока девяти человек. В армию входят: двадцать вторая дивизия, первая бригада, оставшаяся от двадцать пятой дивизии, Александрово-Гайская бригада, кавалерийский полк имени Гарибальди, Пензенский и Балашовский пехотные полки и армейские специальные части.

Докладывая, Яковский сильно волновался. В Красную Армию он добровольно пришел с первых дней ее создания в чине капитана штабной службы, был еще молод (окончил в 1916 году ускоренный курс Академии Генштаба) и не совсем уверенно чувствовал себя на высоком посту.

Фрунзе внимательно слушал его, изредка задавал уточняющие вопросы.

На некоторые из них отвечали другие работники оперативного отдела. Ответы одного из них, в которых явно сквозило желание показать свое превосходство над начальником, не понравились Фрунзе. Записав в блокнот его фамилию — «Гембицкий — помначопerод», Михаил Васильевич приписал: «Выскочка. Неприятный человек».

Доклад и ответы показали, что в армии нет не только оперативного, но даже тактического резерва. Оба фланга были безмерно загнуты назад — отсюда нависала угроза тылам армии. Оказалось также, что с линии фронта в город Уральск была недавно отведена часть бригады 25-й дивизии под командованием вридкомбрига Плясункова с вридкомиссаром Семеновым как разложившаяся, небоеспособная единица.

Фрунзе крупно написал в блокноте: «Предлагаю немедленно уточнить усиленными разведывательными действиями количество и намерения противостоящих войск противника. Немедленно же приступить к созданию прочной обороны на подступах к Оренбургу, Уральску и Александрову Гаю. Все вопросы оборонительных сооружений увязывать с военным инженером Карбышевым. Каждому соединению и части выделить в тактический резерв и держать в кулаке не менее одной трети своих сил. Как думаете, Федор Федорович?»

Новицкий поправил пенсне, склонился над бумагой. «Совершенно правильно»,— вывел его карандаш мелкие, аккуратные буковки. Он сидел, все так же непроницаемо глядя на докладывающих, но в нем возбужденно боролись самые разноречивые мысли. «Что за люди — ни грана чиновной амбиции, забота только о деле... Но, с другой стороны, ему надо больше верить в себя, обходиться без моих виз... Эх, Федор, а тебе-то ведь лучше с его зависимостью... Старый дурак, порождение царизма!..» Он успел расслышать, как Фрунзе завершил свой приказ штабистам:

— Я буду лично в девять ноль-ноль, за исключением дней выезда на фронт, заходить в оперативный отдел, заслушивать доклад и предложения начальника оперативного отдела, согласованные с начальником штаба. Все. Вы свободны, товарищи.

Командиры вышли.

— Вы знаете, Михаил Васильевич,— сказал Куйбышев,— после событий с Линдовым надо усиленно заняться

проверкой командного состава. Как вам, например, показался Гембицкий?

Фрунзе усмехнулся, что-то подчеркнул в своем блокноте красным карандашом, подтолкнул блокнот к Куйбышеву. Тот прочел характеристику Гембицкого, покачал головой:

— Я думаю, нам с вами нелегко будет поссориться.

— Пожалуй,— улыбнулся Фрунзе.

Раздался стук, и в двери появился щегольски, с иголочки одетый Грушанский. Строевая выправка, английского сукна френч, синие бриджи, сияющие темным блеском хромовые сапоги — все на нем было подчеркнуто безукоризненно.

— Чрезвычайный уполномоченный по снабжению вверенной вам армии Грушанский по вашему приказанию прибыл!— отрубил он.

— Садитесь к столу и докладывайте нам, товарищ Грушанский, только оставьте этот невоенный титул «чрезвычайный уполномоченный»,— сказал Фрунзе.— Я укажу в приказе по армии именоваться вам начальником снабжения.

— В этой армии я тоже новый человек,— с доверительной наглостью начал Грушанский.— Нахожусь на должности двадцать дней, но могу сказать, что войска всем необходимым обеспечены вполне удовлетворительно. Что касается складов, то запасов вещевого довольствия там немного. На днях я затребовал из Москвы пять тысяч пар сапог...

— Стоп, стоп, стоп!— прервал его Фрунзе.— Ведь вы, как мне говорили в штабе фронта, опытный интендант. Неужели вы думаете, что меня, командующего армией, может удовлетворить такой доклад? Мне нужны точные данные по каждой части в отдельности: как обстоит дело с обмундированием, как с кожаной обувью, как с валенками? Сколько бойцов и в каких частях не имеют обуви, а ходят по снегу в лаптях? Количество имеющегося обмундирования на складах армии? Продовольственного обеспечения частей и складов? Наконец, наличие в частях и на складах армии боеприпасов и оружия.

— Я не ожидал, что вас с первого же дня будут интересовать мелочи снабжения,— с апломбом возразил Грушанский.

— Мелочи снабжения?— с недобрым любопытством

переспросил его Фрунзе.— Вчера весь вечер я сидел над донесениями о состоянии этих «мелочей» и...

— Хорошо, я запрошу части, склады,— забеспокоился «чрезвычайный уполномоченный».— Дней через десять — пятнадцать смогу доложить вам точно.

— А вам известно,— все так же тяжело, с расстановкой спросил Фрунзе,— что в Балашовском полку недостает трехсот шинелей, четырехсот шаровар, двухсот пар валенок? Что в Пензенском полку нет обмундирования для трехсот сорока человек нового пополнения, а в двести восемнадцатом полку Степана Разина нет белья? Что в Александрово-Гайской бригаде катастрофически не хватает продовольствия и фуража? «Мелочи снабжения!»— с издевкой произнес он, нажав на звонок.

В дверях показался Сиротинский.

— Немедленно вызовите сюда начальника политотдела.

— Слушаюсь.

— Я таких данных не имел,— побледнев, ответил Грушанский. «Господи, зачем начальник политотдела? Неужели уже все раскрыто?»

Вошел начальник политотдела.

— Жаль! Очень жаль! Значит, не читаете сводки и донесения из частей. Вам, конечно, неизвестно, что в двадцать второй дивизии часть полков хорошо обута и одета за счет трофеев, захваченных в декабрьских боях, и имеются запасы обмундирования, тогда как в других полках той же дивизии имеется большая нужда в валенках, сапогах, шинелях!

«О господи! Кажется, не все пропало...» На лбу Грушанского выступил пот.

— Сейчас вы поедете с начальником политотдела армии товарищем Кондурушкиным по всем вашим складам. Он сам посмотрит, что там есть, и поможет вам решить, как поступить с имеющимися запасами и кому и как их распределить. А вы завтра в девять ноль-ноль представите мне на утверждение ведомость распределения всех обнаруженных запасов, всех видов снабжения по соединениям и частям армии. Учтите, читать эти ведомости я буду при вас — долго, тщательно и с красным карандашом!

— Завтра?..— растерянно переспросил его Грушанский.

— Да. Товарищ Кондурушкин, а ваш вопрос будем слушать не здесь, а на бюро губкома в восемнадцать ноль-ноль. Там же доложите мне лично о результатах проверки складов. Выполняйте.

Кондурушкин и Грушанский вышли. Интендант ступал совсем не так уверенно, как несколько минут назад. Весь лоск его пропал, даже сапоги, казалось, не сияют... «Боже мой,— думал он,— за что мне такое? Не исполнишь,— гляди, и шкуру продырявят, исполнишь — что Уильямс скажет? Гембицкий — карьерист, собака! — конечно, все ему доложит. Впрочем, ему самому пока что хвастать нечем, надо ему намекнуть на это достаточно ясно... О господи,— продолжал он взывать к всевышнему, пока неутомимый Кондурушкин заносил на очередном складе в свою книжечку цифры: «сапог 1500 пар, валенок — 780 пар, полушубков — 2300, шерстяных портянок...»— О господи! Ведь живут же где-то люди: ничем не рискуют, пьют себе чаек, смакуют крыжовничек на веранде собственного домика, в обед спокойно едят отбивные котлеты, а ночью им не снятся никакие ни Фрунзе, ни Уильямсы...»

— Да, деятель,— с презрением сказал Куйбышев.— Если в ближайшие же дни круто не исправится, подберем на его место грамотного коммуниста, а этого ферта поставим его заместителем или отправим обратно как несправившегося. На помощь нашей партийной организации вы можете рассчитывать полностью.

— Благодарю вас, Валериан Владимирович, вот обо всем этом мы и поговорим на бюро.

— Товарищ командарм,— вошел Сиротинский.— Получена срочная телеграмма на ваше имя.

— «Сегодня в четырнадцать ноль-ноль наш эшелон прибывает в Самару,— читал Фрунзе.— Добровольцы Иваново-Вознесенска жаждут вас видеть и рвутся в бой. Фурманов». Отличная новость! Встретим ткачей как следует! Товарищ Сиротинский, записывайте: «Работникам политотдела срочно организовать торжественную встречу на вокзале. Дать оркестр, приготовить лозунги, пригласить представителей города и делегации рабочих». Санки мне и другим членам РВС приготовьте к тринадцати тридцати.

Ну что ж, Валериан Владимирович, вот этот подарок — всем подаркам подарок: помощь начала поступать — и большая помощь! Этих людей я знаю хорошо еще со вре-

мен подполья — коренные, сознательные пролетарии. Они пробьют дорогу к туркестанскому хлопку! Держитесь, господа колчаковцы!

— Товарищ командующий,— Сиротинский появился снова,— еще телеграмма, от Софьи Алексеевны.— Он улыбнулся.— Только она, по-моему, ошиблась: завтра ее нужно было отбивать.

— От жены? Что случилось?— Фрунзе быстро взял бланк, пробежал его глазами и весело рассмеялся:

— Чудеса! И впрямь, ведь завтра у меня день рождения: тридцать четыре стукнет, подумать только — уже тридцать четыре!

— Поздравляю, Михаил Васильевич!— Куйбышев крепко пожал ему руку.— Выходит, прибытие иваново-вознесенцев и в самом деле вроде бы как подарок вам на день рождения.

— Выходит, так. Знатное поздравление! Не всякий год такие бывали...

ПОДАРКИ К ДНЮ РОЖДЕНИЯ

«Ты старший брат, и ты поймешь меня, Костя...»

(К девятнадцатилетию. Год 1904-й)

Дорогой мой брат Костя, твое письмо пришло в Питер как раз накануне моего дня рождения: спасибо за этот дорогой подарок!.. Ты спрашиваешь, почему я решил идти на экономическое отделение, а не вслед за тобой на медицину, глубоко ли я подумал? Ты старший брат, и ты поймешь меня, Костя, когда я скажу тебе: экономика — это основа всего! Мы будем с тобой лечить больного, а через год или через месяц он погибнет от голода, от грязи, от холода в своем убогом жилье! Лечить надо глубже — изменить всю жизнь, чтобы не было бедности и лишений ни у кого, никогда... Я не ищу в жизни легкого. Я не хочу сказать себе на склоне лет: «Вот и прожита жизнь, а к чему? Что стало лучше в мире в результате моей жизни? Ничего? Или почти ничего?..» Нет, глубоко познать законы, управляющие ходом истории, окунуться с головой в действительность, слиться с самым передовым классом современного общества — с рабочим классом, жить его мыслями и надеждами, его борьбой и в корне переделать все — такова цель моей жизни».

На Тезе, речке-невеличке.

(К двадцатидвухлетию. Год 1907-й)

— Куда же ты, Арсений? Морозище-то какой: деревья трещат, птицы с неба падают!

— А я, тетка Маруся, воротник у тулупа подниму, сена в валенки напихаю — вот и доберись мороз до меня!

— Отоспался бы, подремал бы в теплоте: ведь только и успел с Петербурга приехать. Экзамены сдал, голову засушил, а ни денька не отдохнул!

— А чего мне отдыхать? Я, как медведь, здоровый, гляди-ка и тебя на комод закинуть могу: ну-ка, раз-два, взяли!..

— Пусти, ой, пусти! Найди себе молоденькую да упражняйся с ней заместо гири!..

— Сдаешься, тетка Маруся? Прямо говори, а то сейчас на комоде будешь!

— Сдаюсь, сдаюсь! Задавишь, экий медведь какой...

— Не надо мне отдыхать?

— Не надо, не надо...

— Вот то-то и оно!— Веселый, раскрасневшийся, переполненный силой, Михаил Фрунзе, он же Арсений, он же Трифонович, бережно поставил хозяйку на пол и принялся натягивать на себя одежду потеплей.

— Эх, мне бы да твои двадцать один, Трифоныч!— Хозяин домика сидел, покуривая, на лавке у стола.

— Двадцать два сегодня, Андрей Петрович, двадцать два! Можно сказать, записываюсь в старые хрычи, иду к тебе в команду, Петрович!

— Что ж молчишь-то, голова лихая? Мы это дело враз отметим!

— Отметим, Андрей Петрович, отметим, вот как вернемся из тира нашего, с морозища лютого, вот тут и отметим. А раньше нельзя — не та рука будет, не та!

— Смотрю я на тебя, Трифоныч: по годам да по ухваткам совсем ты иной раз как мальчишка, а ведь по уму да разговору — и старикам нашим голова. Чудеса, да и только!— Рабочий затянулся и добавил вполголоса:— И впрямь не ходить бы тебе, Трифоныч. Ну кто по такому морозу придет? Ну два человека, ну три...

— И то хорошо будет, Петрович. Нельзя, чтобы воскресенье пропадало: когда ж и пострелять, потренировать руку? А без этого мы ни большие сходки не сможем охранять, ни в городском бою годны не будем.

— Так-то так, да ведь ты с тысячей народу говорить можешь, для серьезных дел пригоден, а норовишь по морозу бежать к двум-трем дружинникам.

— Эх, Андрей Петрович! Да, может, эти двое, что по такому морозу в лес придут, драгоценней для партии, чем десяток таких, которые только и могут в кабаках рубаху на груди рвать. Ведь воскресенье, пойми ты, воскресенье,

только бы и отдохнуть, а они отправляются боевую квалификацию поднимать. И вдруг комитетчик не явится! Нет тогда ему веры ни здесь, ни в любом деле.

Андрей Петрович ухмыльнулся и притушил цигарку:

— Вот душа неугомонная! Придется и мне с тобой идти. Мать, куда ты мой малахай заячий запрятала?..

И летом не так уж приметна Теза, речка-невеличка, течет потихоньку, принимая в себя воды Шуйской мануфактуры, а зимой под снегом ее и вовсе не видать: белое поле, да и только, разве что блеснет темный лед на безлесном, всеми ветрами продуваемом повороте, а потом кованная морозом броня снова прячется под мягкую белую шубку.

Идут по-над крутым берегом путники, тянут санки за собой: дело ясное, собрались в Марьину рощу за хворостом да сушняком, вон и топоры на дне лежат. Вот уже и город скрылся за лесом, уже и белых неподвижных дымов не видать, а они все идут, тянут за собой санки. Скрипит под валенками снег, дыхание оседает серебряным инеем на бровях, на воротниках, на шапках.

— Покусывает, Петрович?

— Маленько есть, Трифоныч.

— А ведь сам увязался, Петрович.

— А я разве что говорю, Трифоныч? Разве что нос сейчас отвалится, а больше ничего плохого нет.

— А не выставит тебя, безносого-то, тетка Маруся?

— Э, Трифоныч, нос еще не самая главная подробность для семейной жизни.

— Вот не привести бы нам с собой хвост вместо носа, а, Петрович?

— Да нет, Трифоныч, я все поглядываю назад. Видать, Никитка Перлов со своими филерами мороза испугался.

— А все же зададим кружок для гарантии, Петрович?

— Можно и кружок, Трифоныч.

«Сборщики хвороста» вошли в Марьину рощу слева от дороги и через некоторое время появились справа на опушке, саженях в пятидесяти от дороги. Стоя за тяжелыми от снега елями, они смотрели на ослепительную под солнцем холмистую равнину, уходящую к Шуе. Никого, ничего.

— Ни носа, ни хвоста, Трифоныч?

— Редкий случай, Петрович: хотим и сами с носом остаться, и перловских молодцов с носом же оставить. А ну-ка, поддадим!— Они вновь вернулись на дорогу и

легкой рысцой — мороз не давал застояться — припустили вперед. Минут через десять они резко повернули вправо — туда, где высокий берег Тезы был особенно обрывист. Издалека раздался пронзительный свист. Арсений приложил руку рупором ко рту, набрал полную грудь воздуха и закричал так оглушительно, что Андрей Петрович отшатнулся.

— Дровишки есть?

— Есть!— донесся далекий ответ.

— Много?

— Хватит!

Они бодро зашагали по скрипучей тропе,— Арсений впереди, Андрей Петрович с санками позади. Радостно размахивая руками, к ним бежал от реки человек.

— Здорово, Арсений! Пришел? Ну, спасибо.

— Привет, Саша! Зазяб?

— Не, мы сухостой рубили, как сговорено.

Они подошли к обрыву. Внизу чернели маленькие, как в перевернутом бинокле, фигурки: шесть человек!

— Ого! Понял, Петрович? Вот это так отметили!

— Понял, Трифоныч, хорошо отметили.

— Вот так-то! Если после всей этой прошлогодней мясорубки да и по такому злобному морозу нас девять человек на стрельбу собралось, так ты понимаешь, кто будет хозяином положения, когда придет время? Ну, если понимаешь, поехали! Саша, мы пришлем тебе смену из первых отстрелявших. Эге-ге-ге!— Фрунзе проверил оба кольта, висевших под тулупом, и на пятках заскользил вниз — от березы к березе.

«Господин новоявленный Монте-Кристо».
(К двадцатишестилетию. Год 1911-й)

— Ваше благородь! Ваше!.. Ваше!..— Семка Глиста извивался от волнения.— Да пусти ты меня, хайло! Ну! Глотку перегрызу!— Он вырвался от дежурного надзирателя и взмолился:— Ваше благородь, дозвольте сообщить!

— Да он очумел,— оправдывался в дверях надзиратель,— шасть в коридор и прямо к вам.

— Политицкий Фрунзи и морячки со Свеаборга подкоп роють!— взвизгнул Глиста вне себя.

— Что? Где? Говори, скотина, размозжу!— Толстая, как столб, коротколалая рука начальника владимирской тюрьмы сгребла робу на тщедушной груди уголовника.

— Скажу, все скажу,— прохрипел тот,— так что мне насчет сроку скостить, все скажу! Сам вить пришел...

— Сроку? Скостить?!— Страшная рука швырнула, как ветошь, чахлое, слабое тело в угол, к каменной стене.

Раз за разом указательный палец стал вонзаться в кнопку круглого звонка: «Тревога!.. Тревога!.. Тревога!..»

Грохоча подкованными каблуками, тяжелыми прикладами, ножнами, ворвалась вооруженная команда в каменный подвал, с зарешеченными окошками — столярную мастерскую. С ходу набросившись на рабочих, надзиратели кулаками и сапогами враз загнали их — всех шестерых — в угол и выставили штыки.

Бледный от предчувствия непоправимой беды, стоял впереди морячков-бунтарей Фрунзе, заложив за спину руки с точильным бруском.

Зеркально начищенные тупоносые сапоги начальника тюрьмы показались на ступеньках, рядом с ними семенили стоптанные опорки уголовника. Глазки Глисты безразлично скользили по лицам «политицких» и нырнули к угловому верстаку.

— Должно, тама,— указал он пальцем.

— Пахомов, Епифанов, Рытов, ну!— Вместе с охранниками начальник тюрьмы навалился на верстак, и все вместе они чуть не повалились; тяжелый стол откатился неожиданно легко, под ним чернела круглая дыра глубокого лаза, уходящего вертикально вниз, сквозь массивную кладку фундамента.

— Ух вы!— Синея от удушья, разрывая на себе воротничок, начальник тюрьмы шагнул к заключенным. Его рука слепо шарила по верстакам. Вот она ухватила неошкуренную еще ножку табурета; свирепея от безмерной ненависти, он что есть силы рубанул ею, куда придется: лишь бы услышать хруст сломанной кости, лишь бы почувствовать под рукой что-нибудь живое... Вот он, белый крутой лоб этого мерзавца, этого двукратного смертника, которого лопоухие судьи почему-то не смогли затолкать в уже намыленную петлю.

Рраз! Но что это? Молниеносным ударом бруса Фрунзе парирует деревяшку, вторым движением тут же бросает ее на пол.

— Что? Нападение?..— Коротколапая рука начала шарить по толстой желтой кобуре. И тотчас тугие, крепкие плечи морячков оттерли Фрунзе назад. Охранники бросились на заключенных.

— Прекратите издевательства!— гневно выкрикнул Фрунзе.— Вы за все это ответите!

— Отвечу? Отвечу?— Не находя слов от ярости, начальник тюрьмы пытался через спины своих столпившихся подчиненных добраться до отбивающихся бунтовщиков.

— Ваше благородие, полторы сажени вглубь, сажен пятнадцать вдоль. Так что до самой наружной стены уже дорылись.— Голос Глисты звучал возбужденно от радости. Семка торчал из лаза, головка его качалась невысоко над полом.— Если б не я, вполне могли б завтра поутикать, а, ваше благородие?

— Отставить!— зычно скомандовал начальник.

Охранники, возбужденные избиением, отступали медленно, неохотно.

Моряки, плотно сгрудясь вокруг Фрунзе, стояли слитной группой.

К начальнику вернулось философское настроение: в конце концов, беда миновала, зачем горячиться?

— Второй раз пытаемся?— небрежно спросил он у Фрунзе.— Ничего нас не учит, а?

— Разве же не учит, господин начальник?— дерзко ответил Фрунзе.— Как видите, на этот раз лаз шел гораздо глубже. Теперь бы не обвалился. Если б не эта гнида...— Он кивнул в сторону Семки.

— Еще оскорбляють.— Тот злобно отвел глазки.

— Н-да. Так сколько же лет вам, господин новоявленный Монте-Кристо? Ах да! Как раз двадцать шесть стукнуло? Подарочек себе ко дню рождения готовили? Полу́чите, полу́чите подарочек!.. Запомните: двадцать семь отмечать не будете! Врач говорит, чахоточка у вас наблюдается. Ну да еще бы: сколько же это месяцев вы соизволили в мерзлой земельке ход скоблить? Три? Четыре? Да-с, чахоточка! Ну, а я вам помогу-с по мере своих слабых сил.

— Ну, что стоите?— заорал он на охранников.— В кандалы это быдло, в ручные да в ножные, и в карцер

их на десять суток! Да воды не давать, чтоб не потели на морозце, хе-хе-хе!

— А ведь время переменится, и вам этого не забудут,— пристально глядя на него, сказал Фрунзе.— Все вспомнят!

Круто повернувшись, начальник тюрьмы пошел к лестнице.

— Ваше благо... Ваше...— Глиста начал торопливо выбираться из лаза.— А как же я? Срок-то мне скостить?.. А?!

— И двадцать седьмой встретим, и все другие годы, сколько положено, проживем. А вот ваша звезда, господин палач, пошла к закату! Это уж точно,— звонко крикнул вдогонку тюремщику Фрунзе.

2—27 февраля 1919 года.
ПЕТРОГРАД — ИНЗА — САМАРА

Не торопясь постукивают колеса по стыкам рельсов. Медленно, очень медленно ползет по бесконечным зимним путям эшелон с петроградскими добровольцами, сутками простаивая на разъездах, неторопливо одолевая подъемы, не увеличивая скорость и на спусках: наверх — дров мало, вниз — тормоза изношены, в случае чего сразу не остановишь. Десять часов простояли на станции Инза, неясно было, куда направят дальше, и вот наконец послали в Самару — в Четвертую армию.

В теплушке натоплено, равномерно качается мерцающий фонарь под потолком. По одну сторону от печки молодые бойцы лежат на нарах, тихо и складно поют, глядя в огонь,— можно было спеться за долгую дорогу. В другой половине молодежь сбилась в кучу вокруг Еремеича, старого рабочего, бывалого солдата, ныне — старшего по вагону. Покручивая длинные усы, Еремеич поучает:

— Вот, например, ночь. Едешь в дозоре впереди разведки — шашку никогда в ножнах не держи. Разведчиков перво-наперво из засады за ноги хватают и с коня тянут: живьем норовят языка взять. Так вот шашечка, коли она у тебя в руке, да к плечу заранее прижата, тут и спасает вмиг. Рубани его по тем рукам, что за ноги тебя схватили, а потом того, кто впереди коня за узду поймал. Освободил коня, враг опешил, а ты развернулся и с места в карьер скачи назад своих упредить. Было так у меня в пятом году в Маньчжурии, чуть в лапы к японцам не попал, да зарубил их, человек пять, и ускакал. Так и в четырнадцатом году под Гумбинненом в Восточной Пруссии немцы меня из засады было схватили. А тут шашечка-

то наготове была. Зарубил я тогда их троих, да еще и «Георгия» заработал. Дело понятное?

— Понятное,— дружно откликнулись красноармейцы.

— Ну, а если это понятное, тогда я задам вопрос похитрее: почему в царской армии солдата грамоте не учили, культуры никакой не воспитывали и даже имели стремление, чтобы солдат был неграмотный? Кто скажет?

— Я!— выскочил Володя Фролов.

— Ты сиди, тебя батька просвещал. Ну, кто?

— Я попробую?— предложил здоровый рябой парень.

— Пробовать не разрешаю. А то одна попробовала, знаешь, что получилось?

— Ха-ха-ха! Га-га-га!

— Тихо! Значит, пробовать не разрешаю. Отвечать — Федор Тихов, пожалуйста.

Рябой покраснел, упрямо переждал смех и сказал:

— Стало быть, от грамоты ум идеть. Солдат могет понимать, что банкиров да помещиков защищаеть.

— Во! Правильно человек говорит! В самую точку попал. Грамотный сообразит, что кругом несправедливость: рабочие едва на жизнь зарабатывают, а буржуи всегда сыты, пьяны и в богатстве живут. Вот потому солдатам мозги и темнили. Молодец, Федя! Так. А теперь я задам вопрос самый хитрый. Слушайте: какая разница между защитой родины раньше и сейчас, после революции?

— Я скажу!— снова первым выпалил Фролов.

— Ну, ладно, давай ты, коли не терпится! Послушаем Обуховский завод.

— Потому что сейчас Россия — пролетарская страна, где власть принадлежит рабочим, солдатам и крестьянам. Значит, красноармеец теперь защищает не царя и буржуев с их богатствами, а народную свободу!— Володя весело и победоносно тряхнул вновь отрастающими рыжеватыми кудрями.

— Вот сукины дети: как на подбор — один ну прямо умней и сознательней другого слетелись!— восхитился Еремеич.— Языком рубят, что кавалерия шашкой! С вами не пропадешь! Ну, а раз вы такие умные да сметливые, задам я вам под конец вопрос с секретом и с подковыркой: а почему это нас с вами, питерских, на самый трудный участок посылают? Не уважают нас, что ли? Или вроде как на низкие расценки, на невыгодную работенку отправляют, а?

— А ты, Еремеич, не темни. Сам уже все и ответил,— закричали бойцы.— Потому и отправляют, что питерские поумней да посознательней, чем другие, будут. Революция все-таки у нас первых была произведена!

— Вот молодцы, а?— восхитился старый пропагандист.— Ну ничем не затемнишь!

— А то, гляди, оторвем твои усы да Володьке приставим для солидности, понял?

— Как не понять, родные вы мои, валите скорей ужинать, пока меня глодать не начали!

Поднялся крик, застоявшаяся энергия бурно вырвалась наружу: от возни затрещали нары, кто-то звонко стукнулся головой о стену, охнул, заругался; Еремеич, сев на край нар, невозмутимо принялся опустошать свой котелок.

Ребята пошумели, повоевали, поужинали и завалились спать. Остался бодрствовать у печки лишь дневальный Далматов. Он пристроился под фонарем и принялся писать письмо — пятое уже с дороги. Еремеич подошел, присел рядом, начал пришивать пуговицу.

— Кому это ты все письма пишешь да вздыхаешь?

— Да так, Федору Ивановичу, еще кое-кому...

— Эх, Федор, Федор...— вздохнул Еремеич.— И что в нем за сила? Ведь простой рабочий, и кончил-то лишь двухклассную школу, а тянет к нему людей неодолимо. Отмобилизовался я после японской, вернулся — герой героем, начальство обрадовалось и ну меня в мастера, заслуженного кавалера. Одни усы чего стоили,— отрастил, защищая веру, царя и отечество. А мне Федька-то и говорит: «Заходи на огонек, глубокоуважаемый Иван Еремеевич».— «А бутылка-то будет?»— спрашиваю. «Насчет угощения не изволь сумлеваться, кавалер»,— хитро так улыбнулся. Ну и угостил, скажу я тебе! Как взял в оборот, аж вспотел я. И драил меня, и драил. В общем, снял как бы повязку с моих глаз. Да...— Еремеич задумался.— Талант у него на убеждение. Да и то сказать: ведь у него первым учителем кто был?

— А кто?

— Неужто не знаешь?— искренне удивился Еремеич.

— Нет,— неуверенно ответил Гриша, напряженно пытаясь вспомнить хоть что-нибудь.

— И Володька не говорил, не похвалялся?!

— Нет...

— Вот гордая порода! А с виду ведь балаболка, шутник-пустосмешка! Да ведь Ульянов-Ленин, Владимир Ильич! Николай Петрович его тогда называли — для секрета.

— Ленин?! — У Григория даже приоткрылся рот. Еремеич шутливо прихватил его губы двумя пальцами.

— А ты, может, слыхал, что еще в прошлом веке у нас близ Обуховского Ленин организовал кружок, который входил в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса»?

— Слыхал.

— Так Федька-то, Федор Иванович, у него тогда в кружке и участвовал. Понял?

— У Ленина...

— То-то и оно. Понял? Да. Прошло, значит, сколько-то времени, и записался я в партию. На заводах агитацию вел, в армию в четырнадцатом отправился — тоже задание имел. После германской вот получил поручение за вами, сопляками, присматривать. Так моя жизнь и повернулась с того вечера, как я к Федору Ивановичу в окошко постучался да еще в стекло всматривался: выставлена ли бутыль на столе... Одного жаль — бобылем остался, неудачно как-то у меня это дело сложилось. А еще кому ты пишешь: знакомой или невесте?

«Федор Иванович учился у Ленина! И хоть бы словом когда обмолвился... А я бы мог так?— Мысли хороводом закружились в Гришиной голове.— Нет, я бы десять, сто раз об этом рассказывал бы — кстати и некстати. А он-то каков!..» Григорий так был потрясен гордой скромностью старшего Фролова (да и в Володьке что-то новое открылось ему), он снова и снова почувствовал себя неопытным, зеленым, что вместо сухого, сдержанного ответа откровенно сказал:

— Не знаю. Еремеич. Была бы возможность, поженились бы.

— Да уж молод ты больно. Лет девятнадцать? А ей сколько?

— Она на полгода младше.

— Вот видишь. «Поженились бы». Карточка есть?

Григорий достал из внутреннего кармана фотографию Наташи. Еремеич встал — поближе к фонарю — и долго в нее всматривался.

— Видать, не из рабочей семьи?

— Да, отец ее военный инженер. Сейчас он в Англии.

— Буржуйская дочь, значит?— Еремеич хитро, с прищуром глянул на Григория.— Как же ты влюбился?

— Очень уж хороша, так и влюбился. А потом,— Гриша прямо посмотрел на старого солдата,— навеки она должна оставаться в буржуях? И еще: Плеханов и Ленин — они родом из рабочих, что ли? А Маркс?

— Ну, сразил, сразил!— засмеялся Еремеич.— Это я ведь наживку подкинул: клюнешь или нет, начнешь размазывать да оправдываться или как думаешь, так и ответишь? Нет, ничего, у Федьки-то глаз верный, коли взял тебя в свою семью. Покажи-ка еще карточку.— Он еще раз оценивающе посмотрел на Наташу.— Глаза большие, лоб ясный, коса русая короной — королева и только,— возвратил он фотографию.— Ну, а по хозяйству что она умеет? Ну, щи варить, постирать, пол помыть сможет?

— Надо будет, так сможет. Талантливая она очень. Три языка освоила, на рояле играет, стенографию знает.

— Хм, а ведь рояля-то для жены мало, друг ты мой. Работать ей приходилось или мамина дочь?

— Восемь месяцев в госпитале медсестрой уже отработала.

— Ну, это дело другое! Кто эту службу прошел, того никакие щи уже не испугают. В Питере осталась?

— Нет, ее мать силой увезла, хочет к белым перейти, а Наташа мне написала, что непременно в Уфе от нее сбежит.

— Смотри-ка, ведь и мы в сторону Уфы едем. Раз — и встретились. Только все равно ведь не поженитесь, пока белых не побьем. Ты стреляешь-то и впрямь ничего или тогда на стрельбах просто пофартило?

— А мне, Еремеич, отец уже в десять лет подарил настоящее охотничье ружье, шестнадцатого калибра, одностволку, и взял с собой на охоту. А через два года уже почти что и не было случая, чтобы я не попал в поднятую утку или тетерева.

Еремеич с интересом посмотрел на него:

— Вот ты каков? В царской армии охотников всегда отбирали в разведчики или в особо меткие стрелки. Это и нам перенять бы не грех, а? Другое дело, что для разведки или засады нужно не только хорошо стрелять, надо еще характер иметь, выдержку, как считаешь?

«Сказать? Не сказать? Решит, хвастаю. Володька, тот умеет, оказывается, молчать. Но ведь Еремеич неспроста спрашивает, для службы». Помявшись, он буркнул:

— Бывал я в засаде. Медведя на овсе убил.

— Ты? Иди-ка!.. Расскажи!

— Что рассказывать? Попросили крестьяне летом подстеречь его. Колотило меня, конечно...

— Робел?

— Было. Но дождался его и застрелил. А тут вскоре и хозяева на телеге приехали — услыхали выстрелы. Погрузили его, здоровый был, матерый зверь. Голова, и та тяжелая, как мешок картошки.

Еремеич с интересом глядел на Далматова:

— Так-так, значит, не убежал, а напротив, себя превозмог и добился победы. Интересный ты мне случай рассказал, интересный...

Эшелон остановился.

— Ну-ка, пусти свежего воздуха, жарко у нас очень!

Гриша слегка откатил тяжелую дверь, в щель клубами повалил морозный воздух. На маленькой станции горело два тусклых фонаря, мерцал огонек в окне дежурного, ни души не было на перроне. Кто-то с «летучей мышью» пробежал к паровозу. Печально ударил два раза привокзальный колокол, резко вскрикнул паровоз, поезд не торопясь тронулся. Далматов закрыл дверь, подбросил несколько поленец в печку. «Говорить, так уж до конца».

— А я ведь на войне-то уж был. В девятьсот пятнадцатом...

— Скажи-ка, час от часу занимательней!— Еремеич хлопнул себя по колену.— Серьезная беседа у нас выходит. Когда ж ты успел?

— А в ноябре сбежал из дому с маршевым солдатским эшелоном. О подвигах мечтал.

— Мечтал... А разве сейчас не мечтаешь? Не без этого ведь добровольцем вызвался. Правильно я полагаю своим умишком?

— Сейчас?— Гриша задумчиво усмехнулся.— Как не мечтать! Только цель сейчас другая, не глупая. Еду с полным сознанием...

— С полным? Доброе дело! Ну-ну, перебил я тебя.

— Пробыл на передовой четыре дня. Пришлось дважды и атаку отбивать. Неожиданно вызвали к ротному, от него в штаб полка повели, оттуда в дивизионный штаб. Похвалил меня полковник за меткий огонь и отругал за бегство из дому. Под конвоем водворили к родителям. Правда, сообщили в гимназию о «храбрости и

стойкости, проявленных в бою юным добровольцем».

— Ну и ну! Что же, выдрал тебя батька крепенько или просто отругал?

— Нет, он не такой был. Просто сказал мне, что я его с мамой сильно обидел своим неожиданным бегством. Сказал еще, что мал я для войны, а в России перед молодежью есть много других задач.

— Умен был мужик! А какие же задачи он хотел, чтобы ты решал?

— Подозвал он меня как-то к секретеру, такой шкаф это, одновременно и письменный стол, откинул доску, вынул два ящичка и говорит: видишь, позади них еще ящичек? В нем спрятаны документы и два браунинга. Меня могут арестовать за дружбу с большевиками (он адвокатом был). Тогда ты один будешь знать об этом ящичке. Ключ от него я спрячу в дробь, под перьями для ручек. Если на улице к тебе подойдет человек и скажет: «Папа велел передать игрушки»,— вручишь ему незаметно все из ящика... Ну, а в шестнадцатом году он неожиданно умер. А там вскоре и мать умерла. Видно, очень она отца любила, не вынесла его смерти...

— Да, не сладко тебе пришлось,— вздохнул Еремеич.

— Вот тогда и познакомился я с Володькой: подрабатывал я по объявлениям репетиторством и стал готовить его экстерном за пять классов реального. Федор Иванович на этом настаивал. Очень участливо они ко мне отнеслись. Начал бывать у них чуть не ежедневно, с Володей подружился — не разлей вода. А там пригласили они меня и на вечерние заседания, тайные. Между прочим, с разрешения Федора Ивановича привел я туда как-то и Наташу. «Хороша Наташа, так пусть будет наша»,— вот он как сказал.

— Это ты мне в пику?— улыбнулся Еремеич.— А я ведь не знал, что она у Федора на вечерях бывала! Тогда уж точно в Уфе от мамки убежит!

— Эх, хорошо бы!— вздохнул Григорий.

— Ну, ладно, пиши, пиши, авось дойдут твои письма. Спасибо, Гриша, за откровенность. Хочу у тебя просить такое дело. Завтра на политзанятиях дам я тебе слово, и ты вместо политики расскажешь, как медведя караулил, только откровенно! Идет? Насчет бегства на немецкий фронт — бог с ним, кто в отрочестве глупостей не делал. А вот здесь есть о чем хлопцам помозговать... Передавай привет Наташе и от старого солдата Еремеи-

ча! — Он полез на нары, а Григорий, подправив фитиль в фонаре, еще долго писал письмо.

В Самаре небольшую часть добровольцев высадили и отправили в 74-ю бригаду 25-й дивизии, а остальных, в том числе и вагон под началом Еремеича, отправили в Бузулук, в распоряжение штаба 25-й дивизии.

Еремеич отсутствовал долго. Вернувшись, он многозначительно оглядел своих новобранцев:

— Ну, хлопцы, поехали мы с вами не куда-нибудь, а к самому Чапаеву. А человек этот, одно слово,— необыкновенный. Наслушался я о нем много, разного да интересного. Вот уж где придется нам и людей посмотреть, и себя показать!

— Расскажи, Еремеич, расскажи!..

— Дайте только время, дайте только срок, как говорится. Придется к месту — расскажу. По местам!

Эшелон тронулся, застучали колеса, заскрипели дощатые стенки.

— Собирайсь сюда!— скомандовал Еремеич.— Сегодня у нас политзанятие будет особого рода.

Когда все, теснясь и толкаясь, расположились подле него на нарах, он сказал:

— Передаю слово Григорию Далматову, он нам расскажет, как медведя в засаде подкараулил и убил из двустволки. Здоровущего, между прочим, медведя!

Недоуменную тишину, установившуюся на миг после его сообщения, взорвал общий хохот.

— Ай да Еремеич, ну отчебучил!..

— Еремеич, давай лучше я расскажу, как щуку поймал, во-о-от такую щуку!..

— Еремеич, а знаешь, как мертвого охотника от обыкновенного мертвеца отличить? У охотника после смерти еще два дня язык во рту крутится — охотничьи байки болтать привык!..

— Ха-ха-ха! Го-го-го!

Еремеич не торопясь притушил окурок о каблук:

— Все?

— Нет, еще маленько!— поднял руку Володька.— Из двустволки-то зверя любой дурак подстрелит, а я знаю, как медведя голыми руками взять!

— Ну да?

— Значит, так: берешь дышло, обмазываешь его медом. Медведь и начинает мед облизывать, а сам дышло заглатывает. Как с другой стороны конец покажется,

забивай в дышло спереди и сзади по гвоздю, чтоб зверь не соскочил, и неси медведя в кладовку!..

— Ха-ха-ха! О-го-го!.. Вот так политзанятие, век бы слушал!

— Ой, мамочки, лопну от смеху!..

— Ну, спустили пары, пустобрехи? Давай, Гриша.

Далматов пожал плечами (подчиняюсь, мол), задумался ненадолго. Он понимал, что Еремеич неспроста затеял это дело, не для охотничьей трепотни, и начал так неожиданно, что все сразу умолкли:

— Главное, боялся я очень, чуть не до потери сознания. То в представлении своем вижу, как он незаметно зашел сзади к моему лабазу и бьет меня насмерть страшным ударом. То вижу, как он, недостреленный, рвет меня когтями, и вот я уже в гробу, а кругом люди плачут...

— А боялся, так кто ж тебя туда тянул-то?

— И точно, чего ж ты не ушел, а, Гриша?— поддакнул Еремеич.

— Да как же уйти? Во-первых, крестьянам обещал, большую потраву медведь овсам делал. Во-вторых, если себя не преодолеть, страху поддаться, как же самому себя потом уважать? Как жить после? Ходить и знать, что ты трус?

— Так-так, интересно ты говоришь, Григорий,— Еремеич кивнул головой.— Себя преодолеть, свой страх победить для важного дела — это не всякому дано. А велик ли зверь был?

— А такой, что кепкой след не закроешь.

В настроении слушателей явно совершился перелом.

— Гриш, а Гриш! Сам-то ты где был, откуда его ждал?

— Сидел я на этаком насесте, привязанном наверху в олешнике, навалено на нем было сено, еловые лапы и можжевельник, чтобы дух человеческий отбить.

— А как ты медведя увидал?

— Долго я сидел, темно уже стало совсем, и сначала я его и не увидал, а услыхал, как из кустов начали вышмыгивать потревоженные птички, то тут, то там. Это медведь ниву обходил, проверял, нет ли кого постороннего.

— Ишь ты, сторожкий зверь!

— Потом слышу — ветка хрустнула прямо под моим лабазом...

— Ох ты!..

— У меня и руки отнялись, ружье не поднять. Думаю, сейчас он полезет вверх лабаз рушить, конец мне пришел!.. И вдруг вижу саженях в двенадцати, в овсе, его спину — с доброго быка, не меньше! Он сел, загреб овес и начал громко сосать его. Пора! А у меня ружье в руках ходит, не навести. Сделал вдох, чтоб успокоиться. А медведь замолк, повернул голову в мою сторону. Преодолеть себя или все пропало! Подвел стволы ему под бок и — дуплетом! Сноп огня, грохот...

Как он подскочил, как рявкнул! Не помню, как я успел ружье перезарядить и дал еще один дуплет. Упал зверь, забился, затих. А я не подхожу,— думаю, это его уловка: ждет меня. Потом вновь зарядил ружье, слез, пошел к нему. Мертв! Это я не только медведя убил, это я в себе труса убил. Вот все.

Бойцы тихо лежали под перестук колес.

— Значит, дышло медом надо намазать, а, Фролов?— спросил Еремеич.— Молчишь, балаболка? А ведь в этой истории ба-а-альшой смысл содержится. Ну, кто скумекал?

— Я, это, честно говорю, что смысл чувствую, но вот пока выразить словами не могу,— сказал Тихов.

— Не можешь? Тогда я вам совсем другую историю расскажу,— задумчиво протянул Еремеич.— Про одну большую любовь...

По нарам пошло шевеление, кто-то радостно заржал, но тотчас сник, почуяв серьезный настрой всех остальных.

— Да, расскажу я вам, что сам от одного красноармейца только сегодня узнал. Разговорились мы с ним после совещания по душам, и открыл он мне, какую любовь пережил Василий Иванович Чапаев...

— Чапаев?!

— Василий Иванович?

— Любовь?!

— К которому мы едем?

— Ай да Еремеич, вот это так политчас!..

— Было это давно, уже, почитай, с год назад. Напали белоказаки на коммуну «Бенардак», которую устроили батраки в бывшем помещичьем имении, и учинили карательную расправу. А детишки не сплоховали и послали гонцов в отряд Чапаева. Налетели чапаевцы ночью на карателей и погнали их в одном белье в степь, и порубили. И захватили они дочку управляющего — барышню,

высокую, красивую, с каштановой косой до колен. И во время других боев барышня эта бежала не к белым, а, напротив, спасалась среди красных бойцов. Конечно, находясь в отряде, она много слышала о подвигах Василия Ивановича, а он тоже узнавал от бойцов о ее образованности и храбрости. И вот, короче говоря, сошлись они и полюбили друг друга страстной любовью. Но бойцы из коммунаров имения «Бенардак» никак не могли забыть своих загубленных белыми братьев и в сильном возбуждении захотели поднять эту барышню, Таня ее звали, на штыки... Стрельба началась...

В вагоне установилась мертвая тишина: и бойцов-батраков понять можно, и Василия Ивановича до смерти жалко!

— И тогда собрался митинг бойцов и командиров, и бойцы, которые ревновали Татьяну к своему любимому командиру, потребовали, чтобы Татьяну отправили в тыл. Несколько дней Василий Иванович был мрачней тучи, с бойцами не шутил, приказы отдавал коротко. А потом велел передать Татьяне, чтобы она к нему больше не стремилась...

Единодушный вздох огорчения вырвался из груди молодых бойцов.

— А она любила его больше жизни, да ведь и он ее! Но сказано — сделано. Как она ни плакала, как она ни объясняла бойцам, что ненавидит всех белых, в том числе своего отца, они были непреклонны. Тогда она попросила бойцов принять ее добровольцем в отряд. Снова собрался митинг, проголосовали и приняли ее, дворянскую девицу, в первую роту полка имени Степана Разина. И доблестно билась она, и много бесстрашных подвигов совершила, и полюбили ее бойцы и командиры, и стала она еще красивее, чем была, хотя не раз была ранена и стала курить махорку. Но с Чапаевым так больше никогда уже и не встретилась, не велел он... Вот, ребятки, какую доподлинную историю узнал я от своего старого сослуживца. Понятно?

— Сильно ты рассказываешь, Еремеич, а все же не очень ясно, куда ты гнешь,— закурил Владимир Фролов.

Все зашевелились, задвигались, поверху поплыли густые клубы крепкого табачного дыма.

— Нет, я... это... понимаю,— возразил Федор Тихов.— Революционер он... значит, должен быть, как штык!

— Эва, значит, и не полюби никакую?..

Разгорелся спор. Еремеич сидел молча, а потом как бы про себя произнес:

— Вот Далматова послушали, поняли, как человек себя преодолевал. Для чего?.. Вот и Василий Иванович должен был себя преодолеть, хотя душа его живая кровью обливалась. Опять же — для чего себя преодолел? Вот то-то и оно — для чего все? Кумекайте, мудрые головы, соображайте, я подробно вам жевать не буду, только вот еще один вопрос задам: а разве партии нашей большевиков-коммунистов не приходится все время самые тяжелые трудности преодолевать? А ведь могла бы и не преодолевать! Жрите нас, господа помещики и заводчики... Что бы из этого вышло? А?.. Только тот, кто к большому, к главному стремится, тот и преодолевает трудности. Правильно я говорю или нет?

— Пррравильна!— прогремел общий ответ.

...Еремеич, Еремеич, безвестный апостол великой революции! У тебя была маленькая должность, но чувствовал ты себя ответственным за всю революцию, ибо это была *твоя* революция...

4 февраля 1919 года. ОМСК

Солнечным зимним днем по скрипящему снежку, мимо приземистых бревенчатых домиков идет подтянутый, с иголочки одетый Безбородько. Нет-нет да и косит его глаз на плечо: погон-то полковничий!.. Немного, да почти что и нет во всей армии тридцатидвухлетних полковников... Ну что ж, сорвалось в одном деле, пофартило в другом: такова жизнь! Бесконечное напряжение по дороге в Уфу, возня с этой маменькиной дочкой, бешеная гонка из Уфы, страшные морозные ночи, вонючие овины, скрипучие дровни, поезда, медлительные, как похоронные дроги,— все позади. Ах, с каким жадным вниманием слушал вчера его, грязного, заросшего, Верховный! Он то ерошил в забывчивости мохнатые брови, то потирал крючковатый нос, его колючие глазки буквально ввинтились в Безбородько. Он ловил каждое слово, он вбирал его сообщения так, как раскаленный песок в пустыне впитывает каждую кап-

лю случайного дождя. А потом: Георгиевский крест, торжественное производство в полковники («Вашего подвига, герой, не забудет благодарная Россия!..») и блестящее назначение: начальником контрразведки центральной армии... А почему бы и нет? Мамашу Турчину он уже успел отправить сегодня утром во Владивосток. («А ничего себе оказалась, вынослива не по-барски... И умная баба, расчетливая. Жаль, дочка не в нее. Институтка чувствительная. Джентльменом в отношении мадам я был до конца. Еще пригодится. А когда армия Ханжина займет Уфу, можно будет взять свое: разыскать эту жар-птицу, если она, разумеется, не улетит к тому времени в Петроград...») И уж кто, как не он, должен будет доставить беглянку в Лондон, к папе и маме, благодарным ему в высшей степени?.. Да и золотце на таком посту само потечет в руки, стоит только пощекотать какого-либо туза: «А что это за связи с большевиками были у вас, любезнейший?»

В бодром, приподнятом настроении шагал Безбородько. Отоспался, напарился в бане, надел свежее белье, новый мундир и шагает на совещание к Верховному главнокомандующему армии адмиралу Колчаку.

Внимательный глаз разведчика примечает многозначительные детали: вот марширует рота сибиряков-новобранцев, солдаты румяные, упитанные, шинели добротного английского сукна, сапоги яловые, папахи теплые. «Левой! Левой!»— бодро покрикивает сбоку усатый унтер.

Ближе к центру на тротуарах много офицеров, в том числе молодых. Безбородько с удовольствием отвечает на их четкие приветствия. Немало офицеров движется под руку с девушками, веселыми, жизнерадостными. Он поморщился, встретив группу офицерской молодежи с накрашенными полупьяными девицами. Это днем-то? Видно, мало заняты господа офицеры делом! Впрочем, и эта группа, примолкнув, приветствовала его, как положено приветствовать старшего офицера (почти генерала, черт возьми!).

Подходя к губернаторскому дому — резиденции Верховного главнокомандующего, он увидел перед воротами броневик, у подъезда и даже на крыше — усиленную офицерскую охрану с пулеметами. На улице вдоль ограды расположилось много конных санок, застеленных коврами, медвежьими полостями. На особицу стояло и несколько сверкающих лаком и никелем автомобилей.

В кабинете Верховного, за большим столом, покрытым зеленым сукном, уже сидели иностранные советники и высшие чины колчаковской армии. Безбородько, не привлекая ничьего внимания, сел позади всех.

— Господа!— скомандовал дежурный. Все поднялись. Через боковую дверь быстро вошел Колчак и проследовал к столу. Благожелательно взглянув на присутствующих (щека его быстро дернулась, Безбородько не понял — от тика или в улыбке), он сказал: «Садитесь, господа», сел, взял в руки большую лупу и принялся разглядывать в нее карту. Затем подозвал дежурного, негромко продиктовал ему что-то, тот четко склонил голову и вышел.

Колчак поднял озабоченный взор на присутствующих, побарабанил пальцами левой руки по столу:

— Господа! Предлагается вашему вниманию план наступательных операций против большевиков, составленный с учетом поступивших к нам совершенно секретных данных. Генерал Лебедев, прошу!

Начальник штаба с подчеркнутой готовностью взял указку, подошел к карте и оглядел зал.

По правую сторону стола сидели военные советники Антанты. Рядом с Верховным сидел сам генерал Жанен, подвижный и сухопарый, фактический хозяин Транссибирской магистрали, охрану которой несли подчиненные ему союзные войска, а стало быть, и реальный хозяин положения. Американский генерал Гревс, закинув ногу на ногу, равнодушно смотрел прямо перед собой. Английский генерал Нокс, полулежа в глубоком кресле, дымил сигарой, внимательно всматриваясь в карту фронтов. Около него сидел улыбающийся английский полковник с папкой бумаг и раскрытым блокнотом в руках.

Напротив расположились генералы и высокопоставленные офицеры основных армий Колчака. Непосредственно рядом с «Верховным правителем России» восседал командующий его центральной, Западной армией генерал Ханжин — грузный, увешанный множеством орденов. Его маленькие умные глазки недружелюбно рассматривали зарубежных генералов, избегая в то же время их взглядов.

— Общая цель нашего весеннего наступления — полный разгром коммунистических сил на Руси,— начал Лебедев.— Ближайшая задача — овладение районом Средней Волги и городами Самара, Симбирск, Казань,

с разгромом здесь главных сил красных: Пятой, Первой и Четвертой армий — и соединение с армиями генерала Деникина, наступающего с юга, от Царицына. Последующая задача — совместное наступление на Москву с востока и юга до полной победы и восстановления законного правительства и справедливого правопорядка в стране...

— Прошу прощения, генерал,— перебил его Колчак,— у меня есть приятный сюрприз для присутствующих.— Адмирал мельком взглянул на Безбородько.— Генерал Юденич на днях сообщил мне, как Верховному главнокомандующему,— Колчак выделил свой титул усилением голоса,— что в разгар нашего наступления его войска нанесут сокрушительный удар по красному Петрограду — удар, поддержанный десятитысячной группой офицеров и юнкеров внутри Петрограда.

Генерал Нокс, который внимательно слушал перевод, в этот момент что-то сказал переводчику, тот громко сообщил:

— Это произойдет при полной поддержке британского имперского флота.

— Благодарю вас, сэр, еще одна приятная новость,— сухо ответил Колчак.— Таким образом, наступление на Москву будет идти с востока, юга, а также, как вы теперь понимаете, и с северо-запада. Продолжайте, генерал.

«Эге, вот почему он был так ласков со мной вчера: Юденич-то подтвердил, хотя и косвенно, что признает его за Верховного,— мелькнуло у Безбородько.— Такова жизнь: везде грызутся за место под солнцем...»

— Продолжаю,— возобновил свой доклад Лебедев.— Западная армия под командованием генерала Ханжина наносит свой главный удар в направлении Уфа — Самара — Симбирск. Вспомогательные удары наносят: с севера — армия генерала Гайды, с юга — группа генерала Белова, в оперативном отношении подчиненная генералу Ханжину. Она развивает наступление в направлении Уральск — Саратов...

В это время, перебивая Лебедева, громко заговорил генерал Гревс. Переводчик-англичанин выслушал его, широко улыбнулся, показывая большие зубы, и, тщательно выговаривая слова, сказал:

— Генерал имеет задать два вопроса: рассчитывает ли адмирал, что армия Гайды встретится с экспедиционными войсками Соединенных Штатов Америки, а также

войсками Великобритании, которые наступают от Архангельска, и второе: когда, поточнее, вы будете в Москве?

Едва он закончил, стремительно поднялся генерал Жанен и гневно заговорил. Французским языком Колчак и большинство генералов владело свободно, переводить не требовалось.

— В качестве Главнокомандующего всеми союзными силами в Сибири и как старший представитель союзных держав повторяю вам, адмирал, официальное требование: главные усилия ваших армий следует направить в юго-западном направлении для скорейшего объединения с армией генерала Деникина.

«А ведь тут, черт возьми, совсем неприкрытая драчка,— отметил Безбородько.— Американцы тянут к северу, французы — к югу, вот тебе и Антант кордиаль — сердечное согласие».

Лицо Колчака опять передернулось не то от тика, не то от улыбки. Он встал, подошел к карте, взял у Лебедева указку:

— Господа! Святое провидение помогло нам рассчитать свои силы. Армия Гайды имеет достаточно ресурсов, чтобы мы смогли своим правым крылом соединиться с американцами и англичанами у Котласа или Вологды. Генерал Ханжин, имеющий в центре пятикратное превосходство, вместе с группой генерала Белова и Оренбургской и Уральской армиями соединится где-то на участке Самара — Саратов с войсками генерала Деникина. В Москве же я рассчитываю быть в июне. Вот так.— Колчак сел.

«Вот дипломат, всем угодил»,— внутренне улыбнулся Безбородько.

— Позвольте мне, ваше высокопревосходительство?— поднялся Ханжин.

— Пожалуйста, генерал.— По лицу Колчака пробежала едва уловимая гримаса раздражения, мохнатые брови колыхнулись и замерли.

«Нет, видать, не всем угодил»,— смекнул Безбородько, вглядываясь в лицо Ханжина, своего непосредственного начальника.

— Господа! Действительно, моя армия первоначально имеет значительное превосходство на участке, где я нанесу главный удар. Но так будет лишь вначале. В период развития операции в действие будет втягиваться все больше сил красных, а протяженность фронта возра-

стет втрое. Учитывая боевую мощь формирующегося сейчас Волжского корпуса генерала Каппеля, я гарантирую полный успех на первом этапе наступления. Но в дальнейшем, господа, наличных сил Западной армии будет явно недостаточно. Поэтому я уже сейчас прошу снять с северного участка армии генерала Гайды не менее одного корпуса и придать его мне. Простите, генерал Гревс, но военные люди должны трезво учитывать обстановку: северное направление с его болотами, лесами и бездорожьем я считаю блефом. Никогда англо-американские войска не смогут взять Вологду. Давайте развивать успех на главном направлении. Еще раз настоятельно прошу принять мое предложение о создании во втором эшелоне моей армии резерва от двух до трех свежих корпусов.

Колчак внешне бесстрастно слушал Ханжина, но в голове его быстро происходили сложные расчеты. «С одной стороны, хорошо, что Ханжин выступил против американца: он прав по существу, но возражение идет не от меня. Однако, с другой стороны, надо показать союзникам, кто здесь хозяин; давно ли они прочили Жанена в Верховные?.. Новгородское вече открывать не будем».

Он мягко обратился к Лебедеву:

— Нас досадует упорство генерала Ханжина. Прошу вас разъяснить господам, как будут развиваться в дальнейшем события.

— Слушаюсь!— Лебедев, обязанный Колчаку своим стремительным возвышением, укоризненно поглядел на Ханжина. Тот ответил ему свирепым взором.— От наших людей нам стало известно, что взятие Уфы явится сигналом для массовых вооруженных восстаний крестьян, задыхающихся от продразверстки. И хотя подготовкой бунтов занимаются эти пачкуны и словоблуды, истерики-эсеры, которых мы привыкли давить, как вшей, в данной ситуации решено, отнюдь не афишируя этого, им помочь: туда внедрены наши вполне надежные люди. Восставшие крестьяне будут организованы в боевые отряды под руководством наших опытных офицеров. В Первой, Пятой и Четвертой армиях красных тоже начнутся восстания, ряд частей перебьет своих комиссаров и с оружием в руках перейдет на нашу сторону. Эти выступления тщательно готовятся людьми, специально засланными в части и штабы красных. Таким образом, армии генерала Ханжина будет открыта широкая дорога,

своего рода Невский проспект, точнее, Волжский проспект вплоть до Самары. Вот почему мы не ставим сейчас вопрос о создании у него резервных корпусов. Вы удовлетворены, генерал?

— Гладко было на бумаге, да забыли про овраги,— пробурчал Ханжин.

Колчак встал, резко отодвинул кресло:

— Мне кажется, господа, вопрос ясен. Разрешите считать наш план генерального наступления принятым? В таком случае продолжим обсуждение в более приятной обстановке. Прошу всех в столовую. Шампанское уже на столе. Прошу вас, господа!

10—15 февраля 1919 года.
УРАЛЬСК

Ослепительно блестит снежная равнина. Кажется, повсюду под голубым небом один только раскаленный белый снег. Но нет, снег белый только вблизи от саней, дальше он слегка розоватый, к горизонту — зеленовато-серый, потом голубой, а вдали краски темнеют и где-то переходят в узенькую фиолетовую полоску. Бежит-вьется среди сверкающего великолепия зимней степи едва заметная дорога. То вскинется она на пригорок, то пропадает за ним, а вот вылетела уже на ровное место. Тут бы ей в струнку вытянуться, так нет,— извивается, петляет, уходит, как лиса от собаки, и тянется без конца и краю.

Из-за небольшой высотки выскочила лихая тройка степных коней, запряженных в крытый возок. Да как засвистел-закричал возница, да как огрел кнутом коренника — еще бойчее рванули невысокие темно-гнедые коньки, отклонились-упали назад седоки, только «эх!» сказали.

Дорога начала взбираться на долгий подъем. Кони пошли шагом, белый пар валил от них, высоко поднимаясь в хрустальном, морозном воздухе. Возница соскочил на дорогу и пошел рядом с возком.

— Как зовут-то тебя?— спросил один из седоков, плотный и ясноглазый усач.

— Егор, а по батюшке Пантелеймонович. А тебя, прости за любопытство?

— Михаил, а по батюшке Васильевич. Ну что, дедусь, много по нарядам приходится ездить?— Фрунзе тоже вылез из возка, зашагал, разминая ноги.

— А то нет! Шатается тут вашего брата взад-вперед, откуда только берутся? И всем спешка, всем срочно.

— Война, дедушка! Тут не засидишься.

— Это мы знаем, что война. А скоро ли она кончится?

— Кто ж ее знает! Слыхал, небось, что у Колчака триста тысяч солдат мобилизовано?

— Мобилизовано! Это разве вояки?! Нешто они всерьез воевать будут?

— А то нет?— подзадорил Фрунзе.

— Хрена с два! Какой же им интерес за белых воевать?

— За красных-то мужики воюют?

— Воюют, коли красные не обманывают. Опять же большевики землю отдали мужикам. Да и сам Ленин из мужиков.

— Это кто же сказал?

— Сам я слыхал. Чапай на митинге говорил. Я ведь прошлый год под ним в отряде служил — в обозе кухню возил.

— Ну, как он командир?

— Одно слово — герой! Из наших мест уроженец. Ничего не боится — заговор имеет. Все, почитай, «Георгии» получил в германскую. Пуля его не берет. А уж сам рубит! Как полоснет, так до седла казака и развалит! Ей-богу, не вру! А сейчас, говорят, в Москву к Ленину поехал, за правдой. Ну вот, многие его бойцы по домам разошлись: другим не верят, подвоха боятся. А ему ух какая вера есть! Ну, милые! — Подъем кончился, они вскочили на возок.

Егор Пантелеймонович свистнул, дернул вожжи, кони вновь понеслись, только снег запушил в лицо.

Далеко впереди показалась черная змейка обоза. Она заметно росла, расстояние быстро сокращалось. На санях, поверх плотно упакованных тюков, лежали возничие.

— Что везете, товарищи?— спросил Фрунзе.

— А вон у командира обоза спроси,— мотнул голо-

вой вперед стрелок.— А мы каждому проезжему отвечать не обязаны.

Фрунзе довольно усмехнулся в усы. Догнали командира в голове колонны. Он спал, завернувшись в тулуп. Командарм не стал его будить, приподнял край брезента: крепко увязанные валенки. Хорошо!

— Куда путь держите?— спросил он у возницы.

— В двадцать пятую дивизию.

— Так. Отлично. А командира разбуди, скажи, что командующий армией велел поменьше спать: фронт близко!

Егор Пантелеймонович, уразумев, кого он везет, гикнул, взмахнул кнутом, и возок мигом умчался вперед, оставив окаменевшего от удивления возницу.

Русский сторожевой город Уральск встречал их во всем своем зимнем убранстве. Иней посеребрил пушистые деревья, мороз изукрасил окна домов. Белыми столбами неподвижно стояли над крышами дымы. На улицах оживление, много военных — в шинелях, полушубках, у всех за плечами винтовки. То и дело встречались конные обозы, караваны навьюченных верблюдов. И над всем этим — шум от неумолчной пальбы из винтовок и непрекращающегося карканья ворон.

— А ну-ка, Пантелеймонович, замедли!

Навстречу возку двигалась группа оживленных румяных красноармейцев. Несмотря на мороз, грудь нараспашку, некоторые навеселе.

— Гляди, ребята!— Один боец указывает на деревья поодаль, куда опускается крикливая стая. Мигом человек десять сдернули винтовки, вскинули их. Залп! Одна ворона падает, десятки с истерическим гомоном взлетают кверху и беспорядочно кружатся.

— Что за безобразие!— возмутился Фрунзе.— Товарищи красноармейцы, из какой части?— грозно спросил он.

— Мы-то? Из бригады Плясункова.

— А зачем стреляете по воронам, да еще в городе?

— А нам никто не запрещает,— весело ответил белозубый, широкоплечий боец.— Патроны дадены, вот и примеряемся. Кто в белый свет, как в копеечку, а мы, уральские охотнички, проверяем винтовочки на птичках. Может, и вы, гражданин хороший, хотите пальнуть?

— Товарищи бойцы! Я, командующий Четвертой

армией, категорически запрещаю стрельбу без прямой военной необходимости.

Бойцы застыли по стойке «смирно», кое-кто спешно застегивался.

— Вот вы,— обратился Фрунзе к своему веселому собеседнику,— неужели не понимаете, что расходовать боевые патроны попусту, когда их не хватает на фронте,— это значит выбрасывать народное добро на ветер и совершать преступление перед республикой! Сейчас вы находитесь в тылу, отдохнете — и скоро на фронт, а вы к тому времени весь боезаряд по воронам сожжете. Чем же будете стрелять по белякам? И бери вас враг голыми руками, горе-охотничков! Охотников я знаю и уважаю: у них ни один заряд зря не будет израсходован — только для дела. А настоящий красноармеец должен каждый патрон беречь для боя с классовым врагом. Так и объясните всем товарищам и о нашей встрече доложите своему командованию. Ясно?

Тройка умчалась, оставив стоять с разинутым ртом незадачливого охотника и его товарищей, а в городе продолжалась беспорядочная стрельба.

— Я подсчитал выстрелы за эти десять минут,— сказал Новицкий.— Если перевести их количество на дневной расход, получится около двухсот тысяч патронов, сожженных зря. А ведь они так развлекаются много дней подряд.

— Какое все-таки безобразие! Какая распущенность! Здесь придется поработать дольше, чем думали! Интересно, прибыл ли уже сюда Иваново-Вознесенский рабочий отряд?

— Должен был позавчера прибыть.

— Федор Федорович, попрошу вас отдать приказ: завтра в десять часов на площади построить все части гарнизона для смотра. А сегодня надо провести общегородское собрание партийного и советского актива. Я вижу, это дело срочное!..

Примерно в тот же час с другой стороны в Уральск въезжали исправные санки, запряженные парой крепких, но притомленных каурых коньков. Укутанная в шубу и пуховый платок, сидела в них со скромным баульчиком на коленях Галина Ивановна Нелидова.

Сани остановились у бревенчатого двухэтажного дома, верх которого занимал Семенов — вридкомиссар плясунковской бригады. Сытно пообедав, он стоял у окна,

прочищая твердой соломинкой зубы. Что это?! Мираж? Сновидение? Галина? Сюда? Не может быть! Что-то горит, если она в открытую решилась приехать!.. Может быть, ему грозит опасность и она сочла нужным предупредить его?! Теряясь в догадках, он понесся вниз, громыхая по деревянной лестнице. В сенях его встретил вестовой:

— Товарищ комиссар, прибыла какая-то гражданка, уверяет, что ваша жена.

— Да-да, конечно же, конечно! Лошадей и повозочного отведи в комендантский взвод, до утра можешь быть свободен!

Он опрометью бросился к ней — своей старой любви, к вечной своей тревоге и радости, обнял ее, расцеловал, снова обнял, отстранился, снова расцеловал в обе холодные с мороза щеки.

— Рад?— спокойно спросила она, когда они поднялись наверх.

— Боже мой, конечно! Но почему такой неожиданный, такой рискованный приезд?

— Да так, соскучилась по тебе, вот и приехала на денек-другой. Ничего устроился, неплохо. Кто тебе постель согревает, хозяйка? Немножно дрябловата, щами praванивает, но, в общем-то, еще ничего.

— Ах, Галя, никак я к твоей манере шутить не привыкну. Так что же случилось?

Она сбросила на скамью шубу, платок, задумчиво прошлась по комнате — гибкая, все такая же молодая, с мороза еще более красивая. Неожиданно распахнула дверь, выглянула — никого.

— Хочешь закурить?— Она достала серебряный портсигар.— Возьми вот эту, среднюю.

Он взял папиросу, присмотрелся и спичкой осторожно достал из глубины свернутую тоненькую бумажку. Он развернул ее, посмотрел на свет, затем послюнил. Под влиянием влаги начали проступать темные буквы. «При первой возможности ликвидируйте Фрунзе. Лучше всего на митинге. Убийцу застрелите. Возмущайтесь, сожалейте. Готовьте бригаду к переходу на нашу сторону. Пароль — «Адмирал». Документ уничтожить. Центр».

Семенов внимательно перечитал приказ, затем сжег его и остановился в задумчивости.

— Ах, Сашка!— Нелидова подошла к нему и крепко обняла, прижавшись от колен до подбородка.— Давно-то

мы с тобой не праздновали встречу по-настоящему! А зажирел ты, друг мой, что выложенный кот. Нехорошо. Ну, много ли успел здесь? Сколько у тебя верных людей?

— Ах, Галя, Галя, и на груди моей ты не забываешь о деле... Может быть, все эти разговоры потом?

— Погоди, котик. И потом тоже. Значит, сколько таких, что можно положиться? А Плясунков что за тип? В кулаке у тебя? Любишь ты, друг мой, фразу, ох, любишь! По-твоему, я ведь тоже у тебя в кулаке. Так, что ли, хвастал ты Гембицкому? Ну, не переживай, не переживай: это мое дело, как я узнала! Главное, сейчас я у тебя и впрямь в руках. Ну-ка, обними покрепче. Ах, молодец! А что, сможешь ты поднять бригаду? Смотри, я ведь крепких мужчин уважаю! Героев!— Она многозначительно засмеялась.— Нет, Сашка, недаром я все же люблю тебя: какие дела тебе поручают! Значит, как у тебя люди по полкам расставлены?.. Ну, какой же это допрос? Своей пользы не понимаешь — ведь твою цену из моего доклада установят. Понял? Ну не ершись, давай, котик, по-деловому, по-современному. Я слушаю...

На следующее утро, выполняя приказ, к городской площади стали подходить войска: батальоны Плясункова, отдельные части 22-й дивизии, штабисты. Под звуки небольшого духового оркестра, чеканя шаг, строго выдерживая дистанцию между ротами, прошел Иваново-Вознесенский отряд. При каждой роте — сани с «максимом», при отрядном знамени — два командира с шашками наголо. Ткачи прошли, красуясь слаженностью, выправкой, силой. Новенькое обмундирование, островерхие шапки, как древнерусские шлемы, винтовки с блестящими штыками — все это выделяло их из других частей.

Плясунков стоял перед своей бригадой, перекрещенный портупеями и поясом, с шашкой на левом боку, с маузером на правом, с биноклем на груди, в заломленной набекрень папахе. Семенов — в черном полушубке, в черной папахе — подошел к нему и громко, не приглушая голоса, сказал:

— Их превосходительство кофием наслаждаются, а бойцы здесь должны мерзнуть!

— Да, старые порядочки вводит,— сплюнул в сторону Плясунков,— парадами забавляться вздумал.

Санки с командармом вылетели на площадь и поехали к правому флангу, где стояла бригада Плясункова. Фрунзе вышел из них и направился к стоящим

перед строем бригады Плясункову и Семенову. В трех шагах от них он остановился, ожидая, что Плясунков скомандует бригаде «Смирно!» и представится ему. Но комбриг и его комиссар, подбоченясь, лишь глядели на командарма, и не думая докладывать.

Сзади них, переступая с ноги на ногу, стояли бойцы, стояли даже не рядами, а отдельными группами. У кого винтовка висела за спиной, у кого на ремне перед грудью, а некоторые держали винтовки под мышкой стволом вниз. Шинели неподпоясанные, полушубки не застегнуты, шапки и папахи набекрень, из-под них торчат косматые чубы.

«И это двадцать пятая, героическая в прошлом дивизия!— подумал Фрунзе.— Не знаю пока, друзья-командиры, что вы за птицы, но на провокацию меня не возьмете».

Подходя к Плясункову, он протянул ему руку:

— Товарищ Плясунков, должно быть?

— Так точно!— невольно вытягиваясь, ответил тот.

— Что же это вы, строевых команд не знаете?

— Да уж мы такие, неученые,— досадуя на свой порыв, вызывающе ответил тот.— Кадетских корпусов не кончали, а вот белых генералов били!

— А хороший командир, преданный советской власти, и без кадетских корпусов должен знать азбуку военной службы. Без воинской дисциплины сильного врага вы не побьете! Пойдемте, поближе посмотрим ваши полки.

Фрунзе пошел вдоль строя, не повторяя приглашения. Плясунков двинулся за ним, остановился было, поглядев на Семенова, который глазами сделал ему знак стоять на месте, но затем махнул рукой и пошел за командующим.

Фрунзе шел не торопясь, всматриваясь в лицо каждого бойца. Вот он увидел приплясывающего от мороза вчерашнего своего знакомого, стрелка по воронам. Винтовка у него была под мышкой, штыка не было, руки засунуты в рукава, как в муфту. Узнав Фрунзе, красноармеец взял винтовку к ноге, вытянулся.

— А где же ваш штык, товарищ уральский охотничек?

— Виноват, товарищ командующий. Да нам толком никто ничего и не объясняет.— Он нагнулся, вынул штык из-за голенища и примкнул его к винтовке.

Отойдя от него, Фрунзе вполголоса кинул Плясункову:

— Вот так, товарищ комбриг! Устами рядового бойца дана полная характеристика вашего стиля командования!

Плясунков молча следовал за Михаилом Васильевичем. Они подошли к четкому строю рот и батальонов Иваново-Вознесенского отряда.

— Отряд!.. Смир...но!.. Равнение напра...во!— послышалась уставная команда.

— Здравствуйте, товарищи красноармейцы и командиры рабочего отряда! Здравствуйте, дорогие ткачи!— громко поздоровался Михаил Васильевич.

— Здравия желаем, товарищ командарм!..— последовал радостный ответ раскатом сотен голосов. («Эх, и сколько же родных, знакомых лиц!»)

— Поздравляю вас с переименованием в двести двадцатый стрелковый полк и включением в развертываемую сейчас двадцать пятую боевую дивизию!— громко и торжественно произнес он.— Ваш образцовый строевой порядок и внешний вид позволяют надеяться, что вы не подведете своих иваново-вознесенских товарищей, пославших вас на Восточный фронт против Колчака. Уверен, что и в боях с нашим злейшим врагом вы покажете образцы храбрости, отваги, боевой смекалки, стойкости и преданности делу революции. Рабочему полку ткачей ура!

— Ура!— пронеслось над полком.

Закончив обход, Фрунзе возвратился к санкам, напротив бригады Плясункова, и поднялся на сиденье.

— Товарищи красноармейцы, командиры и политработники семьдесят третьей бригады двадцать пятой дивизии! В прошлом вы завоевали себе славу непобедимых, стойких и преданных революции полков Красной Армии. Но во что превратилась ваша бригада сейчас? Бо́льшую ее часть пришлось вывести в тыл с линии фронта. Вы потеряли свою боеспособность. В ваших рядах были предательства, невыполнение боевых приказов, дезертирство.

Были случаи грабежей и насилия. Разве это боевые батальоны и полки Красной Армии знаменитой дивизии, которой командовал Чапаев? Вы стоите как вооруженная толпа, а не как воинская часть Красной Армии! За стрельбу и беспорядки в городе, за поведение на фронте и здесь на смотре, объявляю перед строем бригады строгий революционный выговор всему команд-

ному и политическому составу бригады. Надеюсь, что вы правильно поймете это наказание и быстро исправите свои ошибки.

— Понял? Выговаривает! Кому? Нам!— со злобной радостью сказал Семенов.

— А сейчас все полки, участвовавшие в освобождении Урала, подвести к зданию Думы для вручения наград за боевые заслуги!

На большом столе были разложены часы, портсигары, браунинги, маузеры с надписями на них: «За освобождение Уральска. РВС 4-й армии».

Когда список бригады Ильина из 22-й дивизии был исчерпан, начдив 22-й дивизии Дементьев подал команду:

— Комбриг Плясунков, вызывайте отличившихся для вручения им наград!

— А здесь холодно раздавать награды!— громко прозвучал ответ Плясункова.— Мы их дома, в тепле, распределим. Комиссар Семенов, возьмите поднос с подарками!

— Спокойно, Федор Федорович!— тихо сказал Фрунзе, увидав, как подался вперед Новицкий.— Дуги гнут с терпеньем и не вдруг. Полагаю, что у Плясункова попросту не приготовлены списки. А вот почему? В этом мы разберемся. Обстоятельно разберемся!

— К церемониальному маршу!— прозвучал голос Ильина, которому поручили командовать парадом.

Плясунков вывел перед своей правофланговой бригадой большой оркестр, захваченный в полном составе у колчаковцев в бою под Уральском. Но раздалась новая команда Ильина:

— Первыми идут части двадцать второй дивизии, далее бригада двадцать пятой дивизии, замыкает двести двадцатый рабочий полк.

— Затирают! По носу бьют! Нашу боевую бригаду назад заталкивают!— быстро проговорил Семенов.

Плясунков растерянно посмотрел на него и, яростно сверкнув глазами, прокричал:

— Первая бригада славной двадцать пятой дивизии, слушай мою команду! На плечо! По батальонным квартирам... шагом... марш!

Грянула медь оркестра, плавно заколыхались ряды, и разношерстно одетая бригада повернула вслед за своим оркестром прочь с площади. И хотя Ильин почти

сразу же вывел вперед оркестр ивановцев и пропустил мимо него остальные части, парад выглядел жидковато: смотр был демонстративно, с вызовом сорван.

Вернувшись в штаб, Фрунзе сказал Новицкому:

— Ситуация в основном ясна, Федор Федорович: разложение бригады идет полным ходом. Кто-то над этим трудится упорно. Этому же благоприятствует и вздорный нрав Плясункова, человека, очевидно, храброго, но недисциплинированного. Приказываю: двести двадцатый Иваново-Вознесенский полк немедленно поднять по тревоге. Один батальон усилить пулеметами резерва и артбатареей. Другой батальон назначить дежурным по городу. Разбить город на участки для каждой роты. Вывести усиленные патрули во все районы города. Город объявить на осадном положении. Хождение с девяти вечера до шести утра без пропусков немедленно запретить. Всех нарушителей задерживать и доставлять в штаб для расследования. Приказать ревкому вооружить рабочие батальоны в двухчасовой срок и объявить их мобилизованными. Каждому рабочему батальону выделить связных в штаб Иваново-Вознесенского полка и подчинить их командиру последнего. Комендантом города назначаю командира двести двадцатого полка, начальником гарнизона — командира двадцать второй дивизии со всеми чрезвычайными правами. За поведение на смотре Плясункову объявляю строгий выговор. Прошу вас выяснить возможность возвращения в бригаду из госпиталя комбрига Кутякова.

В этот же день после обеда Фрунзе в сопровождении небольшой охраны выехал на передовую. К вечеру группа оказалась в виду степного казахского аула. Командарм предложил заночевать здесь. Он слез с коня и подошел к сидящим у колодца казахам. К удивлению своих сопровождающих, он заговорил по-казахски. Узнав от его спутников, что это — самый большой красный начальник, казахи, не скрывая изумления, заахали, закачали головами, наперебой стали приглашать гостей в юрты — каждый к себе. Решили уважить старейшего, зашли в юрту к нему.

Женщины захлопотали над огнем, готовя жирный бешбармак, а мужчины сгрудились вокруг командарма, внимательно слушая его рассказ о Колчаке и борьбе с ним. Когда утром Фрунзе и его спутники выехали, чтобы продолжить путь, командующий уже много знал

о новостях степи, о противнике, об отношении казахов, башкир и калмыков к белым насильникам.

И не успели еще красные командиры скрыться за ближайшим холмом, как во все стороны по степи молниеносно понеслась молва — «длинное ухо» о главном начальнике красных — человеке приветливом, справедливом, мудром — вот такая голова! — и знающем все языки, какие есть на белом свете: и человечьи, и звериные, и трав, и кустарника,— отчего он все понимает правильно и видит каждого насквозь.

И в этот же день по всей линии фронта по беспроволочному солдатскому «телеграфу» также начали распространяться сведения о новом командарме: «Настоящий начальник. Сразу на передовой появился. На колокольне его белые чуть не убили шрапнелью, но он не слез, во все вник, ошибки указал и красноармейскую кровь понапрасну проливать не дал».

Красноармейский «телеграф» передавал верные новости, но, конечно, молва не могла подхватить то, что знали, о чем говорили лишь два человека: Фрунзе и Новицкий.

Фрунзе говорил, нервно вышагивая по комнате:

— Операция началась, она уже идет, но ведь она подготовлена из рук вон плохо! Они начали наступление, почти не имея снарядов, а в Уральске их целый склад! Они бросили в наступление пехоту, не подавив огневых средств противника, даже не нащупав их!.. И вот дилемма, Федор Федорович: остановить наступление — подорвать боевой дух, продолжить — понести неоправданные потери. И то плохо, и то плохо!

Новицкий во время его речи, сидя у стола, не торопясь, мастерил пепельницу из бумаги, сделал, проверил на прочность, закурил, опустив глаза.

— Мой опыт, моя практика подсказывают мне,— медленно и мягко произнес он,— что боевой дух легче всего подорвать там, где боец видит нелепицу в действиях руководства. А ведь солдат все понимает, очень тонко и прекрасно понимает, что за все должен платить своей жизнью. И если надо отдавать ее по-глупому, то тут энтузиазма ждать трудно.— Он стряхнул пепел и поднял на Фрунзе серьезный взгляд.

— Появляется новый командующий и велит: наступление отменить, остановиться, зарыться, ждать,— задумчиво сказал Фрунзе.— Кто же он, трус?

— Появляется новый командарм и отменяет явную благоглупость. Кто же он? Прежде всего умный человек,— возразил Новицкий,— и решительный к тому же человек. Другого ответа быть не может!

— Что ж, спасибо, Федор Федорович,— повеселев, ответил Фрунзе.— Теория теорией, но согласитесь, что положение у меня сложное: еще ничего доброго не сделав, начинаю с отмены начатого наступления. Думаю, без вашего авторитета, без вашего громадного опыта я на это мог бы и не решиться!

И вечером в штабе Фрунзе провел детальный разбор боевой обстановки. Он приказал: в самое разное время, начиная с завтрашнего дня, то на рассвете, то днем в обеденный час, то вечером перед сном, проводить разведку боем силами от взвода до роты, уточнить все данные о противнике. Тем временем тщательно готовиться, накапливать боеприпасы. Противник привыкнет к ежедневному отражению мелких атак и разведпоисков, а тогда-то на него и будет обрушен внезапный удар большой силы!

И фронтовая молва, которая возникает и молниеносно распространяется по законам, еще не познанным, тотчас понесла весть о появлении серьезного, достойного доверия и уважения командующего. А кто не знает, как много это значит на войне?..

Вернувшись в Уральск, Фрунзе первым делом потребовал личные дела командиров и политработников бригады Плясункова.

— Глядите, Федор Федорович,— говорил он,— ведь биография у Плясункова прекрасная. Бедняк-крестьянин, боевой унтер-офицер царской армии. Полный георгиевский кавалер. А зря этих крестиков простому люду не давали! Доброволец Красной Армии. Геройский командир полка, а потом и бригады Самарской дивизии Чапаева в восемнадцатом году. Что с ним случилось? Почему он сейчас ведет себя вызывающе? Арестовать его или снять с комбрига и разжаловать — это проще всего. Нет, надо доискаться первопричин, понять, в чем тут дело. Кто-то его сворачивает с пути истинного. Сергей Аркадьевич,— доверительно обратился к адъютанту,— разыщите мне начальника особого отдела дивизии и съездите в местное Чека. Пригласите обоих начальников ко мне, только попозже, часам к девяти вечера. Может быть, они помогут разгадать эту загадку. Наверняка у них есть какие-то данные.

— Вы сказали, кто-то его сбивает с пути истинного,— заметил Новицкий.— Не отрицая этого, следует поискать и некое «что-то». Мой жизненный опыт подсказывает мне,— а я ведь прожил уже долгую жизнь, Михаил Васильевич!— что у людей, недостаточно умных или мелковатых душой, рано или поздно заводится бес честолюбия. Наверняка Плясункову кажется, что он мог бы командовать не менее чем дивизией, а его обходят, затирают. Отсюда его озлобленность. А тут еще слух, что вы из бывших генералов.

— Что ж, очень может быть,— задумчиво ответил Фрунзе,— факт честолюбия забывать не следует, оно еще долго будет тащиться за нами из старого мира... Конечно же, далеко уступая Чапаеву, о котором ходят здесь легенды, Плясунков хотя бы внешне хочет походить на него. А про Чапаева мне артиллеристы сегодня такую историю рассказали: когда, говорят, Чапаева в семнадцатом году в партию принимали, секретарь Николаевского комитета его спрашивает: по какой, дескать, тебя, Василий Иванович, специальности можно для партии использовать? А Чапаев ответил так: специальностей у меня две. Первая — я плотник высшего разряда. Так что если надобно по плотницкой части, я для партии с превеликим удовольствием помочь могу. А вторая моя специальность — это военное дело. Я его, говорит, очень хорошо превзошел.

— Да, какие только легенды о Чапаеве не ходят! Я вчера тоже от красноармейцев услышал, что Чапаева бывшие генералы нарочно в Москву отправили, а иначе Колчаку с красными войсками не справиться.

— Вот Плясунков, думаю, под Чапаева и играет, а сам-то слишком мал для избранной роли,— заключил Новицкий.— Я бы его снял с бригады немедленно и назначил бы в Самару — в запасный полк, под ваше постоянное наблюдение. Да и командиров его сменил бы, очень от них партизанщиной несет.

— Нет, Федор Федорович, ваше решение простое, внешне безошибочное, но отнюдь не выигрышное: ведь Плясунков — наш, коренной наш человек, судя по всем данным! И надо сделать так, чтобы от всего сердца и со всем своим талантом он сражался за советскую власть, а не затаил на нее обиду.

— Товарищ командующий, вам срочный пакет,— доложил дежурный по штабу.

Фрунзе вынул бумагу. Первое, что бросилось в глаза, была размашистая подпись Плясункова. «Командарму-4,— прочел он вслух.— Предлагаю вам прибыть в шесть часов вечера на собрание командного и политического состава для дачи нам объяснения по поводу вашего нам выговора за парад. Комбриг *Плясунков*».

— Не может быть!— воскликнул Новицкий.— Разрешите, я сам прочту... Неслыханно! Это невиданная дерзость! Это... это... издевательство и бунт! Необходимо немедленно вызвать Плясункова и арестовать его!

— И все-таки, Федор Федорович, это не будет оптимальным решением, выражаясь языком математики. Вы не хотите предположить, что кто-то очень ждет нашей горячности?

— Что же вы предполагаете делать? Ведь уже полшестого.

— Оставим без ответа.— И он углубился в разбор других дел.— Кстати, Федор Федорович, почему нет документов на вридкомиссара бригады Семенова? Что это за политическая фигура?..

А тем временем Семенов готовил помещение для собрания: под его руководством бойцы расставляли стулья. В первые ряды поставили кресла, затем венские стулья, потом табуретки и скамейки. Для командарма впереди, где обычно стоял стол для президиума, установили ненакрытый кухонный стол и два табурета. Сам Семенов, выпив для храбрости, кричал, командовал, носился из угла в угол. «Только бы не побоялся прийти,— думал он,— а там хоть кто-нибудь из троих назначенных верных людей пулю в него врежет! Главное, загодя поднять вопли, вызвать недовольство, а уже когда начнется заваруха, подымется крик и все встанут, тогда можно палить сколько влезет».

И хоть, казалось, все было организовано и продумано, его колотила нервная дрожь и он снова принимался кричать на бойцов.

К шести часам зал начал наполняться командирами и политработниками всех рангов. Вместе со всеми зашли и три сообщника Семенова. Двое сели по разным углам, третий в центре, у прохода. Плясунков и Семенов уселись в золоченые кресла первого ряда, закурили махорку. Вскоре курили все в зале. Сизый едкий дым, смешавшись с запахом овчины, дегтя, пота, остро шибал в нос каждому вошедшему с мороза, и тот сам в свою очередь

торопился завернуть «козью ножку» потолще, чтоб не слышать вони. Гудение голосов в зале постепенно перешло в шум. Хохот, матерщина, крики заставляли повышать голос любого, кто хотел что-либо сказать соседу.

— Опаздывают их благородие,— сплюнул на пол Семенов, взглянув на золотые часы, взятые из наградных.— Али струсили?

— А я вот пошлю за ним двух молодцов, и пусть приведут его живого или мертвого,— распалился Плясунков.— Выговора́ революционным командирам гражданин Фрунзе пекет легко, а ответ дать кишка тонка!— Он подозвал к себе двух молодых командиров и вышел с ними из зала.

Семенов, повернувшись в кресле назад, прокричал:

— А командующий-то не едет! Струсил господин генерал!

В зале поднялся крик и хохот, кто-то в углу свистнул, из другого ему ответили, в центре издевательски заблеяли.

Плясунков возвратился, шум усилился.

— Часами-подарками хотел нас купить, шкура старорежимная!— неслось из угла.

— Не выйдет, не продажные! Пущай ответ дает за выговор!— слышалось из другого.

Атмосфера накалялась.

— Эх, браток, а тут что-то неладное происходит,— вполголоса прогудел комвзвода Гулин, коренной чапаевец, своему соседу — командиру эскадрона Кухарцеву.— Неужели сюда командующий придет?

— Придет или не придет, а ты давай хорошенько приглядывайся. Что-то я у нас в бригаде этого красножего свистуна раньше не видел.

— На днях прибыл с пополнением. Ну, что нам тут, однако, сидеть, дел, что ли, нету других?— Гулин нетерпеливо повернулся, скамья под ним угрожающе затрещала.

— Ну и здоров же ты, чертяка!— позавидовал сухощавый Кухарцев.— А за Фрунзе уже поехали. Пугачевский полк в ружье подняли на случай чего. Свои своих пострелять могут: и ткачи в ружье стоят. Карусель!..

Фрунзе по-прежнему сидел за изучением документов, когда к нему обратился Сиротинский:

— Товарищ командующий, к вам два командира от Плясункова.

— Пусть войдут!

Вошли два молодых командира, оба при шашках, с наганами в кобурах:

— Товарищ командующий! Народ ждет, волнуется. Комбриг Плясунков приказал нам немедленно доставить вас на собрание.

— Если мы приедем без вас, он обещал нас расстрелять,— добавил второй,— и явиться сюда с Пугачевским полком.

Фрунзе встал:

— Вот как? Отправляйтесь к комбригу и скажите, что я через пять минут буду на вашем собрании.

Командиры стояли, колеблясь.

— Кругом!— скомандовал Новицкий.— Шагом марш!

Они повернулись и вышли.

Михаила Васильевича окружили Сиротинский, Новицкий, начдив 22-й Дементьев, штабные командиры.

— Мы вас не отпустим к Плясункову!

— Это же бандиты, анархисты!

— Вы забыли историю с Линдовым?

— Товарищи!— негромко, но решительно произнес Фрунзе.— Я решил ехать. Там не такие уж плохие люди. Это революционные, временно заблуждающиеся бойцы. Им надо открыть глаза, выбить почву из-под ног наших врагов. Они сами помогут выявить тех, кто агитирует против нас. Если я откажусь ехать, события примут кровавый оборот, конфликт может разрастись. Прикажите подать санки!— Он снял кобуру и передал ее Новицкому.— Товарищ Сиротинский, снимите оружие. Нам оно сейчас не нужно.— И добавил вполголоса:— Ничего, Сережа, бывали в жизни ситуации и покруче, а сейчас все же к своим людям едем...

Когда они вышли, Новицкий и Дементьев решили поднять по тревоге помимо 220-го полка еще и бригаду Ильина и окружить штаб Плясункова.

— Командующий прибыл!— крикнул кто-то, и гомон в зале разом утих.

Фрунзе вошел в сопровождении адъютанта. Никто не подал команды, никто не встал — командиры как сидели в шапках с цигарками в зубах, так и продолжали курить, развалившись. Командарм прошел вперед, снял папаху, сел. Сиротинский сел рядом. Фрунзе с интересом, изучающе смотрел на сидящих в зале командиров. Многие опускали глаза, некоторые с вызовом смотрели на него.

— Вы просили приехать меня к вам на собрание. Я приехал. В чем дело?

В зале настороженная тишина. Семенов поднимает руку, чешет голову, и визгливый голос сзади выкрикивает:

— Мы здесь воюем, кровь свою за революцию проливаем, а тут приезжают всякие тыловые и нас, боевых командиров, на парадах заставляют носочки тянуть, а потом выговора дают!

— Это тебе не старый режим!— прорвало кого-то еще.

— Часами-подарками хотят нас купить!

— Не выйдет, генеральская шкура! Давай ответ!

— Тебе что, Линдова мало? Еще можем проучить! — хрипло крикнул сидящий перед Гулиным и Кухарцевым кряжистый командир. Те удивленно и со значением переглянулись.

Услыхав угрозу, Фрунзе резко встал, побелев от гнева:

— Прежде всего заявляю вам, что я приехал сюда не как командующий. На подобном собрании командующему армией быть не место! Я здесь перед вами как член партии большевиков, как посланец Центрального Комитета нашей партии. Всем ясно?!

Здесь какой-то негодяй осмелился угрожать мне судьбой члена Реввоенсовета, питерского рабочего Линдова, которого убили бойцы, разагитированные эсерами. Я прямо говорю: меня угрозами не запугаешь! Царский суд дважды приговаривал меня к смертной казни, дважды по месяцу держали меня в камере смертников, но, как видите, от идей нашей партии я не отказался и не откажусь, что бы здесь ни кричали враги. Ясно это вам лично, комбриг Плясунков?— И он в упор посмотрел на сидящего перед ним Плясункова. Тот опустил глаза.

— Это кто враги? Мы, что ли?— визгливо закричал кто-то из угла.

Зал опять взорвался криком.

— Гляди-ка!— Кухарцев подтолкнул Гулина: командир перед ними быстро вынул из-за пазухи наган и стал торопливо целиться в промежуток между рядами. Гулин, долго не думая, в ту же секунду страшно ударил его по затылку пудовым своим кулаком. А Кухарцев, навалившись со спины, завернул его руки назад и выхватил у него наган. Еще двое соседей мигом связали его и опустили, оглушенного, потерявшего сознание, лицом вниз под скамью. Все было сделано так быстро, что во все-

общем шуме почти никто ничего не увидел, ничего не услышал.

— Это кто враги?— кричат из зала.— Покажите!

Плясунков поднимается, снимает папаху и кричит в зал:

— Тише вы, дьяволы!.. Дайте сказать командарму!

Зал затихает. Плясунков садится. Семенов злобно смотрит на него и пожимает плечами.

— Чтобы вам была понятна вся преступность вашего поведения и ваши ошибки, я расскажу вам о положении на всех фронтах, о международном и внутреннем положении республики...

В зале установилась полнейшая тишина. Многие вслед за Плясунковым поснимали головные уборы, прекратили курение. Сообщники Семенова, оглянувшись по сторонам, притихли.

Почти никому из слушателей — недавним крестьянам и солдатам — не приходилось раньше слушать доклад, в котором так живо и так широко рассказывалось разом обо всем, что делается на планете. Вот огненные языки пожара со всех сторон обступили молодую Республику Советов. Они зловеще чадят, трещат, тянутся все вперед и вперед, раздуваемые злобными заокеанскими ветрами, и там, где они пройдут, на почерневшей, выгоревшей земле, вновь, как из-под земли, погаными грибами вырастают эксплуататоры трудового крестьянства.

Фрунзе говорил, и перед замершей аудиторией вставали картины голода и холода, болезней и развала транспорта в окруженной фронтами России.

— Не щадя себя, недоедая, с головой, которая кружится не от водки, как у вас, а от голода, стоят рабочие бессменно у станков, вырабатывая патроны, которые вы здесь бессовестно и бессмысленно расходуете впустую. Они опускаются под землю, чтобы там, в сырости и мраке, добыть лишний пуд угля, без которого остановятся паровозы, замрут фабрики. Разутые и раздетые, голодные и холодные, они все отдают вам, своим защитникам, потому что верят в вас, потому что надеются — славные революционные воины Четвертой армии не дадут буржуям и помещикам задавить мировую революцию, не дадут залить кровью свою многострадальную, ныне освободившуюся родину!..

С командирами говорил их старший и мудрый друг, который знал много больше их, говорил прямо и резко.

Его речь длилась уже более часа, а в зале не слышно было ни скрипа скамейки, ни покашливания, нигде не поднималось ни струйки дыма: все сидели, подавшись вперед, не упуская ни слова. Фрунзе рассказал им по-военному прямо о том, насколько грозна и сложна военная ситуация, сложившаяся на Восточном фронте в целом, на их участке особенно.

— Враг силен и жесток. Пройдет несколько недель, и именно на нас с вами навалится он всей мощью своей. Как мы готовимся к этому сражению, которое будет решать судьбу всей революции? Как мы готовимся защитить русских рабочих и крестьян, которые отдали нам все, вплоть до этих вот полушубков, а сами ходят полураздетыми? Выбора нет! Либо мы хотим превратиться в сброд анархистов и увидеть, в конце концов, на всех фонарях Уральска, Уфы, Самары, Москвы повешенных рабочих, либо мы станем настоящей армией сознательных революционных бойцов! Заканчивая свое выступление, я хочу заявить вам уже как командующий: в случае повторения тех безобразий, которые имели место на смотре и здесь, буду их рассматривать как прямую измену народу и виновных карать вплоть до расстрела. В этом можете не сомневаться!

Фрунзе умолк. Молчал и зал.

— Имеется еще что-нибудь ко мне?

Присутствующие молчали. С кресла в первом ряду вскочил комиссар Пугачевского полка Здоровейшев и, срывая голос, радостно закричал, повернувшись в зал:

— Коренному истинному большевику... Нашему командарму товарищу Фрунзе — ура!

— Ура! Ура! Ура!— загремело под сводами.

Фрунзе стоял спокойно, глядя на неистово аплодирующих командиров. Ничто: ни глаза, ни цвет лица, ни руки — не выдавали той громадной бури чувств, которая бушевала в его душе в эти счастливейшие в его жизни секунды. Народная армия будет верой и правдой героически служить народу.

— Комбриг Плясунков,— негромко сказал он,— через час жду вас с вридкомиссаром в штабе двадцать второй дивизии.

— Слушаюсь, товарищ командарм!— вытянулся Плясунков.

Фрунзе двинулся к выходу. Плясунков за ним. Все встали, поворачивая вслед за ними кто сияющие, кто

смущенные лица. Плотной сплошной массой командиры повалили за командующим к выходу. Семенов, еще надеясь на что-то, злобно и настороженно ожидая выстрела (ах, как свирепо ненавидел он в эту минуту Фрунзе!), поплелся сзади.

— Товарищ комиссар!— доверительно позвали его сбоку.

Он оглянулся. Человек шесть командиров стояли около какого-то лежащего, связанного ремнем человека, прикрыв его полами шинели.

— Что такое?— Сердце у Семенова быстро забилось. Ожидая всего, что угодно, вплоть до разоблачения, Семенов быстро положил руку на маузер.

— Этот гад хотел стрелять в товарища командующего.

— Этот? Ах он подлец! Отойдите все!— взвизгнул Семенов, выхватывая маузер. Гулин, Кухарцев и остальные метнулись в сторону. Видимо, от колебания воздуха сподвижник Семенова очнулся. Он раскрыл мутные глаза, и вдруг они стали сразу осмысленными и испуганными. Он хотел что-то сказать, но Семенов, вытянув руку, несколько раз, чуть не визжа, в какой-то истерике выстрелил в него почти в упор. Тело конвульсивно изогнулось и замерло.

— Зачем вы это, товарищ комиссар? Разузнать бы сперва надо!— сердито промолвил Гулин.

— Молчать! На какого человека руку хотел поднять, мерзавец! Обезглавить нас хотел, а мы с ним будем возиться и чикаться? Нет, на войне как на войне! Труп убрать без шума. Комбригу все доложу сам!

Не успел Фрунзе подняться по лестнице в штаб, как дежурный сообщил ему:

— Товарищ командарм, срочно звонят от Плясункова!

— Хорошо, иду. Ну, что, Федор Федорович, поволновались немного?— дружески пожал он на ходу руку Новицкому.

— Ох, Михаил Васильевич, что и говорить! Наверно, до конца стал я седым за этот час! Но мы были готовы обезоружить участников собрания в любой момент. Наблюдателя устроили на крыше напротив, он по телефону сообщал нам, как идут дела. Когда передал, что «ура» кричат, ну прямо отлегло от сердца!

— Да у вас совсем-таки военная операция происхо-

дила,— засмеялся Фрунзе, подходя к телефону.— Фрунзе на проводе.

— Товарищ командарм? Плясунков говорит,— послышался взволнованный голос.— Дело такое: не успели вы уехать, как комиссар Семенов застрелил в зале одного командира за то, что он якобы пытался во время доклада вас убить!

— Вот как? Серьезное дело! Очень серьезное. Спасибо за сообщение.— Фрунзе подумал немного.— Товарищ Плясунков, я попрошу вас с Семеновым явиться ко мне не через час, как мы договорились, а через два. Повторяю: с Семеновым через два часа! Ясно? На полную вашу ответственность!

— Сергей Аркадьевич,— обратился Фрунзе к адъютанту,— немедленно вызови ко мне в кабинет приглашенных чекистов. Экстренно! Проследи, чтобы к дверям никто не подходил. А когда подъедут Плясунков с Семеновым, скажи им, что первым я приму комбрига, а комиссару придется подождать в кабинете начальника штаба. Там его обезоружат и арестуют. Новицкому передай, чтобы иваново-вознесенцы оставались под ружьем.

Через некоторое время в кабинет, где сидели Фрунзе и начальник Чека, вошел Плясунков. Он заметно волновался, но старался держаться твердо и с достоинством.

— Объясните мне толком, чтобы я все понял: отчего нет дисциплины в вашей прославленной раньше бригаде? Почему вы с таким вызовом повели себя на смотре? Почему посмели обратиться ко мне с подобной запиской?

— Если я виноват, товарищ командующий, то вы можете меня расстрелять,— побледнев, ответил Плясунков.— А только смерти я не боюсь. Трижды был ранен, а из боя не выходил. И преданность революции мои полки показали в боях прошлого года и в начале этого года в сражениях за Уральск, а не на параде. Когда комбрига Кутякова ранили, я принял бригаду. Мы кровью истекали, а бригада Ильина нам тогда никакой помощи не оказала. И даже его штабники уговаривали меня оставить Уральск. Но мы город отстояли и врага отбросили на двадцать верст. А на параде Ильин свою бригаду вперед нашей пустил: им почет, а нас в тень! Это ж разве справедливо?

Он остановился, что-то обдумывая.

— Вот на фронте за Уральском и началось. Комиссара нашего нового, Горбачева Гаврилу, в Самару вы-

звали и там надолго задержали, а заменять его начал присланный тогда же Семенов. Я, конечно, виноват, поддался ему. Уверил нас, что вы генерал. Посоветовал: вызови его, пусть всем объяснит свой незаконный выговор. Я послушался... Стыдно мне вам в глаза глядеть после вашего доклада. Снимайте, судите меня. Только командиры наши просили объяснить, что бригада наша боевая, упорная. А в обороне мы, конечно, распустились. Грехи свои сознаем, готовы за них ответить. Но только бойцы бригады не виноваты ни в чем.

Фрунзе слушал Плясункова молча, пристально глядя на него. Когда же комбриг с жаром стал защищать свою бригаду, он усмехнулся, встал, положил обе руки на плечи комбрига и горячо сказал:

— Друг дорогой, голова разудалая! Судить мы тебя не будем, снимать с должности тоже. Командуй бригадой. Выйдет из госпиталя Кутяков, тогда видно будет...

Плясунков стоял неподвижно, лицо его неожиданно залило краской, он глубоко и прерывисто вздохнул.

Фрунзе, справившись с нахлынувшим на него радостным чувством, уже спокойно сказал, переходя на официальный тон:

— Что свою вину за развал дисциплины признаете — это хорошо. Завтра вам поможет провести партийное собрание новый комиссар двадцать второй дивизии Андреев. Вашего Семенова я приказал арестовать и провести дознание, почему без суда и расследования он убил командира. Надеюсь на вас, товарищ Плясунков, и доверяю вам. И скажите своим командирам: сиротами ходить не будете. Двадцать пятую дивизию восстановлю полностью, трехбригадной. А Чапаева из Москвы вызовем.

— Товарищ командующий,— хрипло произнес Плясунков,— нужна вам моя жизнь?! Берите!

— И ваша жизнь, и моя, и его,— Фрунзе указал на начальника Чека,— нужны революции,— тихо ответил командарм.— И все мы должны быть сознательными революционерами. Ясно?! Идите!

Плясунков глубоко надвинул папаху, резко повернулся, ударив ножнами по столу, и пошел к дверям. У входа он постоял, снова повернулся:

— Так точно, быть сознательными революционерами!— Козырнул и с грохотом вышел.

Фрунзе вздохнул и нажал кнопку на столе, вызывая Сиротинского:

— Ну, так что там утверждает Семенов?

20 февраля 1919 года. САМАРА

— Здравствуйте, Михаил Васильевич!— воскликнул еще от дверей Куйбышев.— А мы тут без вас уже скучать стали!

— Да уж я знаю, работы у вас не было, от скуки пропадали.— Фрунзе с улыбкой вышел из-за стола и направился к Куйбышеву и Берзину — члену Реввоенсовета.— Ну, что у вас хорошего? Что новенького в Самаре? Как идет партийная мобилизация?

Они втроем сели на диван.

— Из Петрограда и Москвы идут к нам эшелоны с добровольцами,— ответил Куйбышев.— Сколько людей прибудет, пока, правда, еще неясно. А здесь, в Самаре, мы начали создавать армейские резервы, уже скомплектован запасной полк. По общей мобилизации мы получили около трех тысяч, партийная дала сто пять человек. Ну и, кроме того, почти завершили комплектование рабочих полков без отрыва от заводов. Бойцы вооружены, проходят военную подготовку. Выделены дежурные подразделения.

— Очень красиво ты все говорил, только самого главного не сказал.— Берзин соболезнующе покачал головой.

— Вы не смотрите, Михаил Васильевич, что этот латыш выглядит эдакой сонной квашней.— Куйбышев обнял Берзина за литые плечи.— Щук приходилось вам ловить? Вот и он, как та щука: будто бы спит в сторонке, глаза прикрыты, хвост едва колышется, и вдруг — раз!— уж и заглотил какого-нибудь карася-простофилю или плотвичку. Э! С ним ухо востро надо держать.

— Не буду так прямо утверждать, что ты и есть плотвичка, потому что я тебя жалею,— смеющиеся глаза глянули на Куйбышева.— Но все-таки из чего

стреляли бы твои сто пять человек и что они заряжали бы в свои ружья, если бы не мы, скромные хозяйственники?..

Отчаянной, невероятной храбрости артиллерист в прошлом, Берзин имел сейчас все основания поиграть в «скромного хозяйственника». В результате организованной им повальной проверки всех складов было обнаружено множество пулеметов, винтовок, несколько миллионов патронов и сотни тысяч снарядов всех калибров. Вплоть до самого июля войска не испытывали острой нужды в боеприпасах.

— Отлично!— оценил Фрунзе его лаконичное сообщение.— Ну, а как проверка кадров?

— Занимаемся. Между прочим, пришлось снять одного из наших штабных,— ответил Берзин.

— Кого же?— живо поинтересовался Фрунзе.— Уж не гуся ли этого снабженского?

— Совершенно точно! «Чрезвычайного уполномоченного»,— усмехнулся Куйбышев.— Пока выясняем, саботажник или просто дурак. Ну, а у вас-то как дела?

— О положении в армии и о принятых мною мерах я доложу вам подробнее, с картами и цифрами, на Реввоенсовете. А пока должен вам сообщить, что арестовал вридкомиссара семьдесят третьей бригады некоего Семенова. Похоже, что он готовил восстание бригады. Во всяком случае — всячески разжигал недовольство, сеял клеветнические слухи. Самое подозрительное, что он сам, без всякого расследования, застрелил покушавшегося на меня командира взвода.

— Вот как? На вас готовилось покушение!— воскликнул Куйбышев.— Они хотели повторить историю с Линдовым!

— Почему повторить?— спросил Берзин.— Дальше пойти они хотели. Еще дальше.

— Разумеется, здесь есть связь,— убежденно произнес Куйбышев.— Восстание двух полков, убийство Линдова и его спутников, покушение на вас — и все это за короткое время и на одном и том же участке фронта. О чем это говорит?

— Это говорит о том,— спокойно ответил Фрунзе,— что здесь, во-первых, будет одно из главных направлений удара Колчака. Во-вторых, что агентура врага здесь хорошо организована и действует активно.

— И, в-третьих, если рассуждать логично,— добавил Куйбышев,— агентура эта прочно связана с каким-то большим, едва ли не стратегического значения, центром, который всячески, буквально всеми средствами стремится помочь Колчаку.

— Печально, но факт, дорогие товарищи.— Фрунзе встал и прошелся.— Я думаю, надо просить Дзержинского поглубже разобраться в этом деле. Попрошу вас, Валериан Владимирович, отправить ему ваши соображения в зашифрованном виде. Но, разумеется, нельзя зевать и самим. Не так ли?

— Товарищ командующий, разрешите?— В дверях стоял Новицкий.— Тут прибыл товарищ Чапаев.— Мы с ним побеседовали по душам и решили вас побеспокоить.

— Очень правильно решили! Проходите, товарищи.— Фрунзе встал, с нескрываемым интересом всматриваясь в Чапаева. Он ожидал увидеть громогласного гиганта-партизана в бурке — нечто вроде Плясункова. Но перед ним спокойно стоял сухощавый, среднего роста человек лет тридцати, с совсем еще молодым и свежим лицом, которое не старили тонкие, закрученные на концах усы. Аккуратная прическа, щегольски подогнанная одежда, кавказская шашка, богато отделанная серебром, красиво расшитые оленьи пимы — все это говорило о том, что человек следит за собой.

— Товарищ командующий, бывший командир Самарской, потом двадцать пятой дивизии, ныне слушатель Академии Генерального штаба Чапаев в ваше распоряжение прибыл!— Живые синие глаза с чуть скрываемой смешинкой по-уставному прямо смотрели на Фрунзе.

— Так вот вы какой, товарищ Чапаев! Очень рад вас видеть!— Фрунзе поздоровался с ним, подвел к Берзину и Куйбышеву, усадил в кресло.— Слышал я о вас много: и сами хорошо врагов били, и бойцов умели поднять. Так что, из академии — досрочно?

— Сбежал я оттуда, товарищ командующий,— без тени смущения ответил Чапаев.— Порохом весь я пропитан. Как это, думаю, штаны протирать, когда мои люди кровь проливают? Даже письмо товарищу Линдову написал: так и так, прошу меня откомандировать отсюда назад, не то все равно пойду к доктору, справку от него достану. Ну, а тут приходит известие, что товарища Линдова злодейски убили. Не стал я тогда больше ждать

и сбежал к вам на фронт. А учиться уж после окончательной победы поеду.

У Фрунзе юмором и доброжелательством заискрились глаза:

— А куда бы вы хотели получить назначение, Василий Иванович?

— Только прямо, со всей откровенностью,— добавил Куйбышев.

— Со всей откровенностью? Хотел бы в свою дивизию!

Фрунзе сидел, зажав в кулак бородку, пристально глядя на Чапаева. Что-то важное решив для себя, он энергично произнес:

— Ну, что ж: за доверие — доверие! Дивизию вашу после вашего отъезда почти расформировали. Кто и почему — пока не знаю. Цела одна лишь бригада Кутякова, но сам Кутяков сейчас на излечении, командует Плясунков. Дивизию соберем, это я обещаю! Но на это нужно время. А сейчас получите особое назначение: на днях мы начнем на правом фланге, в районе Александрова Гая тактическую наступательную операцию. Усиленная бригада должна будет обойти противника по степям и ударить по нему во фланг и тыл. В дальнейшем придется действовать совершенно самостоятельно и инициативно — в осуществление наступательного плана. Возьметесь?

— Возьмусь!— Чапаев поднялся.— Доверие оправдаю.

— На днях я назначил комиссаром в эту бригаду дельного и умного человека, давнего своего знакомого — Дмитрия Фурманова. Думаю, сработаетесь.

Чапаев неопределенно шевельнул усами.

— Александрово-Гайскую бригаду вольем после этого в вашу дивизию третьей бригадой. Прошу вас завтра зайти в штаб, получить документы, ознакомиться с картой. А сейчас отдыхайте. Имеете где остановиться?

— Найдется. Есть у меня просьба: разрешите с собой моих ребят взять. Тут ведь и командиры полков, ротные, взводные, разведчики, ординарцы. Заждались меня.

— А где ж они?

— Как узнают, что я приехал, мигом прилетят!

— Хорошо, оформим,— рассмеялся Фрунзе.

Чапаев тоже засмеялся, еще раз остро, с откровенной симпатией взглянул на командующего и вышел.

— Ну что ж, нашего полку прибыло,— подытожил Берзин...

— Значит, вы утверждаете, что их полку прибыло и что в связи с приездом Чапаева Фрунзе собирается вновь собрать в один кулак с таким трудом распущенную двадцать пятую дивизию?— Уильямс был в грубошерстном черном костюме, в малиновой косоворотке. Темно-русая борода изменила черты его лица — самарский мастеровой, да и только! Он, морщась от огня, сидел перед печкой на корточках, перемешивая кочергой груду пылающих синим цветом углей. Гембицкий вытянулся в кресле, выставив ладони навстречу ровному жару, идущему из открытой дверцы. За стенкой пела, подыгрывая себе на гитаре, Нелидова:

Подождите! Прогресс надвигается,
И движенью не видно конца:
Что сегодня постыдным считается,
Удостоится завтра венца.

— Так точно. Так было им заявлено сегодня этому фанатику партизану Чапаеву.

— Обдумаем. Дальше. Как вы расцениваете свое положение в штабе?

— Я знаю, что Новицкий характеризовал меня Фрунзе как самого работоспособного и грамотного штабного командира. В результате мы с вами,— не без наглости подчеркнул Гембицкий,— имеем копии всех секретных решений и приказов по армии.

— Это хорошо, и мы вас не обижаем, не так ли?— сухо сказал Уильямс.— Но требуется больше.

— Вы знаете, что командиром Самарского запасного полка я провел Николая Ильича Губина — бывшего полковника, активного члена партии социалистов-революционеров. Вместе с ним мы подобрали двух командиров батальонов. Учитывая большое количество наших людей, расставленных в этом полку на роты, взводы и отделения, полк может быть довольно быстро подготовлен для восстания. Надо только удержать этот состав, чтобы он не ушел на формирование новых частей.

За стеной тоскливо, с искренним надрывом пела Нелидова:

Бурной жизнью утомленная,
Равнодушно бури жду:
Может быть, еще, спасенная,
Снова пристань я найду...
Но, предчувствуя разлуку,
Неизбежный грозный час,
Сжать твою, мой ангел, руку
Я спешу в последний раз.

— Послушать вас, так все идет великолепно, все очень хорошо,— раздраженно промолвил Уильямс.— Чапаев не более чем глупый, самоуверенный партизан, копии всех приказов мы имеем, Самарский полк к восстанию готов...

— Почти готов, сэр...

— Ах, не будем смотреть на мир сквозь розовые очки! Только дураки врут сами себе. Грушанский снят?

— Увы...— поколебавшись, ответил Гембицкий.— Но мы добились, что его не арестовали, а лишь отправили в штаб фронта, как несправившегося.

— А! Из игры он выбыл надолго. Новицкий завербован?

— Ольхин из отдела АХО армии делает все, что может, в этом направлении. Новицкому ясно дано понять, что он может найти подлинных друзей, но он пока молчит.

— Я не верю в святых людей,— раздельно произнес Уильямс, садясь напротив Гембицкого.— Ведь это же не коммунист, а дворянин, генерал в прошлом. В мире существует только одно правило: одна вещь стоит дешевле, другая дороже. Согласен, что Новицкий — штучка непростая, недешевая. За него можно заплатить хорошую цену. Пусть он сам назовет любую страну, любой банк, мне все равно. Я передам ему через вас чек на двести тысяч долларов. Неужели этого мало?

Гембицкий, не в силах сдержаться, услыхав такую сумму, вскочил на ноги:

— Сделаю все возможное, сэр!

— Садитесь. За комиссионными задержки не будет,— пренебрежительно махнул рукой Уильямс.— Но это все в будущем. А пока незачем тешиться особыми удачами: Грушанский списан. Господин Сукин преждевременно поднял восстание, он и его отряд уничтожены в Черном Яру. Надо сказать, весьма умело и энергично окружены и разгромлены. Ну что, будем и дальше похваляться?

— Господин Уильямс,— нерешительно произнес Гембицкий,— сегодня Фрунзе написал приказ по армии. Вот он.

ПРИКАЗ ПО ВОЙСКАМ 4-Й АРМИИ
№ 92/39

За время моего командования армией я натолкнулся на целый ряд фактов, составлявших крупные подчас нарушения порядка службы и дисциплины; случаи эти тем более странны и тем менее извинительны, что нарушителями дисциплины являются иногда лица высшего строевого командного состава и отчасти даже военные комиссары.

Так, был случай, когда один из командиров бригады, получив от меня за несколько недозволенных проступков словесный выговор, апеллировал к своим подчиненным, и в результате командный состав этой бригады, во главе с бригадным военным комиссаром, потребовал меня до объяснений...

— Ну и что?— бегло просмотрев приказ до конца, спросил Уильямс.— Очень хорошо и мило, а его угрозы вряд ли кого испугают. Что на вас так подействовало?

— Сэр, речь идет о бригадном военном комиссаре Семенове. Он арестован при попытке организовать покушение на Фрунзе. Правда, против него имеется лишь одна улика: самочинная расправа с покушавшимся. Но тем не менее он в тюрьме...

— Ах, черт возьми!— Уильямс сдавленным голосом яростно произнес несколько ругательств.— С этого и надо было начинать ваше сообщение. Ведь эта каналья слишком много знает! Галина Ивановна, зайдите сюда.— Он постучал в стену.

Она появилась томная, еще более красивая, чем прежде, протянула руку Гембицкому для поцелуя:

— Здравствуй, Лешенька, как поживаешь? «Где вы теперь? Кто вам целует пальцы?» А я-то думаю: кто это так надолго засел у шефа?

— Галина Ивановна, вам известно, что Семенов арестован?— в упор спросил Уильямс.

— Вот как! Ну и олух!— злобно процедила она.— Нет. Я уехала от него на следующее же утро, передав задание. Значит, провалился?..

— Что вы можете сказать по этому поводу?

— Что сказать?— Нелидова задумалась.— Во-первых, почти ничьих настоящих фамилий он не знает, потому что в Самару прибыл первым из нас и тотчас же был

назначен в Уральск. Да, кроме того, он старый, еще довоенный конспиратор. Не расколется. Хитер и упорен.

— Какая чепуха! Простите, но вы казались мне умней. И камень расколоть можно, а тут... Господин Гембицкий, где содержится Семенов?

— Сегодня утром доставлен в самарскую тюрьму.

— Госпожа Нелидова,— твердо сказал Уильямс,— слушайте меня внимательно. Завтра же под любой личиной начните добиваться свидания с Семеновым. Передадите ему при встрече свежие пирожки или булочки или ведьму на метле — это ваше дело. Вот вам порошок — разделите его на пять частей, по одной части в каждую булочку. Этого будет достаточно, чтобы он никогда не проснулся. Ясно вам? Из тюрьмы уходите, всячески заметая след, меняя облик, впрочем, вас этому учить не нужно. Вы хотите мне что-то сказать?

— Но ведь это... все-таки... мой...— с запинками произнесла Нелидова. Ее темные миндалевидные глаза от недоумения расширились.

— Что «мой»? Один из ваших, причем многих, сожителей, вы хотите сказать?— злобно перебил Уильямс.— Потому я и назначаю вас на эту операцию, что вас он не заподозрит. «Мой, мой»,— передразнил он.— Чем, например, Гембицкий хуже? На гитаре не играет? Так это для мужчины совсем не обязательно.— Он по-отечески засмеялся, трепля ее по плечу.— Ну, так что, есть еще сомнения или, считаете, лучше предстать вам перед светлые очи Чека? Семенов-то ваш самарский адресок знает!

Нелидова, прищурившись, поправляла перед тусклым, треснувшим зеркалом свои пышные локоны. И впрямь, кто его ведает, фигляра, если за него по-умному возьмутся. Да и поднадоел он за два года, честно говоря: суетлив, слюняв. «Из-за этой жирной скотины рисковать?» Она поправила платье на плечах, деловито (все свои) поддернула лиф и сказала уже равнодушно:

— Свое комбине, говорите, ближе к телу? Где ваш крысиный или какой там еще порошок?

Гембицкий мысленно перекрестился: «Ну ее к господу богу! Обойдусь с какой-нибудь попроще, от греха подальше». «Сжать твою, мой ангел, руку я спешу в последний раз»,— прозвучал в его ушах ее томный голос.

— Итак, господа, задачи ясны. Вот именно: своя голова ближе к телу. Расходиться будете порознь. Госпо-

дин Гембицкий, повторяю: на Новицкого денег не жалейте! В штабе исподволь сводите на нет приказы Фрунзе. Убеждайте Берзина, Лазаревича, Яковского и других в невозможности удержать Колчака восточнее Волги, в необходимости заблаговременного отступления за Волгу...

«Ах, Сашка, Сашка, преданный все же был мужик! Бодренький был,— Нелидова думала о муже уже в прошедшем времени.— Конечно, не Безбородько, толстоват, с одышечкой, но все же кое-что... Да, Уильямс молодец, никаких сантиментов, четкий расчет,— и дело сделано. Вот у кого учиться...»

Гембицкий ушел.

— Не жалейте денег, чтобы попасть на свидание в тюрьму, Галина Ивановна,— сказал Уильямс. Он аккуратно положил перед нею десять больших золотых монет.— Эти ключи откроют любые двери. И, поверьте мне, старому опытному человеку: они легко позволят нам утешиться, потеряв Сашу, Машу, Пашу, Глашу или кто там еще есть.— Он засмеялся, и она поддержала его звонким смехом.

10 марта — 15 апреля 1919 года. БУЗУЛУК — СЕЛО ПАЛИМОВКА ПОД БУЗУЛУКОМ

По прибытии в Бузулук петроградские добровольцы возобновили регулярные занятия по тактической и стрелковой подготовке, но их настроению сильно мешала неопределенность с назначением: «Вот приедет Чапаев — прояснится, куда вас, куда всех, а покуда терпите». Так прошла неделя, потянулась другая, а между тем поползли черные слухи с фронта. Сколько же можно отсиживаться в тылу — скорее бы в дело!

И тут в конце марта солдатский телеграф сообщил: «Чапаев принял командование». 4 апреля этот телеграф, который не ошибается, оповестил: «Чапай в Бузулуке». И вот добровольцы стоят перед штабом дивизии: им и впрямь объявили, что Чапаев хочет с ними говорить. Время тянется ужасно медленно, а Чапаева все нет и

нет. Наконец хлопнула дверь, по рядам раскатисто покатилась команда «Смирно!», с крыльца стала спускаться группа командиров. Чапаева Гриша узнал сразу, потому что он выглядел именно так, как его описывали им: в щегольской шинели, в папахе, лихо заломленной на затылок, с богатой саблей и маузером. Остро вглядываясь в лица, он стал приближаться к шеренгам. Рядом с ним шел спокойный, крепкого сложения молодой военный в кожаной куртке — комиссар Фурманов, как узнали они потом.

— Равнение на середину!

И вдруг в тишине все услыхали, как Чапаев, полуобернувшись к Фурманову, бросил насмешливым тоном:

— Нагнали молокососов!

— Что вы, Василий Иванович,— ответил Фурманов.— Это же красные орлята из самого Питера. Они, как их отцы, ничего не боятся. Подучить, правда, нужно будет.

Чапаев неуловимо быстро улыбнулся в усы, шагнул вперед и вместо приветствия звонко прокричал:

— Красные орлята с самого Питера! Кто из вас коня не боится и в конной разведке служить хочет — три шага вперед... арш!

Замерли шеренги, словно окаменели,— любой команды ждали, только не такой.

— А ну-ка, сынки, раздайсь!— Вперед, звонко печатая шаг, вышел Еремеич — с проседью в длинных усах, морщинистый, сутуловатый.

— Орленок!— фыркнул Чапаев. Командиры рядом с ним широко заулыбались. Григорий с Володей переглянулись и, не раздумывая долго, стали рядом с Еремеичем. Синие глаза Чапаева с усмешкой ощупали комичную пару: высокого и коротыша. Вслед за ними вразнобой вышло еще около тридцати человек, подравнялись.

— Гришка, гляди! А этот откуда взялся?

Григорий оглянулся: в строю стоял, независимо улыбаясь, Хорьков, памятный им по словесной перепалке с Фрунзе на митинге молодежи в Мариинском театре.

— И впрямь! Видать, все же совесть и его разобрала — догнал эшелон.

— Разберет такого, как же,— пробурчал Фролов.

— Разговорчики!— раздалось громкое замечание. Они вытянулись по стойке «смирно».

Чапаев не торопясь обошел строй, пристально рассматривая каждого, дошел до правофлангового — Еремеича, снова насмешливо фыркнул как бы про себя:

— Орленок!.. В армии раньше служил?

— Так точно.

— Пехота или артиллерия?

— Драгун. Конная разведка.

— Харрашо! А что скажешь про остальных?

— Ребята вострые, ловкие, грамотные: питерские.

— Красные орлята, одним словом?

— В самый раз.

— А что же вы, старый солдат, среди молодежи оказались? — вмешался Фурманов.

— Направлен Петроградской партийной организацией.

— Член партии?

— С девятьсот восьмого года.

— Как звать-величать?

— Иван Еремеевич Иванов.

— Иван Иванов, значит? Самая Расея,— подколол Чапаев.

— Так точно. Еремеич по-заводскому,— спокойно ответил тот.

— Я комиссар дивизии,— сказал Фурманов,— зайдите завтра ко мне.— И он отошел вместе с Чапаевым.

Тот озабоченно покручивал усы:

— Ну, как, комиссар, подойдут? Эх, побыстрее бы их подучить, мне лихие разведчики вот как нужны! — Чапаев полоснул себя по горлу.

— Знаешь что, Василий Иванович, а ты прикажи к каждому из них на неделю или на полторы опытного кавалериста приставить. Индивидуальная подготовка всегда дает большой толк. Вот и получишь добрых разведчиков.

Чапаев задумался ненадолго, потом распорядился, обернувшись:

— Приказываю: зачислить этих в двадцать пятый кавдивизион и к каждому такому молодцу прикрепить по старому кавалеристу. Разве что к этому красному орленку,— он кивнул на Еремеича,— не требуется няньки. На неделю. Больше Колчак нам не даст. Выделить всем по доброму коню. Через неделю сам приеду у них экзамен принимать. Остальных зачислить в пехтуру к Кутякову. Исполнение приказа вечером доложить мне.

Все! — Повернувшись, Чапаев пошел в штаб, провожаемый сотнями горящих молодых глаз, за ним последовали остальные...

В тот же день неподалеку от Бузулука, в селе Палимовка, куда привели питерских добровольцев, вновь испеченным кавалеристам вручали перед строем коней. Григорию достался молодой и горячий, но хорошо объезженный вороной жеребец Ратмир. В старшие ему дали бородатого казака дядю Сеню — участника еще русско-японской войны. Владимиру выделили гнедую кобылу Липку, смирную, но легкую и быструю на ходу, а обучать его взялся Еремеич. И потекли-побежали день за днем. С утра до ночи новоприбывшие овладевали кавалерийскими премудростями: снова и снова взлетали они в седло, сдерживая стон от боли в избитых, раскоряченных ногах; снова и снова учились владеть конем, преодолевать препятствия, рубить лозу и глиняные шары на столбах, учились стрелять на скаку вперед и назад, снова и снова соскакивали и снова взбирались на коня.

Особенно трудно давалась Григорию рубка с коня. Как-то во время трех заездов подряд, когда он не смог срубить ни одной из девяти установленных лоз, он спрыгнул и в отчаянии повалился грудью на холодную землю. К нему подъехал дядя Сеня, соскочил, привязал коня и присел около Григория:

— Что, паря, нелегко рубить шашкой? Да только ты не кручинься, мне твоя ошибка как есть понятна, растолкую я ее тебе, не бойсь. А пока отдохни, и я перекурю. День-то длиннющий, еще нарубишься. Вот и Володька твой с Еремеичем к нам едут. Стало быть, отдохнем разом.

Еремеич и Володька спешились, присели на корточках рядом. В воздухе поплыли вонючие облака сизого, голубого, синего махорочного дыма. Глубоко затянувшись и ругнувшись от удовольствия, старый казак сказал:

— То-то и есть, что шашка — первое наше оружие. Любить ее надо и владеть, как своею собственной рукой. Даже в партейной песне поется, что добьемся мы освобождения своей собственной рукой, а не пулей или там штыком. А почему? А потому, что нет удара сильнее, как шашкой. В германскую я многих солдат видывал раненных в голову: попала, к примеру, пуля в бровь, вышла за ухом, а человек жив остался и снова воюет.

А уж если шашкой по голове достанешь, он более воевать не пойдет, тут и ляжет на веки вечные. Вот Василия Ивановича Чапаева взять, командира нашего: велика ли сила в нем? И всего ничего. А уж если шашкой даст — голова надвое, значит, владеет он шашкой досконально, как своею собственной рукой. А потому и воюет храбро и нам с ним хорошо. Ясно я высказался? В том и секрет, что надо чуять ее, как свою руку. Ну, тогда хватит курить, товарищи красные птицы, и поехали-ка мы на работку. Правильно я говорю, Еремеич?

— Святая правда каждое твое слово!

— Ну, вот и хорошо: рыбак рыбака чует издалека...

К вечеру этого дня Володя и Гриша могли срубить уже по три-четыре лозы, воткнутые на тренировочной дистанции, а к концу недельного срока лихо срубали уже по шесть-семь лозин.

Утром 15 апреля, когда бойцы надраивали, начищали коней, готовясь к смотру-экзамену, Далматов услыхал ироническое: «Стараемся? Ну-ну, давай-давай, на том свете все зачтется...» Резко оглянувшись, он увидал Хорькова, который в упор глядел на него своими угольно-черными глазами. Недоуменно пожав плечами, Григорий отвернулся, продолжая охаживать Ратмира.

— Слушай, Далматов, у тебя отец кем был?

— Адвокатом, а тебе для чего?

— Адвокатом... Интересное дело получается. Потомственный интеллигент, сын присяжного поверенного начищает, как последний конюх, своего коня, чтобы получше выглядеть на смотру перед безграмотным прапором из солдат, плотницким сыном.

— Ты что, сдурел?

— Да нет, отчего же? Парадоксы истории... А кто сдурел, кто нет — время покажет.

Далматов проводил его долгим взглядом.

Хорьков лениво подошел к своему коню, потрепал его по холке и улегся в тени: у него не было оснований опасаться смотра — он срубал лозин больше, чем другие новобранцы, и безошибочно стрелял с коня навскидку.

— Едут! — пронесся слух.

Молодые бойцы быстро принялись выстраиваться, не дожидаясь команды. Они увидали, как бóльшая часть группы, во главе с Чапаевым, направилась к штабу, а к ним подъехал один Фурманов. Он спешился, ответил на приветствие.

— Рассаживайтесь, товарищи, в кружок, кто где найдет местечко поудобнее, побеседуем.

Он дождался, пока бойцы устроятся, пригладил волосы.

— Довожу до вашего сведения, что нашей дивизии предназначается стать ударной силой фронта. Чтобы вы лучше понимали, что такое чапаевская дивизия и какими должны быть чапаевцы, я хотел бы вам сегодня немного рассказать о нашем начдиве...

— А мы уже кое-что... — выскочил было Володька, но на него так свирепо зашикали со всех сторон, что он тут же стушевался и лишь слабо отмахнулся от Тихова, который выразительно постучал по его лбу.

— Отец у него был мордвин, а мать — русская. Жили они в большой нужде. На одиннадцать едоков приходилось всего две десятины земли, да и та была очень плохая, суглинистая. Отец Василия Ивановича, Иван Степанович, зимой плотничал, чтобы подработать денег, а потом и вовсе бросил землю. Убегая от голода, семья перебралась в небольшой волжский городок Балаково, где Иван Степанович занялся плотницким ремеслом. А Вася, то есть Василий Иванович, которому было тогда всего двенадцать лет, пошел «в люди». Работал у купца на побегушках, помогал кухаркам, дрова колол, баню топил; потом получил «повышение»: хозяин поставил его за прилавок. Но купец старался и Василия Ивановича обучить «купеческой грамоте». А по этой грамоте обсчитывать покупателей надо было так: сорок да сорок — рубль сорок, да коробок спичек — пять, а всего два сорок пять. И Василий Иванович взбунтовался против этого, потому что был честным человеком. Ну, что дальше произошло — понятно. Как вы думаете, что было? — с улыбкой обратился он к здоровенному Федору Тихову, который слушал его открыв рот.

— Стало быть, Василий Иванович купца-то и прикончил? — раз-другой моргнув, догадался тот.

Грохнул хохот.

— Ну, кто скажет? — смеясь, повторил вопрос Фурманов.

— Купец его выгнал! Да еще, небось, с треском! — вскочил Володька.

— Ну, правильно. А вы, товарищ, думаете,— спросил от Федора Тихова,— что будущий революционер должен начинать с разбоя?

— Никак нет, товарищ комиссар. Нам товарищ Еремеич уже разъяснил, что революционер... В нем, главное, сознательность должна присутствовать. И даже предупреждал, что особо сознательных будут записывать, значит, в партейных.

— Предупреждал уже, значит? — улыбаясь глазами, переспросил Фурманов.— Хорошо. А какими еще качествами должен обладать боец партии? Кто знает?

— Смелостью!.. Умом!.. Военной ухваткой!.. Стрелять должен хорошо!.. — послышались предположения со всех сторон.

— Все правильно! — поднял руку Фурманов.— А вот расскажу я вам один поучительный случай из боевой биографии Василия Ивановича, который сам узнал недавно, а вы уж соображайте, что в нашем деле главное:

...Командовал тогда Чапаев первой бригадой Самарской дивизии и прикрывал город Николаевск с северо-востока. И вот получает он приказ от начальника дивизии, который, надо сказать, несколько растерялся и приказал отойти дивизии к югу. Николаевск был сдан без боя.

Чапаев расценил этот приказ как неправильный, и, несмотря на то что Николаевск, находившийся в тылу его бригады, был уже занят противником, Чапаев решил разбить прежде всего трехтысячный отряд Чечика, что был перед его бригадой, а потом внезапным ударом двух полков освободить от противника Николаевск.

Чапаев приказал полку имени Степана Разина, которым командовал Иван Кутяков, выдвинуться за ночь на северо-запад, чтобы с рассветом выйти в тыл неприятеля севернее Таволжанки. Полку имени Емельяна Пугачева под командованием Плясункова предстояло провести под утро демонстрацию атак и сковывать силы врага до тех пор, пока не будет получен сигнал о начале внезапного удара кутяковского полка.

Ну, теперь и решите задачу: какие качества проявил Чапаев в очень сложной обстановке?

— Настойчивость!.. Упрямство!.. Разум!..

— Правильно: он проявил инициативу, то есть увидал такое решение, которого другие не видели, и стал действовать.

И вот в предрассветных сумерках полк Плясункова начал демонстрацию атаки Таволжанки с юга. И расчет

Чапаева оказался правильным. Командование отряда Чечика не ожидало атаки красных и не знало, что наш полк уже находится у самого села. Противник открыл беспорядочный огонь из шестидюймовых орудий и начал стягивать к южной околице села свои пулеметы и все силы пехоты.

В это время полковая разведка Разинского полка...

— Про Разинский полк мы слыхали,— не утерпел Фролов и вновь получил «внушение» от соседей.

— ...во главе с Тимофеем Губарьковым, известным запевалой, ночью захватила гусихинский мост на реке Большой Иргиз и тем самым дала возможность обойти Таволжанку с севера. Не медля ни минуты, комполка Кутяков бросил в атаку свой кавэскадрон и три батальона. С громовым «ура» разинцы бросились на врага с тыла. Батарея, захваченная разинцами, умолкла. Неприятель, решив, видимо, что главные силы красных оказались в его тылу, начал снимать с фронта большую часть пулеметов. Этот переломный момент быстро уловил Чапаев. Он сам поднял в атаку Пугачевский полк. Короткий бросок — и закипел рукопашный бой. Он длился не больше часа. Ни один человек из трехтысячного отряда не спасся. Чапаев же потерял восемьдесят человек убитыми и ранеными. Он захватил богатые трофеи: четыре шестидюймовых орудия, шестьдесят пулеметов, две с половиной тысячи винтовок и большой обоз с боеприпасами.

— Ух ты!.. Шестьдесят пулеметов!.. Три тысячи положил!.. Вот это да!..

— Ну, как вы полагаете, мог быть довольным Чапаев итогами этого боя?

— Еще бы нет!.. Не каждому это удается!..

— Могу сказать, что решительными действиями Губарькова и его разведчиков он был очень доволен и говорил: вот всем урок, как много может сделать даже небольшая группа инициативных бойцов.

— Наверно, усы знатно покручивал,— снова выскочил Фролов.

— Я скажу,— встал Тихов.— Василь Иванович еще доволен не был, потому что оконечного результата не достиг.

— Правильно, что усы Василий Иванович подкрутил,— ответил Фурманов.— Но главное — это надо было идти дальше, забирать Николаевск.

Тихов сел и с усмешкой расправил несуществующие усы, поглядев на Фролова. Тот в ответ широко развел руками, показав, какая огромная голова у Тихова.

— Ночью полки втянулись в большое село Пузаниха. До Николаевска оставалось не больше пятнадцати верст, но бойцы буквально падали от усталости, засыпали на ходу. Видя это, Чапаев отдал приказ остановиться, чтобы дать возможность людям поспать два-три часа. Командир полка Кутяков получил распоряжение выставить круговое охранение с усиленными секретами. Он выделил второй батальон, которым командовал товарищ Бубенец.

— Вот учтите, красные цыплята,— заметил Еремеич,— как люди взрослые делают: до смерти устали, а про ночную охрану не забыли.

— Совершенно точно, Иван Еремеич, к этому я и веду. В третьем часу Бубенец сам отправился проверять посты. И вот, подходя к большаку, неожиданно обнаружил... что бы вы думали?

— Казаков!.. Засаду!.. Белый разъезд!..

— Обнаружил, что по дороге движется прямо в село обоз с противником! Угроза — смертельная! Представляете? Бригада спит мертвым сном. Ну, что бы вы сделали?

— Надо было стрелять!..

— Стрелять? Тогда враги рассыпятся в цепи и немедленно атакуют село. Нет, не годилось! Что же сделал Бубенец? — Фурманов не торопясь обвел взглядом взволнованные лица слушателей.— А надо сказать, что Иван Константинович Бубенец, хоть и молодой, но бывалый военный из унтеров. На германской войне ему приходилось командовать ротой, даже батальоном, а после революции добровольцем пришел в Красную Армию... Да, особо размышлять было некогда. Бубенец встал перед головной повозкой и громовым голосом сказал: «Стой! Кто едет? Куда?»

Враги, естественно, не испугались одинокого человека, неожиданно вынырнувшего из темноты. Один из них спокойно ответил, что на подводах едет полк в Николаевск.

«Где командир полка?» — так же строго, даже чуть повысив голос, спрашивает Бубенец.

«Господин полковник в следующей повозке».

Комбат чеканным шагом подходит к этой повозке,

щелкает каблуками, вытягивается в струнку и представляется полковнику как капитан «народной» армии самарской «учредилки».

Полковник хмыкает. Солдаты из охраны направляют на Бубенца дула винтовок. Тогда он пускается еще на одну военную хитрость и начинает объяснять полковнику, что его полк еще два дня назад занял-де это село. Он покорнейше просит извинения у господина полковника за то, что по долгу службы вынужден задержать движение его отряда на десять-пятнадцать минут. Однако он сейчас же пошлет солдата из секрета к своему командиру за разрешением на пропуск колонны через село.

Полковник поверил и согласился приостановить движение, отдав соответствующую команду. Бубенец нырнул в темноту и помчался к ближайшему секрету. Там он застал командира взвода, приказал ему во весь дух лететь к Чапаеву и доложить, что вражеский отряд численностью около шестисот человек, на подводах, по шесть человек в каждой, остановлен на дороге, против первого секрета.

Когда запыхавшийся командир взвода ввалился в дом, где Чапаев и Кутяков разрабатывали план предстоящей атаки Николаевска, и доложил о случившемся, Чапаев приказал Кутякову немедленно поднять два батальона и без шума вывести их из села. За селом батальонам рассыпаться в цепи и охватить с двух сторон дорогу, на которой остановлен обоз. Незаметно подойти к дороге, но не ближе, чем на двадцать — двадцать пять шагов, и, затаившись, послать связных к Чапаеву на окраину села. Там будут установлены десять пулеметов и Пугачевский полк займет позицию. Сигнал для атаки — два выстрела из нагана.

Теперь вы понимаете, как много в этот момент зависело буквально от каждого: чтобы нигде ничего не стукнуло, не звякнуло, чтобы нигде не зажегся свет, чтобы в кромешной темноте никто не потерял друг друга и проследовал в необходимом направлении. То есть: жизнь и смерть всей бригады и успех дела зависели буквально от каждого человека. Так или не так?

— От то ж и у Бубенца должно быть какое терпение и еще язык длинный, как веревка,— посочувствовал Тихов.— Полковника-то надо заговаривать?

— Разрешите? — встал Фролов.— Ситуация точно подходит, как нам объяснял Еремеич, а кроме него

Карл Маркс, Фридрих Энгельс и другие революционные вожди: во время революции общая победа зависит от поведения каждого рабочего и крестьянина. Так и в случае, о котором вы рассказываете, насчет села Животики.

— А вы, товарищ, и впрямь по-настоящему умеете мыслить. Мне, правду сказать, и в голову не приходило ваше сравнение, а ведь действительно случай в селе Пузаниха отражает общую ответственность каждого из нас в борьбе за революцию. Хорошие у вас ребята, Иван Еремеич!

— Это отцы у них хорошие, а что из этих сосунков еще получится, бог его знает,— польщенно пробурчал Еремеич.

— Ну, продолжаю. Сидя в своих повозках, враги дремали, а многие и спали. А Бубенец завел разговор с полковником о Петербурге, о его бульварах и театрах, музеях и памятниках. Полковник с удовольствием предался сладким воспоминаниям о минувших днях. Бубенец внешне оставался спокоен, но сердце у него тревожно билось: прошло уже полчаса, а кругом — прежняя тишина и покой. Что случилось?

Но вот эту зловещую тишину разорвали два выстрела из нагана. «Сигнал атаки»,— понял Бубенец. И, выхватив наган, выстрелом в упор разделался с любезнейшим полковником.

Противник никак не мог спросонок сообразить, что к чему. Он попал под стремительный удар с двух сторон. Уже через десять минут бой был закончен. В качестве трофеев чапаевцам досталось еще сорок пулеметов и около шестисот винтовок.

Хотите знать, что было дальше? Думаете, вот теперь-то Чапаев без всяких препятствий пойдет наступать на Николаевск?

— А то как же? — изумились бойцы.— А куда ж еще?

— Как бы вы решили, Иван Еремеич? — осторожно спросил Фурманов, готовый в любой момент продолжить рассказ, чтоб не конфузить старого вояку, если тот замнется.

Десятки молодых лиц с любопытством повернулись к Еремеичу. Он усмехнулся, качнул головой, слегка дернул себя за ус:

— Штука нехитрая. Такое-то мы в разведке не раз

проделывали. Беляки-то были в мундирах и при всей документации?

Фурманов просиял:

— Совершенно верно, Иван Еремеевич! Вы решили точно, как Чапаев...

Бойцы радостно заулыбались, загомонили.

— Тихо, тихо! — приказал Еремеич.— Всем слушать, что комиссар говорит.

— Чапаев приказал нескольким десяткам бойцов, а также Кутякову и Бубенцу переодеться. В Пузанихе были мобилизованы все подводы, и бригада Чапаева немедленно двинулась на них в Николаевск. Мчались на рысях: надо было успеть туда еще до наступления дня, в предрассветном тумане. На передних повозках сидели переодетые красноармейцы.

И замысел Чапаеву удался на славу.

Полк Кутякова, а с ним и сам Василий Иванович, без каких-либо препятствий въехал в Николаевск, а тем временем Пугачевский полк Плясункова охватил город полукольцом с севера и востока. На рассвете был нанесен удар по врагу одновременно извне и изнутри. Это сразу решило исход боя.

Бросив обозы и часть оружия, уцелевшие белогвардейцы бежали из города в сторону Волги. Николаевск был освобожден. В нем вновь разместился штаб дивизии. Как раз в это время...

В сарай вошел вестовой и передал Фурманову записку.

— Так, дорогие товарищи! Василий Иванович просит вас, не мешкая, приступить к экзаменам. Надеюсь, вы поняли теперь, в какой дивизии вам предстоит служить и к чему здесь приучены бойцы и командиры?

— Поняли! — гаркнули десятки молодых глоток.

— Позвольте вопросик? — встал Хорьков.

— Вопросик? — спросил Фурманов.— Времени-то у нас не осталось. Разве что коротко.

— Я кратенько. Правда ли, что Восточный фронт прорван и от Камы до Самары белые идут вперед? Правда ли, что адмиралу Колчаку оказывают крупную поддержку Америка, Англия, Франция, Япония и другие государства мира? Правда ли, что с юга навстречу Колчаку пробивается армия генерала Деникина, а с севера — англо-американские войска? Правда ли, что в тылу Красной Армии вспыхивают восстания?.. Извините, я, ка-

жется, исчерпал регламент.— Хорьков сел, едва заметно улыбаясь.

Фурманов внимательно в него вгляделся: чего хочет этот угольно-черный боец? Поднять панику? Развести долгую дискуссию, которая смажет все впечатление от его беседы и сомнет экзамен? А может быть, он искренне домогается истины?

— Гриша, слушай, а ведь Хорьков — контра,— прошептал Володя Далматову.

Пристально глядя в сощуренные глаза Хорькова, Фурманов произнес:

— Да, все правда, что вы говорите. И вместе с тем только часть правды, и выходит: если на этом остановиться, значит сказать неправду.

— А что же правда? — прищурился Хорьков.

— А правда в том, что повсеместно Красная Армия и трудящееся население дают отпор врагам Советской республики и добьются их разгрома. Правда в том, что вы, молодые добровольцы, должны приложить все свои силы, чтобы разбить врага наголову. Ясно? А если ясно, выходи строиться! — Фурманов улыбнулся, крепко пожал руку Еремеича.

— Большое спасибо, комиссар. Спасибо,— негромко сказал тот.

Несколько часов Чапаев лично проверял молодое пополнение своей конницы, гоняя бойцов на рубке, на препятствиях, на стрельбе. Горячился, ругался, вмешивался, показывал, что и как надо делать, молниеносно разрубал глиняные шары, начисто смахивал лозу, снова покрикивал.

— Собрать всех,— отдал он приказ. В тревоге и смущении ждали красноармейцы его оценки.

Чапаев подъехал к ним, опустив глаза, помолчал, щипля ус, и вдруг широко улыбнулся:

— Молодцы! Хорошо сдали экзамен, а лучше всех питерцы! Орлы, точно орлы! Будете летать...

— Ура! — что есть духу закричали бойцы.— Ура!

— Эх, порадовали меня! Думал ехать сегодня дальше, ан заночую у вас. Где тут ваша изба? Веди меня туда!..

...В просторной избе пол устлан соломой. Посредине, прямо на полу, сидит по-турецки Чапаев. Рядом с ним его верный ординарец Петька Исаев, вокруг народу

столько, что негде яблоку упасть. Настроение у Чапаева превосходное. Поворачиваясь, он спрашивает и переспрашивает то у одного, то у другого фамилию, имя, внимательно и весело вглядывается в глаза человеку, стараясь понять его получше и запомнить.

Долго и с удовольствием рассказывал в этот незабываемый вечер о своей дивизии, о себе, о своей неудавшейся учебе в Академии Генерального штаба.

— Учиться нам всем, ребята, нужно. А вам, молодежи, особенно. Война кончится — на курсы красных командиров идите, а кто пограмотней — в академию поступайте. Красной Армии командиры грамотные нужны будут... Ну, а пока и такие, как я, со смекалкой да опытом боевым, беляков тоже неплохо бьют. Бьем и будем бить! Верно?!

— Верно!.. Правильно!.. Точно!..

— А теперь, орлята, споем мою любимую.— И, тряхнув головой, запел:

Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны...

В избе стало необыкновенно тихо, будто и не набилось в нее несколько десятков человек. Бойцы, как завороженные, не спускали с Чапаева глаз. А он продолжал выводить чистым высоким тенором:

Выплывают расписные
Стеньки Разина челны!

И тут бойцы во всю мощь молодых голосов грянули:

Выплывают расписные
Стеньки Разина челны!

Спели еще «Сижу за решеткой в темнице сырой», «Вы не вейтеся, черные кудри»...

— Эх, молодые,— вдруг с грустью сказал Чапаев,— а ведь вы увидите такую светлую жизнь, до которой мне-то и не дожить! — Он требовательно произнес: — Ну, смотреть в оба! Перед беляком не дрейфить, особливо в атаке. Понятно, красные орлы с самого Питера? То-то! Ну, а кто скажет, как ночью в степи не сбиться? Ну-ка, ты... Ага, хорошо, а если звезд нету? Ну-ка!.. Молодец! И помните, ребятки: тот в бою победит, кто победить хочет, у кого воля — во, кулак!

— Василий Иванович, пошли, я тебя спать отведу,— решительно заявил Петька.— А то они тебя вконец заговорят.

— Што я тебе, баба? «Спать отведу»! — притворно возмутился Чапаев.— Ишь ты, герой! Слыхали, на Петьку трое беляков недавно в разведке наскочили? Ну, он двоих порубал, третьего взял в плен. Важная оказалась шкура: палач! Опознали его чекисты, в Ревтрибунал передали, а Петьке браунинг подарили. Покажи орлятам браунинг, Петька! Ведь именной, с надписью. А ты, красный орел, выделывал ли такие штуки? — обратился он к Еремеичу.

— Я-то? И двоих приводил, бывало,— спокойно-насмешливо глянул на него Еремеич.— Да что хвастать, Василь Иванович, поживем — сам увидишь.

— Ишь ты, «што хвастать»,— весело и ревниво поддразнил его Чапаев.— Ну, увидим, увидим.

Величественно не обратив внимания на комплиментарную часть речи начдива, Петька ворчливо сказал:

— Конечно, ты не баба, Василь Иванович, но уж как дитё — точно: забываете о себе подумать.

— Ну, питерцы, впереди бои большие.— Чапаев встал, сурово поглядел на всех.— Решающие бои! Так бейтесь же так, чтобы отцы ваши, которые революцию произвели, за вас не краснели от стыда, а радовались бы, каких сыновей-героев они вырастили. Правильно я говорю?

— Правильно! — грянул ответ.

Чапаев улыбнулся и вышел.

11 марта 1919 года.
САМАРА

Выслушав утренний доклад оперативного отдела, командарм задумчиво прошелся по кабинету:

— Отдайте распоряжение ускорить сосредоточение семьдесят третьей бригады Кутякова в районе Бузулука. Уточните количество артиллерии в двадцать пятой дивизии. Прошу также детально уточнить положение на участке двадцать второй дивизии.

— Слушаюсь, товарищ командарм, будет выполнено,— четко ответил Яковский.— Разрешите идти?

— Нет, задержитесь. У меня к вам, товарищи, вопрос совершенно иного рода.— Фрунзе поерошил волосы.— Короче говоря, хватает ли вам жалованья?

— Чего? Жалованья? — Яковский смешался.— Простите, не понимаю, товарищ командующий...

Фрунзе улыбнулся:

— Ну чего ж тут не понимать? Обеспечивают ли те деньги, которые вы получаете за службу в Красной Армии, ваше нормальное существование?

— Я... как бы сказать... не за деньги служу,— смущенно пробормотал Яковский.— Но мне, товарищ командующий... я полагаю... В общем, не в них суть.— Он твердо взглянул на Фрунзе.

— Разумеется, не в них суть, и все мы служим не за деньги! Но все-таки, не жалуется ли ваша жена, что ей трудно накормить вас? Не приходите ли вы в штаб голодным, на пустой желудок?

— Я холост, товарищ командующий,— покраснел Яковский.

— Конечно, денег не хватает, товарищ командующий,— вмешался Гембицкий.— Если бы не лавка при штабе, хоть караул кричи.

— У вас большая семья? — остро глянул Фрунзе на него.

— Я один.— Гембицкий с едва заметным вызовом выдержал его взгляд.

— Так, так... Ну, а как вы полагаете, легка ли жизнь у тех товарищей, которые выполняют подсобные работы в штабе? Ставки у них мизерны, а люди эти, как правило, обременены семьями.— Командарм еще раз прошелся по комнате. Сказал задумчиво: — Совершили революционный переворот, бьемся на фронтах за победу новой жизни, а не замечаем, как старье за нас цепляется...

Принесли мне вчера на подпись старое штатное расписание штаба нашей армии — разница в окладах чуть ли не больше, чем в царской армии! Конечно, утверждать его я не стал. Я привез из Москвы новые указания. Довожу до вашего сведения мой приказ номер девяносто семь: командующий армией — отныне его оклад две тысячи пятьсот рублей, уборщик — шестьсот рублей. Остальные ставки располагаются между этими крайними точками

согласно квалификации и должности работника штаба: письмоводитель — девятьсот рублей, вы, товарищ Яковский, будете получать тысячу восемьсот рублей, ваши помощники — тысячу триста рублей, члены РВС армии и начальник штаба будут получать две тысячи рублей. Жду ваши соображения. Приказ еще не подписан, можем корректировать.

«Ах, быдло, óхлос проклятый! — Гембицкий чуть насмешливо и бесстрастно глядел перед собой.— Ну, предположим, подняли мой оклад на сто рублей, но больше-то подняли вшивому уборщику, чурке безграмотной!.. Лишь в два раза больше Ваньки Лаптя! Позор!.. Но, с другой стороны,— всего в два раза меньше самого командующего. Черт знает что!.. Сковырнуть этих юродивых, да поскорее!»

— По-моему, правильно,— негромко сказал Яковский.— Справедливо. В конце концов, письмоводитель — тоже ответственно работает. Зависит от него поменьше, чем от начштаба, например, но ведь дети у него хотят есть не меньше, чем у других?

— Значит, правильно?

— Да.

— Спасибо, товарищи. Можете быть свободны.— Фрунзе крепко пожал руки работникам оперативного отдела.

В приемной его ждал Карбышев. Невысокий, крепкий, он быстро поднялся, увидав командующего.

— А, легок на помине наш начальник крепостей! Пойдемте, пойдемте, я уже вчера о вас спрашивал...— Они вошли в кабинет.— Докладывайте: как идут дела фортификационные и как это вам довелось подавлять кулацкое восстание?

— Туго вдалбливается новое, непривычное, товарищ командующий. Всем командирам строительных и саперных рот я точно растолковал, что задача наша — строить укрепрайоны, седлающие узлы дорог, господствующие высоты, крупные населенные пункты. Ясно, спрашиваю? Так точно, ясно! Приезжаю вскоре в роту, гляжу — вырыта на большом протяжении линия сплошных траншей. Так, говорит командир, надежнее, мы на германской всегда так делали. Я его спрашиваю: ну, а если казаки с тылу зайдут, поможет тебе твоя линия? Чешет затылок... Но главная беда — нехватка рабочих рук. Прошу вашей помощи прежде всего в этом отношении.

Фрунзе сделал пометку в блокноте.

— А что касается восстания, то это, в общем, был небольшой эпизод. Работы я временно прекратил, в одно село стянул две роты саперов и тотчас позвонил вам. С прибытием отряда рабочих и чекистов мы перешли в наступление. Снегопад и сильная вьюга позволили нам подойти к Черному Яру скрытно. Рабочие и чекисты действовали самоотверженно, с большой отвагой. Комиссар чекистов спас мне жизнь, застрелив их вожака. А целился сей субъект, некто Сукин, в меня из этой пушки.— Карбышев похлопал по деревянной кобуре маузера.

— Товарищ Карбышев, за проведенную операцию объявляю вам благодарность в приказе и представляю к награде. Прошу также прислать список отличившихся в бою. Одновременно выношу вам порицание за то, что позволили себе влезть в самую гущу рукопашного боя. От вашей головы слишком много зависит, чтобы ею рисковать без особой нужды. Ясно?

— Все ясно, товарищ командующий, за исключением одного момента,— серьезно ответил Карбышев.

— Да?

— Никак не могу вспомнить единого уставного ответа за благодарность и выговор сразу.

Они дружно засмеялись.

— Ну, дай бог, как говорится, чтобы это была единственная неясность в наших отношениях,— сказал Фрунзе.

— Других не вижу.

— Что показало расследование?

— Задание у Сукина и его группы было захватить укрепрайон непосредственно перед наступлением колчаковских войск. Не знаю, то ли они поторопились, то ли действительно в ближайшее время следует ждать у нас крупных событий.

— Да, события будут, и, видимо, очень скоро. Поэтому у меня есть для вас новое задание.— Фрунзе подошел к карте.

— Слушаю.

— На участке нашей армии наиболее притягательными для врага точками являются Оренбург и Уральск.

Чувствуется по всему, что за эти города нам крепко придется драться. Поэтому прошу вас разработать систему обороны, которую мы тотчас начнем создавать

вокруг этих городов. Когда сможете представить мне на утверждение план таких работ?

Карбышев задумался:

— Наметки плана — завтра к двенадцати ноль-ноль.

— Отлично! Завтра же, очевидно, поедете в Оренбург, а потом и в Уральск. Колчак много времени вам не даст. Желаю успеха.

Они крепко пожали руки, с улыбкой глядя друг на друга.

Товарищ командующий,— доложил Сиротинский,— прибыл какой-то важный командир из штаба фронта для получения назначения в нашей армии. Говорит, что у него личные рекомендации от председателя Реввоенсовета Троцкого и Главкома Вацетиса. Удостоверения не предъявляет.

— Вот как? Проси сюда, посмотрим, что за птица.

В дверях появился Авилов, седоватый, чисто выбритый, пахнущий крепким одеколоном:

— Товарищ командующий армией! По приказу Главкома и направлению командующего фронтом прибыл в ваше распоряжение!

Фрунзе вышел из-за стола, поздоровался с ним.

— Авилов,— представился вошедший.— Вот мои документы.

— Садитесь, пожалуйста! — Фрунзе указал ему на кресло, сам сел напротив и принялся изучать аккуратно подколотые бумаги.

— Мне говорили в штабе фронта,— прервал его чтение Авилов,— что вам нужен грамотный заместитель и начальник штаба армии.

— Нет, это ошибка,— сухо ответил Фрунзе, не отрывая глаз от документов.

— Видите ли, я в прошлом генерал, и у Главкома и в Реввоенсовете мне говорили, что на фронте мне дадут ответственную должность.

Фрунзе внимательно, в упор посмотрел на Авилова и, не отвечая, снова обратился к документам.

— В Красной Армии вы еще не служили, опыта работы в новых условиях пока не имеете,— наконец сказал он.— Ответственное назначение вы получите, но не такое, на которое рассчитывали. Со временем, показав свои знания и талант, получите повышение.— Фрунзе что-то написал на деле Авилова.— Назначаю вас командиром семьдесят четвертой стрелковой брига-

ды, которая комплектуется сейчас в составе трех полков, кавдивизиона, артиллерийского дивизиона и роты саперов.

Авилов молча встал.

— Вопросы есть?

— Где расположена бригада? — нехотя спросил Авилов.

— Временно около самой Самары. Когда закончите комплектование, присоединим к дивизии. Через несколько дней я познакомлю вас с командиром дивизии Чапаевым и его комиссаром Фурмановым. Эти дни попрошу вас принимать отряды, прибывающие из центра, эшелоны добровольцев и мобилизованных бойцов и разворачивать полки. Работа большая и ответственная.

Авилов протянул руку за документами.

— Документы сейчас передадите моему заместителю Новицкому. По всем вопросам формирования обращайтесь к начальнику штаба, а в особо срочных случаях — прямо ко мне или члену Реввоенсовета армии товарищу Берзину. Когда штаб двадцать пятой дивизии установит с вами прямую связь, тогда непосредственно по команде.

Фрунзе пожал руку Авилову:

— Еще раз желаю успеха...

И побежал день командарма революционной армии: сообщения, оперативные сводки, совещания, срочные телефонные вызовы, поездка на Самарский трубный завод для изучения опыта его рабочих, сформировавших при заводе вооруженный полк, инспекционная поездка в запасный Самарский полк и многое другое, отмеченное и не отмеченное им в реестре выполненных 11 марта дел, заполнило до отказа его рабочий день.

Лишь около восьми вечера он приехал на свою квартиру. Сиротинский пошел помогать хозяйке готовить ужин, а Михаил Васильевич углубился в газету.

— Разрешите войти, товарищ командующий? — неожиданно раздался веселый голос.

В дверях со свертками в руках стояли Куйбышев, Новицкий и Берзин.

— Ого! Вот это здорово! — Фрунзе радостно шагнул к ним, широко разведя руки.— Прошу, друзья, раздевайтесь, проходите!

— Да уж если пришли, то пойдем до конца,— задорно произнес Куйбышев.— Держите, Михаил Василье-

вич! — Он передал ему завернутую бутылку и начал снимать шинель.

— Ух, какая спиница! — крякнул Берзин.— Тебе, губернатор, надо бы в артиллерийскую упряжку, а ты на стуле сидишь, в лучшем случае — ходишь в штыковую атаку. Ну, скажи, что тебе винтовка? Зубочистка, не более.

— А что, ваше хозяйственное величество, у тебя небось недобор конского поголовья? — весело засмеялся Куйбышев.— Тягловую силу высматриваешь? Ну-ка, посмотри с высоты! — Он забрал в стальной захват невысокого, плотного Берзина и оторвал его от пола.

— А мы не знали, как вытащить из Самарки затонувший буксир,— с совершенной серьезностью пожаловался тот, повиснув в воздухе. Куйбышев поставил его и в тот же миг неуловимо быстрым приемом был согнут Берзиным чуть ли не вдвое и, смеющийся, доставлен из коридора к столу.

— Итак,— невозмутимо продолжил Берзин, лишь глаза его весело светились,— заседание Реввоенсовета Четвертой армии совместно с местной аристократической верхушкой считаю открытым.— Он бережно разогнул руку Куйбышева, оправил его френч и сел.— На повестке дня один главный вопрос...

— Очень интересно — какой? — улыбаясь, спросил Фрунзе.

— Празднование двухлетия дочери вот этого господина губернатора самарского.— И Берзин указал на Куйбышева.

— О боже мой! — с шутливым ужасом воскликнул Куйбышев.— Гоните его из Реввоенсовета! Он путает левое и правое, белое и черное, девочку и мальчика! Сыну моему сегодня два года, сыну!

— Белое и черное — это еще ничего, лишь бы не белое и красное,— по-прежнему невозмутимо парировал Берзин.— И потом, почему ты не думаешь, что из стратегических соображений я сознательно скрываю военную тайну, а?

— Поздравляю тебя, Валериан!— сказал Фрунзе.— Однако в горячие деньки родился твой сынок!

— Да уж куда горячей! Родился он в те дни, когда я возвращался из красноярской ссылки, а жена моя сидела еще в тюрьме. Ровно два года назад в десять утра толпа подошла к тюрьме, чтобы освободить

политических, ворвалась в коридоры, сбила запор в камере моей жены, и... Одним словом, оказывается, час назад без всякой врачебной помощи она родила ребенка, который валялся у ее ног и задыхался. Вызвали докторшу, она, на счастье, быстро приехала, сказала потом, что через десять минут было бы уже поздно,— погибли бы мать и ребенок. Так что революция спасла в самом прямом значении слова моих жену и сына!

Негромко столкнулись в воздухе стаканы.

— Сергей, где ты прячешься? Иди сюда,— позвал Куйбышев Сиротинского.

— Не чинитесь, Сергей Аркадьевич,— мягко ответил Фрунзе на вопросительный взгляд адъютанта.

Куйбышев подал стакан Сиротинскому и встал ему навстречу: рядом с этим невысоким и сухощавым, совсем молодым мужчиной он казался гигантом. Весело и уважительно глядя на него сверху, Куйбышев сказал:

— Я, конечно, не знаю, каким будет мой сын. Но, честно говоря, хотел бы, чтобы в нем билось такое же бесстрашное сердце, как у тебя, Сережа: ведь не дрогнув, ты, безоружный, пошел за Михаилом Васильевичем туда в собрание, где вас хотели убить и вполне могли это сделать. Линдова я забыть не могу!.. И чтобы сердце моего сына было таким же верным, как у тебя.

Сиротинский опустил глаза, рука его с силой сдавила стакан.

— Валериан Владимирович, вам надо выпить за то, чтобы ваш сын был такой, как Михаил Васильевич! — овладев собой, сурово возразил он.

— Нет, дорогой мой, это нереально,— рассмеялся Куйбышев.— Такие, как твой патрон, люди столь же редкие, как Рахметов у Чернышевского. Читал «Что делать?», надеюсь? А впрочем, почему и не помечтать? Как Фрунзе — пусть как Фрунзе! — Он звонко чокнулся с Сиротинским. Они сели.

Новицкий сидел задумчиво, не проронив ни слова, только разглядывая с особым интересом своих сослуживцев, как бы встретившись с ними впервые.

— Извините, Валериан Владимирович, за некоторую нескромность, но мне, старому человеку, она простительна. Мне любопытно было бы разгадать, понять, что вы за человек, потому что я думаю, что через вас я

мог бы найти ключ к тем бесчисленным загадкам, которые вы, большевики, ставите.— Новицкий слегка пригубил вино.— Разрешите?

— Клянусь всевышним говорить правду, только правду и ничего, кроме правды.— Куйбышев торжественно поднял правую руку.— Так, что ли, присягают в английском суде? Русский суд изучал много раз, а вот с английским, увы, не пришлось познакомиться.

«Восемь раз быть арестованным, четырежды отбывать каторжную ссылку — и притом так шутить, так жизнерадостно смеяться, возиться в прихожей, подобно приготовишке... А Фрунзе?..»

— Не скрою,— повел речь Новицкий,— я был удивлен несколько дней тому назад, Валериан Владимирович, когда неожиданно увидал вас на разгрузке баржи. Вы таскали патронные ящики с таким азартом, что меня даже не изволили заметить. Что это было — потребность сильного тела в физическом труде? Ведь не стремление завоевать дешевую популярность?

Куйбышев широко заулыбался, хотел ответить, но сделал жест: дескать, продолжайте.

— Далее: конечно, Сергей Аркадьевич — превосходный человек, но ведь он все-таки... э-э-э...

— Адъютант? — догадливо подсказал Берзин.

— Да. Лицо подчиненное. И вот вы, глава громадного края, высказываете пожелание, чтобы ваш сын походил именно на этого человека, занимающего скромный пост. Я следил за вами: вы говорили искренне. Больше того, я скажу прямо, что в ряде случаев вы удивительно бываете похожи на Михаила Васильевича именно в этом качестве... э-э-э... некоторой простоватости, хотя, я знаю, вы весьма не просты.

Все весело рассмеялись.

— А глубоко уцепил, а? — Берзин подмигнул Куйбышеву.— Все видит через свои квадратные стеклышки!

— Так вот: правильно ли я уловил эту вашу черту? И правильно ли я связываю ее с тем, что вы, большевики, воюете совсем не так, как учили величайшие военные авторитеты всех времен,— по другим законам? Я не скажу, что всегда и все у вас выходит удачно, но удивительно, что в подавляющем большинстве случаев вы оказываетесь наверху.

Куйбышев встал, прошелся. Заскрипели половицы под его большим телом.

— Верно, глубоко уцепили, Федор Федорович,— согласился он с Берзиным.— Только верное ли слово нашли... «простоватость»?

— А все-таки зря, ваше сиятельство, вы не пошли в юристы.— Берзин сожалеюще почмокал языком.— К словам придираться у вас прирожденный талант, просто как у судейского крючка. Нет, ты погоди, я сейчас Федору Федоровичу все объясню, чтобы знал, с кем имеет дело. Представьте себе: какой-то бедняга-корреспондент потолковал с их сиятельством и тиснул статейку: дескать, спите спокойно, граждане самарцы, Красная Армия надежно заслоняет вас своей могучей силой от кровожадного врага. Радоваться бы только господину губернатору. Так нет, учинил скандал на весь мир: я-де этого не говорил и вообще призывать к спокойствию — преступление! И даже в газете выступил: нельзя, дескать, хвастаться и хвалиться! Наоборот, каждому надо знать всю грозную правду, напрягать все силы для борьбы и постоянно тревожиться за судьбу революции. А? Да ведь и корреспондент добра хотел, чего ж так злиться было? Так что держитесь, Федор Федорович, сейчас он начнет вас лущить!

Темные глаза Куйбышева помрачнели во время рассказа Берзина, он весь подобрался, но, глянув на Новицкого, сдержался, отбросил волосы назад и с улыбкой спросил:

— Но, может быть, не простоватость, а? Вот в девятьсот пятнадцатом году, когда я бежал из иркутской ссылки и устроился здесь на трубном заводе фрезеровщиком, так ведь ко мне даже приходили товарищи и просили вырабатывать поменьше, чтоб другим не подняли нормы, не уменьшили заработок.

— Губернатор, хоть и будущий, уже тогда был против рабочих,— как о вещи, само собой разумеющейся, сообщил Берзин под общий смех.

— И задумали мы тогда с Бубновым собрать в Самаре поволжскую конференцию большевиков...— Куйбышев рассказывал не торопясь, вспоминая, и с глубоким вниманием слушал его Новицкий.

— Правильно ли я понял вашу мысль, милостивый государь,— медленно произнес он,— что вы и другие большевики, как из незыблемой аксиомы, исходите из того, что вы, правители, и народ — это одна единая среда, а не противопоставленные друг другу ипостаси?

А далее, с вашей точки зрения, получается, что тыл и фронт — единая организация, с одинаковыми целями?

— Я рад, Федор Федорович,— сказал Фрунзе,— что вы с такой четкостью сформулировали правильные мысли, оттолкнувшись от несколько ненаучного термина «простоватость».— Он улыбнулся, все засмеялись.— Действительно, есть одна большая семья — народ, и все мы участвуем в общенародной борьбе за освобождение, в том числе и за освобождение обманутых белыми солдат. Мы воюем и за их правду. И в этом огромная принципиальная разница между этой войной и всеми иными. Отсюда же иные функции и задачи у командующих армиями — они опираются на гражданское население, и у гражданских властей — они принимают активное участие в делах армий. Получается совсем иное соотношение сил, чем раньше.

— Я, старый, знающий военное искусство человек,— сказал Новицкий,— уверенно заявляю вам: это принципиально новая военная доктрина, значение которой неизмеримо!

— Автором этого учения является Владимир Ильич Ленин,— сказал Фрунзе.— Мне неоднократно приходилось беседовать с ним, слушать его выступления, читать его работы. Послушайте-ка: «Война есть испытание всех экономических и организационных сил нации, и, следовательно, на войне побеждает тот, у кого больше резервов, больше источников силы, больше поддержки в народной массе». Это Ленин. «Характер политической цели имеет решающее значение для ведения войны».— Ленин. Учение о войнах справедливых и несправедливых создано Лениным, единству политического и военного руководства учит Ленин и сам первый подает пример всестороннего анализа обстановки.

— А что, Михаил Васильевич, получается, и вправду, что мы пришли к тебе для заседания? — мягко вторгся в его речь Берзин.— А когда же ты будешь отдыхать? За здоровье дочерей товарища Куйбышева!

Куйбышев комически махнул рукой в сторону безнадежного своего товарища, пригубил из стакана:

— Эх, друзья, в славное все же время мы живем! — Он подошел к пианино, открыл крышку, взял несколько аккордов («Вспомним юность, черт побери!») и запел:

Гей, друзья! Вновь жизнь вскипает.
Слышны всплески здесь и там.

Буря, буря наступает,
С нею радость мчится к нам!

— Виден сибирский поселенец,— кивнул в его сторону Фрунзе.— Эту песню и мы там певали.

Куйбышев громко ударил по клавишам.

— Певали? — лукаво спросил он.

— А как же! Играй дальше.— Фрунзе подошел к нему, положил руку на плечо и подхватил:

Наслажденье мыслью смелой
Понесем с собою в бой.
И удар рукой умелой
Мы направим в строй гнилой.

И вот уже два сильных молодых голоса дружно ведут мажорную мелодию под гром пианино:

Будем жить, страдать, смеяться.
Будем мыслить, петь, любить.
Буря вторит, ветер злится.
Славно, братья, в бурю жить!

Куйбышев захлопнул крышку на полуслове и звонко рассмеялся, перебив Фрунзе, который уже начал следующий куплет.

— Певали? — переспросил он со смехом.

— Ты чего? — рассердился Михаил Васильевич.— Хорошая песня!

— Хорошая? — совсем закатился Куйбышев.

— Черт знает что! — удивился Фрунзе.— Смешинка тебе в рот попала, что ли?

— Да ведь я эти стихи написал! Я! — Куйбышев изнемогал от хохота, глядя на удивленные лица боевых друзей.— Наконец-то получил оценку своего таланта!

— Ты? Здравствуйте!..

— Ага. Здравствуйте! Я. В Нарыме. Девятьсот десятый год.

— Это к вопросу о простоватости,— добродушно пояснил Берзин Новицкому. Опять грохнул хохот. Новицкий беспомощно поднял руки вверх.

— В Нарыме ты Свердлова выручал? — спросил Фрунзе негромко.

— Все выручали. Но это уже в одиннадцатом.

И Куйбышев встал у пианино во весь рост и, протянув руку к товарищам, начал декламировать:

Тянулась нить дней сумрачных, пустых,
Но мысль о вас, о милых и родных,
Тоску гнала. Улыбка расцветала,

И радость бурная по камерам витала.
Мы светло грезили о счастье дней былых.
Мы в путь пошли под звуки кандалов,
Но мысль бодра, и дух наш вне оков...

— Нет,— перебил он себя,— что это я разошелся? Тоже мне артист объявился! Хватит.

— Валериан Владимирович, и это ваши стихи? — застенчиво спросил Сиротинский.

— Прочтите что-нибудь еще.— Новицкий сидел, протирая пенсне, какой-то смягчившийся, удивленный, совсем непохожий на себя.

— Эти стихи я написал в тюрьме перед отправлением в Туруханский край, а вот эти — уже по дороге туда. Слушайте:

Скоро свобода! И сердце невольно
Трепетно бьется, и жадно, и больно...

Он читал, не сдерживая голоса, и по временам тихонько отзывались струны пианино на его громовые раскаты. Неподвижно сидели слушатели. Только Новицкий, забывшись, все протирал платком стеклышки снятого пенсне. Куйбышев подошел к столу и залпом опорожнил свой стакан.

— Простите, друзья,— виновато улыбаясь, сказал он.— Стихи я начал писать еще в кадетском корпусе, но, как видите, с тех пор продвинулся в этом искусстве не так уж далеко: все не тем занимался.

Фрунзе вдруг начал негромко декламировать, глядя на Куйбышева:

Свободная юность бурлит все потоком
И мчится куда-то вперед, все вперед.
Чего-то все ищет прозорливым оком,
Чего-то от жизни так жадно все ждет...

Сиротинский растерянно переводил взор с Фрунзе на Куйбышева.

— Тоже на каторге написал? — спросил Берзин, как о чем-то само собою разумеющемся.

Фрунзе молча кивнул.

— Эх, почему ж меня не ссылали! — Берзин пошутил по привычке, но голос его был серьезен.

— А ведь, пожалуй, сегодня настоящий день рождения не только у вашего младенца, но и у некоего старого вояки,— задумчиво, без улыбки сказал Новицкий.

— Я пью за то, чтобы у дочерей Валериана были по крайней мере такие же музыкальные и поэтические способности, как у их отца! — провозгласил Берзин.

14 марта 1919 года.
УФА

Молодость беззаботна: уже сгустились над Уфой темные тучи, уже поползли отовсюду слухи и слушки о неизбежной и скорой сдаче города, уже и в газете «Наш путь» промелькнуло короткое, тревожное сообщение: «Возможно временное оставление города. Но только лишь временное. Знайте, уфимские рабочие и работницы! Мы можем уйти и отдать Уфу торжествующим победителям, но знайте, их торжество будет временным и недолговечным. Мы придем вторично и окончательно! Будьте активными и помогайте нам в общей борьбе с реакционными золотопогонниками». И конечно же девушки чувствовали, что фронт близится, но...

— Нет, Наташа, эта «Хозяйка гостиницы» все же не такая простая вещь!

— Ну что там «не простая»! Ты только вспомни, как москвичи весело и легко ее сыграли!

— Весело? Да? Легко? Да? — Тося в возбуждении даже забежала вперед и стала перед Наташей.

— Тосечка,— Наташа улыбнулась,— но ведь мы из-за этой Мирандолины на работу опоздаем.

— Нет, ты послушай: эта веселая штучка — сплошной обман!

— Ну уж...

— А ты подумай: зачем этот Гольдони — ведь он мужчина — так уж хотел доказать, прямо расстилался, что сильнее женщины ничего нет? Зачем им это надо?

— Им? — улыбнулась Наташа.

— Да! Мужчинам! А уж до чего эти артисты старались. Как же — Московский Художественный!..

— Передвижной...

— Все равно! «Мирандолина! Мирандолина — жизнь моя!» А для того это им надо, чтобы мы, женщины, успокоились, какие мы могущественные, а тут под гром-

кие слова они нам на шею и сядут, и запрягут нас! Поняла теперь?..

— Ой, Тосечка, смотри, что это? — Наташа увидела, как на мост через реку Белую карьером влетела артиллерийская упряжка и, нахлестываемая бойцом, во весь опор помчалась на западный берег.

— Господи, неужели сдают город? — Тося, побледнев, прижала руки к груди. Уж она-то знала, что это значит для них обеих, для отца, для тысяч рабочих!

Беспорядочной толпой пробежали через мост несколько десятков красноармейцев, и все затихло. Улицы были пустынны.

— Тосечка, а как же наши раненые?

— Бежим скорее!

Девушки выбежали из-за забора и сразу за поворотом чуть не попали под копыта бешено мчавшихся коней. Казаки! Белые в Уфе? Уже? Они едва успели отпрянуть и прислониться к забору. Острый уксусный запах лошадиного пота ударил в ноздри. Казачья сотня бурей пронеслась мимо них и мигом остановилась, загарцевала перед мостом.

— Быстро проверить мост! — закричал офицер.

Три казака спешились и исчезли под мостом. Девушки затаив дыхание приотворили калитку и скрылись за щелястым забором.

— Никак нет, не минировано! — услыхали они от моста.

— Не рванули бы они, сволочи, с той стороны,— задумчиво сказал офицер и крикнул: — Охрименко! — К нему подъехал широкогрудый и рослый бородатый вахмистр.— Мигом на ту сторону! Не давай большевикам мост взорвать. К «Георгию» представлю!

— Есть! — Охрименко выхватил шашку.— Взвод, за мной, марш! — И, пригнувшись к шее лошади, с места в карьер понесся по самой середине огромного моста, казаки — за ним. Через несколько минут с той стороны, запыхавшись, прискакал молодой казак и прерывисто прокричал:

— Ваше благородие!.. Мин нетути!.. Охрименко приказали взводу окапываться, а красных не видать!..

— Молодец! Скачи в полк, доложи, что мост нами захвачен без потерь. Эскадрон, за мной! — И казаки поскакали вперед, дробно процокали копыта и затихли.

Девушки бегом бросились к госпиталю. Еще за три квартала до него они увидали, как раненые — кто сам, кто с помощью товарища, кто опираясь на плечо санитарки — поспешно ковыляли в разные стороны. Ощущение нарастающей неминуемой катастрофы охватило их: будто черная туча наползла на солнце и грозно обратила ясный день в страшную ночь.

— Вы куда? — кинулись они к двум бойцам из своей палаты, которые брели, поддерживая друг друга.

— Эх, милые, начальник госпиталя велел спасаться кто как может... По жителям.

— А которые ходить-то не могут?!

— Эх, милые, тех Колчак вознесет...

Задыхаясь, всхлипывая, вбежали они на госпитальный двор.

— Тося! Наташа! — Старый, худой и высокий, как жердь, врач в белом халате замахал им руками и сам неловко заторопился навстречу девушкам.— Родные вы мои!..

— Алексей Петрович! Что делать?

— Тосенька, немедленно бегите отсюда, скрывайтесь сейчас же. Ведь вас, как дочь председателя ревкома, тут любая собака знает! Да, постойте: возьмите с собой какого-нибудь раненого. Бегите, детка! Наташенька, мы с вами остаемся, мы с вами нейтральный медперсонал, мы не можем бросить тяжелораненых без помощи — почти все врачи разбежались, сестры тоже. Их понять можно, о колчаковцах говорят такое!.. — Он побежал к воротам — поднять раненого.

Тося неожиданно в голос разрыдалась. Наташа — вслед за ней.

Плача, они обнялись.

— Где я тебя найду, Тосенька?

Прижимаясь к мокрой щеке, мешая свои слезы с ее, Тося прерывисто сказала:

— Слушай, во-первых, дедушка Василий на кладбище. Ему довериться можешь без всяких. А уж если что будет очень срочное, приходи в аптеку на Мещанской к провизору Якову Семеновичу и скажи: «У меня очень голова болит». Он спросит: «Пирамидон помогает?» Ты отвечай: «Нет, у меня рецепт». Отдашь рецепт и в нем напиши, что тебе нужно, а он тебе скажет, когда прийти за порошками...

В конце улицы поднялась беспорядочная стрельба.

— Ой, Наташенька... — Безутешно плача, Тося поцеловала мокрое лицо подруги и бросилась к Алексею Петровичу. Вдвоем они кое-как поставили на ноги раненого, цеплявшегося руками за железные прутья забора. Тося опрокинула его себе на спину и, всхлипывая и плача, повела-потащила его, согнувшись маленькой упругой дугой, побыстрее от госпиталя в глухой переулок. Старый врач постоял у ворот, опустив голову, потом повернулся и побрел к непривычно распахнутой настежь двери главного входа.

Наташа, задыхаясь, вбежала по ступеням в свою палату на третий этаж. «Боже мой, белые в Уфе! Что будет с ранеными?.. А со мной? Теперь уж наверняка найдет меня мать, снова появится этот Безбородько... А может быть, смерть?! Господи, как все в жизни внезапно...»

— Сестрица, помогите, сестрица! — позвал ее в палате раненный в живот боец. Лицо его побелело до синевы, глаза сухо горели.

— Укол бы какой... Плохо мне, помираю...

Наташа кинулась к аптечному ящичку, достала ампулу морфия.

— Спасибо, сестричка, помирать легче будет,— медленно, отделяя каждое слово, выговорил он.

— Ну, зачем помирать, мы с вами еще поживем.

— Иванов я, с-под Смоленска, Михайлом звали. Партийный я, кончит меня Колчак,— с натугой сказал он.— А ты зачем осталась? Не знаешь ты белогвардейцев! Снасилуют они тебя за то, что в красном госпитале работаешь, а то расстреляют. Уходи, сестра!

— Не могу я свой пост бросать, товарищ Иванов. Кто же за вами ухаживать будет?

— Наша жизнь конченая, а твоя вся впереди! Молодая ты еще!.. Уходи, сестрица. Может, среди гражданских тебя не тронут... А потом наши пойдут в наступление, спасут тебя... Всех спасут... Уходи...

Страшно закричал на койке в углу другой раненый, у которого начался приступ травматической эпилепсии. Наташа бросилась к нему, но разве может слабая девушка удержать эпилептика? От судорог и корчи у него разошлись швы, хлынула кровь. Утирая слезы, всхлипывая, Наташа начала бинтовать его, приговаривая что-то успокоительное и стараясь не слышать приближающихся выстрелов, дикой брани и нарастающего топота сапог.

С грохотом распахнулась дверь, на пороге стояли офицер и несколько колчаковских солдат. Все — пьяные.

— Ах, сестрица! А ну-ка покажи нам, кто здесь коммунисты и прочие комиссары? Да поживее! А то один полоумный донкихот, старый клистир, спорить начал — больше не будет! — Он дунул в ствол нагана.

— Я не знаю их биографий, мне известны только их ранения,— произнесла Наташа, выпрямившись и с ненавистью глядя в мутные глаза.— И вообще выйдите вон из палаты — сюда вход без халатов воспрещен!

— Что?! — задохнулся от ярости офицер.— Большевистская сука! А вот тебе, а вот, а вот! — И он с левой руки начал полосовать ее нагайкой.

Резкая боль обожгла ее лоб, грудь, руки, и в эти жестокие секунды что-то грозное, непреклонное, дотоле неизвестное ей, вспыхнуло ослепительной молнией в сознании, и разом сгорело, исчезло то колеблющееся, нерешительное, бесформенное, что еще жило в ее душе! «Вот как все они со мной!.. С нами!.. Всю жизнь до конца самого, все силы — против этих нелюдей!»

— Стой! Стой гад! — собрав последние силы, на койке приподнялся Иванов. Он сбросил одеяло, обнажив окровавленную на животе повязку и, морщась от страшной боли, стал спускать ноги.— Не тронь ее, подлец! Я — коммунист!

— Ах ты? Получай! — Офицер выстрелил в него из нагана почти в упор, и боец, будто помедлив, отвалился назад на подушку — на вечный, беспробудный сон...— Кто еще коммунист? Ты? Ты? Ты? — И с каждым вопросом он палил все в новых и новых раненых.

— А! — дико закричала Наташа и повисла у него на руке.— Это же раненые, раненые!..

— Взять ее! — Он ударом ноги сбросил Наташу на пол.— Тащи суку в подвал, потом разберемся! Она, видать, из идейных. А ну, освободить палату! Всех в окно, быстро, вали потроха на двор!

Один из солдат схватил Наташу за волосы, завернул руку за спину и потащил вниз. Другие бросились к кроватям...

Дикие крики, хруст костей, выстрелы, ругань, стоны, вопли — все это стеной встало перед нею, когда солдат выволок ее на двор.

Из окна второго и третьего этажей выбрасывали людей на булыжник. Стены и снег были залиты и за-

брызганы кровью. Трупы в нижнем белье лежали грудами. Некоторые из выброшенных пытались ползти, но подбегали колчаковцы и с хеканьем вгоняли в них штыки или дробили черепа прикладами.

Наташа оцепенела: нет, это только кошмарный, безумный сон... Такого в самом деле не может быть!..

— Зверье! Какое зверье! Что же вы делаете?.. Вы не люди! — неистово закричала она, в глазах ее потемнело, и спасительная завеса разом опустилась перед ее сознанием. Еще секунда, и она сошла бы с ума, не имея силы вынести картины этой бойни, расправы над сотнями беззащитных раненых...

Очнулась она от холода, в полной темноте, рядом с нею навзрыд плакала какая-то женщина. Наташа попыталась сесть на мерзлой земле, и сразу же заныли у нее руки, спина, ноги, жгучим следом загорелся на лице удар от нагайки.

— Кто это? Кто плачет? — спросила она, сдерживая стон. Женщина замолкла, подползла к ней во мраке, всхлипывая, ощупала лицо шершавыми пальцами:

— Наташенька! Ты живая? Это я, Нюша-санитарка. А я думала, что и тебя до смерти погубили, как Алексея Петровича. Пойдем-ка со мною, тут в углу солома есть... И что же они, ироды, наделали? Ой, опять!..

На дворе гулко простучало несколько выстрелов, взорвалась длинная злобная брань, за ней последовали какие-то команды.

— Грузят убитых на телеги, а среди них живые есть! — в голос закричала Нюша.

— А! А! А! — сидя на земле, Наташа схватила себя за голову.— Ведь этого не может быть, не может быть! Разве люди так могут? А! А! А!

Нюша обняла ее, прижала лицом к высокой груди, стала целовать, успокаивать, говоря что-то бессмысленное, обливая всю ее жаркими слезами, лишь бы говорить.

Ругань раздалась у самой их двери, дверь заскрипела, медленно проступил наверху квадрат ночного неба, на нем обозначились два неясных силуэта: какую-то худенькую женщину втолкнули с силой вниз. Она споткнулась о ступеньку, упала. Раздался стон и плач.

— Да это же тетя Дуся, прачка,— всхлипывая, узнала Нюша и бросилась к ней.— Тебя-то за что, родимая моя?

— Спрятала я на кухне одного молоденького, так нашли его, потащили во двор, да и меня заодно... Ой, что делается, бабоньки, что делается,— завыла-запричитала вне себя пожилая женщина.— Все стены кровью забрызганы, кровью человеческой!..

— А! А! А! — опять закричала Наташа.

— Ну, бабы, хватит плакать, надо отселя бежать, пока нас тоже не кончили,— решительно прикрикнула Нюша.

— Как убежишь-то? — поникшим голосом спросила тетя Дуся.

— А я эти подвалы знаю, был грех — хаживала сюда с выздоравливающим одним... Тут где-то стенка есть деревянная, разобрать можно. Ну-ка поищу...

В эту минуту дверь опять заскрипела. Освещая подвал «летучей мышью», вошло четверо солдат:

— А ну, большевистские твари, выходи наружу! Да не вздумайте бежать, враз пристрелим!

— Куда вы нас, касатики? — робко спросила тетя Дуся, закрываясь ладонью от режущего после тьмы света.

— А что, старая карга, не торопишься на тот свет? А? Ха-ха-ха! — Желтое пятно перебегало с одной женщины на другую.

— Минька, а тут две бабы еще ничего, сочные...

— Не, Ваня! Это большевички, их велели в тюрьму до отбоя доставить. А ну, шевелись, гады зловредные! Канителиться тут еще с вами по морозу!.. Давай живее поворачивайся... — И солдат гнусно выругался.

— Ты, холуй! — Перед ним вдруг выросла высокая молодая женщина с кровавым рубцом на лбу.— Запомни: если я жива буду, я всю жизнь на то положу, чтобы таких, как ты, гадина, и твоих хозяев начисто поистреблять. Понял? Все понял? — Голос Наташи звучал хрипло, и из глаз била такая нечеловеческая ненависть, что солдат суеверно отшатнулся.

Наташа перевела взгляд с одного на другого, как бы запоминая их, и быстро пошла к выходу. Женщины заторопились за ней. Солдаты, протрезвев, враз затихнув, затопали вслед...

И в тот же час, когда за арестованными женщинами

замкнулась тяжелая тюремная дверь, широко отворилась дверь салон-вагона, в котором находился штаб командующего центральной армией Колчака генерала Ханжина. Усиленная охрана, стоя навытяжку, пропускала в вагон генералов и полковников, иностранных военных советников и штаб-офицеров. Гостей вежливо приветствовал у входа племянник Ханжина его адъютант Игорь — совсем еще юный офицер.

Командующий, не отрываясь от донесений и карты, дал знак пришедшим садиться. Наконец, проверив и перепроверив донесения, Ханжин поднял голову и встал:

— Господа, поздравляю вас с первой крупной победой и приветствую вас в городе Уфе. Итак, проанализируем, как разворачивается наше наступление.

Прежде всего: Пятая армия красных под командованием Блюмберга великолепно была нами дезинформирована. Выношу сердечную благодарность за проделанную операцию и представляю к награде начальника нашей контрразведки полковника Безбородько. Поприветствуем его, господа!

Безбородько встал, склонил голову на грудь новенького полковничьего мундира. Раздались вежливые аплодисменты. Безбородько перехватил несколько завистливых взглядов.

— Красное командование пятого марта начало против нас наступление силами двух дивизий, не предполагая встретить существенного сопротивления, и оказалось перед фактом пятикратного превосходства наших сил на этом участке! Шестого марта мы нанесли мощный контрудар и начали охват Уфы с севера и с юга одновременно. Красные дивизии бежали столь поспешно, что забыли подорвать мост через реку Белую. Эта удача позволит нам стремительно продолжить наступление на Самару и Симбирск. Противник деморализован и бежит, наши передовые отряды конницы захватили уже узловую станцию Чишмы. Потери наших войск при овладении Уфой не превышают ста человек. В городе нами захвачены большие трофеи, в том числе военный госпиталь на полном ходу.

— Сообщите господам союзникам,— сказал Ханжин переводчикам,— что квартирьеры завтра же устроят их в хорошо оборудованные дома. А теперь... — И он торжественно воткнул булавку с флажком в центральную точку Уфы на карте. Раздались шумные аплодисменты.

Громко заговорил американский генерал Гревс. Все настороженно прислушивались к звукам незнакомого языка. Переводчик перевел:

— Не будет ли возражений со стороны вашего превосходительства, если я передам в крупнейшие газеты Америки телеграмму такого содержания: Красная Армия наголову разбита под Уфой и в беспорядке бежит к Волге. Дни советской власти сочтены.

— Возражений не имею,— кивнул Ханжин.— Насчет считанных дней будем скромней.

— О'кей! — сказал Гревс, не дожидаясь перевода. В дверях появились два денщика с подносами, уставленными бокалами с шампанским. Опытные, видимо, в прошлом официанты, они бесшумно и быстро обнесли всех присутствующих, начиная с Ханжина и иностранных советников.

Ханжин вновь встал, подняв искристый хрустальный бокал:

— Господа! За нашу первую крупную победу! За наши последующие успехи! На Москву! Ура!

— Ура! Ура! Ура!

Нежно и тонко звенел хрусталь. Бокалы наполнялись вновь и вновь. В салон-вагоне царило веселье и оживление...

19 марта 1919 года.
САМАРА

— Федор Федорович, когда будете сегодня делать на Реввоенсовете обзор обстановки, учтите, пожалуйста, и это.— Фрунзе протянул помощнику приказ, подписанный командующим Восточным фронтом С. Каменевым и членом Реввоенсовета С. Гусевым.

— Ага, вот как — в наше распоряжение передается и Туркестанская армия? Отлично!

— Да, будем теперь именоваться Южной группой. Задачи — обеспечить оборону Уральска и Оренбурга и поддерживать связь с Ташкентом.

— Значит, в распоряжении у нас будет теперь...

— Да, около сорока тысяч бойцов. Сила вполне реальная.— Фрунзе задумчиво прошелся по кабинету,

повторяя: — Вполне реальная, вполне реальная... — Он остановился и вскинул голову: — Есть у меня одна идея, хотелось бы знать, как вы к ней отнесетесь: прежде всего, прошу критику!

— Готов слушать.

— А что, если нам всю двадцать пятую дивизию, что принял Чапаев, вывести целиком в тыл, в район Бузулука, и начать там сосредоточение не столько резерва, сколько ударной группировки — даже не армии, а фронта. А затем перекинуть туда и всю Туркестанскую армию, что доведет ударную группу до двадцати пяти тысяч бойцов?

— Что касается сосредоточения двадцать пятой дивизии в одном месте, тут возражать трудно: Чапаеву и Фурманову легче будет контролировать формирование и боевую подготовку. Ну, а начать создавать ударную группу, когда совершенно неясно еще, как развернутся у нас события, не преждевременно ли?

— Не преждевременно ли в каком отношении? Если вы беспокоитесь, не раскроем ли мы свои карты противнику, то нет. Группу называть ударной мы не будем. Знать об этом решении кроме нас с вами будут лишь Берзин да Куйбышев. Так? Если же вы не уверены, как развернутся события, то именно Бузулук — такая точка, откуда удобно наносить удар в любом направлении. Согласитесь, Федор Федорович, когда Колчак приблизится к нам вплотную, маневрировать станет трудно, да и перемещения эти будут заметны и очевидны. А сейчас мы заранее подготовим силы для контрудара, откуда бы ни последовал удар,— это будет реальная помощь командующему фронтом.

Новицкий задумался:

— В нашей ли компетенции решать такие задачи?

— Предусмотреть возможность разгрома врага? — Фрунзе улыбнулся.

— Да, простите. Вопрос был бы уместен в штабе армии пять лет тому назад... Три, два года тому назад... Целую вечность тому назад — до революции. Но...

— Что еще вызывает у вас сомнение, Федор Федорович?

— Вы сказали: Бузулук — такая точка, откуда удобно наносить удар в любом направлении...

Новицкий подошел к карте, задумался: его опытному взгляду достаточно было мгновения, чтобы оценить точ-

ность, истинность мысли Фрунзе,— действительно, при всех вариантах наступления Колчака, район Бузулука с его положением относительно железных дорог, рек, фронтов — идеальный плацдарм для контрудара. «Решение гениально простое. Но родилось оно в голове не у профессионала-военного. Создание рабочих полков на заводах — это могло подсказать революционное прошлое, это я понимаю. Но заблаговременное создание ударной группы, весомой в масштабах всего фронта,— это ведь дело сугубо военного искусства. Откуда это?.. Как ответил бы Фрунзе? А наверно, так: прежде всего вежливо, но язвительно переспросил бы: «В масштабах всего фронта? А разве севернее нас, в других наших армиях сражаются не те же граждане Советской республики, не наши братья по общей борьбе?» Как еще он сказал бы? А так: «Каждый за себя — это ведь старая мораль, не правда ли?» Новицкий усмехнулся: здорово тебя, старого, перевоспитали, уже можешь представлять себе ответы большевика-политика. Да... Но эти ответы позволяют судить лишь о политических причинах свободы, раскованности, крылатости мысли командующего. Однако какова все-таки необычайная собственно военная одаренность! Ведь совсем недавно еще колебался, советовался там, где тебе все было ясно. Совсем еще недавно...

— Ну, так что Бузулук? — спросил Фрунзе.

— Да. Подходит,— коротко ответил Новицкий.

— Значит, считаем, что в вашем оперативном обзоре вы будете учитывать некоторые дополнительные данные...

Вечером Сиротинскому было приказано никого в кабинет не пускать.

— Сергей Аркадьевич, вы предупреждали Куйбышева? — спросил Фрунзе, глянув на часы.— Значит, случилось что-то непредвиденное. Прошу вас проследить, чтобы в приемной никто не толкался.

Сиротинский вышел, Фрунзе запер дверь изнутри.

— Товарищи,— начал Новицкий,— мое сообщение составлено на основе нескольких приказов и сводок командования фронта, полученных за последние три дня. Следовательно, читаю. Четвертого марта началось наступление колчаковских войск. На основании анализа первых ударов противника, а также разведданных, планом белогвардейского командования предусматривается: разбить наши армии, находящиеся к востоку от рек Волги

и Вятки, с ближайшей задачей овладения районом Средней Волги.

Первой перешла в наступление Сибирская армия генерала Гайды. Четвертого марта войска корпуса генерала Пепеляева из этой армии перешли по льду реку Каму между городами Осой и Оханском и вклинились в оборону наших полков Второй армии. Южнее Осы начал наступление корпус генерала Вержбицкого. Седьмого марта белыми войсками захвачен Оханск, восьмого — Оса. Обе наши северные армии за время с четвертого по десятое отошли на восемьдесят — девяносто верст, однако им удалось сохранить параллельное начертание своего фронта по отношению к противнику. Что было дальше?..

Раздался решительный стук в дверь. Берзин подошел, повернул ключ, отворил. На пороге мрачно и неподвижно, непохожий на себя, стоял Куйбышев.

— Их сиятельство господин губернатор, как всегда...— начал Берзин и осекся.— Что с тобой?

Куйбышев тяжело махнул рукой и прошел к столу.

— Извините, задержался, Федор Федорович, вы докладываете? Продолжайте, я пойму... — Он сел, заслонив лицо ладонью.

Новицкий пристально посмотрел на него, поколебался секунду.

Продолжаю. Шестого марта перешла в наступление Западная армия колчаковцев под командованием генерала Ханжина. Как установлено, она наносит главный удар. На участке Пятой армии противник имеет более чем четырехкратное превосходство. Десятого марта колчаковцы захватили Бирск, А четырнадцатого марта — Уфу, мост через реку Белую и узловую станцию Чишмы. Пятая армия, отходя вдоль железных дорог на Самару и Симбирск, оказывает противнику сопротивление. Попытка белогвардейского командования окружить ее не увенчалась успехом. Но части Пятой армии с боями продолжают откатываться к Бугуруслану и Бугульме.

Командующему Южной группой, то есть вам, Михаил Васильевич, приказано подчиненную вам Туркестанскую армию базировать временно на Волгу и оборонять ею Оренбург и его районы, а Четвертой армии прекратить наступательные операции, перейти к обороне Уральска и железной дороги на Саратов. Коман-

дующему Первой армией товарищу Гаю надлежит вывести двадцать четвертую стрелковую дивизию с Южного Урала для усиления своего левого крыла, передав оборону Оренбургского района с севера Туркестанской армии. По мнению Главкома Вацетиса и предреввоенсовета республики Троцкого, всем армиям следует быть готовыми к отходу на запад за Волгу, для того чтобы полностью остановить наступление армий Колчака и спасти республику.

— Вот как, отойти за Волгу? — крякнул Берзин.— А за Днепр не предлагают?

— Сначала предложение — разогнать в армии политкомиссаров, сейчас — отойти за Волгу, а Якова-то... Эх!..— Куйбышев махнул рукой.

— У вас сегодня очень усталый вид, Валериан Владимирович. Это с вами как-то не вяжется. И, простите, я не расслышал, что вы сказали в конце. Глохну, видимо,— возраст.

Куйбышев встал:

— Товарищи, вчера вечером, открывая Восьмой съезд партии, Владимир Ильич предложил всем почтить память... почтить память Якова Михайловича Свердлова...

— Свердлова?! — Фрунзе шагнул к нему.— Что ты говоришь? Свердлов умер?

— Да, нет Якова. Нет Яшки Свердлова... Три месяца прожили мы с ним бок о бок в Нарыме, когда выцарапали его из гиблого Максимкиного Яра... Три месяца, а породнились на всю жизнь! Какой энергии человек был: ведь росточком рядом со мной, как ребенок, а заряжался я от него бодростью неслыханной... А встречи с ним в Москве...

— Ай-яй-яй! — Фрунзе ходил по кабинету. Потом неожиданно остановился перед Куйбышевым.— Ну, вот что, друг! Ленину сейчас тяжелей, но он руководит съездом. И не в манере Свердлова было падать духом. Так?!

Куйбышев кивнул головой.

— Как бы он сказал?..

Сильный, звучный, хорошо им обоим знакомый голос Свердлова как бы прозвучал рядом с ними на мгновение.

— Да, за работу! Только за работу! — Куйбышев сел.— Извините, Федор Федорович.

— Я понимаю вас, Валериан Владимирович. Я знаю, что такое потерять близкого друга. Примите мое горячее

сочувствие. Больше ничего говорить не буду, здесь слова бессильны. Разрешите продолжать, Михаил Васильевич?— Новицкий поправил пенсне.— Было бы полезно учесть некоторые данные о соотношении сил по фронту, полученные войсковой, а также агентурной разведкой. Общее соотношение сил по фронту следующее (без учета резервов в тылу сторон): Красная Армия — сто двадцать пять тысяч четыреста девяносто семь бойцов и командиров, армия Колчака — сто тридцать семь тысяч шестьсот восемьдесят четыре солдата и офицера; орудий: Красная Армия — четыреста двадцать два, армия Колчака — триста пятьдесят два; пулеметов: Красная Армия — две тысячи восемьдесят пять, армия Колчака — тысяча триста шестьдесят один.

Из сказанного я делаю вывод, что подавляющего преимущества на Восточном фронте в живой силе противник не имеет. Формирующиеся в тылу у Колчака еще два корпуса все больше ввязываются в борьбу с сибирскими партизанами. По мере углубления армии Ханжина в наши порядки протяженность линии действующих войск будет расти, а значит, и плотность на каждую версту будет уменьшаться. Этого забывать нельзя.

С другой стороны, пока противник владеет инициативой, у него много возможностей. Выход Западной армии генерала Ханжина в направлении Бугуруслан — Бугульма, куда он стремится, создает угрозу нашим южным армиям, которые Колчак с выходом к Самаре может отрезать от центра и нашего общего тыла. Отсюда проистекают опасения Главкома и его предположения о возможности отступления за Волгу, как единственную естественную преграду, способную остановить армии Колчака, по его мнению.

Но эти опасения, по нашему с Михаилом Васильевичем мнению, преждевременны. Своим выдвижением к западу на сравнительно узком участке фронта Колчак сам ставит свою группировку под наши удары с юга, с запада и даже с севера, хотя там он стремится прикрыться рекой Камой.

Полагаю, что Колчак предпримет сейчас попытки опрокинуть Первую армию, а также наши Четвертую и Туркестанскую армии. Отсюда следует ожидать активности противника на этих участках в ближайшее время.

— Честно говоря, товарищи, мне неясно, на что рассчитывает Колчак. Начать генеральное наступление, не имея больших резервов? Не слишком ли надменная недооценка наших сил и переоценка своих? — Фрунзе развел руками.

— Я бы не спешил обвинять Колчака,— не торопясь ответил Берзин.— Во-первых, он исходит из уровня боеспособности и руководства наших дивизий на весну восемнадцатого года. Он не может себе представить наш рост за недели и месяцы, которые были равны для нас годам. Во-вторых, ему были обещаны поголовные восстания у нас в тылу — на направлении главного удара. Но крестьяне на мятежи не пошли, а кулацко-эсеровские вспышки мы погасили быстро. В-третьих, Колчак рассчитывал на массовые изменения в рядах нашего командования, а их почти нет. Следовательно, надо говорить не о военном просчете Колчака, а прежде всего о его политических просчетах в оценке обстановки. Так или не так?

— Резонно. Но не до конца,— живо возразил Фрунзе.— Неужели он и его генералы не понимали, что столь выдвинутая вперед группировка может легко быть атакована с флангов? То есть ставка и на нашу недогадливость. В шахматах это называется некорректной комбинацией.

— Ну, так,— согласился Берзин.— Чего-чего, а корректности у Колчака не хватает. Однако начало он хорошо продумал, а дальше хочет проехать на панике и растерянности у нас. И не так уж это глупо: кое-кто у нас и впрямь заметался.

— Я безусловно поддерживаю Федора Федоровича в том, что ни о каком отходе за Волгу разговора быть не может. Говорить об этом могут лишь люди чрезмерно пугливые либо недобросовестные. Что касается нас, давайте-ка детально займемся анализом обстановки, подумаем о возможных решениях.

— Значит, вытянутый клин, который может оказаться над нами,— задумчиво промолвил Куйбышев.— Вот бы и рубануть его! Но только какими силами, где и когда?

— А на этот счет — какими силами и откуда — у Михаила Васильевича есть мысль,— живо возразил Новицкий.— Смотрите...

Свет в кабинете командарма горел далеко за полночь.

15—29 марта 1919 года
УФА

— Да как закричит она, сердечная, страшным криком, да как бросится на офицера этого прямо грудью. Стреляй в меня, кричит, гад проклятый, а раненых не тронь! Он и оробел, а она хвать у него из рук наган да захотела их всех перестрелять. Ну, тут, конечно, ее схватили и давай в две нагайки лупцевать, а потом бросили в подвал со мной и Дуськой вместе. Сидим мы там, ждем смерти, и вот приходят солдаты. А она как глянула им в лицо да как сказала: «Через нашу смерть и вам погибнуть». Они сразу ружья опустили и говорят: «Ну их к етакой матери, пропадать еще из-за них, отведем-ка их лучше в тюрьму...»

«О ком это она?» — сквозь тяжелый сон подумала Наташа, услыхав Нюшин торопливый голос, и очнулась. Сильно болело избитое тело, горел рубец на лице. Она попыталась повернуться и застонала от неожиданной резкой боли в боку.

— Тсс! Тихо, бабы! — послышался шепот.

Наташа открыла глаза и внутренне содрогнулась: прямо перед ней во множестве белели странные, совершенно незнакомые лица, одутловатые и тусклые,— воистину паноптикум женского безобразия. И все эти женщины с жадным любопытством и неприкрытым состраданием глядели на нее. На заднем плане, в полумраке камеры, Наташа увидела Нюшу и тетю Дусю, приветливо закивавших ей.

— Здравствуйте,— Наташа села на нарах и подняла руки, по привычке поправляя волосы.

— Здравствуй, касаточка! Здравствуй, болезная! Здравствуй, доченька! — услыхала она в ответ.— Тебе, может, умыться? Пойдем, полотенце дам... А это параша, если по нужде надо. Пойдем, милая, научу тебя, чтоб не стеснялась.— Старая, рыхлая женщина помогла Наташе встать.— А то что же делать, родимая, столько баб запихнули в эту клетку.

В мглистом, зловонном воздухе тускло светилось маленькое зарешеченное окошечко под потолком. Черный от многолетней грязи пол, покрытые соломой и тряпьем нары, на которых сидели нечесаные, опухшие женщины

в лохмотьях, осклизлые стены — все это было бы дурным сном, бредовым кошмаром, если бы не было так реально: женская камера тюрьмы. И снова, как вчера, мелькнула мысль: да полно, может ли это быть в самом деле? Да не кошмарный ли все это сон?

— А нам все едино: красные чи белые, веселые чи квелые,— говорила ей одна из ее новых подруг, с неожиданно молоденьким для ее громадного бесформенного тела личиком, когда они, сидя рядом, доскребывали жиденькую кашу из металлических мисок.— Красные были — посадили, белые пришли — не выпустили, а что, при царе нашу сестру не гоняли, что ли? Не подмажешь квартального — и будьте добры на отсидку, и при Керенском таскали. А через что садят, спрашивается? Каждому кобелю до моей юбки дело есть, а мне заработать надо или нет?

— Ты молчи, Зинка,— со смехом перебила ее другая.— Али мы не знаем, как ты пьяного-то догола обчистила? — И все женщины, в том числе и Зинка, дружно захохотали.

— А чего же добру пропадать, коли само в руки идет? — весело ответила она.— Вот на исподники его это я, верно, зазря польстилась, от жадности. Вот он шум и поднял, когда проспался да в канаве очнулся.

— Ой, не могу,— давилась от смеха ее подруга.— В каком же это он виде явился к тебе с понятыми, срам-то хоть прикрывал рукой или уж ничего не стыдился? И-хи-хи!..

Страшный мир, ведомый Наташе лишь из книг, открылся ей в камере. Все наперебой стали рассказывать, за что они попали в тюрьму. Каждая, конечно, преуменьшала свои проступки, а иные клялись, что они и вовсе невинны, но тут же подруги без стеснения раскрывали причины их ареста. Убийства, кражи, проституция — обо всем этом рассказывалось просто, обыденно, без всякого стыда. Это был естественный, привычный для них образ существования, а у Наташи от горя спазмы сжимали горло: так страшна, так убога, так трагически примитивна была их жизнь!

Люди чувствуют человеческую доброту и участие. Люди, каковы бы они ни были, безошибочно распознают в другом большую, участливую душу... К вечеру, когда уже горела под низким потолком крошечная, чадная и вонючая коптилка, бесшабашная Зинка вдруг, как спо-

ткнулась, прервала свой залихватский рассказ о том, сколько всякого добра она однажды заработала за одну ночь: она увидала нескрываемое сострадание и боль на лице у Наташи. Оживление покинуло женщину, из огромного тела как будто разом вынули кости, и она, упав маленькой своей головой ей на колени, запричитала, заплакала:

— Милая ты моя, розочка ты наша светлая! Попала ты в помойку к нам, гнилым веникам, за людей пострадала! И не слушай меня, что я хвастаюсь, все равно лежать мне, как падали, не видать в жизни солнышка!..

— Наташка, а парень-то у тебя есть какой, чтобы любил тебя и ждал, как в книжках пишут? — вдруг жадно спросила ее Марфутка-рецидивистка.

И не знал, не ведал Григорий, в эту темную ночь и представить себе не мог, где и как звучит сейчас его имя!..

В мрачной, зловонной камере, среди сбившихся в тесную кучу воровок, проституток, а сейчас просто подруг по беде, поглаживая темно-русую Зинкину голову на своих коленях, рассказывала Наташа о своей любви: как встретились с Гришей на ее гимназическом балу, как стали потом часто гулять вместе. («Высокий он, девушки, да сильный, как прильну я головой к его плечу, и ничего мне больше не надо, только бы дорога подольше не кончалась».)

— Бывает же! И точно, как на картинках, которые, знаешь, на базаре продают в воскресный день, и надписано: «Люби меня, как я тебя, и вечно буду я твоя»,— завистливо вздохнула Марфутка.

— На картинке? — задумчиво повторила Наташа.— Было и так. Встречались на катках. Если днем удавалось, то в Таврическом саду, а вечером — на Фонтанке, у Аничкова моста. Там играл военный духовой оркестр.

— Это надо же!..

— А главное все же было такое, чего на картинках не покажешь,— покачала головой Наташа.— Главное, горячо обсуждали книги, которые прочли, и понимали их одинаково. Главное, что Гриша хотел стать смелым, чтоб ничего не бояться, и уже в шестнадцать лет убил из охотничьего ружья огромного медведя. Главное, что честность духа он в себе развивал, за народ переживал, сам в тайный кружок ходил и меня туда вовлек. Главное, что красным добровольцем он пошел, потому что совесть

у него человеческая. Вот почему я больше жизни его люблю. А ты говоришь: как на базарной картинке...

— А ведь и у меня когда-то настоящий парень был,— вслух подумала Зинка.— А может, и не было? Эх, жизнь наша распроклятая!

— Зря ты небось от матери убежала? — усомнилась Марфутка.— Уехала бы за границу, жила бы припеваючи, в шелках-бархатах ходила бы...

— Ты замолчи, паскуда грязная! — злобно закричала на нее Зинка.— За шелка-бархаты да чтобы душу свою человеческую продать? У тебя нет, так и других на свою колодку меришь?

— Советую я тебе, Наташенька, на допросе доказывать, что у тебя отец и мать из богатых, а за красных ты заступилась потому, что бог велит больных да убогих защищать,— вставила тетя Дуся.— А не то все тебе припомнят...

Текли минуты и часы, а Наташа рассказывала. Она говорила теперь о своем городе, о его красоте, его улицах, площадях, памятниках. Читала стихи:

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное теченье,
Береговой ее гранит...

Многие слова Пушкина были непонятны этим женщинам, которые никогда не бывали в Петрограде и даже не слыхали о великом поэте. Но выразительность классических строк и взволнованного чтения были столь впечатляющи, что они сидели и лежали затаив дыхание, широко раскрыв затуманившиеся глаза, испытывая чувства, давно забытые или незнаемые ими...

— Петроград я знаю, там революцию произвели,— задумчиво сказала Зинка.— Там Ленин был.

— Про Ленина я тоже слыхала,— торопливо вставила Марфутка.— Говорили, что он шпиён немецкий и подкуплен, чтобы Россию немецкому царю продать.

— А у нас балакали, що цей Ленин простой и добрый-добрый,— робко вступила Оксана-спекулянтка, смуглая молодка, снятая с поезда заградотрядом с двумя мешками муки.— Казалы, що вин ходакив в кабинэти своим примае и всэ, всэ им дае. Кому землю, кому лошадь, кому корову. Правда це, чи ни?

Наташа знала о Ленине по газетам, читала его выступления, много узнала о нем от Гриши. Даже от Без-

бородько и Авилова она слышала, что Ленин хорошо разбирается в военных вопросах и умеет совершенно сверхъестественно провидеть события.

— Да, я тоже слыхала, что Ленин крестьян принимает,— ответила Наташа.— Он хочет, чтобы всем хорошо жилось, чтоб не было бедных, чтоб все были образованные...— Наташа говорила вдумчиво, подбирая точные фразы, потому что чувствовала, как верят каждому ее слову новые подруги.— Понимаете, он хочет, чтобы жизнь у всех людей шла по справедливости, и свою жизнь за это кладет. С молодых лет по тюрьмам да ссылкам его терзали, а теперь враги в него из нагана стреляли. Им правду, а они в ответ — пулю и нагайку...

— Не переживай, доченька, не переживай,— погладила ее по голове тетя Дуся.— Все минется, все образуется...

— Наташ, а Наташ, а все же ты нам по правде скажи, вот все по совести, как сама думаешь: кто победит, чей верх будет — красных или белых? — Все в камере замолчали, жадно глядя на девушку.

— Конечно, красных! — удивилась Наташа, но тут же поняла, что сейчас одних только чувств мало, что все с нетерпением, как при решении судьбы, ждут неопровержимых доказательств. Она замолчала, задумалась. Рассказывать об основах теории, которую она с таким интересом узнала в кружке Федора Ивановича Фролова? Нет, это ничего не даст, здесь мыслят грубей и конкретней.— А очень просто, что красные,— повторяла она.— Вот тебе, Марфа, нравится в этой камере?

— Да что ты, окстись, милая! В такой-то вонище да грязище?

— Значит, на воле лучше?

— А то!..

— Ну, а если большевики весь народ, все миллионы людей из этой вонищи да грязищи выпустили, неужели люди назад захотят: уйти от света, воздуха, свободы, чтобы снова на буржуев горб гнуть? Да разве их теперь назад загонишь? Они теперь любого с пути сметут, кто старые порядки завести надумает. Поняла?

— Поняла! — выдохнула Зинка, подымая голову с ее колен, и убежденно сказала: — Ты, Наташка, само собой, коммунистка или большевичка, но за нас не беспокойся: у нас тут ни одной шкуры нет, чтоб тебя выдала!

— Да нет, Зина, я беспартийная,— смущенно произнесла Наташа.

— Ну, это, конечно, твое дело, открываться нам или нет. Однако и мы хоть дуры темные да необразованные, а все же не лыком шиты. Но только ты и думать не моги: за нами — как за каменной стеной! А вот растолкуй нам лучше такое дело...

И потянулся день за днем в маленькой, зловонной и душной клетке, где было заперто десять женщин: ни свежего воздуха, ни человеческой постели, ни чистого белья, с отправлением естественных надобностей всех на виду у всех, с прогорклой пищей. И каждый день, в любой час, собирались вокруг Наташи заключенные женщины. Она пересказывала им повести и романы, читанные ею, иногда представляя содержание в лицах. А бывало, часами то одна, то другая женщина рассказывала о своей горькой судьбе, ненаписанной книге. Рассказывала, адресуясь ко всем, но особенно к этой молоденькой справедливой арестантке, даже в ее молчании чувствуя напряженное, искреннее внимание.

На одиннадцатый день, во внеурочное время, загремел ключ в дверях и надзиратель выкрикнул:

— Турчина Наталья! Собирайся с вещами.

— Куда? — Сердце у Наташи забилось часто-часто.

— Самый главный с контрразведки приехал: ты, оказывается, птичка важная, политическая. Сейчас на допрос, а там, видно, в одиночку. Ну, ты... пошевеливайся!

В камере поднялся гвалт. Все вскочили, окружили ее, начали прощаться. Целовали кто в щеку, кто в руку. Наташа перецеловала всех. С Нюшей, тетей Дусей и Зинкой Наташа расцеловалась трижды, по-русски.

— Ты не беспокойся,— шепнула Зинка.— Что ты нам здесь говорила, никто не выдаст, я накрепко предупрежу. А на допросе крепись, нет у тебя вины ни перед богом, ни перед людьми.

— Ну вот, нашла подружек, ворье да потаскух! Давай на выход! — грубо прикрикнул надзиратель.

Долго шли коридорами. Наташа отвыкла от движения и ослабела на голодном пайке. Грязное платье висело на ней мешком. Голова кружилась, ноги переступали вяло, неуверенно.

— Ты чего плетешься, как старуха! Плетей захотела? Сейчас тебе пропишут леворюцию-лезорюцию по

заднему месту! — Надзиратель толкнул ее в плечо. Этот удар как бы пробудил ее, сорвал какую-то пелену с сознания. Она, как на пружине, обернулась к надзирателю и бросила недобрым голосом:

— А ну поосторожней!.. Руки прочь!

Этого окрика старый служака не ожидал. «Кто ее знает, что за птичка. Хотя и девчонка, а всякое в жизни бывает...» — И он пробормотал извинительно:

— Простите, сударыня, это мы по привычке, все больше с ворами да убийцами приходится. Проходите сюда, пожалуйста. Ну, вот и пришли! — И он открыл перед нею дверь в кабинет начальника тюрьмы.

В большой комнате за столом сидел низенький тучный военный, с помятым, невыспавшимся лицом, на котором явственно обозначались все мучения после вчерашней выпивки.

— Вашескородие, арестованную Турчину доставил.

Не отвечая, начальник тюрьмы тяжело двинулся к Наташе.

«Ну, сейчас даст он ей жизни!» — восхитился надзиратель, зная, каков бывает его начальник перед опохмелкой. Но что это?! Начальник, с трудом склонив жирную шею и показав Наташе рыженькую проплешину (это означало поклон), прохрипел по возможности любезным голосом:

— Мадмуазель Турчина! Должен принести вам свои извинения за содержание без вины в тюрьме, да еще с уголовницами. При изгнании большевиков из города кое-где погорячились, но сейчас демократия вступает в свои права. Вы свободны.— Он с явным трудом произнес эти противоестественные для него слова и направился к столу: — Ерофеев, проводи!

Надзиратель не сразу закрыл рот, но, уразумев, что от него требовалось, услужливо открыл дверь. Наташа и не глянула на него. «Свобода!.. Свобода?.. Почему? Неужели они смогли разобраться? Значит, есть справедливость? — вихрем пронеслось в голове.— Но ведь нас сюда привели втроем. Уйти одной?.. Нет!»

— Сударь! — ломким от волнения голосом произнесла она.— Я была арестована, стараясь защитить беспомощных раненых от зверств и расстрела. Вы освобождаете меня. Но вместе со мной были брошены в тюрьму по той же причине прачка Евдокия Самохина и санитарка Анна Мухина. Без них я из тюрьмы не выйду

и прошу вас, господин начальник тюрьмы, освободить также и их! — Она помолчала и твердо добавила: — Кроме того, я прошу привлечь к суду лиц, повинных в ужасном злодеянии в госпитале!

У Ерофеева снова отвалилась челюсть. Начальник тюрьмы внимательно и брезгливо глянул на Наташу, произнес что-то нечленораздельное вроде «счастлив твой бог!», и вышел в неприкрытую боковую дверцу. Послышался негромкий разговор. Он снова появился в кабинете:

— Хорошо, мадмуазель. Ради торжества... этой... демократии мы освободим и их. А насчет суда, гхм, извините, не по адресу. Выйдете на волю и... это... жалуйтесь хоть верховному правителю. А наше дело маленькое: приказали выпустить — выпускаем, прикажут снова поместить — не обессудьте, поместим.

— Поверю вам лишь тогда, когда увижу их выходящими из ворот тюрьмы! — дерзко произнесла Наташа.

Начальник глотнул слюну и свирепо глянул на девушку:

— Ерофеев! Веди на выход Самохину и Мухину!

— Слушаюсь, вашескородь! — Ничего не понимающий надзиратель исчез.

— Благодарю вас. Я выйду вместе с ними, как вошла.

— А уж этого, мадмуазель-барышня, не будет! Прошу вас сюда.— Не скрывая злобы, он взял ее за локоть сильными короткими пальцами и провел к боковой дверце.— Покорнейше желаю пребывать во здравии.— И он, втолкнув ее туда, закрыл за нею дверь на ключ.

На табуретке в маленькой комнате сидел, опустив голову, какой-то блестящий офицер — в высокой папахе, в серо-голубой шинели, в золотых погонах. Увидав Наташу, он встал и снял папаху. Перед ней стоял Безбородько! От неожиданности и испуга Наташа подняла руки и сделала шаг назад, но наткнулась на запертую дверь. Волнение, смятение, целый рой мыслей и воспоминаний нахлынули на нее.

— Наталья Николаевна,— тихо промолвил Безбородько.— Я бесконечно восхищаюсь вами как человеком и женщиной. Чтобы сразу закончить неприятную часть беседы, скажу вам, что тот офицер, который устроил бесчинство в госпитале, мной арестован, отдан в военно-

полевой суд и, без всякого сомнения, будет расстрелян. Я ненавижу изуверов так же, как вы...

Но потому что многое уже познала, потому что глубоко заглянула в жизнь, потому что стала уже другим человеком, она сразу и решительно не поверила Безбородько. Не отдельным его фразам, нет: она не сомневалась ни в том, что, не дрогнув, он расстреляет совершенно безразличного ему офицера, ни в том, что он желает по каким-то своим причинам сблизиться с ней.

Она не поверила в истинность его уважительного тона, не поверила даже не потому, что он совсем недавно так жестоко надругался над ее достоинством (в камере она убедилась, что люди, совершившие мерзкие поступки, тем не менее могут быть сердечными и радушными), а потому, что десятикратно обостренная интуиция позволила ей увидеть его лицо таким, каким оно было не сейчас, а в привычной для Безбородько обстановке, когда он не должен был притворяться. Может быть, ее взгляд остановился на едва заметной сеточке морщин и складок, которые были разглажены сейчас миной вежливости и почтительности. Может быть, она уловила мгновенно мелькнувший и тут же пропавший жадный огонек в его глазах. Однако его благопристойная маска вдруг как бы растворилась, расплылась, и вместо нее резко, грубо, контрастно проступило искаженное безнаказанной жестокостью лицо убийцы. В главных, определяющих своих чертах оно совпадало, неразличимо сливалось с ужасным, незабываемым лицом офицера в госпитале, когда он начал бить ее нагайкой.

Конечно, Наташа не знала и предположить не могла, что разведка белых заблаговременно, еще в феврале, заслала в Уфу несколько неприметных внешне фигур с поручением оглядеться, принюхаться, а если удастся, то и втереться в доверие красной власти, и что контрразведка белых располагала теперь длинными адресными списками политически активных рабочих и скрывшихся раненых. Конечно, Наташа не знала, что окраины и предместья Уфы стонут сейчас от чудовищного, зверского террора, и не знала, что Безбородько по суткам подчас не выходит из комнаты для допросов, которую вернее было бы назвать пыточной камерой. Ничего этого она не знала. Тем не менее в каком-то озарении она четко увидала перед собой на миг вместо его кроткого,

усталого лица страшную морду закоренелого мучителя и убийцы.

— Посмотрите,— тихо сказал Безбородько, показывая на тюремный двор. Наташа повернула голову. Внизу торопливо шагали к воротам Нюша и тетя Дуся.— Сейчас мы с вами поедем на мою квартиру, где вы отдохнете от всех этих ужасов.

— С вами я никуда не поеду!

Безбородько в задумчивости прошелся по комнате, поглаживая темные блестящие волосы. «О, кретин! И надо же было тогда в купе торопиться... Господи боже мой, сколько из-за этого лишней мороки! А тут еще экстренный запрос от «глубоко страдающих, убитых горем родителей» из Англии, которые умоляют его высокопревосходительство адмирала Колчака, верховного правителя России (а папаша Турчин знаком с Верховным лично), помочь им разыскать «единственную дочь, потерянную в хаотических вихрях, охвативших нашу несчастную родину. Молим ежечасно господа бога, чтобы даровал вам победу, видим вас въезжающим на белом коне в златоглавую Москву». Знает мадам, прожженная бестия, на что нажать!»

— Наташа, я гарантирую вам спокойный отдых в течение нескольких дней. Не скрою от вас, что сам Верховный по просьбе ваших родителей, велел разыскать вас во что бы то ни стало, и я за великое счастье почел выполнить этот приказ.

Наташа брезгливо поморщилась. Безбородько чутко уловил ее мимику:

— Не скрою и того, что я готов пойти на служебное преступление: если вам не угодно, в Англию я отправлять вас не буду. Но не могу гарантировать,— вкрадчиво заметил он,— что кто-либо другой, помимо меня, осмелится игнорировать этот приказ. А сейчас вы получите все документы и полную свободу. Если захотите, устроитесь на службу. Но сначала вам надо отдохнуть, одеться, вымыться, наконец... Ничего иного вам я сейчас предложить не могу и не смею.

Наташа налила себе воды, молча выпила. Безбородько будто поплыл перед ее глазами, раздвоился, и вот снова перед ней госпитальная палата, убийца-офицер уставился на нее, взметнулась рука с нагайкой. Она качнулась, как от удара, и слегка застонала.

Безбородько подскочил, подхватил ее под локти:

— Вы столько пережили, я знаю...

«Что ты знаешь!» — В ушах ее стояли ужасные крики выбрасываемых, перемежаемые глухими ударами прикладов: «Хек! Хек!» Так мясники рубят мясо. Она стояла, закрыв глаза.

— Наталья Николаевна...

«Зверье, какое зверье! Как я вас ненавижу! Я ничего не забуду, ничего не прощу! Я пойду до конца в своей ненависти. Иванов из-под Смоленска, убитый вами, говорил правду: красные вернутся! Я помогу им. Я найду Тосю. Я отомщу вам, Безбородько. Гришенька, ты еще будешь гордиться мною! Но хватит ли сил?»

— Наталья Николаевна!..

— Поехали.

Он радостно хлопнул в ладоши и бросился открывать перед нею дверь. Во дворе стояла крытая коляска: дороги уже раскисли, на санях ездить стало трудно. У Наташи закружилась голова от свежего воздуха и солнца, она пошатнулась, ухватилась за рукав Безбородько. «Будешь моя — отыграемся!» — самоуверенно подумал он, заботливо поддержав ее.

— Домой!

Солдат на козлах натянул вожжи, закричал, застоявшийся конь с места взял крупной рысью так, что охрана у ворот едва успела раскрыть их, а уж возок господина начальника контрразведки здесь знали хорошо!

Скоро они подъехали к знакомому уже Наташе домику рядом с церковью.

— Наташенька, золотце здравствуй! — помогла ей слезть Мария Ивановна.— Да как же ты похудела да пооборвалась, сердечная ты моя, одни глазки твои голубые, ненаглядные лишь и остались! Ты уж не обессудь, мы прямо в баньку, а то небось и зверюшек в тюрьме-то набралась...

В маленьком темном предбаннике с широкой скамейкой Наташа брезгливо сбросила на пол засалившийся ватник, грязное платье, обветшалое белье.

— Ох, до чего ж ты исхудала, моя девонька,— запричитала Мария Ивановна, засовывая ее вещи в мешок.— А все же порода видна, что шейка, что грудочки... Ничего, подкормим, поправим тебя, и вовсе как яблочко нальешься...

Не слушая ее, Наташа рванула забухшую дверь и вошла в знойный жар русской бани. Появилась и пышно-

телая, дебелая Мария Ивановна. Уж она не пожалела на девушку ни квасного пару, ни березового веника, ни душистого мыла, ни воды — горячей и холодной.

— Мария Ивановна, а что же я надену? — вдруг пришло ей в голову, когда могутные руки вдовой попадьи докрасна натирали ей спину.

— Уф, жарища!.. А уж о том твоей заботы нет, девонька, не бойся, голую не оставим...

Обновленная, свежая и легкая, испытывая давно забытое наслаждение, Наташа вытерлась в предбаннике махровым полотенцем и стала одеваться: и белье, и платье тонкой шерсти, и туфли, и тонкого драпа пальто,— все было как по ней сшито, все новенькое.

— По тебе, красавица, и сшито,— усмехнулась Мария Ивановна.— Василий Петрович, наш полковник, дай бог ему долгую жизнь, все о тебе хлопотал. А уж как он тебя искал, как убивался...

Увидав Наташу, входящую после бани в дом, Безбородько на секунду обомлел: яркий румянец, огромные голубые глаза, уверенная поступь... «Ого! Да тут нужно постараться не только ради папашиного домика, но и ради самой дочки. Ну и женщина!»

Он галантно помог ей снять пальто и провел к столу. Обед был необычайно вкусным — или это Наташе лишь казалось после мерзкой баланды? Нет, действительно, Мария Ивановна из кожи лезла, чтобы угодить своему благодетелю и его своенравной пассии. Сам Безбородько был в высшей степени сдержан и предупредителен: «Только бы не спугнуть второй раз! Ух, хороша! Ну красавица!» Он благодушно и мило шутил, ничего не навязывая Наташе, ничего не предлагая ей.

— Ну, а теперь Наташенька пойдет баиньки! — провозгласила хозяйка.— Спаленка у тебя своя, постель пуховая, простынки белоснежные, одеяльце шелковое.

Девушка села на кровать и тут почувствовала, что силы оставляют ее. Едва-едва раздевшись, она накрылась невесомым, скользящим одеялом, голова закружилась-закружилась, и она забылась раньше, наверно, чем поудобней примостилась на подушке.

Двадцать часов, не просыпаясь, без сновидений спала Наташа. Обеспокоенный Безбородько не раз заглядывал в дверную щель, Мария Ивановна подходила к Наташе, прислушивалась к дыханию и отходила на цыпочках.

Прошел день, прошла ночь, отгорело новое утро, и начал набирать силы новый день, а она все спала. Безбородько давно уехал на службу в своей коляске, а она все спала. Наконец солнечный свет начал ее тревожить, и ей стало сниться, что она ярким днем бежит по высокой траве. Гриша догоняет ее, они оба смеются, вот она устала, оборачивается и попадает в его объятия. Как сладко ей! Она замирает у него на груди, потом поднимает голову, чтобы встретить его губы, и вскрикивает: на нее пристально и хищно глядят темные неподвижные глаза Безбородько! Она застонала и тихонько и горестно заплакала.

— Что? Что, моя касаточка? Что с тобой, милая? Тюрьма привиделась? Проснись, деточка! — Мария Ивановна трясла ее за плечо. Наташа открыла глаза, ничего не понимая, поглядела вокруг...

После завтрака она накинула на плечи пальто и вышла в маленький двор на яркое весеннее солнышко. За калиткой она сразу увидела часового. «Неужели меня караулит? Нет, вряд ли... Постой, постой, как говорил этот надзиратель: «Самый главный с контрразведки приехал...» О ком это он? О Безбородько? Бог ты мой! Так вот, значит, в какое «гнездышко» я попала». Сердце ее отчаянно заколотилось, мысли смешались. «Бежать, немедленно бежать!.. Убить его... О, господи, кто бы посоветовал, кто бы подсказал...» Она опустилась на завалинку, подставила лицо солнцу, закрыла глаза. И сразу перед ней поплыла ослепительно белая стена госпиталя, забрызганная кровью. «Надо установить связь с ревкомовцами. Да, но как вырваться из-под надзора? Как обмануть часового, попадью, Безбородько? К дедушке Василию на кладбище? Не выйдет... Тося говорила о провизоре! «Пирамидон помогает? — Нет, у меня рецепт». Это уже ниточка! Да, но чтобы по ней не привести Безбородько... Обдумать, обдумать, обдумать!»

Вечером, с приездом Безбородько, они втроем сели ужинать. Он по-прежнему был сдержан и любезен, но Наташа сквозь ресницы заметила брошенный им на нее какой-то удивленный взгляд, который тотчас сменился предупредительной улыбкой, когда она подняла глаза.

— Мария Ивановна, нет ли у вас каких лекарств от головной боли? — морщась, спросила она.

— Касаточка моя, да у меня и голова-то отродясь не болела, тьфу-тьфу, не сглазить, до седины дожила, а не знаю, что это такое.

— У меня просто череп раскалывается. И слабость чувствую большую.

— А и думать нечего: в аптеку я сбегаю, одна нога там — другая тут. Ты только напиши, что надо, а то ведь я и не упомню, все напутаю.

— Лучше уж вместе сходим, Мария Ивановна. Одного нет, так другое закажем. Правда, Василий Петрович?

— Конечно, конечно! Тюрьма даром не проходит.— И он тут же передал хозяйке две красненькие ассигнации — сумму крупную.— Ну, и сладенького чего-нибудь купите, Мария Ивановна, в кондитерской, лучше у Семенова.

Наташа встала, попрощалась и, сказав, что хочет отдохнуть, отправилась к себе. Вспомнив Безбородько, она тщательно заперла дверь, поворочалась-поворочалась и заснула. Неизвестно, сколько прошло времени, но, видимо, не очень много, как что-то непонятное начало ее беспокоить. Она открыла глаза. На столе неярко горела лампа. Напротив кровати в глубоком будуарном кресле сидел Безбородько в шелковом ночном халате и, откинув голову на сцепленные сзади руки, смотрел на нее. Наташа сжалась и напряглась, готовая дать любой отпор, готовая на смертельную схватку, но он продолжал сидеть неподвижно.

— Что вам здесь надо? — хрипло спросила она.

Он пододвинул кресло вплотную к кровати и продолжал молчать.

— Как вы посмели войти сюда? Немедленно оставьте комнату.

— А ведь я действительно люблю вас, Наташа,— тихо и как-то удивленно произнес он.— Сегодня тяжелый день: вот этой рукой,— он поднял руку вверх,— я расстрелял офицера, который оскорбил вас. Это был боевой офицер и, между прочим, единственный сын своих не очень богатых родителей. Я убил его, потому что он поднял руку на вас...

— Он убил двести беззащитных людей!

— Да, вы прекрасны... Я вошел сюда без разрешения потому, что мне надо снять тяжкий грех со своей души, ту обиду, которую я причинил вам, хотя и невольно, не будучи в силах противиться чувствам, вну-

шенным вами. Выслушайте и поймите меня. Когда вы внезапно скрылись, времени для раздумий у меня не оставалось. Я благополучно доставил вашу маму в Омск и обеспечил ей беспрепятственный проезд до Владивостока. Скажу вам прямо, что я мог тоже уехать в Англию и выйти из игры. Но я понял, что без вас у меня нет жизни! Я понял, что должен найти то, что стало моей мечтой, моим дыханием, моим счастьем. И я не уехал. Я понял, что должен найти вас и искупить в ваших глазах свою вину. Я избрал именно уфимское направление и согласился на должность начальника контрразведки только потому, что здесь у меня были наибольшие шансы вас отыскать.— Безбородько нервно хрустнул пальцами.— Уфа была взята молниеносно. Красные бежали, не забрав даже раненых. К сожалению, в семье не без урода. Произошел тот эксцесс, который так болезненно коснулся и вас. В списках арестованных я увидал и вашу фамилию, узнал о вашем подвиге. Да, да, подвиге! Ведь этот мерзавец мог убить вас!.. — Безбородько задохнулся от волнения и замолчал.

Наташа внимательно смотрела на него. Что это за человек? Почему он так настойчиво добивается ее расположения? Как ей избавиться от него?

— Мой грех тяжел, но я хочу его искупить так, как это возможно в моих силах. Может быть, вы хотите интересную, высокооплачиваемую службу? Я рад предложить ее вам. Дело в том, что в штабе генерала Ханжина крайне нужна переводчица-стенографистка. На многих заседаниях присутствуют иностранные советники, они больше говорят на французском и английском языках. Переводчиков здесь найти, конечно, можно, но переводчика и стенографистку в одном лице днем с огнем не сыщешь. Вы — единственная и неповторимая в Уфе! Да и не только в Уфе — во всем мире! — Он потянул свою руку к ее пальцам, но тут же резко отдернул ее.— Тут, конечно, будут свои трудности. Возможно, вам не следует показывать, что вы знаете английский язык. Придется копии протоколов передавать мне, чтобы я всегда был в курсе дела. Как видите, я предельно откровенен. А не хотите, что же: завтра же дам телеграммы Верховному и мамочке, она переводит деньги,— и прощай, родина!

«Так вот зачем я тебе нужна сейчас — быть надежным информатором о секретах союзников!.. Да, бесспор-

но! Но это признание в любви, эта преданность? Если он играет в чувства, то зачем? Для своей карьеры? А эта угроза отправить к матери? Ну, бог с ним. Однако как быть с его предложением?»

— Василий Петрович, вы серьезно полагаете, что меня можно отправить в Лондон, к маме? — сдержанно спросила она.— Интересно узнать, каким образом: в тюремном вагоне или под конвоем?

«Фу, черт побери! Опять не с того бока зашел».

— Наталья Николаевна, я хочу, чтоб вы правильно меня поняли. Просто я полагал, что ваша любовь к родителям может перебороть ваше стремление пожить самостоятельно. Только в этом смысле я и говорил об отъезде к матери, только в этом!! Что касается меня, не скрою: я эгоистически счастлив вашим нежеланием уезжать. Но, честно говоря, мне хотелось бы знать, как вы отнесетесь к моему своеобразному предложению. Вы, видимо, все еще в плену предрассудков, согласно коим разведка — дело презренное. «Пфуй! Шпион! — кого-то передразнил он.— А разве это так? Обыватель, мещанин, чистоплюй, в своей норке сидя, даже не догадывается, насколько полезна и необходима для государства, для армии работа разведки и контрразведки. С древних времен и до наших дней мы, живущие во тьме и в презрении, решали и решаем судьбы целых народов! А разве наша с вами многострадальная родина не требует от каждого из нас ту услугу, которую он может ей оказать?..

«...Многострадальная родина требует от каждого из нас ту услугу, которую он может ей оказать...» И если я буду работать в штабе у белых... Но как будут смотреть на меня люди? Оправдает ли Гриша?..»

— Вы хотите подумать? Я подожду. Но, Наташа,— он неожиданно упал перед ней на колени,— могу ли я хоть надеяться, что буду прощен вами, единственным во всем этом кровавом мире человеком, которого я люблю?

— Ответ свой о службе в штабе Ханжина я дам вам завтра,— сухо промолвила она.— А сейчас прошу покинуть мою комнату.

Он стоял на коленях неподвижно, положив руки на край ее одеяла... Вот же она, рядом. Обнять бы ее, положить ей голову на грудь... Он смутно улыбнулся. Да, его жена только такой и должна быть: строгой и выдержанной, недотрогой. Муж должен полагаться на жену,

как на каменную гору: такая не предаст, не изменит. Особенно важно это будет тогда, когда у него будет свое дело. Скажем, фабрика в Глазго или контора в Сити, два или три ребенка... Да, верная жена — это лучший признак респектабельности. Нелидова!.. Он внутренне усмехнулся. Да ведь она способна обмануть десять раз на день! Конечно, как любовница она хороша, но жениться на ней... Неужели можно было всерьез об этом задумываться?..

— Прошу покинуть мою комнату,— еще раз требовательно промолвила Наташа.

Безбородько улыбнулся почти весело. Он встал, почтительно поклонился и поцеловал край ее одеяла:

— Я повинуюсь. Ухожу. Но сердце мое остается здесь. До завтра!

Ох, плохо, очень плохо провела Наташа эту ночь! Металась в постели, садилась, опять ложилась. К утру немного задремала, но сквозь сон слышала, как хлопотала в кухне и столовой Мария Ивановна, как собирался и уходил Безбородько. Она вышла к завтраку такая бледная, с синевой под глазами, что хозяйка в испуге прямо-таки раскудахталась и после чая быстро-быстро под руку повела ее в аптеку. Наташа жадно вглядывалась в город. Как изменился его облик за те дни, что она провела в тюрьме! Колчаковская военщина заполнила его до отказа. По всем улицам шли по делу или просто фланировали щегольски одетые молодые офицеры. Не было, кажется, ни одного из них, кто бы не бросил выразительного взгляда на высокую нарядную красавицу. Потупив глаза, Наташа быстро шла, как сквозь строй, до самой аптеки. Опередив Марию Ивановну, она с отчаянно бьющимся сердцем обратилась к сухонькому пожилому провизору, стоявшему в белом халате за прилавком:

— У вас есть что-нибудь от головной боли? — Неимоверно обостренным чутьем она почувствовала, что его будто толкнули. Ее глаза жгли, требовали, умоляли его — понять, откликнуться! Он медленно наклонил голову и внимательно посмотрел поверх очков на нее, на Марию Ивановну.

— Пирамидон помогает?— Он настороженно и выжидательно поглядел на Наташу.

— Нет. У меня есть рецепт.— Она быстро протянула ему рецепт и под ним записку на такой же полоске

бумаги: «Александр Иванович, меня забрал к себе из тюрьмы тот самый офицер, который увез мать к Колчаку. Он тут начальник контрразведки. Предлагает работать стенографисткой-переводчицей в штабе Ханжина. Что делать? Н. Турчина». Провизор мельком глянул на бумажки, круто повернулся и ушел в другую комнату. Через минуту-две (Наташе казалось, что бешеный стук ее сердца слышен даже на улице) он вернулся с выписанной квитанцией и, протягивая ее, сказал:

— Лекарство сложное, но я сделаю. Заходите завтра часов в одиннадцать-двенадцать. А сейчас возьмите вот эти порошки, они пока вам помогут.

У Наташи от бессонной ночи, от дум, треволнений действительно разболелась голова, и она тут же, в аптеке, приняла два порошка.

— Прошу вас, достопочтенная мадам,— обратился к Марии Ивановне провизор,— гуляйте с дочкой побольше. Обязательно утром и перед сном. Если боитесь, что к вашей раскрасавице военные пристанут, хоть во дворике с нею походите. Смотрите, какая она у вас бледная.

— Покорно благодарим за совет. Так вы уж к завтраму-то лекарство изготовьте.

— Обязательно. Но вы с нею приходите, я ей объясню, как его надо принимать.

— Уж придем, ваша честь, обязательно. Она-то поймет, сама медицинская сестра, а я-то что — малограмотная. Одна слава, что муж батюшкой был. До свиданьица!

— Уважительный абрамчик и дело свое знает,— прокомментировала она на улице.— Таким-то можно и пореже потроха трясти.

— Его зовут Абрам? — похолодев от страха, сдавленным голосом спросила Наташа. («Все пропало! Тося говорила о Якове Семеновиче. Что же теперь? Немедленно бежать!»)

— А бог его знает, как его зовут. Это мой покойный батюшка так всех евреев, жидов то есть, величал. А ты что на меня так смотришь? Али что не в порядке? — забеспокоилась она.

— Нет, все в порядке, Мария Ивановна,— сухо ответила Наташа. («Что же я так собой не владею? Даже эта черная сотня с ее куриными мозгами что-то заметила».) — Я просто запамятовала, когда он велел нам прийти.

Вечером Безбородько прислал с солдатом записку: задерживается по срочным делам, ужинать не будет. Поужинали вдвоем. Наташа прошла в гостиную, открыла рояль и начала играть «Романс» Чайковского. Мария Ивановна ничего в музыке не понимала, но звуки эти несли с собой такую грусть, сомнения, страдания, что попадья и сама не заметила, как полились у нее слезы, как непроизвольно несколько раз она всхлипнула. Наташа оглянулась, увидала ее разбухший нос, мокрые щеки, резко оборвала игру и встала:

— Я немного подышу чистым воздухом, постою во дворике.

— Ах, голубушка, и верно: аптекарь-то велел. Ну, пойдем, пойдем, и я, дура старая, с тобою. Вот и сон хороший будет.

Легкий морозец ласкал щеки. Небо было безоблачное. Ярко горели звезды. Вдруг она стремительно понеслась вниз. «Увидеть Гришу!» — мгновенно подумала Наташа, раньше чем она погасла. И от того, что успела загадать свое сокровенное, пока звездочка еще горела, девушке стало весело и легко. За забором мерно раздавались шаги часового, с другой стороны злобно лаяла, рвалась на цепи собака и грубый мужской голос смачно обругал ее. Но Наташиного настроения это не омрачило. «Все будет, как надо! Александр Иванович поможет, от Безбородько я избавлюсь, с Гришей встречусь!»

К завтраку она вышла, когда Безбородько уже уехал. Мария Ивановна рассказала ей, что вернулся он в середине ночи взбешенный и встревоженный. Оказывается, какой-то ревком развесил повсюду листовки с большевистской пропагандой. Но ничего, Василий Петрович этих охламонов быстро повыведет, всех ошпарит, как тараканов!

В полдень они пошли в аптеку. Попадья что-то болтала, Наташа почти не слушала ее. Вот и аптека: роковые три ступеньки вверх. К новой судьбе? Мария Ивановна осталась у подъезда с какой-то своей знакомой, Наташа быстро вошла и протянула провизору квитанцию. «Сейчас все станет другим. Мне дадут поручение. А может быть, откажут. А вдруг провал? Схватят тут же в аптеке. Снова тюрьма, но теперь из нее не выйти. Нет, нет, все будет по-моему. Мне помогут отомстить этим зверям». Она судорожно вздохнула.

— Вы одна? — настороженно спросил провизор, глянув, как и вчера, поверх очков.

— Нет, на улице меня ждут.

— Тогда сразу: в нижнем порошке записка. Прочтете и уничтожите.

— Ну, а...

Его темные глаза смотрели ласково и требовательно разом. Он проговорил четко, как продиктовал:

— А по существу, на работу соглашайтесь. Ради нашего общего дела терпите все... — Позади Наташи хлопнула дверь, голос его стал безразлично-вежливым.— Вот вам, красавица, рецепт обратно. Когда кончатся порошки, приходите опять. Всегда будем рады услужить. Добрый день, сударыня,— с поклоном, как старую знакомую, приветствовал он входящую Марию Ивановну.

С нетерпением развернула Наташа дома эту записку — решение своей судьбы: «Наташа, дорогая! На службу соглашайся. Нам это крайне важно. Верим тебе. Наберись мужества. Держи с нами связь. Придет время, поможем. *А. И.*».

Наташа медленно изорвала записочку и бросила в горящую печь. «Верим тебе. Наберись мужества...» А провизор сказал больше: «Ради общего дела терпите все». Значит, терпеть притязания Безбородько? Нет, ни за что! А если это позволит больше узнавать для ревкома?.. «Многострадальная родина требует от каждого из нас ту именно услугу, которую он может ей оказать...» — прозвучал голос Безбородько. Верно, что многострадальная... Как кричали эти раненые!.. И что перед этим мои страдания, мои переживания?.. Наташа пристально глядела в огонь, на мерцающие угли. Перед ней всплыло лицо офицера-убийцы, поднялась его рука с дергающимся от выстрела наганом, нагайка вновь ожгла ей лоб и грудь, и солдатский сапог ударил в ребра, хрустнула завернутая назад рука... Она перевела дыхание. Что ж, господин Безбородько, неотразимый Василий Петрович, вы уговорили-таки меня идти на службу в штаб Ханжина!

За ужином она весело болтала с Марией Ивановной и Безбородько, даже села за рояль и не заметила, как хозяйка убралась из комнаты по красноречивому жесту Безбородько. Наташа кончила играть, и он зааплодировал:

— Бог мой! Я тысячу лет не слышал такой музыки. До чего же щедр бывает создатель! Он отпустил вам в изобилии все: красоту, ум, талант, добрую душу. Наталья Николаевна, Наташа... — Он осыпал ее руки поцелуями.

— Однако хватит, господин полковник! Вы забылись.— Она спокойно убрала руки.

«Не сердится! Не сердится!» — ликовал в душе Безбородько.

— Наташенька, да? Да? Да?

— Вы имеете в виду службу в штабе? Хорошо, я согласна.

— Ах, Наташа...

Она ловко вывернулась из его объятий и скользнула к своей двери.

— А вот об этом прошу вас забыть! — Голос ее прозвучал сурово.

Стукнула дверь, щелкнул замок.

«Есть! Хорошо! Ну, ловок ты, казацкий сын Васька! Твой будет домик за морем. Вот это ход конем!..»

Безбородько прошелся по комнате, потирая руки. «А пусть кто-нибудь из друзей-завистников наверх донесет, что мамзель в Уфе и приказ Верховного об ее отправке не выполнен. Пожалуйста! «Для пользы дела, ваше высокопревосходительство, исключительно для блага российской армии, доблестно ведомой вашим высокопревосходительством!» Что, взяли? Шиш вам, голубчики, не подсидите, не на таковского напали! А с другой стороны, и впрямь польза будет. Господам союзникам и в голову не придет, что такая молоденькая да хорошенькая, розовый бутончик, работает на контрразведку да все их языки понимает, да еще и застенографировать их болтовню может! А проврутся, правду невзначай сболтнут, уж их превосходительству генералу Ханжину это будет от-чен-но любопытно. А кто дознался? Благодарю вас, полковник Безбородько!» Вот так вот! А лапочка между тем в моем доме живет, к моему крылышку привыкает, потихоньку-полегоньку, полегоньку-потихоньку. А там, глядишь, и свадебка не за горами...»

Безбородько подошел к большому зеркалу и с удовольствием вывел безупречный, в ниточку, пробор в своих блестящих черных волосах.

30 марта 1919 года.
САМАРА

Фрунзе, заложив руки за спину, опустив голову, вышагивал взад-вперед по диагонали своего кабинета. Стол для совещаний был покрыт бумагами: Михаил Васильевич разложил на нем в хронологической последовательности сводки, директивы и приказы последнего месяца, поступившие от Главкома, из Реввоенсовета, из штаба Восточного фронта. С острым чувством неудовлетворенности и горечи он, еще раз проанализировав эти документы, убедился в том, насколько противоречат они один другому. Южной группе во всех случаях отводилась пассивная, второстепенная роль, а ее силы предлагалось использовать малыми частями.

Не то, все не то! И Главком, и комфронтом надеются на стратегические резервы из центра. А где они? И когда еще их смогут сосредоточить у Самары или Симбирска? И что даст удар в лоб, планируемый Вацетисом? Еще меньше шансов на успех при ударе от Камы на юг, как замышляет Каменев: ведь в этом направлении нет никаких путей сообщения. А самое главное — пока все это планируется, Колчак будет на берегу Волги. Ни так, ни так его не разгромить. В лучшем случае можно задержать, затянув войну до бесконечности. А между тем...

Михаил Васильевич снова зашагал по кабинету. Уже более двух недель мысль о контрударе по белым армиям целиком занимала его. С необычайной яркостью, где бы он ни был, всплывала перед его внутренним взором желто-зеленая карта фронта с зловещим и подвижным черным жалом армии Ханжина на ней. Дальнейшее продвижение этой армии выводило ее в тылы и на основные коммуникации Первой, Туркестанской и Четвертой армий. Это уже грозило катастрофой. Надо было думать не о затыкании образовавшихся дыр в линии фронта, не об оттеснении противника, а о нанесении ему мощного контрудара в обнажаемый им самим фланг с целью разгрома главных сил врага. Надо было решить стратегический вопрос, определяющий исход этой кампании или даже всей войны с Колчаком.

«Так что же, Михаил? Время ли робеть? Вот он и пришел, может быть, главный день всей жизни,— тот

день, который оправдывает все муки, все тюрьмы, все ссылки... Ну и что же, что этот, по-моему, очевидный и единственный вариант сокрушения Колчака не виден другим нашим военачальникам? Это говорит не о каком-то крупном, скрытом от меня просчете в плане, а о том, что в силу сочетания разных причин я вижу лучше, чем они... Скромно ли это, Миша-Михаил?.. Но в скромности ли сейчас дело? Я тысячу раз все выверил!.. А если ошибка? Если что-то не так?.. Все так! План контрудара я должен доложить Каменеву и Главкому, я выверил его тысячу раз!.. А это не честолюбие, Михаил?»

Фрунзе продолжал ходить. «И какая только ерунда не лезет в голову! Где я набрался ее? Мой долг — военного, большевика — сделать все, чтобы республика победила Колчака, а я подстраиваюсь к мнениям и шепотку злобненьких, буржуазного толка критиканов. Тьфу!» Он круто повернулся и сел за стол.

Тихо было в штабе после восьми вечера. Никто и ничто не мешало работе командарма. Мысли его быстро ложились стремительными строками.

«Наша задача,— бежали слова,— состоит не в подпирании отступающих частей, и не в восстановлении утраченного положения, и, тем более, не в добровольном отходе за Волгу всех наших армий, а в том, чтобы отнять у противника инициативу и нанести ему решительный контрудар. Только это может коренным образом изменить обстановку. Для этого необходимо...» Строка бежала за строкой, перед внутренним взором командарма вставали, сменяя друг друга, города, села, реки, железные дороги, лица — дерзкие или осторожные, огненными стрелами вспыхивали атаки и контратаки, и все это бесконечно пестрое многообразие превращалось в четкие, суховатые пункты плана. Медленно и мерно отбили время большие часы в вестибюле — сначала девять, потом десять, одиннадцать... Фрунзе не слышал их неторопливого гулкого боя, он заканчивал работу, главную работу всех тридцати четырех лет своей жизни...

«Для этого необходимо быстро сосредоточить в районе Бузулука ударную группу наших войск за счет внутренней перегруппировки, по одной дивизии из 1-й, 4-й и Туркестанской армий, не ожидая пока стратегических резервов...

В создавшейся обстановке, когда главная группировка войск противника, Западная армия генерала Ханжина,

развивает свое успешное наступление на наиболее важных направлениях на Самару и Симбирск, только быстрый и мощный удар именно из района Бузулука по левому (южному) флангу противника может привести к выходу наших войск на вражеские сообщения с Уфой и изменить всю оперативную обстановку в нашу пользу.

Предлагая такой образ действий, я полностью осознаю его рискованность. Но все возможные варианты ударов противника с целью срыва сосредоточения ударной группы наших войск предусмотрены, и при принятии соответствующих мероприятий с нашей стороны по обеспечению операции и достижению ее внезапности гарантируют полный успех предлагаемого плана, могущего привести к полному разгрому всех армий Колчака и к спасению судеб революции».

Закончив писать, Фрунзе тут же начал вычерчивать графическое изображение своего плана. Работа спорилась, вот уже острое лезвие контрудара вонзилось в самое основание ядовитого жала. Фрунзе размашисто подписал оба документа и снова взволнованно заходил по кабинету. Нужно срочно снять копию и завтра же утром под усиленной охраной направить план и чертеж командующему фронтом Каменеву и члену Реввоенсовета Гусеву. А сейчас, именно сейчас, надо все это обсудить с членами Реввоенсовета и с Куйбышевым,— время не терпит.

Он подошел к дверям кабинета. В приемной за столом бодрствовал Сиротинский.

— Сережа, вызови ко мне срочно Новицкого, Берзина и пригласи приехать к нам Куйбышева,— попросил он адъютанта (подчеркнуто вежливо, обращаясь к своему адъютанту на людях, даже в присутствии ближайших друзей, даже в условиях смертельной опасности, которую им не раз приходилось испытывать вместе, Фрунзе тепло и доверительно — как младшего брата — называл его Сережей, когда они оставались наедине).

— Слушаюсь, Михаил Васильевич.

Фрунзе стал прибирать бумаги, приводить в порядок стол. Через некоторое время в коридоре послышались шаги нескольких человек.

— Разрешите, Михаил Васильевич?

— Прошу, товарищи, прошу, заходите. Извините, друзья, за вызов в неурочное время, без особых будто бы причин, но события не терпят, да и я до утра не смог бы

дотерпеть. То, что я хочу сообщить вам, весьма секретно, и, возможно, от верного нашего решения будет зависеть судьба всей борьбы с Колчаком.

Глаза его боевых друзей смотрели серьезно, сосредоточенно. Берзин весело крякнул.

— Все эти дни развивающегося наступления колчаковской армии генерала Ханжина на участке Пятой, а частично уже и Первой армий я мучился, вы это знаете, одним вопросом: как остановить начатое врагом наступление и превратить его в поражение, в разгром главных сил Колчака? Отступление — вынужденное действие. Имей Кутузов больше сил, чем у него было, он никогда не отдал бы Москву. Только контрудар, один или несколько, может переломить ход войны. Я перебрал в памяти десятки примеров, и все они говорят именно об этом. Вспомнил я и описание войн в прошлом. Так, древний историк Мовзес Хоренаци, описывая войны и военное искусство первого века до нашей эры, в рассказе о войне древней Армении с Римом писал (Фрунзе вытащил свой блокнот): «Осенью шестьдесят девятого года до нашей эры римские легионы вторглись в пределы Армении. Царь Тигран Второй, видя превосходство сил римлян, решил отступить в глубь страны, завлекая за собою врага, собирая свои силы и одновременно пересекая коммуникации римлян. Летом шестьдесят восьмого года в долине Аракса он нанес контрудар во фланг главным силам римского полководца Лукулла. Разбитые римляне вынуждены были бежать, неся огромные потери при отступлении из Армении».

— Вот теперь я наконец понял, для чего командарм может вызвать членов Реввоенсовета своей армии поздней ночью,— сообщил Берзин.— Ты знаешь, что сказала мне жена, когда я вылезал из-под одеяла?..

— Я догадываюсь,— парировал Фрунзе,— но непонятно, как живет она с таким ворчуном?

— Сильна в тебе военная косточка, Михаил Васильевич,— ухмыльнулся Берзин.— Чуть что — сразу в контратаку. Но ты, конечно, догадываешься, что у меня есть возможность флангового ответа на твой выпад?

— Всего лишь одного? Тогда ты слабый полководец.

— Ладно, сдаюсь,— поднял руки Берзин.— Давай читай нам дальше свои древние сказки. Моя бабушка тоже так делала на сон грядущий. Стареем, брат...

Фрунзе улыбнулся другу-полемисту и продолжал:

— Вся мировая история учит одному: обороной войну не выиграть! Удар по растянутым коммуникациям атакующего врага и решительное затем контрнаступление — вот ключ к победе! — Фрунзе встал.— Только решительный и лучше всего неожиданный контрудар может обеспечить перехват инициативы и поражение врага.

Я всесторонне постарался осмыслить обстановку. Все говорит за то, что наш отход за Волгу только усилит Колчака, да и не его одного, но и Деникина и Юденича. Единственное, что может выручить, спасти республику, это сильный контрудар во фланг наступающей армии Ханжина. Исходя из этого, я выработал предложение для командования фронта. Прошу вас смотреть на эту схему... — И Фрунзе пункт за пунктом зачитал свой план.— Теперь я прошу ваших корректив, вашей критики, для того чтобы решение, которое мы примем, перепечатать и отослать Каменеву и Гусеву, а также в штаб Главкома.

Развернулось тщательное, придирчивое, всестороннее обсуждение плана контрудара. Огромная эрудиция и боевой опыт Новицкого, политический и организационный опыт Куйбышева, каменное упорство и железная последовательность Берзина — все эти незаурядные качества друзей-единомышленников были брошены на то, чтобы предусмотреть ожидаемые и неожиданные последствия проекта Фрунзе.

В увлеченной работе полетел час за часом. Каждый внес свои конкретные замечания, свои уточнения.

Была учтена приближающаяся распутица, уточнены количество и качество резервов, определены запасы артиллерии, оружия, боеприпасов, снаряжения, предусмотрен, по предложению Новицкого, возможный удар Ханжина севернее Оренбурга на реке Салмыш и многое другое.

— Товарищи,— встал Фрунзе.— В итоге мы можем принять решение. Федор Федорович, записывайте...

Когда Новицкий кончил писать, Куйбышев попросил слова еще раз:

— У нового плана много достоинств. Немаловажным, в частности, является то, что на первых порах мы обходимся внутренними силами, за счет некоторой перегруппировки четырех армий. Но поручать проведение этого плана в жизнь кому-то другому, а не Михаилу Василь-

евичу,— значит рисковать успехом. Я за этот план, но в том случае, если руководство будет поручено именно вам, Михаил Васильевич.

— Мне? — улыбнулся Фрунзе.— Я же только начинающий командарм. Нет, это дело руководства фронта.

— Михаил Васильевич, а ты грамотный? Газеты читаешь? — с ленцой спросил Берзин.— Ах, читаешь? Значит, и решения Восьмого съезда читал. А там сказано, что комиссары и прочие политические руководители есть самая соль и сердцевина у нас в армии, что их надо слушаться, уважать. А ты с Куйбышевым споришь, нехорошо.

— Я буду настаивать на своем мнении,— энергично продолжал Куйбышев.— Более того: значение задуманной операции чрезвычайно велико. Нам понадобится поддержка центра. План Михаила Васильевича в корне противоречит предложениям Троцкого и Вацетиса. В их принципиальности, в способности отказаться от своего ради чужого, лучшего, я не уверен. А ведь решается судьба революции! Поэтому я предлагаю копию плана отправить, помимо всего прочего, и Ленину — нашему политическому, государственному и военному руководителю.

— У меня есть важное сообщение в связи с необходимостью изготовить копии плана,— твердо и решительно произнес Новицкий.

— Да? — Фрунзе устало закрыл глаза.

— Я убежден, что в нашем штабе действуют враги!

— У нас в штабе? — Все живо повернулись к нему.

— Не только действуют, но и наглеют месяц от месяца.— Новицкий откашлялся, поправил пенсне и подробно рассказал историю с крестиком и надписью на нем. Он вынул крестик, положил его перед Фрунзе, и все поочередно с любопытством осмотрели вещицу.

— А вчера в папке для доклада я обнаружил бумагу с предложением мне вступить в союз «Освобождение России», оставаясь на своем посту. За одно лишь согласие мне предлагается чек в сто тысяч долларов с оплатой в любом европейском или американском банке, а по выполнении их заданий — еще такая же сумма. В случае отказа, видите ли, мне грозят смертью.— Новицкий положил перед Фрунзе письмо.

— Н-да, основательно за вас взялись, Федор Федорович,— протянул Берзин.— И мытьем, и катаньем...

— Смотрите-ка, до чего широко идут: и организация покушения на командарма, и попытка подкупа его помощника,— заметил Куйбышев.

Фрунзе посмотрел на часы. Пятый час. Снял трубку:

— Начальника особого отдела. Товарищ Валентинов? Да. Фрунзе. Разбудил? Не ложились? А ведь ночью спать следует. Что я сам? Я в порядке исключения. Прошу прибыть в штаб.

Валентинов, молодой и широкоплечий блондин в кожаной куртке, явился через несколько минут, с улыбкой, без удивления поприветствовал собравшихся. Фрунзе протянул ему крестик и письмо:

— Полюбуйтесь, пожалуйста, как кто-то атакует товарища Новицкого.— Голос командарма стал жестким и требовательным.— И будьте любезны сказать, как долго в нашем штабе будут орудовать враги!

Валентинов бегло осмотрел крестик, без особого интереса отодвинул его в сторону.

— Эта история нам давно известна.— И внимательно принялся читать письмо.

— То есть как это «давно известна»? Федор Федорович только что доложил нам о ней!

— Да, известна, товарищ командарм. Наш человек наблюдал, как Ольхин вешал этот крестик на ручку двери товарища Новицкого.

— Ольхин? Из административно-хозяйственного отдела?! — воскликнул Фрунзе.— Почему же вы не доложили об этом мне и не арестовали негодяя? Это что — головотяпство?

— Зачем же горячиться, товарищ командарм,— спокойно ответил Валентинов.— Простите за откровенность, но по долгу службы я ждал, как будет реагировать сам Федор Федорович. Пока он никому из вас не докладывал, я и не спешил брать Ольхина. Ясно? — он прямо поглядел в глаза Новицкому.

— Да уж куда ясней,— ответил за Новицкого Берзин.— Доверяй, но проверяй, так?

— Так точно. А за Ольхиным мы следили очень прочно. Он, видимо, это почувствовал, и сегодня ночью я был вызван к его трупу.

— Что такое?! — вскричал Фрунзе.

— Труп был обнаружен жителями на окраинной улице. Около правой руки лежал браунинг номер два. Пуля прошла через висок. Смерть наступила мгновенно.

— Вы полагаете, он застрелился? — спросил Куйбышев.

— Я не думаю, что он застрелился. Его, судя по всему, убили.

— Почему вы так думаете?

— Браунинга этого у него никогда не было. Это раз. Перед смертью он всячески старался оторваться от нашего работника, и это ему удалось. Спрашивается: зачем человеку, желающему покончить с собой, так усиленно уходить от наблюдения? Это два. И третье: какая необходимость стрелять в себя на заброшенной, да к тому же грязной улице, уходя для этого из дому?

Товарищ Дзержинский прислал нам фото активной эсерки Нелидовой. По его данным, она действует где-то у нас. Кстати говоря, ее же фото с интимной надписью было обнаружено в вещах скоропостижно скончавшегося в тюрьме Семенова. Теперь становится ясно, что паралич сердца был каким-то образом вызван у него искусственно: контрреволюционная организация правых эсеров (кстати, ее членом был и Сукин) заметает следы. Они без колебаний убирают своих «подмоченных» агентов. Как Семенов убил после его провала покушавшегося на вас, так и его быстро убрали, когда провалился он. Разумеется, это наш недосмотр.

— Как, по-вашему, последнее письмо — дело рук Ольхина или кого-то другого? — задумчиво спросил Фрунзе.

— Боюсь ошибиться, но вряд ли Ольхин, который уже чувствовал за собой слежку, осмелился бы на такой шаг.

— Значит...

— Значит, остался кто-то еще.

— Так, так. Значит, каждый из нас, товарищи, в чем-то виноват... Необходимо сделать выводы.

— Да, Михаил Васильевич,— строго сказал Новицкий.— Мое промедление с крестиком обернулось крупнейшей моей виной.

— Тем не менее ваш рассказ еще и еще раз заставит нас предпринять все возможное для сохранения секретности принятых решений. Товарищ Валентинов, прошу принять меры для того, чтобы выяснить обстоятельства убийства Семенова и Ольхина. Прошу вас продумать, как поступить товарищу Новицкому с подброшенным ему письмом, и организовать его личную охрану.

Еще раз, может быть, через аппарат Дзержинского, проверить наших спецов. Положение серьезное. Если организация контрреволюционеров действительно пошла на решительное заметание своих следов, то вполне возможно обострение борьбы новыми силами — особенно в связи с наступлением Колчака. Валериан Владимирович, прошу вас сегодня же провести совещание с чекистами, особистами, политотдельцами, работниками трибунала и прокуратуры.

Товарищ Новицкий, на вас возлагаю изготовление копий сегодняшнего решения. Товарищ Берзин, вы — ответственный за подбор людей для поездки в Москву.— Фрунзе встал, улыбнулся.— Огромное спасибо, друзья, за поддержку, за помощь в завершении работы над этим документом. Простите за ночной вызов. Вы свободны, товарищи. Спокойной ночи. Валентинова прошу остаться.

— Доброго утра, хотел ты сказать,— ответил Берзин. Ну и встретит же меня беглым огнем боевая подруга!

31 марта 1919 года.
УФА

В полдень 31 марта в Уфе начались два совещания. В центре города, в тяжелом каменном здании, окруженном часовыми, генерал Ханжин принимал по экстренной просьбе Безбородько своего начальника контрразведки. И в это же — наименее подозрительное — время в кладбищенской сторожке собралась руководящая тройка подпольного ревкома. Ханжин и Безбородько сидели в мягких креслах, их ноги утопали в ковре. Ревкомовцы ютились на узкой койке деда Василия, покрытой стареньким одеяльцем из блеклых ситцевых лоскутков. Конечный смысл речей Ханжина и Безбородько заключался в том, чтобы принести как можно больше вреда русской революции. Содержание беседы ревкомовцев, напротив, сводилось к тому, чтобы принять конкретные решения, содействующие успеху революционной борьбы. Тем не менее — бывают же парадоксы в жизни! — на

обоих совещаниях обсуждали Наташу Турчину в качестве стенографистки-переводчицы при штабе генерала Ханжина.

— Ваше превосходительство,— говорил Безбородько,— я просил у вас конфиденциального разговора в связи с особо важными соображениями.

— Да, я слушаю вас, Василий Петрович.

— Прибывшие к вам от Верховного иностранные военные советники плетут интриги с целью скомпрометировать не столько ваше превосходительство лично, сколько саму идею нанесения главного удара именно вашей армией. Генералы англичанин Нокс и американец Гревс хотят добиться переотправки всех резервов, в том числе корпуса генерала Каппеля, на север, чтобы создать генералу Гайде реальную возможность объединения с англо-американскими экспедиционными войсками.

— Ах, канальи! Об этом, впрочем, я давно догадывался!

— Они боятся, что самостоятельно дойдя до Москвы, мы захотим и самостоятельной политики.

— А что, Жанен лучше? — Ханжин выругался.— Деникин отдал Франции на концессию весь Донбасс, вот француз и хлопочет о нашем выходе к Волге навстречу его холую!.. Откуда ваши сведения, полковник?

— Нокс и Гревс довольно беспардонно разговаривали в прошлый раз по-английски у вас на совещании, зная, что никто их не поймет. Между тем мне приходилось бывать по делам службы в Англии, и кое-что из их разговора я понял.

— Да вы настоящий клад, полковник Безбородько!

— К сожалению, я понял далеко не все. Поэтому у меня есть предложение.

— Докладывайте.

— В моем распоряжении имеется девушка из благородной семьи. Ее отец, полковник Турчин, всю войну принимал оружие в Англии. Он и сейчас там. Его дочь превосходно владеет французским и английским, и, кроме того, она стенографистка.

— Ого!

— Если мы сможем стенографировать их разговоры и замечания, мы получим интересные для нас данные. Кроме того, эти данные мы могли бы преподнести и Жанену, демонстрируя ему, что делается у него под носом.

А в крайнем случае можно и их самих взять за горло, предъявив им стенограмму их грязной игры.

— Прекрасно! Но неудобно, если на наших совещаниях будет присутствовать молодая женщина. А что, если одеть ее в форму и присвоить чин, скажем, подпоручика? А? Пишите мне официальный рапорт, и я зачислю ее в штат, подчинив непосредственно вам. А?

— Вот и рапорт, ваше превосходительство,— Безбородько вынул из полевой сумки и протянул генералу бумагу.— Правда, я не учел, что переводчицу следует превратить в офицера.

— А мы сейчас и провернем, обратим порося в карася вот таким образом.— Генерал нацарапал наверху резолюцию.— И, полковник, это наш с вами секрет. Ни на кого из господ штабных офицеров я положиться не могу: слишком уж толстые кошельки у наших заморских друзей. Вы да я — только мы и служим здесь бескорыстно России. Не так ли? — Он пронзительно глянул на Безбородько. Тот не мигая выдержал его взгляд.— Кстати, что там с этим подпольным ревкомом?

— Разрешите доложить, ваше превосходительство,— Безбородько глянул в блокнот.— С четырнадцатого по двадцать восьмое марта в городе было выявлено сто девяносто восемь коммунистов. Почти все они в настоящее время... эээ... обезврежены. В тюрьме сейчас содержится и сортируется тысяча сто семнадцать подозрительных в политическом смысле лиц. Есть основания полагать, таким образом, что бредень ухватил всю рыбку, разве плотва кое-где по ямам осталась, хе-хе-хе! Можно считать, что ревкома практически нет.

— Отменно, отменно, полковник.— Ханжин остро глянул на него.— Нет ревкома. А паровозы в депо кто-то раздевает. А на окраинах исчезают без следа офицеры. А из шестого корпуса ваш коллега сообщает между прочим... — Ханжин вынул из стола письмо: — «Задачи партийных коммунистов, оставленных в Уфе, если обстановка будет благоприятной,— подготовить внутреннее восстание». Написано двадцать восьмого марта, а?

— У страха глаза велики, ваше превосходительство! («Ну, «коллега», держись! Под меня роешь?!»)

— Это верно. А мы все-таки приказик подготовим. Не сочтите за труд, полковник, написать проектик в том

смысле, чтобы определить, кто конкретно будет командовать войсками в случае внутреннего восстания. Укажите также, что Уфа разбивается на четыре района — для предупреждения восстания. Само собой, надо будет усилить патрулирование в городе. Особенно ночное, а?

— Слушаюсь, ваше превосходительство!

— Вот так, голубчик. Береженого бог бережет, не так ли?

— Святая правда, ваше превосходительство!

Ханжин с удовлетворением поглядел на молодого, симпатичного ему полковника, которого он так хорошо щелкнул по носу, и, чтобы закрепить эффект, спросил:

— И, кстати, что это за история с листовками?

— Ничего существенного, ваше превосходительство, вчера мы взяли одного из расклейщиков. Сегодня вытянем из него все, что нужно.

— Только гуманно, гуманно вытягивайте,— засмеялся Ханжин,— чтоб на улице хруста не было слышно.— Он весело протянул свою полную руку Безбородько.

— А у нас стены то-о-олстые,— с готовностью рассмеялся начальник контрразведки, вставая и почтительно пожимая генеральскую длань...

— Нет, Петров — парень твердый. Его железом жги — ничего не скажет.— Слесарь железнодорожных мастерских Максим возражал не полковнику Безбородько, о разговоре которого с генералом Ханжиным он, разумеется, ничего не ведал, он отвечал на свои собственные сомнения. Рослый и сутулый, он согнулся дугой, сидя на койке, опершись локтями о колени.— Во всяком случае, много он не знает,— мрачно добавил он, пораздумав. («Железо, оно все же... того... бывает, и верх над человеком берет».)

— Читай, Иван, дальше,— сказал Александр Иванович.— Крепко получается, доходчиво. Сегодня же наберем...

— Значит, дальше: «Пойдите посмотрите на кровавые груды, что навалены за базаром! Посмотрите, кто в этих кучах. Разве только большевики? Сколько в них простых неграмотных рабочих и невинных горожан!

Вчера поручик Канкевич застрелил в доме Морозова двух гимназисток только за то, что они были перепис-

чицами в профсоюзе. А посмотрите на эту сволочь, что понаехала к нам в Уфу! На чьи деньги пьют их «благородия» шампанское, а напившись, порют мобилизованных? Пойдите в третий стрелковый полк! Спросите, как выпороли прапорщики мобилизованных шестой роты?»

— Добре. С чувством и конкретно.— Александр Иванович встал, сделал несколько шагов.— Эх, Петров, Петров, как же ты не остерегся?.. Все не идет он у меня из головы.

— Жаль парня. Ду́риком попался, прямо с листовками. Не выйти ему от них живым.— Заместитель председателя ревкома Иван Иванович Шеломенцев склонил седую голову, снял очки в жестяной оправе. Все помолчали, как бы отдавая последнюю честь товарищу, уже как мертвому, его мучениям, его страшной, безвременной гибели — такой же, какая незримо и постоянно стояла за плечами у каждого из них.

— Так. Значит, печатную установку переносим сейчас же, как разойдемся,— заговорил Александр Иванович.— Есть еще кое-какие вопросы. Посоветоваться надо. Во-первых, разыскал меня Сидоркин. Верный человек, партийный. Служил он в германскую в штабе корпуса писарем, старательно служил, и встретил здесь своего бывшего начальника, сейчас подполковника. Тот его узнал, да и предложил взять писарем к себе, в штаб Ханжина. Сидоркин ему согласие дал, но у меня спрашивает: как, мол, партия к этой моей службе отнесется, когда белых погонят? Я ему и говорю: чем больше будешь нам сообщать, тем скорее белых и погонят. Понял? Он говорит: понял. Годится тебе, Максим, такой агент? Ты ведь у нас за разведку ответственный. Тебе первое слово.

— Великое дело! — Максим удовлетворенно сжал и разжал тяжелые кисти.— Сегодня с ним и повидаюсь, что откладывать-то хорошее дело?

Александр Иванович пристально и с тревогой поглядел на него, глаза в глаза: дескать, без азарта, друг, осторожней! Максим успокоительно кивнул ему головой.

— Не возражаешь? — переспросил Александр Иванович.— А ты, Иван? Тоже? Значит, связь с ним наладим. Второй вопрос. Медицинская сестра Наташа Турчина, что в госпитале с моей Тоськой работала, была

арестована белыми, когда хотела защитить наших раненых бойцов. Из тюрьмы ее освободил сам начальник контрразведки и поселил у себя в доме. По всему видно,— хочет, вахлак, молодой девкой воспользоваться. Предложил ей работать переводчицей в штабе того же Ханжина. Она через провизора запросила меня: как быть? Я ответил: соглашайся, держи с нами связь, передавай сведения.

В избушке воцарилось долгое молчание.

— А веришь ли ты ей, Александр Иванович? Сойдется девка с начальником контрразведки — ее дело молодое, глупое,— и полетели наши головы! — Максим тяжело положил руки на затылок, как бы пробуя, держится ли еще голова.

— Видишь ли, Максим, встретил я ее в Уфе, почитай что первый, когда здесь была наша власть. Потолковал.— Александр Иванович встал, заходил по тесной комнатке.— История ее такая, что она убежала от матери, не захотела с нею за границу переезжать. Это раз. Жених у нее — доброволец в Красной Армии. Это два. В госпитале работала старательно. Это три. На офицера вооруженного с кулаками бросилась, когда белые принялись расстреливать красных бойцов. Это четыре. Из тюрьмы не только сама вышла, но добилась освобождения Евдокии Самохиной и Анки Мухиной. Это пять. И, уже оказавшись взаперти у полковника, сумела установить со мной связь. Это шесть. Вот характер!

— Так-то так, Александр Иванович,— поднялся и Максим, едва не подперев головой потолок.— Одначе может статься, что все и подстроено? Девка-то не из наших, не рабочая в ней кровь...

Александр Иванович покачал головой:

— Вишь ты как! Порода, значит, для нас главное, не дела человеческие! Эх, Максим! Дворянин ты, только наоборот! Приглядывался я к ней, когда она с Тоськой работала, да Тоська кое-что рассказывала. И прямо тебе скажу: двумя руками ей рекомендацию в партию подписал бы. Вот как!

— Саша, а ты не горячись, не горячись,— встал и заходил третий участник встречи, Иван Иванович Шеломенцев, человек спокойный, умудренный большим опытом подпольной работы.— Не горячись,— повторил он примирительно.— Семь раз отмерь, слыхал такую

поговорку? Что не рабочая кровь, тут я ничего не скажу: это, как сказать по-научному, не аргумент. У нас самих иные бывшие штабс-капитаны не за страх, а за совесть против белых работают, знаешь это? А вот что с самого начала все подстроено с нею, тут надо подумать. Жениха ты ее видал? Нет. Как бойцов спасала, видал? Нет. Каким образом высвободила Самохину и Мухину? Кто его знает! Может, чтобы доверие завоевать? Помнишь, в декабре прошлого года? Провокатора Деулина помнишь? То-то и оно! Почитай, весь комитет выдал. Большой крови стоила нам доверчивость. А ведь хозяева деулинские с тех пор глупее не стали!

— А знаешь, Ваня, мудрые мы с тобой мужики, а тут, кажись, перемудрили.— Высоченный Максим, словно сломившись втрое, уселся. Жалобно завизжала койка под его грузным телом.— Если все подстроено, так для чего же ее было поселять у самого начальника контрразведки? Чтобы нас к ней, что ли, лучше расположить? А? Вот то-то и оно!

— Что решаем? Будем ждать от нее донесений или связь прекратим и явки изменим? Дяди Васину халупу она, к примеру, распрекрасно знает, а мы, мудрые головы, вот сидим же здесь, дела решаем,— не без яду напомнил Александр Иванович.

— Согласен с тобой, Саша, старый друг,— пробасил Максим, решительно пристукнув ребром широкой, как лопата, ладони по коленке.— Отказываться от нее было бы делом глупее глупого. Но и до конца раскрываться не будем. О Сидоркине, к примеру, знать ей незачем. Пущай взаимный контроль будет. Вот и проверим: точно у них совпадает или перекос получится?

— Это правильно,— качнул седой головой Шеломенцев.

— А кли́чку ей придумаем такую, чтобы в голову никому ничего не пришло. Хоть бы и Колька-Колосник, а? — Максим хитро подмигнул друзьям.

— Ну и выдумщик же ты, старый слесарюга,— рассмеялся Александр Иванович.— Будь по-твоему: Колька-так Колька, Колосник так Колосник!

Так в один и тот же час волею обстоятельств Наташа Турчина стала подпоручиком колчаковской армии и красным подпольщиком Колькой-Колосником.

Ночь с 7 на 8 апреля 1919 года. САМАРА

Поздно вечером дежурный по штабу постучал в кабинет Фрунзе:

— Товарищ командующий! Вас срочно к прямому проводу вызывает командующий фронтом.

— Хорошо, иду! — Фрунзе запер кабинет и быстро прошел в аппаратную. «План?.. Утвердили?.. Отклонили?.. Ну-ка, ну-ка...» Сложно устроен человеческий мозг. Десятки ассоциаций, планов, предположений зазмеились одновременно: как бороться, если отклонили, что конкретно делать, если утвердили? И все это разом, и все это в какие-то считанные секунды.

Телеграфист отбил: «Фрунзе у аппарата». В ответ тотчас заработал приемный аппарат, выпуская узкую белую ленту. Фрунзе взял ее в руки, стал читать точки-тире, привычно переводя их в слова: «Предлагаю возглавить в оперативном отношении все четыре армии южного крыла фронта, приняв командование кроме 4-й и Туркестанской еще 1-й и 5-й армиями. Отступление 5-й армии остановить, нанести контрудар на основе вашего замысла. Соответствующий приказ получите. Отвечайте ваше согласие. Здесь предреввоенсовета. Комфронтом Каменев».

Еще не отстучала морзянка, а мысль Фрунзе заработала стремительно и напряженно над заданной загадкой. «Троцкий буквально на днях вновь энергично отстаивал свой план — отход за Волгу. Почему же так вдруг, внезапно он соглашается с моим контрударом? Ленин! Ленин повернул все, как надо!.. Но если наши делегаты не сумели ему вручить план? Тогда что же? Троцкий хочет убедить всех на примере возможной неудачи, что его план — единственно верный?.. Но, что бы там ни было, согласие на контрудар дано, и это главное! А все ли я верно рассчитал? — мелькнуло в тысячный раз.— Все! Однако и выполнять наш замысел поручают мне. Четыре армии! Не много ли, Миша? На том конце провода ждут ответа: „А что, если Фрунзе оробеет?“ Да, совсем еще недавно говорил я: „Мне бы полк, лучше конный, с ним бы справиться...“ Что же, опыт кое-какой уже есть, понимание обстановки, видимо, тоже, раз стал

возможен такой разговор, как сейчас: „...нанести контрудар на основе...“»

— Передавайте,— уверенно и весело сказал он телеграфисту: — «Учитывая сложившуюся обстановку, согласен принять на себя командование с условием предоставления мне необходимой оперативной свободы действий и оказания помощи стратегическими резервами. Фрунзе».

Аппарат застучал в ответ: «Приступайте к исполнению обязанностей. Членами Военсовета Южгруппы назначены Куйбышев и Новицкий. Соответствующий приказ получите. Каменев».

Широкими шагами он вернулся в кабинет.

— Сергей Аркадьевич! Пригласите ко мне Новицкого и пошлите машину за Куйбышевым, я его по телефону предупрежу.

— Слушаюсь! — Сиротинский вышел.

— Валериан Владимирович? Прошу приехать ко мне. Дело уж очень важное. Машину выслал. Отлично, жду.

Он вынул блокнот, принялся быстро писать то на одной страничке, то на другой, то снова возвращаясь назад.

— Разрешите?

— Да, входите, товарищи, входите.— Он встал и энергично отодвинул стул, не в силах сдерживать возбуждение.— Поздравляю с высоким назначением: оба вы отныне являетесь членами Военсовета Южной группы Восточного фронта, образованной из четырех армий.

— Что это значит, Михаил Васильевич? — Новицкий требовательно посмотрел на Фрунзе.

— А вы? — Вопрос Куйбышева прозвучал мгновенно.

— Да и я с вами.— Фрунзе снова улыбнулся, но тут же стал серьезным: одни заботы позади, впереди неизмеримо бо́льшие.— Итак, наш план принят — это главное, ради чего я вас пригласил.

Куйбышев и Новицкий взволнованно переглянулись.

— Только что по прямому проводу вызывал меня Каменев в присутствии предреввоенсовета и предложил принять командование еще и над Первой и Пятой армиями, иначе говоря, над Южной группой из четырех армий. Я дал согласие.

— Очень хорошо! Поздравляю! — Куйбышев крепко пожал его руку и возбужденно зашагал по комнате.

— Что ж, фактически мы оказались готовы к этому назначению,— задумчиво ответил Новицкий.— А это главное.

— Так что же, дорогие товарищи, за работу? — спросил Фрунзе.

— Чего уж медлить,— согласился Куйбышев.— Прежде всего докладываю: сейчас в Самаре сосредоточено до трех тысяч мобилизованных коммунистов, проходивших военное обучение. Я думаю, бо́льшую часть следует отправить в ударную группу, а остальных — в Пятую армию, чтобы остановить ее отступление.

— Отлично, вот этим и займитесь завтра же. Федор Федорович, я попрошу вас подготовить приказ о создании ударной группы под командованием командарма Первой товарища Гая и о немедленном сосредоточении всех ее частей в районе Бузулука.

— Будет выполнено.

— А сейчас пойдем в аппаратную.

С помощью телеграфа они быстро соединились со всеми штабами армий. Фрунзе переговорил с командармом Первой Гаем и Пятой — Тухачевским, сменившим недавно Блюмберга. Уведомив их о создании под его руководством Южной группы армий, он твердо потребовал положить конец дальнейшему развитию наступления противника. Командарму Пятой была обещана помощь и личный приезд в штаб его армии. Командарму Первой приказывалось принять командование ударной группой. Всем командармам категорически было предложено доносить о положении на фронте ежедневно, активизировать разведку с целью изучения намерений противника.

Армейские и дивизионные штабы сразу же почувствовали твердую руку. Вместо сутолоки противоречивых распоряжений, колебаний и подготовки к отступлению за Волгу неожиданно для многих начали вырисовываться контуры дерзко нацеленного беспощадного удара по врагу. Недавний политкаторжанин, совсем молодой полководец уверенно и неустанно начал натягивать тетиву могучего лука, готового метнуть смертельную стрелу во фланг и тыл оголтелой в своем победоносном наступлении белой армии.

Часы показывали за полночь, когда Фрунзе и Куйбышев вновь возвратились в кабинет.

— А теперь, Валериан Владимирович, за перо: напишем обращение к войскам Южной группы. Они должны

почувствовать начало нового этапа — наступательного!

— Согласен, давайте! — Куйбышев сел за стол, пододвинул лист бумаги.

— «Солдаты Красной Армии! — продиктовал Фрунзе.— Внимание трудовой России вновь приковано к вам. С затаенным вниманием рабочие и крестьяне следят за вашей борьбой на востоке...» — Поочередно произносили они одну фразу за другой.— «Колчаковцы делают последние усилия,— перо Куйбышева летало по бумаге.— Собрав и выучив на японские и американские деньги армию, заставив ее слушаться приказов царских генералов путем расстрелов и казней, Колчак мечтает стать новым державным венценосцем.

Этому не бывать! Армии Восточного фронта, опираясь на мощную поддержку всей трудовой России, не допустят торжества паразитов...»

Через полчаса они, еще и еще раз перечитав текст обращения к бойцам, подписали этот первый документ вновь созданной группы войск: командующий войсками Южной группы Восточного фронта Михайлов-Фрунзе, член Реввоенсовета Куйбышев.

— Сергей Аркадьевич,— вызвал Фрунзе адъютанта,— чтобы с утра это обращение начали печатать в типографии. Максимум — послезавтра оно должно быть на передовых. Действуйте!

— Слушаюсь! Михаил Васильевич, тут Загораев и Яковский из Москвы прибыли. Сейчас примете или пускай утром придут?

— Загораев? Яковский? Что же ты сразу не сказал?! Давай их сюда немедленно!.. Ты представляешь, Валериан, наши посланцы к Ленину! — От радости Фрунзе обратился на «ты». Тот только улыбнулся.

В дверях выросли два ладно одетых командира. Круглое лукавое лицо Загораева светилось радостью. Смущенно и взволнованно улыбался Яковский.

— Товарищ командарм! Ваше задание выполнено! Пакет лично Владимиру Ильичу Ленину вручен! — Загораев протянул Фрунзе пустой конверт, на обороте которого четко синела надпись: «Получил. Ульянов-Ленин».

— Ну, молодчина! — Фрунзе обнял его.— Знаю уже, что вручено! Старый ивановец не подведет, уж такая наша иваново-вознесенская порода! Присаживайтесь, Николай Васильевич, здравствуйте! Ну, тезка, рассказывай.— И он стал расстегивать на Загораеве шинель.—

Сергей Аркадьевич, соорудите нам чаю да подсаживайтесь. Послушаем земляка и Николая Васильевича. Миша, рассказывай.

— Ну, значит, в Москве снега много...

— Вот молодец! С самого главного начал!

— Да. Прибыли мы и первым делом, как вы велели, к Софье Алексеевне в «Метрополь».

— Ну, как она? Как здоровье? Как выглядит?

— Насчет здоровья сказать не могу, а собой женщина очень приятная, глазищи по блюдцу. Хотел было ей подмигнуть, да уж очень она вами интересуется.— Все рассмеялись.

— Вот земляк, а? С ним держи ухо востро, даром что старый товарищ: дружину в пятом году вместе организовывали. Ну, дальше, дальше!

— Честно скажу, дорогой ты наш Арсений, что очень мы волновались, как Ленин нас примет, но Софья Алексеевна всех успокоила. Он, говорит, совсем простой и слушать хорошо умеет. Ну, ладно. В бюро пропусков я предъявил пакет и говорю: «От товарища Фрунзе товарищу Ленину лично». Дали нам всем четверым пропуск в комнату номер шестнадцать. Это, значит, приемная комната. Посадили нас на стулья, и пошел дежурный курсант докладывать. Выходит женщина, собой уже немолодая, по фамилии Фотиева, и спрашивает: «Что у вас, товарищи?» — «Пакет от товарища Фрунзе».— «Хорошо, я передам».— «Извините, не могу. Товарищ Фрунзе велел вручить только лично».— «Ну, ладно, подождите». Через несколько минут вернулась и говорит: «Снимайте шинели, идите за мной». Ну, товарищи, не знаю, как у других, а у меня сердце задрожало, как овечий хвост!

— Да все волновались,— улыбнулся Яковский.

— Ну, ну, — торопил Фрунзе.

— Прошли мы две комнаты, и она показала нам на дверь в третью. Входим, не знаем, куда глядеть. Вдруг слышим ласковый такой, быстрый голос: «Здравствуйте, товарищи фронтовики! Проходите, присаживайтесь!» Глядим — Ленин! Сидит за письменным столом, вокруг всюду шкафы с книгами. Ну, отрапортовал я по всей форме, вручаю пакет. Отрезал Ленин корешок, вынул бумагу, карту, стал читать, быстро так, а сам приговаривает: «Гм-гм... так-так. Интересно, очень интересно!»

— Так и сказал? — встрепенулся Фрунзе.

— Убей меня бог, честное партийное слово. Так и сказал: «Интересно, очень интересно». Потом спрашивает: «Как здоровье товарища Фрунзе?» — «Ничего, здоровый,— говорю.— Зарядку каждое утро делает и нам велит».— «А Колчак-то наступает?» — спрашивает. «Скоро будет отступать»,— отвечаю. «Почему так думаете?» — «Настроение,— говорю, в частях боевое, белых уже от Уральска гоняли, командарм у нас воевать умеет».— «Умеет?» — «Умеет»,— говорю. Ну, стал он спрашивать, как это получилось, что мы белых от Уральска погнали, спросил, как бойцы обмундированы, как снаряжены. «Ну, а вы, товарищи, сами откуда? — спрашивает.— Выговор у вас среднерусский».— «Так точно,— говорю,— из Иваново-Вознесенска».— «Иваново-вознесенцы-то,— говорит,— должны на Восточном фронте воевать особенно хорошо: ведь Колчак закрывает дорогу к туркестанскому хлопку. А это значит, что ваши фабрики едва-едва теплятся, что жены и дети ваши живут впроголодь. Так?» — «Все правильно, Владимир Ильич,— отвечаю.— Ткачи все так и понимают». Ну, потом с удовольствием узнал, что товарищи Яковский и Осьминин — бывшие офицеры — не за страх, а за совесть бьют беляков, что им, значит, вы полностью доверяете.

— Ну, а еще о чем разговор был? — с нетерпением выпытывал Фрунзе.

— Еще спрашивал нас,— начал вспоминать Яковский,— как встречает красных крестьянская масса, когда мы приходим после белых. Какие у нас недостатки? В чем больше всего нуждаемся? В общем, всех расшевелил. Перестали робеть, разговорились. Рассказывали все, что знали. А Владимир Ильич делал пометки в блокноте. А не было таких случаев, спрашивает, чтобы бойцы ослушались, не выполняли приказов? Ну, не хотели бы наступать, идти в разведку или в бой?

— Так! Так!

— Тогда мы объяснили,— снова вмешался Загораев,— что до вашего приезда были такие факты и даже восстания, спровоцированные эсерами, но теперь ни одного такого случая не знаем. «Теперь,— говорю,— если командир не даст приказа на атаку, то бойцы сами пойдут вперед, а командира оставят позади».

«Хорошо, что у нас такие бойцы, которые сами идут

на врага. Где у империалистов такая армия? Нет у них такой!» — говорит. Ну, потом пришла товарищ Фотиева. Стал он с нами прощаться: «Где остановились? В «Метрополе»? Привет передайте Софье Алексеевне». Ну, думаю, правильно, что не подмигнул ей, а то бы еще и Ленину пожаловалась. Уж с Арсением, Михаил Васильевичем-то, мы бы поладили, а тут... — с чуть уловимой смешинкой в глазах заключил Загораев.

— Вот язык так язык! — Фрунзе хлопнул его по плечу.

— Пожал он нам руки, а я думаю: пакет я сдал, а где доказательство? И попросил Владимира Ильича подписать, что пакет он получил. Он рассмеялся и говорит: «Молодец, фронтовик!» — Да и расписался на обороте синим карандашом.

— Значит, «интересно, очень интересно» сказал? На обороте расписался... Ну, а еще что-нибудь о письме моем говорил?

— Нет, говорить ничего больше не говорил,— вступил в разговор Яковский. — Но когда вашу бумагу прочел и карту рассмотрел, начал что-то быстро-быстро себе для памяти писать.

— Во-во! Верно,— поддакнул Загораев,— и в конце восклицательный знак поставил.

— А глазаст ты, однако!

Все рассмеялись вслед за Фрунзе.

— Это есть, — добродушно согласился Загораев. — Да и уши вроде прилично еще слышат,— многозначительно добавил он.

— Это ты к чему?

— Да ведь мы, Михаил Васильевич, старые подпольщики, не лыком шиты,— во все лицо улыбнулся тот. — На следующий день с утра отправились мы по Москве поболтаться, туда-сюда зашли, между прочим, и в приемной Главкома побывали.

— Интересно!

— Глядим, идет товарищ Вацетис со свитой — сам темнее тучи, ни на кого не глядит, выражается. «Стратеги! — кричит. — Понагнали штатских в военное дело, вот они все и портят. Курам на смех! Перочинным ножиком ударяют в бок слона!..» Ну, я, конечно, не знаю, о чем он конкретно выражался, однако смекаю: кто бы это из штатских мог ему холку намять?..

— Но-но, Миша, субординацию не нарушай! Ты что это — Главкома критикуешь? — погрозил пальцем Фрунзе.

— Да я и то думаю: почему бы это наш командарм отправил пакет товарищу Ленину, а не товарищу Вацетису? А? Вроде бы не по команде? — наивно спросил Загораев.

Снова все рассмеялись.

— Ну, чертушка, тебе в рот па́лец не клади! А ведь я и по команде тоже послал. — Фрунзе любовно посмотрел на старого товарища.

— Вот и я думаю, что главное дело сейчас — выиграть революцию. А уж если кому это не нравится, так его надо за ушко да на солнышко, а?

— Да, друг мой, это ты хорошо сказал: главное дело сейчас — выиграть революцию. — Фрунзе встал. Все поднялись. — И мы ее выиграем, если каждый — да, каждый! — будет бороться изо всех своих сил.

— В этом-то и суть вопроса.— Куйбышев положил ему на плечо руку: — Каждый и изо всех своих сил!

13 апреля 1919 года.
Самара

— Встать! Смирно! Товарищ командующий, группа связи...

— Вольно! Продолжайте работу. Дежурный, немедленно открыть окно. Курение у аппаратов прекратить! — Фрунзе прошел в глубь комнаты.

Дежурный телеграфист бросился к окну, распахнул рамы. Свежий весенний ветер ворвался в аппаратную, зашевелил бумаги.

— Ну, Вася, садись. — Командующий подошел к вскочившему при его приближении телеграфисту. — Небось с твоей высоты трудно меня разглядеть?

Сутуловатый, громоздкий Василий, ростом более сажени, стеснительно одернул куцую гимнастерку:

— Ничего, разглядим, товарищ командующий.

— Запроси Бузулук. Если Чапаев на месте, буду с ним говорить.

Василий стремительно застучал ключом, да так, что Фрунзе перестал различать отдельные буквы.

— Ну молодец ты!

Василий, оторвав взгляд от ключа, с улыбкой посмотрел на Фрунзе и еще увеличил темп.

— Виртуоз! — Михаил Васильевич перевел взгляд в окно. Во дворе шла околоштабная суетня. Одни привязывали своих лошадей к коновязи и шли в здание, другие выходили из штаба, отвязывали коней и, ловко взметнувшись в седло, выезжали из ворот. Въехала повозка продсклада: значит, сегодня все получат паек... Василий тихонько тронул огромной рукой плечо командующего и показал глазами на ленту: «Начдив Чапаев у аппарата».

— Хорошо. Передавай: «Срочно необходимо выдвинуть двадцать пятый кавдивизион и конную разведку полков семьдесят третьей бригады навстречу наступающему противнику. В бои не ввязываться, небольшими отрядами проникнуть в тыл колчаковцам на коммуникации северо-восточнее Бугуруслана. Основным силам конницы прикрыть развертывание семьдесят третьей бригады на оборонительном рубеже. Задача: точное выяснение наступающих сил, конкретно — частей, дивизий и корпусов, выявление поставленных им задач, захват пленных и документов. Результаты разведки доносить немедленно. Сообщите состояние дорог и как они просыхают. Прошу доложить ваши соображения. *Фрунзе*».

Аппарат некоторое время молчал. Михаил Васильевич взял стул, присел. Махорочный дым вытянуло, стало свежо.

— Не застынешь, Вася?

— Не! Мы здоровые,— улыбнулся тот.

Заработал аппарат: «Задача понятна. Разведку вышлю. 73-ю бригаду и всю конницу выдвигаю севернее. Командарма 1-й, командующего ударной группой, не видно, не слышно. Разрешите возглавить руководство в Бузулуке... (Фрунзе одобрительно улыбнулся в усы.) Части 31-й начали прибывать в Бузулук. Прошу разрешения конный эскадрон при 73-й бригаде сформировать в кавдивизион. Так что седла и лошади до штата есть. Дивизиону прошу дать имя в память погибшего командира Пугачевского полка тов. Топоркова. Он известный революционер и герой, которого ценят полки и бедняки всего Пугачевского уезда. Красноармейцы с честью будут

носить его имя. Что касается дорог, то они подсыхают, но мы, по примеру Суворова, не остановимся ни перед чем. *Чапаев*».

После небольшой паузы аппарат застучал снова:

«Прошу урезонить штабы, они усложняют положение. Как теперь, так и впредь прошу давать мне определенную задачу на определенном участке, а самое выполнение предоставить мне, ибо на месте всегда виднее, что делать. Начдив 25-й *Чапаев*. Военком *Фурманов*».

Фрунзе задумчиво потер переносицу, но продиктовать ничего не успел. В дверях появился Сиротинский с пакетом, он поискал глазами Фрунзе и направился к нему.

— Что, товарищ Сиротинский?

— Важные документы от Ленина, сейчас прибыли из ЦК!

Фрунзе быстро продиктовал: «До приезда командарма 1-й разрешаю возглавить все руководство в Бузулуке. Также разрешаю сформировать кавдивизион в 73-й бригаде. Со штабами разберусь. До свидания. *Фрунзе*».

Отойдя в уголок, он с жадной нетоpопливостью вынул из конверта бумагу: «Товарищам петроградским рабочим». Подпись: «С коммунистическим приветом *Ленин*. Москва, 10 апреля 1919 г.». Вот как! Ленин поднимает нам на помощь все лучшие силы страны! Он быстро начал читать:

«Товарищи! Положение на Восточном фронте крайне ухудшилось. Сегодня взят Колчаком Воткинский завод, гибнет Бугульма; видимо, Колчак еще продвинется вперед.

Опасность грозная... А главное,— там решается судьба революции».

На Восточном фронте решается судьба революции... Решается судьба революции — вот как расценивает Ленин борьбу на нашем фронте! Фрунзе глубоко вздохнул, еще раз перечитал письмо, затем внимательно принялся за другой документ — «Тезисы ЦК РКП (б) в связи с положением Восточного фронта»:

«Победы Колчака на Восточном фронте создают чрезвычайно грозную опасность для Советской республики. Необходимо самое крайнее напряжение сил, чтобы разбить Колчака.

Центральный Комитет предлагает поэтому всем партийным организациям в первую очередь направить все

усилия на проведение следующих мер, которые должны быть осуществляемы как организациями партии, так и в особенности профессиональными союзами для привлечения более широких слоев рабочего класса к активному участию в обороне страны».

— Товарищ Сиротинский, попрошу вас сейчас же ознакомить с этими документами Куйбышева и Новицкого. Письмо Ленина надо будет перепечатать в газете. Одну минуточку, дочитаю...

«Центральный Комитет обращается ко всем организациям партии и ко всем профессиональным союзам с просьбой взяться за работу по-революционному, не ограничиваясь старыми шаблонами.

Мы можем победить Колчака. Мы можем победить быстро и окончательно, ибо наши победы на юге и ежедневно улучшающееся, изменяющееся в нашу пользу международное положение гарантируют нам окончательное торжество.

Надо напрячь все силы, развернуть революционную энергию, и Колчак будет быстро разбит. Волга, Урал, Сибирь могут и должны быть защищены и отвоеваны. *ЦК РКП(б)*».

«Не ограничиваясь старыми шаблонами... Надо напрячь все силы, развернуть революционную энергию...» Фрунзе отдал пакет Сиротинскому.

— Пусть побыстрее отпечатают! — Он отпустил адъютанта и перешел к аппарату, связывающему штаб Южной группы с командармом Первой.— Вызови к аппарату командарма Первой!

Кудрявый, веселый телеграфист-красноармеец, с виду совсем мальчишка, с готовностью застучал ключом. «Решается судьба революции! Вот как Ленин поставил вопрос!» — Фрунзе думал, положив руку на плечо паренька.

И острое чувство опасности, и чувство такой громадной ответственности, которая больше самого человека, которая без остатка мобилизует все его силы, мысли и способности и позволяет преодолевать препятствия, в обычное время неодолимые,— все это одновременно вспыхнуло в его душе, и кудряш-телеграфист ощутил, как сжались сильные пальцы командующего на его плече.

— Товарищ командующий! Командарм Первой у аппарата.

— Передай, что я прошу доложить мне его соображения по приказу ноль двадцать один от десятого апреля. Жду ответа.

Гай отвечал: «Желаю окончательно сказать вам мое соображение по следующему. Хотя получена ваша директива, на основании чего дан мой приказ, но нахожу все это очень и очень запоздалым: при таком энергичном отступлении 5-й армии никакие маневры наши не помогут, и через неделю 1-я армия должна бежать в панике...» Фрунзе быстро читал ленту. Далее шло перечисление дивизий белых, действующих против 1-й армии, и номера полков, разведанных во втором эшелоне противника. Стучал аппарат, текла белая лента: «...принимая во внимание непосредственную угрозу Бузулуку, а также то обстоятельство, что наш тыл со стороны Илецка и Уральска не обеспечен, а также паническое настроение частей и весеннюю распутицу, лишающую меня возможности доставить огнеприпасы, я нахожу нужным спасти армию отступлением. По-моему, это в своем роде также победа, иначе мы останемся без армии...

Учитывая все это, я прошу разрешения заблаговременно уйти отсюда, иначе через несколько дней я потеряю связь с армией и с тылом. За отсутствием ж. д. составов 31-я дивизия не может быть переброшена из Акбулака и Илецка до Бузулука. Это протянется в лучшем случае две недели, а к этому времени, я уверенно вам говорю, 5-я армия будет в Самаре».

Фрунзе подозвал старшего телеграфиста и приказал ему немедленно напечатать в буквенном виде ленту переговоров с командармом 1-й: все это необходимо будет обсудить на Реввоенсовете. Аппарат быстро отстукивал точки-тире:

«Я учитываю настроение частей, степень возможного передвижения их и прихожу к заключению, что необходимо немедленно начать отход... Откровенно говоря, все эти соображения месяц тому назад я доложил комфронтом, но он оставил их без внимания, теперь приходится дорогой ценой поправлять свои ошибки...

...24-я дивизия с отходом потеряла половину артиллерии... Каждую минуту вызывают меня начдивы с просьбой разрешения об отступлении... Кроме высказанного отступления, я иного выхода не нахожу. Только Волга может спасти нас. Я снимаю с себя всякую ответствен-

ность за могущий произойти разгром армии. Прошу высказать ваш взгляд на указанные мной соображения. У меня пока все. Командарм 1-й Гай».

Фрунзе оборвал ленту и передал эту часть для перепечатки дежурному. Челюсти его плотно сомкнулись, глаза сузились. Несколько раз он прошелся по телеграфной, подошел к окну, глубоко вздохнул. Овладев собой, он вернулся к аппарату и начал диктовать:

«Вашим докладом удивлен и поражен; мне приходит в голову мысль, которую я ни в коем случае прежде не считал бы возможной, а именно мысль о том, что в вашей армии, по-видимому, склонны поддаваться панике. Я знаю, что положение тяжелое, но мне думается, что вы слишком сгущаете краски: оно отнюдь не столь безнадежно, как вам кажется. Вы правы в том отношении, что мы с нашей директивой запоздали; чья в этом вина, разбирать сейчас не будем, а будем искать выхода из положения. Таковой мне рисуется в неуклонном напряжении всех сил и выполнении намеченного, хотя и несколько запоздавшего плана. Район сосредоточения ударной группы приходится отнести западнее, т. е. не в район Илецк — Бузулук, а в район Бузулука и левее. Я убежден, что в недельный срок, и даже скорее, к северу Бузулука, помимо имеющейся там семьдесят третьей бригады двадцать пятой дивизии, мы можем сосредоточить одну бригаду Оренбургской дивизии (тридцать первой) и кое-какие ваши части, если не целую бригаду, и конную бригаду Каширина. При помощи этой группы, я уверен, что мы не только остановим нажим противника на Пятую армию, но и разобьем его, ибо, по имеющимся у меня данным, на этом направлении он безусловно зарвался. Требуется активность с нашей стороны и твердость проведения принятого решения, чтобы положение изменить к лучшему для себя».

— Запроси, понимает ли он меня, и сообщи, что продолжение сейчас последует.— Фрунзе еще раз подошел к окну, постоял, набрав несколько раз полную грудь свежего воздуха.— Продолжаем: «Ваши указания на распутицу, конечно, верны, но действие ее одинаково сказывается как на нас, так и на противнике. Если нельзя идти нам, то нельзя это делать и противнику, поэтому ссылки на распутицу недопустимы. Помощь Пятой армии оказана будет, вы можете не бояться появления этой армии в предсказанный вами срок у Самары, если только

проведете сосредоточение ударной группы. Тот ваш начдив, который при стратегическом отходе умудрился потерять половину артиллерии без особого нажима со стороны противника, подлежит, на мой взгляд, немедленному расстрелу. Я настаиваю на принятии и проведении самой твердой политики и неуклонном выполнении намеченного плана и уверен, что замечательный командарм Гай, имя которого известно не только нам, но и противнику, сумеет это сделать с успехом. Отход всеми вашими частями на Уральск недопустим; немедленно перебирайтесь со штабом в Бузулук, приняв предварительные меры к отправке требуемых частей в район сосредоточения. Подвижной состав используйте, освободив от имущества вагоны, стоящие на станции Оренбург; в добавление к этому мы через три дня пришлем в Оренбург первый состав и будем подавать не менее пяти эшелонов в сутки.

Примите меры к вооружению всех местных рабочих: через три дня я получу винтовки и немедленно пошлю туда. Сделайте все возможное для прекращения панического настроения как в городе, так и в войсках; не допускайте, чтобы кто-нибудь из ваших подчиненных смел говорить о снятии с себя ответственности. ЦК партии мобилизует лучших работников для отсылки на Востфронт, и таковые скоро будут прибывать к нам. Еще раз повторяю, что положение отнюдь не таково, чтобы поддаваться панике; выполняйте неуклонно раз принятый план, и я надеюсь, что мы с вами увидим крушение надежд противника. Я кончил, ожидаю от ваших войск исполнения долга и приказа. Все».

Кудряш простучал последние слова, вытер лицо платком и с улыбкой посмотрел на командующего.

— Молодцы тут у вас работают, как на подбор! — сказал Фрунзе старшему телеграфисту.— Просто чемпионы!

Молоденький кудряш мгновенно просиял и замер, не шевелясь под тяжелой рукой командующего, который глубоко задумавшись о чем-то, ворошил его шевелюру.

Заработал аппарат по приему. На проводе снова был Гай, но говорил он уже иначе, что сразу отметил Фрунзе:

«Паники у нас нет и не может быть. Я был в худших условиях, чем сейчас; я только высказал свое соображение, которое я обязан докладывать старшим заблаговременно. Все мероприятия, отмеченные вашей дирек-

тивой, как вы уже знаете, приняты мной и неуклонно будут проведены; главный вопрос только о соседях, из-за них я неоднократно страдал и буду страдать. Перенести сейчас штарм в Бузулук невозможно — это возбудит панику и на несколько дней оставит меня без связи с частями. Из Бузулука управлять сейчас правым флангом будет трудно, тем более если оборвется связь. Кроме того, мое пребывание здесь ускорит переброску частей 31-й дивизии, после чего сейчас выеду; для восстановления связи из Бузулука люди посланы.

В крайнем случае, если кавалерия противника через 2—3 дня попробует наскочить на Бузулук, я отсюда с армией сумею что-либо сделать, а если я буду в Бузулуке, то придется мне также уходить или в Самару или обратно в Оренбург. Ведь неприятель в 70 верстах от Бузулука, я учитываю это. Значит, вышлю еще 2—3 эшелона частей 31-й дивизии в Бузулук и немедленно выеду. Это гораздо лучше, по-моему, тем более что отсюда я пока управляю хорошо. Об остальных вопросах спорить с вами не буду, так как я сам склонен твердо провести все наши мероприятия. Больше ничего не имею. Вышлите составы срочно. Всего хорошего. Командарм 1-й Гай».

Фрунзе оборвал и эту часть ленты для перепечатки. Тяжело задумался. «Трудно. Трудно. Ведь это же Гай — человек из легенды. О нем когда-нибудь будут слагать песни и писать романы, но в книгах этих не расскажут, наверное, как навалилась на него однажды растерянность. Гай, витязь революции, герой, поднятый ее ветром, как дерзкий парус, что же увял ты в такое сложное время? Что ж ты, дорогой мой товарищ?.. Ты еще встрепенешься, взовьешься пуще прежнего, но сейчас-то нам нельзя мешкать ни одного дня, ни одного часа. Придется искать тебе замену. А жаль...»

— Передавай: «Хорошо, с вашим предложением о замедлении переезда согласен, подготовьте только заблаговременно связь в Бузулуке и пошлите для этого соответствующий аппарат. Все поступающие в Бузулук части временно будут подчиняться начдиву двадцать пятой товарищу Чапаеву, который находится в Бузулуке. У меня тоже все. Исполняйте мои указания. Командующий Южной группой войск Фрунзе».

Когда в кабинете у Фрунзе появились Куйбышев и Новицкий, он отдал распоряжение Сиротинскому никого

к нему не пускать, а телефон переключить и запер дверь на ключ.

— Товарищи, я надеюсь, с ленинскими документами вы уже знакомы. Надеюсь даже, что Валериан Владимирович сможет доложить нам конкретно план работы с этими замечательными материалами. Судьба революции решается сейчас на нашем фронте — ленинский призыв надо довести до сознания каждого красноармейца! Эти же слова со всей ответственностью должны понять до конца и мы сами. Я срочно вызвал вас в связи с необходимостью внести серьезные изменения в наш приказ номер ноль двадцать один.

— То есть как изменения? — воскликнул Куйбышев.— Сколько трудов ушло на то, чтобы его продумать, чтобы получить его одобрение, наконец, на то, чтобы довести до сведения и исполнения командиров, и теперь менять?

— Что, Михаил Васильевич, оперативная обстановка, непрерывный отход Пятой армии вынуждают нас отнести к западу район ударной группы? — осторожно спросил Новицкий.

— Нет, Федор Федорович, дело более серьезное. Я довольно продолжительно разговаривал с командармом Первой Гаем. Он непохож на себя, на известного героя Гая, находится в унынии, в неверии. Как он сам сказал, уже месяц назад он докладывал командующему фронтом Каменеву, что всем армиям надо отойти за Волгу. Его двадцать четвертая дивизия во время планового отхода потеряла половину артиллерии. Уверяет, что его начдивы ежедневно запрашивают разрешения на отход. Ну, и так далее. Доверить ему ударную группу сейчас не могу. Короче говоря, читайте сами текст наших переговоров и решайте, правильно ли я понял настроения Гая.— Он протянул им пачку сколотых скрепкой листов.

Новицкий и Куйбышев склонились над ними...

— Конечно, когда вы заговорили с ним жестко, он несколько изменил тон, однако вижу, что уверенности у него нет.

— А что скажет Валериан Владимирович?

— Вряд ли Гай с энтузиазмом будет бороться за такой план, в котором сомневается.

— Согласен. Следовательно, отменяем прежнее назначение Гая. Предлагаю подчинить ударную группу

командарму Туркестанской армии Зиновьеву,— сказал Фрунзе.— Я знаю, что военная подготовка у Зиновьева меньше, чем у Гая, но он верит в успех контрудара, а весь его предшествующий путь доказывает, что это человек исключительно активный, я сказал бы даже — агрессивный!

— Что ж, это то, что нужно,— согласился Куйбышев.

— Кроме того, ему легче и проще, чем Гаю, будет перебросить свою тридцать первую дивизию и кавбригаду Каширина в район Бузулука,— добавил Новицкий.

— Теперь попрошу выслушать подготовленный мною после разговора с Гаем приказ:

ТЕЛЕГРАММА КОМАНДАРМАМ 1, 4, 5-й, ТУРКЕСТАНСКОЙ И НАЧДИВУ 22-й № 01011

13 апреля 1919 г.

Во изменение приказа Войскам Южной группы 021.

Ввиду выяснившейся невозможности рассчитывать на сосредоточение в районе Бузулука частей 24-й дивизии для одновременных действий в составе ударной группы с 25-й дивизией, начальствование ударной группы в составе 25-й и 31-й дивизий возлагается не на командарма Первой, а на командарма Туркестанской, коему из Оренбурга перейти в Бузулук с головной бригадой 31-й дивизии. Командарму 1-й продолжать сосредоточение ударной группы (№ 2) из состава частей армии в районе Михайловское (Шарлык) для удара во фланг и тыл Бугурусланской группе противника одновременно с Бузулукской ударной группой (№ 1). Задача по обеспечению Оренбурга вместо командарма Туркестанской возлагается на командарма-1, в подчинение коему поступают 1-я кавалерийская бригада 3-й кавалерийской дивизии, 224-й стрелковый полк и местные части, составляющие гарнизон Оренбурга, и вооружаемые там рабочие. Командарму Туркестанской принять самые решительные меры к самой спешной перевозке частей армии в район Бузулука, к северу от коего сосредоточить обе дивизии ударной группы.

Командюжгруппой *Фрунзе.*
Члены Военсовета *Куйбышев,*
Новицкий.

— Ну как, согласны вы на то, что я поставил заранее ваши подписи? — закончил чтение Фрунзе.

— Нет, подождите, Михаил Васильевич! — с необычной для него экспансивностью воскликнул Новицкий. Он

вскочил и энергично заходил по комнате, что также было ему не свойственно.— Вы смогли так быстро отказаться от своего блестящего замысла, изложенного в приказе 021, а я — не могу! Посему моей подписи здесь быть не должно!

Фрунзе тревожно глянул на Новицкого, но потом лукаво улыбнулся:

— Не прибедняйтесь, Федор Федорович. Моя школа в значительной мере — ваша школа. Отмену наступления под Уральском помните?

— Ничего не понимаю,— искренне удивился Куйбышев.— Федор Федорович, объяснитесь.

— Ничего? — Новицкий остановился.— Во-первых, время идет, обстоятельства меняются. Старые генштабисты держались бы мертвой хваткой за утвержденный, да еще великолепный план. Большевистский генерал от каторги — гм! гм! — вы меня понимаете...

— Понимаем,— согласно кивнул головой Куйбышев.

— ...судил иначе: помимо основного удара Бузулукской группой он предлагает нанести еще одновременно удар и вновь создаваемой Михайловско-Шарлыкской группой. Это дает нам что? Это путает противника — где же наносится главный удар? — раз! Это лишает колчаковцев маневра резервами вдоль фронта — два. Вторая ударная группа направляет острие в более глубокий тыл противника — три. И четвертое, дипломатическое: Гай снят и Гай не снят! Никто самолюбия его не задел, и он в меру своих сил, а никак не меньше, воюет, а не сворачивается, как улитка. И ведь думал я, что все понял, когда вы преподнесли мне урок с Плясунковым, так нет же: далеко не все!

— Федор Федорович,— сказал Куйбышев,— бросьте прибедняться. Так, как вы, моментально раскусить это изменение приказа, я уже не знаю, кто сумел бы. Во всяком случае, до меня его смысл только сейчас доходит, и то не знаю, до конца ли.

— И опять же: какой старый генерал, господин большевистский экс-губернатор, посмел бы в этом сознаться? Да ведь лопнул бы, а держался бы с величественным видом.

— Какой? — живо парировал Куйбышев.— А генерал Новицкий!

Все весело засмеялись.

— Видать, и я становлюсь чистокровным большевистским генералом,— возразил Новицкий.— С кем поведешься...

15 апреля 1919 года. ПЕТРОГРАД

Федор Иванович Фролов к писанию писем готовился серьезно и вдумчиво, как к любому непростому делу. В дополнение к девятилинейной керосиновой лампе он заправил керосином еще одиннадцатилинейную и дважды протер ветошью изнутри и снаружи ее фигурное стекло. На стол он положил кусок глянцевитого, безукоризненно гладкого линолеума, чтобы перо не продавливало бумагу. Принес из мастерской кусочек химического карандаша и острейшим сапожным ножом аккуратно настругал грифеля в маленькую широкогорлую бутылочку,— фабричных чернил давно уже не было в продаже. Доливая воду в пузырек, чуть ли не по капле, он каждый раз делал пробу пером на бумаге, пока не добился того, что вся пыльца растворилась и чернила стали в меру темными и в меру густыми.

— И все-то колдует, колдует, старый черт,— по привычке не утерпела Пелагея Никитична. Она сидела в углу, штопала шерстяные носки. До чего ж она похудела, истаяла за месяцы, прошедшие с отъезда сына...

Федор Иванович, не отвечая, внимательно осмотрел кончик пера, аккуратно, чуть наискось положил лист разграфленной бумаги из какого-то конторского журнала и задумался.

— Резвость, мать, знаешь, где нужна? — не торопясь ответил он ей.

— А где? — Она поглядела штопку на свет.

— При ловле блох, во-первых,— назидательно ответил он,— а во-вторых...

— Тьфу, можешь не добавлять, старый охальник! И годы тебя не берут!

— «Колдует, колдует»,— повторил он.— Вот в том-то и беда, что сейчас, почитай, все из новеньких безо всякой головы к станку подходят. Ему бы, зеленому, по-

размыслить, что где закрепить, какой резец поставить, какие обороты пустить,— так нет, тяп-ляп, дынь-дрынь — готово! Резец ко всем чертям, заготовка — туда же, да вдобавок еще: «Федор Иванович, пособи наладить, как отца родного прошу», а у меня самого работа должна простаивать...

— Вот такие-то и остались станки портачить, а наш Володенька где-то воюет, от работы отвыкает,— тяжело вздохнула Пелагея Никитична.

— Да, Володька так по-дурному станок никогда не гонял, у него косточка потомственная, рабочая,— согласился Федор Иванович, но вдруг озлился.— А что это, мать, ты вроде контру разводишь, а? Письмо товарища Ленина читала? К кому в первую очередь он обращается? К питерским пролетариям! Давайте, дескать, товарищи, спасайте революцию, помогите Восточному фронту! Восточному — понимать надо! А Володька с Гришей как раз где воюют? Так что же ты, старая, сырые настроения разводишь?

— Да, письмо Ильича я слушала.— Пожилая женщина задумчиво опустила рукоделье.— А почитай, уже лет двадцать пять, как он здесь, у нас-то, бывал?.. Молоденький такой тогда был, глаза веселые, а уж говорил как! Я ведь с ребятами вожусь-вожусь, а сама прислушиваюсь. Сейчас-то уж, поди, постарел за столько времени, забот-то у него поболее нашего, а вот — не забыл питерских, обращается по старой памяти: знает, что наши не подводили...

— Ну, это уже другой разговор,— проворчал Федор Иванович,— а теперь давай-ка, старуха, я делом займусь!

— «Старуха»! А сам-то молоденький? Вон уже седины больше, чем рыжины,— парировала Пелагея Никитична, но тихонько, так, чтобы последнее слово осталось все же за нею.

«Здравствуйте, доблестные красные бойцы, дорогие наши сыновья Владимир и Григорий! — Рука старого мастера старательно вела сохранившееся еще с предвоенных времен сыновье перо.— Сразу же спешу вас уведомить, что мы с матерью находимся в полном здоровье, так что можете за нас не беспокоиться и весь доблестный пыл ваших молодых сердец отдавать защите мировой революции».

— Мать, а мать, послушай: «доблестный пыл ваших молодых сердец» — здорово я навострился-то? Ну,

точно как на профсоюзном президиуме выступали третьего дня!

— Ты напиши-ка им лучше, чтоб за обувкой следили, чтоб ноги в тепле держали, весна ведь идет, время гнилое, снега тают, а ты знай митинг в письме разводишь!

— Э! — Не найдя в жене ценителя своего стиля, Федор Иванович снова вернулся к письму: «Наверно, вы уже знаете, что В. И. Ульянов-Ленин обратился к нам, питерцам, за помощью Восточному фронту. Мобилизуйте, пишет, все силы на помощь Восточному фронту. Там решается судьба революции. Значит, приходится вам, молодым ребятам, решать судьбу всей революции! Старики у нас на заводе уверены, что вы свою задачу очень прекрасно понимаете, а уж мы вам поможем, как только можем. В срочный срок каждый пятый питерский большевик отправляется на Восточный фронт, так что в скором времени повидаетесь со старыми знакомыми. Уже послали первый партийный батальон. А батьку вашего не берут: старый, говорят, стал. Но без дела меня не оставляют: начальником чрезвычайной охраны завода поставили, тут у нас эсеры сильно шалить начали...»

— Про сухие портянки-то написал? — перебила его жена.

— Написал, написал...

— Да, добавь, что к первому мая посылочку соберем какую ни есть, поддержим соколиков...

— Обязательно добавлю. «Так что мы вам, дорогие наши сынки, помогали и помогать будем. Однако вы на нас надейтесь, а сами не плошайте: враг перед вами сильный, отчаянный и не дураки. Вот сумели увезти Наташу, а мои товарищи в ЧК уж на что старались, а не нашли ни генерала, ни вагона, ни матери с дочкой. И сами посудите: Колчаку нужна победа, иначе ему смерть. Он слабо воевать не будет, так что и вы, сынки, простоваты не будьте, а воюйте со всей злостью и хитростью. Надеюсь, что Иван Еремеевич вас гоняет как следует».

— Да еще пропиши им, чтобы за девчатами не очень в селах-то ударялись,— добавила Пелагея Никитична.— А то как раз тревога, а парней на квартире нету, вот тебе и в трибунал попали!

— В трибунал? — Федор Иванович скептически сощурился в сторону жены.

Не отрываясь от штопки, она кивнула и добавила:

— Гришка-то небось за барышней своей скучает, а наш-то шалопут свободно может по молодости да по глупости попасться: есть у него с кого пример-то брать!

— Здравствуйте, пожалуйста! — Федор Иванович язвительно склонил в поклоне лохматую голову.— Так ведь я не к кому-нибудь, а к тебе тогда через забор перелез, да в окно забрался! К тебе!

— А и что же, что ко мне? Все равно непорядок! Дверь для этого есть, в нее и ходи, если у тебя намерения честные да благородные...

— Еще раз здравствуйте! А зачем же ты мне тогда ночью оконце-то открыла?

— Вот то-то и оно! А Володьке, думаешь, никакая дура не откроет? — Пелагея Никитична с ехидцей глянула на мужа: еще не было случая за тридцать пять лет, чтобы последнее слово в споре оставалось за ним.

Федор Иванович вздохнул, перечитал написанное, снова задумался. Перо заходило по бумаге.

«И еще хочу напоследок вам сказать, о чем мы здесь думали-мараковали: железные дороги плоховаты у нас, хлеба по ним вдосталь с юга не перевезти. Вся надежда на Волгу: на баржи да пароходы. Если вы ее дадите Колчаку перехватить, он всю республику возьмет за горло. Будем тогда умирать от бесхлебицы. Правильно пишет Ильич: у вас решается судьба революции!

Так мы с ним думаем. А уж как вам, стратегам, видится с вашего места, того не знаем. Может быть, имеете охоту за широкую реку отойти, от пуль за ней отсидеться? Нет, не верю, что есть у вас такое желание! Я знаю, что вы настоящие революционеры и за революцию готовы жизнь положить, а не то чтобы и в мыслях было предать ее!

Остаюсь ваш любящий отец

Федор Фролов».

Закончив письмо и завершив его лихим росчерком, Федор Иванович быстро встал, едва не опрокинув стул, и заходил по комнате. Пелагея Никитична поверх очков глянула на него, отложила штопку и притянула к себе исписанные листы бумаги. Шевеля губами, она прочла письмо, пораздумала, без слов притянула к себе пузырек и ручку-вставочку и дописала пляшущими большими буквами: «Детушки мои, Володя и Гриша, примите мое материнское благословение. На пасху соберу посылочку.

А я ночи напролет о вас думаю. Уже все глаза исплакала. Берегитесь от холода, а главное, возвращайтесь живые. Ваша чистосердечная мать *Пелагея*».

Федор Иванович старательно запечатал письмо в самодельный конверт, пригладил лохматые и в старости кудри и решительно уселся за следующее письмо.

«Как живется-можется тебе, дорогой мой закадычный друг Еремеевич? — спрашивал он. И сам же отвечал: — Знаю, что нелегко. Уже который год воюешь, а впереди, как мы понимаем, бои самые злые. И у нас в Питере ситуация не простая. Плохо стало с хлебом, плохо с мануфактурой, открылся бумажный кризис. Вечернюю «Красную газету» закрыли. «Северная коммуна» печатается на полулистах, «Петроградская правда» с сегодняшнего дня вздорожала и продается по рублю. Да не в этом дело, просто я тебе, любителю газет, сообщаю новости, хотя и худые. А главное, крепко обострилась борьба в городе: недавно эсеры два раза пытались взорвать городскую водокачку (что на Пеньковской улице Петроградской стороны). Водокачку повредить не смогли, а народа побили много, хотели оставить город без воды, поднять панику. Чует мое старое сердце, по всему чует, что не врозь действуют эти молодцы, а по единому плану, и по плану куда как серьезному! Приходится нам принимать чрезвычайные меры по охране всех важных объектов. Листовки они раскидывают и — сильно тебя огорчу, Еремеич,— убили нашего с тобой старого знакомца с Московской заставы Калинина со «Скорохода». Застрелили его в упор, когда он настиг их за раскидыванием листовок. Недавно бросали бомбы в Рождественском трампарке и на Путиловском заводе.

Приходится нам браться за дело как следует: днем работаем, а вечером и ночью патрулируем. А вот теперь каждого пятого партийца к вам отсылаем: подымать у вас дух и укреплять советскую власть на заволжской земле.

Я тебе, старому, пишу все, как есть, чтобы потверже ты своих молодцов безусых настраивал: как покончите войну, побьете Колчака, буржуазия сообразит, что с нами лучше по-хорошему, а уж тогда мы начнем строить жизнь как следует.

За новости твои о Володе и Грише очень благодарны. Старуха моя твои письма наизусть заучивает и слезами

их все обливает. Но ты ее понять вполне можешь: троих старших она потеряла, и если с Володькой что случится, то, думаю, помрет она, и я плохой буду жилец на белом свете. Что здесь поделать, в такое время живем. Идет Мировая Революция, и какими же мы были бы могильщиками Капитала, если бы с детьми своими в Эпоху Великой Бури Всемирного Пролетарского Освобождения по норкам заховались?

Крепко обнимаю тебя, дорогой мой товарищ, надеюсь встретить тебя и парней после ваших геройских подвигов живыми и здоровыми и прижать вас к своей груди. Никитична низко кланяется тебе и сообщает, что к твоему возвращению невесту тебе обязательно присмотрит. Есть у нее на примете три вдовы — собою аккуратные и нравом невредные, одна бездетная, а двое с детьми. Возвращайся только, оженим и свадьбу на всю округу сыграем.

Твой *Ф. Ф.*».

— Ишь, расписался-то,— прокомментировала Пелагея Никитична,— весь вечер пером скрипел, как писарь. Тебе сдельную платят за это или повременную?

Федор Иванович загасил большую лампу, убрал со стола пузырек, снял линолеум, обтер перо и отнес его в шкаф. Часы пробили десять раз.

— Ну, собирай, мать, ужинать, да и самое время на охрану двигаться, скоро мужики подойдут... — Он взял из угла трехлинейку, вынул неслышно скользнувший по намасленным пазам затвор и поглядел сквозь ствол на огонь лампы: зеркально ли чисты нарезы?

17—18 апреля 1919 года. ДЕРЕВНЯ КАРАМЗИНО ПОД БУГУРУСЛАНОМ

— Спешиться, лошадей накормить, самим поесть! — зычно скомандовал командир конноразведывательной группы Гулин.

Шестнадцать конников — разведчиков 218-го полка и из разведвзвода 25-го кавдивизиона поспрыгивали на

землю, начали ворошить забытый на лесной поляне стог темного прошлогоднего сена, поставили вокруг него лошадей, чтобы вволю поели. Гулин выслал на опушку парный дозор, остальные, вытащив из походных мешков разную снедь, начали подкрепляться: все-таки за ночь пройдено более шестидесяти верст.

— Вашескородие, извольте похарчеваться,— дугой изогнулся Володька Фролов перед Гришей.— А может быть, вы теперь нашей мужицкой еды не употребляете, одними только этими... анчоусами да улитками пробавляетесь?

— Вольно, скотина,— надменно отмахнулся Гриша, как бы разглядывая шлифовку ногтей; на его аккуратной шинели поблескивали золотые погоны поручика белой армии,— тащи-ка сюда поживее говядины, да сала, да хлеба буханку, ну а на закуску можешь, так и быть, достать мне дюжину устриц.

— Исполню мигом,— с готовностью поклонился Володька.— На запивку чего желаете и какой табак изволите курить?

— Ну вы, скоморохи,— Еремеич ловким подзатыльником надвинул ему фуражку на глаза,— разбаловались! Дело серьезнейшее, а вам хахи, вишь ты, баловать охота пришла!

— Еремеич, мудрая твоя башка,— весело возразил Володька, поправляя фуражку,— да как же Гришка офицера привыкнет изображать, если никто перед ним подхалимничать не будет? Не понимаешь ты сам всей серьезности: ведь артистом быть — ух как сложно! Вот ты хоть и старый хрен, а в жизни артистом не станешь!

— Где уж нам уж,— усмехнулся старый разведчик.— Давай-ка, артисты, поднавались на устрицы, пока из них на солнышке жир не потек! — Он протянул им сало и соленые огурцы.

Друзья не заставили повторять приказ, принялись уписывать за обе щеки.

— Только вот чесночку, ваше благородие, мы уж вам не дадим,— сказал Еремеич,— а то дыхнете на беляка, он сразу обман и распознает: попался, скажет, большевистская шкура?

Григорий, лежал на шинели, жевал хлеб с салом, глядел на жизнь, которая кипела на отогревшейся под весенним солнышком земле. Вот муравьиная тропа — в одну сторону вечные труженики муравьи бегут гру-

женые, чистят после зимы муравейник, несут веточки, хвоинки, тащат прелые листы, назад возвращаются налегке, за новой ношей. Откуда-то выполз черный продолговатый жучок, вот он приблизился к муравьиной дорожке и озабоченно задвигал усиками. Сразу же несколько муравьев, побросав свой груз, свирепо бросились на пришельца. Не принимая боя, жук пустился наутек. Муравьи посовещались, энергично шевеля передними лапками, и побежали по своим делам...

— С молодых лет их благородие отличались пытливым умом и любовью к природе,— услыхал он разъяснение приятеля.— Как сейчас помню, в пятилетнем возрасте они оторвали у кота Васьки хвост, за что гувернант де Труа оставил их без заварного пирожного на обед...

Григорий улыбнулся. Громкий голос Володьки стал куда-то уходить, и Григорий незаметно уплыл в крепкий, безмятежный сон. Проснулся он от дружного хохота и сразу вскочил: бойцы просто-таки валялись от смеха на земле, а Володька аж зашелся и стонал. Посредине этого веселья безмятежно сидел нищий старичок с разбухшей холщовой сумой и вынимал из нее все новые куски: то хлеб, то сухарь, то крашеное яичко, то пирог, то картофелину. И каждый раз его дар бойцы принимали взрывом смеха. «Что за черт, ничего не понимаю!» Григорий машинально тер помятую во сне щеку.

— Глядите, ребята, их благородие рот-то разинул,— выдавил из себя Володька.

Старичок, увидав поручика, быстренько встал на ноги и низко ему поклонился. Не в силах вынести этого зрелища, некоторые бойцы повалились на землю, всхлипывая от смеха.

— Вы что, очумели? — растерянно спросил у товарищей Гриша. В этот момент старичок выпрямился... и сдернул седую бородку: Еремеич!

— Ну артист! — стонал Володька.— Куды вам, вашескородие! И всю разведку произвел, да еще и кусков на селе у православных Христа ради насобирал!

— А? Чего? Еремеич? — проснулся и Гулин.— Явился? Ну, давай, сюда. Как дела?

— В деревне противника пока нет, но вчера проезжал казачий разъезд. Судя по всему, сплошной линии фронта вообще нет. Второй и третий корпуса белых прошли севернее, а шестой нагнать их не может. В промежутках туда-сюда болтается конница. В селах нам луч-

ше не показываться. Большак на Бугуруслан проходит верстах в двадцати севернее. Дорогу туда я высмотрел.

— Ну-ка.— Гулин вынул карту, сориентировал ее по компасу, отметил их местонахождение.

Они с Еремеичем углубились в обсуждение деталей маршрута, остальные бойцы снова занялись кто чем: кто поил и чистил лошадей, кто отправился в секрет, кто снова улегся отдыхать.

Григорий подошел к приветливо фыркнувшему Ратмиру, ласково потрепал его по шее, еще больше отпустил подпруги седла и уселся рядом, опершись спиной на толстую корявую березу. Вынув из потайного кармана читанное-зачитанное письмо и осторожно развернув его на протертых сгибах, он в сотый раз, наверно, впился в него глазами. Письмо пришло полмесяца назад из Петрограда, а послано было из Уфы еще 20 февраля: «...как только мы остаемся с Тосей вдвоем, я рассказываю ей о тебе. Она уже все подробно знает. Изучила твою фотографию, твой характер, твои вкусы по моим рассказам, и даже, знаешь, я подозреваю, что она заочно влюбилась в тебя.

Я живу теперь работой, дружбой с Тосей и мечтой о нашей встрече, о нашей любви, о нашем будущем. Увидимся ли мы? Сохраним ли мы друг друга? Не случится ли что-нибудь с нами? Что бы ни было, помни и верь, мечтаю о тебе, люблю и буду вечно любить только тебя.

Какой это ужас — война. Неужели мы доживем до такого счастливого времени, когда матери не будут бояться, что их дети погибнут на войне, когда жены не будут плакать долгими ночами, ожидая весточку с фронта от мужа, когда девушки не будут страдать от разлуки с любимыми, а мальчики не будут уходить под пули врага.

Я не представляю себе, что со мною случится, если я узнаю о каком-нибудь несчастье с тобой. Будь осторожен в боях. Но будь храбрым и стойким. Я знаю, ты выполнишь свой долг, ведь ты у меня такой гордый. Твоя навсегда Наташа.

P. S. Напиши скорее ответ по этому адресу в Уфу. Буду ждать с большим нетерпением. Ты мне все эти ночи снишься. Но наши пожилые женщины, понимающие в снах, говорят, что все сны хорошие, с тобой ничего не будет и мы наверняка встретимся».

— Письма от принцессы их сиятельство перечитывали по тысяче раз на день.— Фролов упал рядом с ним на землю.— Что-то давно нет писем от батьки. Заработался, видать, старый, не пишет больше инструкций по разгрому Колчака и всей мировой гидры. А почитай-ка мне еще разок про Тосю. Как это там: «Глаза у нее большие-большие...»

— «...темно-карие, как теплые угольки,— продолжал Гриша.— Лицо такое милое, а посредине лба большая родинка, и мы с нею подружились и полюбили друг друга, как родные сестры. Характер у нее веселый, ласковый, и как только мы остаемся с Тосей вдвоем...»

— Ну, дальше не так уж интересно. А ты точно написал Наталье, чтобы она разок-другой ввернула Тосе, какой существует у нее геройский знакомый замечательной курносой внешности, причем лучший друг ее любезного жениха?

— Написать-то написал, да отправлять не стал — Уфа-то под белыми. И что там с Наташей, что там с Тосей, что там с их госпиталем — кто знает...

— Чудак! Ясное дело — вывезли. Ты письмишко-то отошли Анастасии Петровне, дворничихе, уж она-то новый адрес знает, она и перешлет. А слышь, Гришуня, может, госпиталь вывезли куда-нибудь к нам: в Бузулук, например, или в Самару, а? Идешь по улице, шашка на боку, бинокль на груди, сапоги сияют, и вдруг навстречу — Наташа под ручку с Тосей, а? Слушай, а какого роста Тося-то? — заволновался щупловатый Володя.

— Какого? Ясное дело, небольшого,— авторитетно разъяснил Гриша.— У девушек всегда так, если сама высокая, то подруга у нее обязательно росточком поменьше.

— Ну, это хорошо, мне подходит,— успокоился Володя.

На ветку березы над ними сел крупный дрозд-рябинник, покружился, распустил хвост и самозабвенно запел-затрещал праздничную песню. Ратмир резко мотнул головой, и дрозд с треском взлетел на макушку дерева.

— Природа,— вздохнул Фролов.— В Питере этого не увидишь. Хотя вы, охотнички, конечно, к птицам привычные... Слушай, Гриша, а ведь я тоже характер укреплял! Точно! На медведя не ходил, а все же на спор по-

шел на кладбище в полночь и гвоздь в свежий крест забил. Не веришь? Ей-богу!..

— Зря, наверно, в крест-то,— усомнился Далматов.

— Зря не зря, а страху-то натерпелся — слов нет! Но все же гвоздь забил. Думаешь, просто? Поди, попробуй!..

Прошла еще минута.

— Гриша, а Гриш, а как тебе Хорьков?

— А чего Хорьков, рубит лозу хорошо, лучше меня.

— Тьфу ты, господи! Что ты все к себе примеряешь. Я о другом. Что он на всех с презрением глядит, сам все слушает да помалкивает. А уж если задаст «вопросик», так все с подковыркой.

Григорий промолчал: «вопросики» Хорькова ему тоже не нравились.

— Что молчишь? — не унимался Володя.

— Вопросики... Бывает, что люди до правды по-всякому добираются.

— До правды? А чего ж он Еремеича да Гулина сторонится, а вопросики задает только тем, кто помладше, позеленей, как бы сказать? Контра он, вот кто!

— Сразу тебе и «контра»! Добровольцем пошел. Поспорил и осознал.

— Сразу не сразу... Увели у тебя из-под носу Наташку, письмами только и утешаешься, а ничего тебя не учит. Ей-бо, я все же буду к этому «черному студенту» приглядываться и тебе советую!

— Приглядывайся,— пожал плечами Григорий,— вреда не будет!

С наступлением сумерек начали седлать коней, подгонять амуницию, чтобы ничего не стукнуло, не брякнуло, и в темноте отряд выступил. За первые два часа быстро прошли, минуя деревни, около двадцати верст и вышли на большак. Здесь повернули на восток и двинулись потише, поосторожней. Вот дорога сделала крутой поворот. С обеих сторон — канавы и густой кустарник. Метрах в трехстах начинался небольшой лесок. Четырех человек с лошадьми Гулин отправил туда: в лесок в случае неудачи должен был отойти весь отряд. Остальные разбились на две группы и залегли по разные стороны дороги. Задание было ясным: большую группу пропустить, малую — брать без стрельбы,

для этого могли пригодиться погоны и французский язык Далматова. «Великое дело — охота! — думал Гриша.— Да разве лежал бы я так спокойно, нет — почти спокойно, не будь в прошлом лесных засад? На глухарином току тоже поначалу было страшно, волнуешься, а потом, как привыкнешь, уже быстро, сноровко подбегаешь по два-три шага под второе колено песни, уже ни о чем не думаешь, только бы не подшуметь, не вспугнуть птицу».

— Ваше благородие,— едва слышно прошептал Володька,— страшно тебе?

— Немного. А тебе?

— Аж трясет: не то от сырости, не то с непривычки.

— С непривычки,— шепнул Гриша.— Это тебе не на кладбище богохульствовать. Молчи!

— Ага. Молчу,— едва слышно согласился тот.

«Неужели кто-нибудь в схватке погибнет? А если я? Не станет меня — и все. Нет, не может быть!.. А почему не может быть? Все может быть. Жаль, не придется тогда увидать, каким же все станет после победы. А если поранят? Обезобразят? Наташа глянет — и содрогнется. Нет, она добрая, виду не покажет, но сама... Лучше смерть! Нет, лучше все-таки жизнь. Жизнь, когда совесть чиста. И когда человек недоволен собой. Вот интересная сложность: стремиться к душевному равновесию и в то же время стремиться к тому, чтобы его не было. Жизнь и победа — вот что нужно. Сейчас надо сделать все, как задумано. Обмануть, отвлечь, не вызвать подозрения у беляков... А если за ночь никто мимо не проедет? Плохо! Тогда придется весь день снова скрываться в лесу, затем все сначала...»

В это время Еремеич негромко сказал:

— Едут!

Далматов приложил ухо к земле и явственно услыхал невдалеке лошадиный топот. Крупными толчками забилось сердце: «Сейчас!»

— Не более пяти,— молвил Еремеич.— Приготовиться! Гриша, чтоб зубы им в случае чего заговорил.

«Ночь темная,— думал старый разведчик,— может быть, это только передовой дозор? Все равно, сцапать их да и прочь с дороги в лес подальше. Эх, только бы без шуму!»

Вот три темные фигуры всадников поравнялись с кустами. Гулин с той стороны гукнул по-заячьи, и в тот же

миг одиннадцать человек молниеносно кинулись на троих, сдернули их и начали вязать им руки.

— А-а! — завопил один из них, ему закрыли рот, но тотчас забились изо всех сил и двое других. Пристукнуть? Еще в темноте убьешь...

— Ваше благородие,— Гулин поспешно забасил, взял руку под козырек,— никак, ошибочка вышла: не красных, а своих повязали! — Пленники тотчас затихли.

— Сейчас проверим,— небрежным начальственным тоном отозвался Григорий и подошел к обезоруженному офицеру, которого, крепко держа, поставили перед ним на ноги.— Кто такие? Отвечать!

Офицер, сильный, рослый мужчина лет тридцати, тяжело дышал после борьбы, глаза даже в темноте светились злобой. Он вновь попытался расшвырять нависших на нем разведчиков и грубо выругался.

— Чтэ-э-э? С кем говоришь, красная скотина? — «возмутился» Григорий.— Отвечай, пока на месте не порубили!

Офицер слегка успокоился:

— Не там ищите, поручик! Красные верстах в сорока южнее. Немедленно прикажите отпустить меня и моих людей.

— Кто такие?

— Я офицер связи из штаба седьмой Уральской дивизии генерала Торейкина. Везу секретные приказы начальнику Ижевской бригады. Прошу вас тотчас отпустить меня. За промедление будете отвечать по всей строгости военного времени.

— Парле ву франсе? — спросил Григорий.

— Нет, не говорю.

— Жаль. Обыскать!

Гулин лично бросился выполнять долгожданный приказ, извлек из внутреннего кармана офицера два пакета за пятью сургучными печатями каждый и вручил их Далматову. Ага! «Секретно. Срочно». Тот спокойно спрятал их в карман.

— Что вы делаете, поручик! Это безобразие! Я буду жаловаться лично генералу Торейкину.

— Хоть адмиралу Колчаку,— надменно ответил Григорий.— Надо в штабе проверить, что за птицы. Гулин, вызывайте лошадей! Фролов, ну-ка! — Володька кошкой вскочил на одного из захваченных коней и погнал его в лесок.

— Да прекратите вы эту комедию или нет?!

— Ну, ладно, хватит! — властно прогремел Гулин.— Мы разведчики красного начдива Чапаева, к нему вас и доставим. Дергаться не советую: кончим тут же. Ясно? Если честно в штабе все доложите, что знаете, гарантирую жизнь и после войны возвращение к семейству. Ясно? Вопросов нет?

У офицера сразу ослабели ноги, он обвис в крепких руках красноармейцев.

Вскоре из леса коноводы пригнали лошадей. Пленников привязали к седлам и освободили им руки, а недоуздки их коней прикрепили к лукам седел троих красноармейцев.

— По коням! — скомандовал Гулин.

Далматов лихим наметом выехал вперед, и отряд взял с места рысью по уже знакомой, едва белеющей во тьме дороге...

19 апреля 1919 года.
САМАРА

Утром 19 апреля Фрунзе внешне спокойно сообщил Куйбышеву и Новицкому, что командование фронта только что потребовало от него решительно и немедленно остановить отступление Пятой армии, для чего перебросить ей на помощь самую боеспособную — 25-ю дивизию Чапаева, то есть ту именно дивизию, которая должна была составить ядро комплектуемой ударной группы для нанесения решающего контрудара.

— Так это значит,— не дал ему даже договорить Куйбышев,— полностью, вот так,— он размашисто начертал в воздухе косой крест,— уничтожить наш план!

— Ну и что же вы ответили? — со сдержанным гневом спросил Новицкий.

— Ответил, что подумаю и сделаю все возможное. Вот для совета я и пригласил вас.

Воцарилось молчание. Куйбышев яростно шагал по кабинету. Новицкий в недоброй задумчивости стучал ногтем по столу. Действительно, что же делать, чтобы в конце концов остановить Пятую армию, которая подкатилась уже к Самаре чуть ли не на один конный пере-

ход, и в то же время не сорвать планируемый контрудар?

— Так что же вы все-таки думаете, Михаил Васильевич? — Куйбышев остановился перед Фрунзе.

— У меня есть такое предложение... — медленно начал Фрунзе.

Он взял со стола длинную линейку, не торопясь подошел к карте. В речи его фигурировали лишь номера дивизий, бригад, полков и маршруты их передвижения, это был сугубо военный, профессиональный способ изложения. А суть мысли Фрунзе сводилась к тому, чтобы две из трех бригад дивизии Чапаева выдвинуть на фланг отступающей Пятой армии, но выдвинуть так, чтобы они не теряли тактической связи друг с другом и с руководством дивизии. Тем временем в Бузулуке уже окажется 31-я дивизия, которая срочно перебрасывается туда из Туркестанской армии. Подобное выдвижение двух бригад, по мысли Фрунзе, во-первых, действительно помогало остановить наконец Пятую армию с помощью боеспособных чапаевских частей, во-вторых, когда фланговый контрудар начнет осуществляться, позволяло все бригады дивизии Чапаева объединить вместе уже в тылу противника, на его коммуникациях.

— Разрешите? — Куйбышев, все так же волнуясь, начал излагать свои соображения.— Изменения плана, конечно, вынужденные. Толкает вас на них нервозность руководства фронта и слабость Пятой армии. Но не очень ли вы поддаетесь обстоятельствам? Я боюсь, я очень боюсь,— подчеркнул он,— как бы эти непрестанные изменения не ликвидировали в конце концов саму идею контрудара. Я просил бы вас проявить больше твердости и бороться за свой план с тою же решительностью, что и вначале, когда вы, вопреки Главкому и Реввоенсовету, все же сумели получить его утверждение!

— Вот это по-большевистски прямо,— оживился Фрунзе,— это я люблю! Федор Федорович, прошу и вас со всей откровенностью высказать свое мнение.

Новицкий снял пенсне, близоруко и в то же время остро посмотрел на Фрунзе, снова надел блестящие стеклышки.

— Сейчас решается судьба плана, выношенного нами, плана, за который мы сами бились, с которым связывали столько надежд. И вот мы сами, своими руками, разрушаем его, а вместе с ним надежды на скорейший

разгром врага...— Новицкий прямо посмотрел в лицо Фрунзе, помолчал.— Честно говоря, сегодня первый раз вы неприятно удивили меня. Как же можно так легко отказаться от своего детища, от вашего, Михаил Васильевич, детища? Распустить по ниточкам дивизию Чапаева,— разве это не значит похоронить план?

Фрунзе сидел, опустив голову. Резкая критика двух его ближайших друзей и сподвижников поразила его и заставила вновь и вновь перебрать возможные варианты. Да, но ведь они ничего не предложили взамен! Эмоциональный взрыв? Этого мало... Чувство уверенности в своей правоте вновь стало устойчивым, прочным.

— Я внимательно слушаю вас, продолжайте,— мягко сказал он.

— Вы посмотрите, из каких замечательных частей состоит семьдесят четвертая бригада Авилова! Вот хотя бы двести двадцать второй полк, интернациональный: чехи, немцы, татары, калмыки, русские, китайцы — все сплошь храбрые, опытные солдаты! А ваш любимый Иваново-Вознесенский полк! А старая чапаевская семьдесят третья бригада под командованием Кутякова? А другие части? И вот этот-то приготовленный стальной кулак разжать. Нет, прежний план надо оставить в силе. Ничего с Пятой армией не случится.

— Ясно,— Фрунзе улыбнулся и так же, как Куйбышев, зашагал по кабинету. Затем круто остановился и, опершись на кресло, оглядел соратников.

— Я очень внимательно выслушал вас, товарищи. Ваша прямая, без околичностей критика помогла мне еще и еще раз взвесить все обстоятельства. Не от хорошей жизни пришел я к изменениям нашего плана. Вы думаете, мне легко изъять из Бузулукской ударной группы две бригады лучшей дивизии? Вы думаете, я не понимаю, что ослабляю наши шансы? Все прекрасно понимаю! Но поглядите сюда: с отходом Пятой армии от Бугуруслана на запад у нас образовался разрыв между армиями более чем в сто верст! На весь этот промежуток на фланге армий имеется сейчас всего лишь одна семьдесят третья бригада. Можете вы игнорировать этот факт, которого не было тогда, когда мы задумали контрудар? Думаю, что не можете. Если умный противник повернет сюда, то все наличные силы нам тоже придется бросить именно сюда, сковать их, и тогда вообще прощай, фланговый контрудар! Следовательно, выдвигая

вперед две бригады Чапаева, мы прикрываем эту брешь, отвлекаем часть противника от армии Тухачевского и тем самым позволяем Пятой армии прекратить отступление. В то же время с нашим переходом в контрнаступление все бригады Чапаева будут действовать на направлении главного удара и все вместе, не говоря уже о тридцать первой дивизии и Оренбургской кавбригаде, которые сейчас на подходе. А пока я всячески стремлюсь сохранить идею контрудара, но вынужден, я это подчеркиваю,— вынужден силы ударной группы растягивать и дробить.

Вместе с тем я вижу, что и противник свои силы растягивает все больше, растягивает настолько, что у него образуются, вероятно, значительные разрывы на стыках наступающих колонн. Таким образом, уменьшение концентрации наших сил в какой-то степени — и в немалой! — будет компенсировано брешами во фронте белых...

Громкий и частый стук в дверь раздался тогда, когда в кабинете командующего завершалось детальное обсуждение вынужденных изменений в плане контрудара. Новицкий поспешил отпереть. За дверью стояли Сокольский и Тронин — ответственные самарские партийные работники,— запыхавшиеся, взбудораженные.

— Михаил Васильевич, неприятные вести! — торопливо, не поздоровавшись, сказал Сокольский.

— Рассказывайте, что стряслось, только не в приемной. Входите, входите.

Сокольский и Тронин проследовали в кабинет, сняли фуражки.

— А стряслось то,— возбужденно заговорил Сокольский,— что кулацкое восстание, которое началось недавно в Сенгилеевском уезде Симбирской губернии, перекинулось в Ставропольский уезд Самарской губернии. Восставшие захватили сегодня город Ставрополь, что в пятидесяти верстах северо-западнее Самары, и выбросили лозунг: «За советскую власть без коммунистов». Все советские и партийные работники зверски вырезаны. По агентурным данным, восстанием руководят бывший офицер царской армии Долин и активная эсерка Галина Нелидова.

— Вот как? Картина проясняется. Цель здесь очевидна — отвлечь наши силы перед решающим броском армии Ханжина на Самару... — Что вами предпринято?

— Образован военно-революционный комитет по борьбе с восстанием: Милонов, Гинтер, Левитин, Сокольский, Руцкий. Мелекесский уезд, Ставропольский уезд, участок железной дороги Кинель — Батраки объявлены на осадном положении. Только что принято решение о мобилизации всех коммунистов Самары и создании молодежного коммунистического отряда. Первый рабочий полк находится под ружьем.

— Хорошо! За принятые меры от всей души спасибо. Друзья, поймите, что очень неглупые люди, которые руководят развитием событий против нас и дергают то одну ниточку, то другую, с нетерпением ждут сейчас депешу: «В Самаре паника, приказано красные войска снимать с линии фронта и перебрасывать в тыл». Этой радости мы им не доставим. Красноармейцев с фронта брать не будем. Прошу вас дополнительно издать приказ о мобилизации каждого второго рабочего Самары и Самарской губернии. Опытных командиров мы вам дадим. Кроме того, не будем сбрасывать со счетов и части Самарского укрепрайона. Таким образом, товарищи, очень многое зависит от того, сумеете ли вы подавить восстание в кратчайший срок и, самое главное, своими силами, не отвлекая ни одного красноармейца из боевых частей!

Резко, требовательно, раз за разом зазвонил телефон. Фрунзе снял трубку:

— Да, товарищ Валентинов, это я. Сокольский и Тронин? Да, у меня. Что случилось? Так... Так... Так... Ах умные головы! Нет, это я о контрреволюционных руководителях. Ладно, сейчас.— Он положил трубку.— Итак, товарищи, все разыгрывается, как по нотам. Начальник особого отдела сообщил мне и просил передать вам для принятия срочных мер, что сейчас на митинге в запасном полку убит комиссар. Командир полка — из бывших офицеров — возглавил восстание. Сейчас они громят цейхгауз, разбирают оружие.

— Срочно объявляем Самару на осадном положении! — воскликнул Сокольский.

— Нет, я думаю, панику раздувать не будем,— вмешался Куйбышев.— Но действовать будем энергично.

Фрунзе поднял трубку:

— Командира рабочего полка. Да. Товарищ Шевардин, Фрунзе говорит. Немедленно поднять полк по тревоге со всем вооружением. Да, обе батареи и пулемет-

ную роту. Восстал запасный полк. Срочно окружить и обезоружить восставших. Сейчас к вам прибудет товарищ Тронин. Поднимаю также отряд особистов и инженерный батальон. Действуйте! — Фрунзе положил трубку.— Товарищ Тронин, докладывайте мне обстановку каждый час. Действуйте со всей решительностью!

— Разрешите и мне выехать с товарищем Трониным? — встал Новицкий.

— Не разрешаю! Прошу вас, Федор Федорович, заняться конкретно реализацией принятых нами сегодня решений. Важнее подготовки контрудара нет ничего. Да, выход из здания штаба запретить кому бы то ни было без вашего разрешения. Поднимите в ружье комендантскую роту. Товарищи! Контрреволюция делает ставку на наши слабые нервы, на то, что мы в этой суматохе растеряемся, упустим главное. Не упустим! Валериан Владимирович, у вас большой опыт работы в самых сложных условиях, голова ясная. Возлагаю на вас организацию послезавтра утром на городской площади смотра-парада семьдесят четвертой и семьдесят пятой бригад, отправляющихся на фронт...

— Гм, смотр-парад?.. — От удивления Куйбышев несколько растерялся.

— Вот именно: смотр-парад! — твердо ответил Фрунзе.— И прошу вас позаботиться о надлежащем виде бойцов. Мы должны продемонстрировать и своим, и чужим крепость наших сил и наших нервов: это чрезвычайно важно. Да и бригады этот смотр подтянет.

Невдалеке послышалась беспорядочная стрельба, крики, разорвалась граната.

— Итак, товарищи, каждый приступает к своему делу, и прошу вас держать меня в курсе всех событий. А на эту удочку,— он кивнул в направлении шума,— мы не клюнем, не надейтесь, господин Ханжин или кто там у вас всеми этими делами заправляет! Войска с фронта сняты не будут! Желаю удачи, отправляйтесь, товарищи!

Фрунзе задернул плотные шторы на окне: вполне возможно и логично, что среди планомерных действий противника значится и такой пункт, как покушение на командующего. Он зажег настольную лампу, сел на диван, закинул руки за голову. «Все ли правильно? Все ли учтено? Действительно ли можно подавить все эти провокационные восстания внутренними силами, не от-

влекая ни одного бойца с фронта?..» Мысль его молниеносно обежала огромное многообразие фактов, сведений, сообщений. «Нет, при ослабленной ударной группе снимать с передовой красноармейцев больше невозможно, тогда Колчака не разгромить, тогда все затягивается безмерно. Выход один: только внутренними силами, только за счет нового напряжения сил партийцев и рабочих!..»

В кабинет быстро вошел Сиротинский с длинной телеграфной лентой в руках:

— Товарищ командующий, приятная весть от Чапаева! — радостно сообщил он.

— Что за весть? Ну-ка скорее, а то сегодня были одна другой хуже.

— Одна из разведгрупп, высланных Чапаевым в тыл противника, захватила офицера связи с двумя секретными приказами. Чапаев передал по телефону их содержание. Он просил немедленно доложить вам, что, по его оценке, между наступающими третьим и шестым корпусами белых имеется разрыв в шестьдесят — восемьдесят верст. Кроме того, как он понял из этих приказов и особенно из допроса захваченного офицера, шестой корпус разворачивается фронтом на юг, к Бузулуку. Он просит ускорить сосредоточение ударной группы, чтобы упредить противника.

— Ах, молодец! Ну, молодец! Не зевает Чапаев! Мы ведь ждали, что будет у них разрыв. Ну теперь, генерал Ханжин... Сергей Аркадьевич, передай разведчикам благодарность Реввоенсовета, пусть Чапаев представляет их к награждению. Новость стоит этого! Ох как стоит! Ну-ка, читай вслух перехваченные приказы, а я буду размечать карту... — И, не обращая внимания на беспорядочную стрельбу в городе, он стал тонким карандашом наносить на большую карту новейшие данные.— Значит, шестая Уральская дивизия — к северу от реки Кинель, так; должна двигаться на Чепурновку, так; Оренбургская казачья дивизия идет на станцию Толкай, так...

Методически переспрашивая Сиротинского, он нанес все данные и отошел от карты на шаг, вдумываясь в намерения противника: все говорило о том, что жало его удара поворачивается как раз туда, куда утром решено было перебросить чапаевские бригады!

— Сергей Аркадьевич, еще раз прошу ко мне Новицкого и Куйбышева!..

Когда вошли Куйбышев и Новицкий, Фрунзе быстро встал:

— Прошу вас, Федор Федорович, ознакомьтесь с захваченными Чапаевым документами противника и тем, как это выглядит на карте. Валериан Владимирович, смотр назначаю не послезавтра, а завтра на Соборной площади в девять ноль-ноль!

— А это? — Куйбышев указал в сторону выстрелов.

— Это глубоких корней не имеет. К вечеру Шевардин и Тронин должны полностью ликвидировать восстание. Во что бы то ни стало! Тем более что вы, Валериан Владимирович, им сейчас поможете. Но события на фронте нас торопят. Смотрите.— Он провел линейкой по вновь нанесенным значкам.

— Да,— только и произнес Новицкий.— Который раз — да, Михаил Васильевич...

— Товарищи! За десять — двенадцать дней мы должны полностью закончить переброску и развертывание всех бригад и дивизий. Переход в контрнаступление ориентировочно назначаем на первое мая. Федор Федорович, я диктую: «Приказ номер ноль двадцать два». Обстановку вы сформулируете согласно перехваченным приказам. Далее: «Принимая во внимание выяснившуюся обстановку, считаю необходимым с возможно большей энергией продолжать выполнение указанного мной оперативного плана, центр тяжести коего лежит в разгроме Бугурусланской группы противника, пока она не находится еще в тактической связи с шестым корпусом, наступающим из района Стерлитамака...» — Голос его звучал уверенно, мысль разворачивалась с предельной четкостью.— Надеюсь, часа через два, Федор Федорович, вы отработаете приказ полностью и принесете на подпись.

— Разрешите исполнять? — Новицкий встал.

— Пожалуйста. А вы, Валериан Владимирович, позаботьтесь о том, чтобы сегодня же началось следствие по поводу мятежа. Постарайтесь сами присутствовать на допросах главарей, побеспокойтесь, чтобы и Валентинов, и прокурор Реввоентрибунала работали оперативней, находчивей...

Так прошли день и вечер этого дня. В губернии пожаром гудел спровоцированный эсерами мятеж, в самой Самаре восстал запасный полк, в городе рвались гранаты, оголтелые заговорщики ставили к стенке командиров, не

отрекшихся от советской власти, и всего лишь в восьмидесяти верстах от Самары проходила колеблющаяся линия фронта: опьяненный успехом противник гнал уставшую от поражений Пятую армию красных. И в этой обстановке командующий Фрунзе с непреклонной последовательностью готовил гибель белому движению. Он мог реально планировать свой удар не потому только, что его мышление было по-настоящему всеохватывающим, но и потому, что огромное число людей — от члена Реввоенсовета Куйбышева до рядового разведчика Далматова — хотели того же, что и он, и вкладывали все свои силы, всю свою находчивость в общее дело. Впрочем, этот революционный порыв, эту инициативу командиров и бойцов народной армии Фрунзе тоже учитывал в качестве одного из определяющих моментов в противоборстве с армией белых.

К трем часам ночи стрельба прекратилась. Улицы усиленно патрулировались отрядами вооруженных рабочих. В расположении восставшего полка заканчивалось разоружение обманутых своими главарями бойцов. В три пятнадцать начался допрос этих главарей, и Куйбышев по телефону доложил Фрунзе, что мятеж запасного полка полностью ликвидирован. Чекисты продолжают обыски и облавы по разработанному плану, в городе все спокойно.

— Спасибо, Валериан Владимирович. А как с парадом?

— Состоится в назначенное время. А теперь я, как член Реввоенсовета, приказываю вам немедленно прекратить работу и лечь!

— Немедленно?

— Вот именно: немедленно.— Куйбышев улыбнулся.— Подумайте сами, бойцы выйдут на смотр и увидят своего командующего — зеленого, опухшего, с мешками под глазами. Как это будет выглядеть с моральной точки зрения?

— Да, с моральной точки зрения это будет выглядеть совсем плохо,— тоже улыбнулся Фрунзе.— А ее не учитывать нельзя, это уж точно. Разрешите выполнять ваше приказание, товарищ член Реввоенсовета?

— Выполняйте, товарищ командующий!

— Слушаюсь, Валериан Владимирович...

— Спи, Михаил Васильевич...

Они помолчали и осторожно положили трубки.

24 апреля 1919 года.
СЁЛА КИНЕЛЬСКОЕ — ЯЗЫКОВО

Командир взвода конной разведки Гулин собрал своих бойцов:

— Орлы, дело спешное, аллюр три креста! Вот пять пакетов — в бригады, в кавдивизион и артдивизион. Докладывать вам не буду, потому что сам не знаю, но бумаги наиважнецкие! Значит, доставить по назначению, вручать только лично и на этих конвертах привезти расписки. Ясно?

— Ясно! — дружно гаркнули кавалеристы.

— Вот наели себе глотки, а? — восхитился Гулин.— Но смотрите мне, чтобы с лошадьми таким голосом не разговаривать, они твари нервные, деликатные. Со мной — пожалуйста, в бою — сколько хотите, но коней пугать,— боже вас упаси!..

— Га-га-га-га! — грохнули во всю мощь разведчики.

— И еще скажу: обстановка тут неясная, могут и вас так подловить, как мы недавно троих. Так мне — смотреть в оба! Подходи получай!..

Далматов расписался в особой книге, что пакет им получен, и Гулин выдал им с Фроловым толстый конверт, скрепленный пятью красными сургучными печатями. Фамилия комбрига 74-й на пакете ничего ему не сказала, не напомнила. Бегло взглянув на нее, он занялся уяснением маршрута по карте — примерно пятьдесят верст на северо-запад — и стал последовательно выписывать на бумажку названия деревень, через которые придется ехать.

— Еще раз напоминаю,— напутствовал дружков Гулин,— через двадцать пять верст — часовой отдых лошадям. Да чтобы овса им дали и перед дорогой напоили, а потом пять верст не гнать, втягиваться. Да не вам, жеребцам, втягиваться, а лошадям вашим, а уж потом берите рысью. Понятно?

— Никак нет! — бодро ответил Фролов.

— Чего тебе непонятно? — удивился Гулин.— Я вроде по-русски говорил.

— Так что неясно: как одно и то же одушевленное лицо может быть одновременно орлом, причем красным, и жеребцом?

Опять грохнул общий хохот.

— Вот приют для младенцев! — беззлобно выругался Гулин.— А если я тебя плеткой, так ты еще и зайцем заверещишь и будешь, как господь бог, один в трех лицах, а?

— Так точно, теперь все ясно-понятно,— сквозь смех доложил Фролов.— А если я от плетки отвильну, то буду к тому же еще увертливый, как лиса, и, значит, превзойду на одно лицо самого господа бога, верно?

— Ох, питерские ребята,— переглянулся Гулин с Еремеичем,— языком вертят, что ложкой у каши!..

Первый десяток верст друзья ехали молча, крупной рысью. Каждый думал о своем. Володька чему-то улыбался. Гриша хмурился.

— Ну что, заяц-лиса, не устал? — спросил он веселого дружка.

— Немного есть, ваше высокоблагородие, орел-жеребец!

— Отдохнем немного.— Гриша спрыгнул наземь и пошел пешком. У придорожной группы деревьев они остановили коней.— Смотри! — Гриша лег, ноги выше головы.

— Это еще зачем?

— Попробуй, узнаешь.

Володя лег. Григорий сел, поставив карабин на боевой взвод: Еремеич учил, что всегда в группе кто-то должен быть начеку, а тем более здесь, где ясной линии фронта нет.

Он подумал, поколебался и спросил:

— Володька, ты мне друг?

— «И нам море по колено»? — пьяным голосом передразнил тот.

— Я серьезно.

— Друг, брат, отец, сын и мать родная в придачу. Как сказано, один в пяти лицах.

— Шутишь все. А лучше скажи: ты почему никогда мне не говорил, что Федор Иванович у Ленина в молодые годы учился?

— А, вот ты о чем,— с неохотой протянул Фролов, покусывая веточку.— А Ленин у нас и в доме бывал. Только это еще до моего рождения. А чего ж говорить-то? Ты бы решил — цену набиваю, хвастаю. Нет, уж, полюбите нас за то, что сами в нас увидали да поняли, ваше высокоблагородие. Гриша, а Гриша,— оживился он,—

а все же растолкуй ты мне до самого кончика про храбрость. Чего в человеке все-таки больше: в самом деле он не боится или заставляет себя выставляться?

— А ты по себе суди. Когда с гвоздем на кладбище пошел, чего в тебе больше было?

— Ясное дело, больше гонору: как же это перед пацанами не похвалюсь! А страха было выше головы.

— Я же рассказывал, что трусил, когда сидел в засаде на медведя. Значит, тогда характера было больше, чем храбрости. И характер все победил. Когда пошел в деревню, ноги как ватные подгибаются, а душа поет: «Одолел в себе труса, одолел в себе труса!» А когда второй раз на медведя пошел, уже был много спокойнее. И тогда твердо понял: надо делать, что решил. Хоть умри, а сделай! — и с каждым разом будет легче. А помнишь, в Мариинке я на сцену выскочил?

— Еще бы! Меня чуть паралич от страха не хватил!

— А мне, думаешь, не страшно было! Тысячи народу, и все смотрят. Нет, решил: «Надо, так сделаю!..» Ну и Наташа, конечно, рядом была... А не сделал бы, всю жизнь бы себя презирал.

— Все понятно: сначала заставляешь себя, а потом все получается проще. Точно! Прямо с завтрашнего дня начинаю регулярно тренировать храбрость. Вместе тренируем, давай?

— Давай.

— Гриша,— помолчав, сказал Володя,— а я все же кое-что за Хорьковым доглядел!

— Мудришь все...

— Да, мудрю,— невесело улыбнулся тот.— Слыхал, объявляли у нас о дезертирстве Рыжкина, из старослужащих?

— Ну, слыхал.

— А я видел, как Хорьков после нашей разведки, когда мы офицера связи взяли, в конюшне с Рыжкиным и Антоновым о чем-то тайно совещался. А после Рыжкин как в воду канул.

Григорий сел:

— Точно видел?

— Я ж сказал, что глаз с него не спущу!

— А бывает и так: за чем пойдешь, то и найдешь. А?

— Бывает,— согласился Фролов.— Да только я ведь не знал, что как раз Рыжкин сбежит после этого. Это я сейчас сообразил,— сходятся факты-то.

— Значит — что?

— Значит, приедем, с Еремеичем потолковать надо будет.

Отдохнув, они ускоренным аллюром продолжали путь. В деревнях на них смотрели кто со страхом, кто с надеждой: фронт близок, а кто идет вслед за этими ладными парнями?

К семи вечера конники подъезжали к селу Кинельскому. Метрах в ста перед околицей их остановили красноармейцы сторожевого охранения («Кто такие? Пароль?» — «Шатун. Отзыв?» — «Шидловец. Закурить нету?»), указали, как проехать к дому, занятому комбригом. Около калитки стоял молоденький часовой. Григорий соскочил с коня, отдал повод Володе и подошел к нему:

— Комбриг дома?

— А ты кто таков? — Часовой настороженно шевельнул штыком.

— Из штаба дивизии пакет привез.

— Ну проходи.

Далматов зашел во двор, постучал в дверь. Она приоткрылась, выглянул лысый пожилой боец без пояса:

— Тебе чаво?

— Пакет комбригу передать.

— Давай, передадим.— Он протянул руку.

— Не могу. Только лично и под расписку.

Вестовой недружелюбно оглядел Григория, что-то пробормотал о молодых да зеленых и захлопнул перед ним дверь. Через некоторое время он открыл ее и все так же неприязненно мотнул головой: дескать, заходи. Пройдя душную кухоньку, Григорий вступил в горницу, четко поднял для доклада руку к фуражке и... обомлел. Перед ним сидел тот самый человек, которого он видел в свое последнее свидание с Наташей. «Этот генерал Авилов уговаривает маму бежать от большевиков»,— явственно прозвучал у него в ушах звонкий голос девушки. В мгновение ока внутренним прозрением связались воедино фамилия на конверте и Наташина судьба.

— Что там у вас? — услыхал он слышанный уже им барственно-снисходительный голос. Растревоженным пчелиным роем заметались в мозгу обрывки мыслей, предположений, чувств.

Шагнув вперед, неестественно громко Далматов доложил:

— Товарищ комбриг! Прибыл из штаба дивизии с секретным пакетом на ваше имя! — и протянул ему конверт с бурыми сургучными печатями.

Авилов взял его и начал раскрывать. От него не ускользнуло смятение бойца, и он дважды коротко взглянул на него, силясь вспомнить, где он видел это лицо. Бегло пробежав глазами один приказ, затем второй, он задумался ненадолго, потом спросил:

— Требуется расписка?

— Так точно! На обороте конверта! — выпалил Далматов. Да, перед ним, безусловно, был тот самый Авилов. Правда, тогда он был в щегольской бекеше, но это был он, человек, который хотел увезти Наташу к белым!

Комбриг расписался и возвратил конверт этому высокому, широкоплечему красноармейцу, который не спускал с него какого-то странного, будто изумленного взгляда.

— А ведь я где-то вас видел.— Авилов пристально посмотрел Григорию в глаза.— Постойте, вы не из Петрограда?

— Так точно!

— Правильно! Вы были в студенческой шинели и провожали Наташу Турчину?

— Да, это я.

— Ах, боже мой, до чего ж тесен мир!.. Савелий! Срочно самовар! Этого молодца я знаю еще по красному Петрограду. Угостим его с дороги.

Вестовой недобро пожевал губами, стоя в дверях, и нехотя вернулся в кухню.

— Товарищ комбриг, простите, не могу,— неловко (потому что лгал) ответил Григорий.— Мы тут с товарищем должны выполнить еще один приказ, тоже срочный.

Авилов охотно согласился:

— Да! Да! Понимаю: служба есть служба. Надеюсь, мы еще увидимся, посидим, поговорим, вспомним Петроград. Всегда буду рад видеть друга нашей общей прелестной знакомой.— В голосе Авилова прозвучала ирония: ведь Наташа, безусловно, давно уже в Англии.

— Разрешите идти?

— Пожалуйста. Будете писать в Петроград, передайте ей привет от меня.

«Ах мерзавец! Ну, точно — это он!» Все окончательно стало на свои места: ведь Наташа в своем письме, читан-

ном им без счета, заученном наизусть, сообщала, что Авилов ехал с ними до Инзы! «Я тебе передам привет в Петроград!» В лихорадочном возбуждении Далматов взметнулся в седло и, махнув рукой Фролову, взял в карьер, прочь из села.

Авилов видел, как опрометью выскочил от него бывший студент, как погнал он коня, опережая своего спутника, и сразу тошнотворный страх сдавил его горло, перехватил дыхание: вспомнился переполох в вагоне после полученной шифровки, вспомнилось предположение Безбородько, что тревога поднята кем-то из близких Наташе людей. Да, это так, и вполне возможно, что именно этим долговязым недоучкой. «Значит, рассчитаем: сегодня же вечером он может доложить о своих подозрениях, тем более что Наташа — тю-тю! — уплыла от него за море. И если в Чека не будут хлопать ушами, то уже ночью здесь можно ждать нежелательных гостей, и тогда — финита ля комедиа... Ну что ж, вот секретные приказы № 021 и № 022. Фрунзе готовится ввести в разрыв между белыми корпусами ударную группу. Неизвестно, знает ли об этом Ханжин. Следовательно, не мешкая, надо предупредить его. Сегодня, или будет поздно и для меня, и для всех нас...»

— Гришка! Гришка! Стой, черт! Лошадей загоним, стой!

Но Далматов гнал и гнал.

— Ты что, спятил? Стой! — И Фролов выпалил в воздух.

— Сам ты спятил! Ты что палишь? Казаков призываешь? — Григорий осадил коня и гневно обернулся к другу.

Тот подскакал, сдерживая взмыленную лошадь:

— Говори толком, не то плюну на тебя, поеду один. Ошалел у нас молодой красный орел с самого Питера!

— Тьфу! Времени у нас ни крошки! Знаешь, кто такой этот комбриг семьдесят четвертой?

— А кто?

— Тот самый генерал-предатель, что Наташу с матерью к белым отправил!

— Комбриг семьдесят четвертой?!

— Понял? И меня узнал, угощаться оставлял. Понял теперь, кому мы секретные приказы привезли?

— Фиу! Вот это да...

— И до штаба дивизии далеко, пока еще доедем, а ты кричишь «стой, стой»!

— Слышь, Гриша, а ну-ка давай поворачиваем в Языково,— решительно скомандовал Володя.

— При чем тут Языково? — нетерпеливо спросил Григорий.

— А при том, что Тихов повез пакет в штаб семьдесят пятой бригады, я слышал,— в Языково. Это от штаба дивизии пять верст. Значит, отсюда осталось верст с десяток. Я по карте в штабе смотрел.

Григорий, приходя в себя, долгим взглядом посмотрел на друга:

— Ну, Володька, тебе и впрямь только в разведке служить!

— А что ты думаешь? Недаром сказано: орел-жеребец-заяц-лисица!

— Ага! Еще и сорока. Значит, напрямик в штаб семьдесят пятой и прямо к комиссару. Вперед!

Они помчались, но кони были утомлены, все чаще приходилось переводить их на замедленную рысь или пускать шагом. Уже совсем стемнело, когда в комнате комиссара 75-й Григорий увидел самого Фурманова!.. Через полчаса из села на крупной рыси выскочил отряд во главе с начальником особого отдела 75-й, который получил специальное задание.

Григорий и Владимир долго водили коней по кругу, охлаждая их. После этого, задав им корм, они отправились на сеновал, но было разведчикам не до сна. Правда, Фурманов успокаивал их: подозрения, дескать, могут не подтвердиться и сами вы не виноваты. Но все-таки секретный приказ передан в руки матерого врага! Наташе привет в Петроград!.. Эта ложь больше всего говорила Далматову: конечно, Авилов враг, путает следы. Фурманов благодарил за бдительность, но Григорий-то знает, что его хваленая-перехваленая выдержка дала сегодня осечку: перед Авиловым сразу же выдал себя и после, пораженный встречей, погнал коня из села, вместо того чтобы поговорить с комиссаром 74-й бригады или начальником особого отдела. Конечно, они могли ему и не поверить: кто он такой? Рядовой боец, а обвиняет самого командира бригады. Ну, пускай бы его, Гришу, арестовали, но и за Авиловым сразу же начали бы следить! Эх! Сколько же можно в сосунках ходить! Ведь война идет не на жизнь, а на смерть.

— Володя! — он сел.

— Чего? — Фролов тоже не спал.

— Пошли к Фурманову, расскажешь о Хорькове. Хватит нам ушами хлопать!

Фролов поднялся без единого слова, невзирая на глухую ночь на дворе.

Да, не зря метался на сене Григорий Далматов: начальник особого отдела 75-й бригады по прибытии в 74-ю бригаду, явившись в дом Авилова, убедился в его исчезновении. Не были обнаружены нигде также секретнейшие приказы № 021 и № 022. Часом позже пришло сообщение от передового секрета бригады, что комбриг Авилов, проверив, как бойцы несут службу, и похвалив их, неожиданно пошел, а затем побежал в сторону белых и с криком: «Свой, братцы, не стреляйте!» — исчез у них в окопе.

Вернувшись назавтра к себе, Фролов и Далматов узнали, что «черный студент» Хорьков был арестован чекистами еще вчера, когда все остальные бойцы разъехались на задания. Это был эсер-боевик, активный участник убийства Урицкого, переброшенный террористами на восток с весьма широкими полномочиями, подальше от Петрограда, где вокруг него начали сгущаться тучи.

25—26 апреля 1919 года. САМАРА

В шесть утра кто-то сильно забарабанил в окно над головой Сиротинского. Встрепенувшись, Сергей сел на оттоманке и прильнул к стеклу: ему нетерпеливо махал рукой дежурный по штабу Гембицкий. Сиротинский кивнул ему, натянул бриджи, сапоги, набросил на плечи шинель и вышел на крыльцо.

— Товарищ адъютант, быстро будите командующего!

— Да что случилось-то? Три ночи он почти не спал, пускай бы еще хоть часик-другой добрал до нормы.

— А то случилось, что пришли две срочные телеграммы: от Фурманова, что сбежал к белым Авилов с приказами номер ноль двадцать один и ноль двадцать

два, и от командарма Пятой, что ему опять нужна помощь.

Показалось Сиротинскому или в самом деле Гембицкий чуть-чуть подпустил не то иронии, не то злорадства в свои слова, но разбираться было некогда,— сообщения действительно были важными.

— Хорошо. Вызывайте к семи часам в штаб Куйбышева, Новицкого, Яковского, Каратыгина и начштаба Лазаревича.

— Есть! — Гембицкий быстро зашагал в штаб.

— Кто стучал? — спросил сонным голосом Фрунзе у входящего Сиротинского.

— И чуткий же у вас сон, Михаил Васильевич...

— Ну говори, говори.

Сиротинский доложил о содержании телеграмм, сказал, что распорядился об утреннем совещании.

Фрунзе мрачно сел на кровати, тряхнул головой, прогоняя остатки сна.

— Да, а ведь имел, подлец, блестящие рекомендации от высоких начальников! — Он снова мотнул головой и начал одеваться.— Ладно, придумаем что-нибудь, спутаем белым карты!..

Особенностью мышления Фрунзе всегда было умение находить оптимальные решения, такие, которые при наименьших затратах энергии приносят наибольший эффект. Очень часто решения его выглядят неожиданно, удивительно. Так, бежав летом 1915 года из ссылки, он взял курс не на запад, не в европейскую часть России, а на восток, в Читу,— именно потому, что это направление было нецелесообразно с точки зрения преследователей. И действительно, разыскан и пойман он не был.

Но в ряде случаев мы должны говорить даже не об удачном решении, но вообще о единственном. По мнению современных историков военного искусства, например, никакой иной план, кроме того, который предложил Фрунзе, не вел к разгрому Колчака. Все новые и новые обстоятельства вели к уменьшению сил ударной группы. Однако целым рядом остроумнейших и в то же время простых на вид маневров Фрунзе добился того, что ударная группа, хоть и растянутая, хоть и ослабленная, но разворачивалась и нацеливалась на исполнение задуманного.

И вот теперь, менее чем за неделю до начала операции, враг получает документы, которые определяют все

ее течение! В этот же день поступает настоятельное требование командарма Пятой о новых подкреплениях, то есть, говоря иными словами, возникает вынужденная необходимость дальнейшего уменьшения сил ударной группы.

На совещании в штабе, доложив о новых отрицательных факторах, Фрунзе нашел решение, которое практически сводило на нет пагубные результаты бегства Авилова с приказами, детально раскрывающими планы красного командования, и в то же время оказывало помощь Пятой армии.

Он приказал начать наступление не 1 мая, а в ночь на 28 апреля! Тем самым белые за оставшееся время не успевали принять необходимых контрмер, а положение Пятой армии существенно облегчалось за счет отвлечения от нее сил белой армии, вынужденной реагировать на полученный во фланг удар.

Разумеется, перенос контрнаступления на четыре дня потребовал огромной дополнительной работы. Разумеется, ответ на утренние сообщения свелся не только к изменению общей даты, но и ко множеству частных распоряжений, связанных с перемещением отдельных полков, бригад и даже всей 2-й дивизии. Но суть ответа на полученные известия заключается, конечно, в неожиданном сдвиге сроков операции при сохранении главной стратегической идеи: Фрунзе переместил замышленную операцию во времени, но не отказался от нее, не деформировал ее, потому что только в ней и была заключена возможность наибыстрейшей победы...

В этот же день Гембицкий, будто сидя на раскаленной плите, отбывал свое дежурство в штабе. Бумаги, еще бумаги, когда же все это наконец кончится?! А вот еще одна «Благодарность». Кому и за что? Он вчитался:

БЛАГОДАРНОСТЬ ШТАБУ 4-й АРМИИ

Усольский волостной Совет солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, село Усолье, Симбирской губ., № 230

Настоящим свидетельствуется, что во время подавления кулацкого восстания солдаты Красной Армии Самарского карательного отряда вели себя по отношению граждан корректно, никаких насилий не чинили, честно сознавая долг воина, за что президиум Совета чувствительно благодарит освободителей товари-

щей красноармейцев, их командный состав, политических комиссаров тов. Баранова, Быховского, Соколова, Левина и командира Буйлова и чтит заслугу борцов за свободу.

Председатель исполкома: *Васильев.*
Члены президиума: *Сорокин, Шишков, Бугатин, Керлов, Чернов, Буров.*
За секретаря: *М. Макаров.*

«Эх, тут, значит, тоже сорвалось! Проклятье! Но сегодняшние утренние новости все эти неудачи компенсируют с лихвой!..» Едва сдав дежурство, чуть ли не бегом, не соблюдая почти никаких мер предосторожности, Гембицкий поспешил к Уильямсу: утренние сообщения заслуживали того! Он не знал, что арестованный в ночь на 20 апреля командир восставшего запасного полка на первом же допросе назвал его фамилию. Изрядно перетрусив в первые дни, Гембицкий успокоился, не почувствовав никаких изменений в отношении к себе в штабе. А между тем Валентинов и Куйбышев попросту решили не торопиться с арестом: возможно, Гембицкий был оговорен, а возможно, от него тянутся нити к контрреволюционному центру. Во всяком случае, день и ночь опытные сотрудники ЧК вели за ним наблюдение.

Два раза стукнув пальцем в подслеповатое окошко старого домика, он дождался, что из-за занавески и цветов кто-то глянул на него. Через несколько секунд щелкнул тяжелый затвор, калитка глухих ворот приоткрылась и впустила его...

Нелидова двигалась на встречу с шефом в назначенный час очень осторожно, соблюдая все меры конспирации. Она была в широком платье, с бидоном и кошелкой, ни дать ни взять — мещанка, возвращающаяся с базара.

Она несколько раз сворачивала в боковые улицы, невзначай оглядывалась назад, а подойдя к переулочку, где жил Уильямс, наклонилась и стала завязывать шнурки высоких ботинок. Без всякого труда она установила, что кто-то посторонний болтается перед воротами, куда ей надлежало зайти. Не торопясь она прошла за угол, свернула раз, еще раз. Вот и запасной ход, надо бы сюда, но самообладание изменило ей: она физически ощутила на себе чей-то пристальный взор. «А ну вас, сэр Уильямс! Своя голова ближе к телу — так вы учили?» И, петляя

и путая следы, как заяц, она стала уходить — лишь бы побыстрей, лишь бы подальше!..

Несвоевременный приход Гембицкого и отсутствие в назначенный срок Нелидовой сильно обеспокоили Уильямса. Инстинкт и опыт подсказали ему, что надвигается опасность. В течение часа все необходимое было собрано, все лишнее уничтожено, и в доме не осталось никого, кроме дряхлой, полоумной старухи-хозяйки...

Ночной обыск не дал абсолютно ничего: никаких следов, никакой конкретной зацепки. И именно это убедило Валентинова в том, что обитатели хорошо обжитого и очень обихоженного дома (полумертвая бабка не могла так тщательно следить за хозяйством!) были профессионалами конспирации. Он тотчас отдал приказ об аресте Гембицкого и группы других подозреваемых. Ранним утром 26 апреля органами ЧК было арестовано шесть работников разных штабов, расположенных в Самаре: Гембицкий, Галахов, Черников, Лавский, Бугров, Громов. Перекрестный допрос, очные ставки привели к тому, что было названо еще двадцать семь человек, в том числе начальник артиллерии 2-й дивизии и его помощник. Все они были арестованы. Нелидова, которую на допросе называли многие, исчезла бесследно. (Позже ее след отыщется в Уральской губернии, в тылу Южной группы, где начнутся умело, по единому плану организованные восстания казачьего населения против Красной Армии и советской власти). В этот же прискорбный для контрреволюции день — 26 апреля — Фрунзе получил донесение о разгроме мятежей в Симбирской и Самарской губерниях. Самарская группа Уильямса была вырвана с корнем, хотя самому Уильямсу и Нелидовой удалось скрыться.

26 апреля 1919 года.
УФА

Не в меру тучный, далеко не молодой генерал-квартирмейстер Нарышкин, приехавший к Ханжину от Колчака для уточнения обстановки, заканчивал свой конфиденциальный доклад. Ханжин сидел, развалясь в

кресле у настольной лампы, кое-что записывая в блокнот для памяти. Настроение у него было отличное, он потихоньку мурлыкал песенку себе под нос, со значением приподымая реденькие брови в особо важных местах сообщения. В темном углу, почти утонув в глубоком кожаном кресле, едва заметный в уютном полумраке, сидел начальник контрразведки Безбородько. Нарышкин нет-нет да и посматривал недовольно на этого безмолвного брюнета-полковника, неизвестно зачем приглашенного Ханжиным на их совершенно доверительную беседу.

— И последний, весьма любопытный вопрос: Верховный получил из Парижа обзор общей обстановки на всех фронтах к весне сего года. Этот документ составлен генералами Головиным и Щербачевым.

— Щербачевым, Щербачевым,— задумался Ханжин.— Уж не командующий ли румынским фронтом в германскую?

— Не могу знать. Сейчас он главный представитель всех наших армий перед союзниками.

— Так точно, командующий румынским фронтом в прошлом,— подал голос Безбородько.

Нарышкин неприязненно глянул в его сторону.

— Ну, интересно, что они там накропали в парижских салонах?

— По мнению Верховного,— строго ответил Нарышкин,— обзор составлен с большим пониманием. Вот его резолюция: «Сов. секретно. Направить для ознакомления генералам Гайде и Ханжину».

— Гайда на первом месте у Верховного, значит? — иронически прокомментировал резолюцию Ханжин.— Ничего, пускай хоть на бумаге будет первым, хе-хе-хе!

— Разрешите зачитать основные положения?

— Да уж читайте, коли привезли.

Нарышкин откашлялся, поискал глазами строку:

— «Окончательно установлено, что мы предоставлены своим силам, союзники помогут только снабжением. Здесь должны быть приняты все меры, чтобы облегчить выполнение задачи Сибирской армией по освобождению Поволжья и дальнейшему продвижению на город Москву. Генерал Деникин сейчас потерял значение силы, способной перейти в наступление на город Москву, он борется с обнаженными флангами на юге Донецкой области. Одесса и Крым потеряны. Юг и середина Дона продол-

жают оставаться надежными, но силы и средства заметно истощаются, численно едва ли превосходя шестьдесят тысяч человек. Поэтому максимальная его ближайшая активность — восстановить разрушенный казачий фронт и связаться в Поволжье с левым флангом Сибирской армии».

— А я думал, у Деникина дела лучше,— злорадно прервал его Ханжин.— Шестьдесят тысяч для Южного фронта — это слишком мало, это пшик, когда у большевиков там чуть ли не двести тысяч!

Генералы с понимающей улыбкой переглянулись: колчаковцы весьма не любили своих южных соперников в борьбе за власть.

— Так. Дальше. «На Белом море группа генерала Миллера имеет всего десять тысяч человек, он рассчитывает к первому июля 1919 года еще на пятнадцать тысяч человек. Не хватает офицеров, и нужна поддержка в виде свежих союзнических войск, ибо нынешние устали и постепенно разлагаются. Группа генерала Миллера также может сыграть лишь вспомогательную роль, связываясь с северным крылом Сибирской армии при наступлении его вдоль северной железной дороги, подготавливая выход к Северному морю». Смею заметить, что Верховный главнокомандующий собственноручно подчеркнул в документе фразы о разложении союзнических войск и о том, что группа Миллера может играть лишь подсобную роль, быть на подхвате, как бы сказать.

— Ага! Собственноручно? Чудненько! А ведь Гревс и Нокс уши ему прожужжали, небось, что именно в Северной группе — вся сила? Смотри-ка, и в Париже, значит, видно правду-матушку!

— «Принимая во внимание, что, таким образом, вся тяжесть военной работы ляжет на Сибирскую армию, что временная пассивность Южной и Северной групп позволит большевикам обратить большинство своих сил против Сибирской армии, настоятельно необходимо образовать новый фронт, который в лучшем случае своим ударом оказал бы существенную помощь, а в худшем — оттянул бы силы от Сибирской армии. Таким фронтом должен стать финляндско-эстляндский фронт с задачей овладения Петроградом. На этом фронте у генерала Юденича пока своих пять тысяч человек и в Эстляндии две тысячи офицеров, а в Финляндии формирование тормо-

зится затруднениями политического и материального порядка».

— А скажите-ка, полковник, почему в документе не упоминается десятитысячная армия барона Штейнингера в тылу — в желудке, в печени, в костях у большевиков? Может быть, эта опухоль рассосалась? А может быть, ее, батенька, и не было? — Ханжин уставился на Безбородько, который был обласкан Верховным, как он помнил, в том числе и за сообщение об активной организации барона Штейнингера.

Безбородько встал («Ах ты, старый боров! Что надумал!») и почтительно доложил:

— Я полагаю, ваше превосходительство, что об этой боевой организации здесь не говорится ни слова прежде всего, чтобы, упаси боже, это не стало достоянием красных — каналов утечки много. Но, кроме того, чтобы не стало известно и союзникам, а через них вновь созданным правительствам Финляндии, Эстонии и Латвии. Эти карликовые государства требуют очень дорогую плату за оказание помощи генералу Юденичу и вообще держат себя надменно: они потребовали от нашего Верховного гарантий их полной политической независимости и территориального отделения от России.— Безбородько спокойно сел.

— Значит, не рассосалась организация... Ну, что ж, добро, добро. Да, господа, интересный документик, справедливый, а? — Ханжин встал, зашагал.— Любопытный документик, очень любопытный. Что я мог бы сказать? Первое: главное место в нем отводится нашей, Сибирской армии. Молодцы парижские кавалеры, далеко видят! Второе: точно, канальи, видят! Так и пишут, что наша армия пойдет на Москву через Поволжье, а не через Север. Через Поволжье! Правильно! Третье: хвастовство прет из документика, хвастовство,— мы-де объединяем вас всех. А кой черт объединяют, если не могут активизировать Миллера и Деникина, а делают ставку на Юденича? А? А так ничего, приятный документик. Что скажете, генерал?

Нарышкин поморгал свиными глазками, такового вопроса он не ждал. Хотел поразить Ханжина парижским обзором, но анализировать стратегическое положение? Он длинно закашлялся и солидно сообщил:

— Полностью присоединяюсь к замечаниям вашего превосходительства.

— А вы, полковник? — Была у генерала Ханжина милая привычка: вести бои и стычки, хотя бы и психологические, везде и всюду, чтобы совать при любом случае ближних своих мордой в грязь, чтобы чувствовали они свою перед ним слабость.

— Я также присоединяюсь к замечаниям вашего превосходительства и должен сказать, что вы очень глубоко провели свой анализ,— почтительнейше сказал Безбородько. Ханжин с усмешкой глянул на него: съел, мол? Но Безбородько все так же вежливо продолжил: — Однако я хотел бы сделать несколько небольших дополнений.

Ханжин посмотрел на него настороженно, Нарышкин недовольно засопел.

— Мне кажется, из обзора становится окончательно ясным, что союзники все меньше будут участвовать в борьбе с большевиками посредством собственных экспедиционных сил. Следовательно, разговоры Гревса и Нокса о победоносном наступлении англо-американских сил следует расценить как блеф, не более того.

Ханжин не любил проигрывать даже психологические поединки. И, уж поскольку Безбородько начал говорить впрямь дельно, он оживленно, с хитрецой глянул на Нарышкина: выкусил, дескать? У Ханжина полковники стóят больше, чем в иных местах генерал-квартирмейстеры...

— Думается мне, что авторы прекрасно понимают малые шансы на успех генерала Юденича, даже с учетом организации барона Штейнингера. Кстати, ваше превосходительство, я лично знаком с бароном и его организацией и не очень верю в нее: громоздка-с. Колеблется все время на лезвии ножа. Авторы обзора, однако, верно понимают, что большевики никогда не согласятся отдать Петроград — сердце красной революции, как они его называют, а потому пойдут на крайние меры, вплоть до снятия дивизий, противостоящих нам. Это была бы действительно великолепная помощь посредством стратегического взаимодействия. Я не утомил ваше превосходительство?

— Мое превосходительство с удовольствием слушает вас, полковник, — живо откликнулся Ханжин.— А как превосходительству нашего гостя? — Он с нескрываемым наслаждением выслушал какое-то невнятное междометие разозленного Нарышкина.

— Большим недостатком документа мне кажется отсутствие в нем четко разработанной по времени и очередности стратегической увязки взаимодействия фронтов. Все говорится лишь в общем. Так вот и получается, что наша армия — ваша армия, ваше превосходительство,— вынуждена идти, не ощущая особой помощи других фронтов, идти тем не менее победоносно и неудержимо.

«Ага, голубчик, льстить изволите,— подумал Ханжин.— Ну что ж, знаешь свое место у ноги, знаешь, не зарываешься».

— А что, полковник,— с удовлетворением сказал он,— вам бы в штаб ко мне перейти, а? Бросайте свою контрразведку, хе-хе-хе...

Нарышкин зябко передернул плечами: оказывается, этот щеголь-брюнет с черными кругами под глазами к тому ж еще и контрразведчик... И он, непроизвольно состроив искательную мину, ласково глянул на полковника,— перед людьми этой профессии он испытывал бессознательный ужас.

— А теперь, господин генерал-квартирмейстер, есть и у меня для вас кое-какие новости.— Ханжин с шиком вынул из стола телеграфный текст: так карточный игрок с торжеством выкладывает прибереженного к концу игры козырного туза.— Читайте вслух срочное сообщение от генерала Войцеховского.

Нарышкин прочел:

— «На участке фронта вверенного мне корпуса перешел к нам командир семьдесят четвертой бригады двадцать пятой дивизии красных генерал Авилов...»

— Авилов? — воскликнул Безбородько.

— А вы и его знаете? — глянул на него Ханжин.

— Да, ваше превосходительство. Но он должен был дождаться назначения его на должность командарма Четвертой. Если он бежал, значит, опасался разоблачения и провала. Плохо!

— Подождите, полковник! Прошу вас, ваше превосходительство, читайте дальше.

— «Последний захватил с собою сов. секретные приказы командующего Южной группой красных Фрунзе за номерами ноль двадцать один и ноль двадцать два о назначенном переходе в наступление на первое мая созданной красными ударной группы войск силами около двух с половиной дивизий из района Бузулука в разрыв

между моим и шестым копусом. Прошу принятия срочных контрмероприятий и закрытия существующего разрыва между нашими корпусами. Жду соответствующих новой обстановке приказов корпусу и в отношении генерала Авилова. Генерал Войцеховский».

— А вот, ваше превосходительство, мой приказ командирам третьего и шестого корпусов. Надеюсь, вы уведомите об этом его высокопревосходительство Верховного главнокомандующего,— сказал Ханжин и вручил Нарышкину документ.

«Немедленно обеспечить выход 11-й дивизии на рубеж реки Боровка не позже вечера 27 апреля. Срочно занять по реке оборону, выдвинув в сторону Бузулука сильные разведгруппы. Появление противника, его силы и группировку немедленно доносить. Командиру 6-го корпуса немедленно выдвинуть из своего резерва Ижевскую бригаду, уступом за 11-й дивизией. Командиру Ижевской бригады объявить личному составу, что это выдвижение является последним, после чего бригада будет сменена и направлена на отдых в район Ижевского завода. Генералу Войцеховскому: перешедшего к нам от красных генерала Авилова обеспечить всем необходимым и направить в Уфу через Бирск пароходом для личного доклада мне и последующего назначения».

— Непременно уведомлю его высокопревосходительство обо всем, что узнал у вашего превосходительства.

— Очень приятно и полезно было провести с вами время.— Ханжин встал.— Надеюсь увидеть ваше превосходительство сегодня вечером у меня на балу.

Нарышкин с приятной улыбкой пожал руку ему, затем почтительно склонившему голову Безбородько и удалился.

— Видали? — кивнул в его сторону Ханжин.— Ведь дуб дубом! Ни словечка, ничего своего не мог сказать по поводу обзора. А ведь генерал! Да какой он генерал, срочно произведен год назад! Так же, как и Лебедев. А ведь тот — начальник штаба, военный министр! И таких у нас — большинство. Сколько, вы думаете, под Верховным у нас офицеров и генералов?

— Тысяч двадцать.

— Семнадцать тысяч! А сколько из них производства до пятнадцатого года? Не знаете? Скажу: всего одна тысяча. Вот и воюй с таким составом.

— Но, ваше превосходительство,— осторожно возразил Безбородько,— все же мы воюем не против кадровой армии, скажем германской, а против большевистского отребья. У них-то даже на армиях сидят иной раз унтера!

— Да, полковник, это так. Но вот вопрос: а кто такой, например, Фрунзе? Четыре армии ему дали, а ведь три месяца назад командовал одной. Я что-то не припомню генерала с такой фамилией. Тоже, скажете, из унтеров?

— Нет, ваше превосходительство, он из большевиков-агитаторов. Сиживал в тюрьмах и на каторге. Студент-недоучка Политехнического института. Военного образования не имеет. Ставленник и убежденный сторонник Ленина.

— Вот как? Спасибо за сообщение. Вы просто незаменимый человек, Василий Петрович. Однако будь он тысячу раз волевой и умный, но если ни военного образования, ни военного опыта у него нет, мы его поймаем,— просчеты будут неизбежны. Правда, сидит у него старая лиса генерал Новицкий — этого я хорошо знаю. Но ничего, перехитрим и лису! Их карты раскрыты.

Прошу вас не забыть о сегодняшнем бале. Кстати говоря, я очень доволен работой вашей племянницы. Сегодня у нее дела тоже будет достаточно. Нежно приветствую ее. А вы заметили, хе-хе-хе, что мой Игорек от нее того-с, совсем с ума сошел?.. Хе-хе-хе, мой племянник — ваша племянница, молодо-зелено, честным пирком да за свадебку, хе-хе-хе... Да, чтобы не забыть: на днях сюда прибудет личный посол самого президента Вильсона, некто Гаррис. Хорошо бы узнать загодя, о чем он сторговался с Верховным. Ясно, что сладкий кусок им обещан, но вот что мы за это получим, и в частности — Западная армия, а?..

С любопытством глядела Наташа на блестящий, необыкновенный бал. Она лишь читала, что такие бывают. Но зрелище это впечатляло не только ее: подобного бала в Уфе не было уже много лет, разве что в 1913 году в честь трехсотлетия дома Романовых собиралось столь высокое общество, да и тогда не было на балу английских, американских, французских военных советников.

На хорах двусветного зала гремел военный оркестр; внизу прогуливались генералы и офицеры штаба Западной армии со своими разодетыми женами и дочерьми или с фронтовыми спутницами, празднично шествовали уфимские тузы и чиновники под руку с оживленными, взволнованными женами. Вдоль стен и за колоннами расположились пожилые матроны со своими молоденькими, трепещущими от волнения дочерьми. Их было много, очень много в затянувшиеся военные годы — девушек без женихов.

Блеск люстр, зеркал, бриллиантов, колье, ожерелий, диадем, золотых погон, женских плеч, серебряного шитья, бесконечное множество незнакомых лиц, ровное жужжание сотен голосов, гром оркестра. У Наташи даже слегка закружилась голова, она оперлась на руку Безбородько.

Оркестр заиграл вальс «На сопках Маньчжурии». В центре зала закружились первые пары, раздалось мерное тоненькое позвякивание шпор, замелькали лайковые по локоть перчатки, ритмично зашевелилась вся людская масса.

«Ах молодец, ах старая каналья! — подумал Безбородько о Ханжине.— Пускай-ка иностранные советники почувствуют, как хороши дела у Западной армии. Такой бал убеждает лучше любых реляций».

— Господин полковник, разрешите пригласить на тур вальса мадмуазель подпоручика? — около Наташи вырос сияющий от радости Игорь, племянник и адъютант Ханжина.

Полными восхищения глазами смотрел он на статную, румяную блондинку, чью красоту лишь подчеркивали изящный китель, синенькая юбка и блестящие шевровые сапожки.

Наташа вопросительно посмотрела на Безбородько. «Дядя» с улыбкой кивнул ей, и она с нескрываемым удовольствием, прикрыв глаза и откинув назад голову, отдалась вальсу.

Не один Безбородько следил за ними: уж очень хороша была эта юная пара. Стройная, синеглазая, какая-то удивительно светлая и чистая девушка и ее высокий, ловкий, опьяненный восторгом кавалер привлекали всеобщее внимание: на них, замирая от восторга, будто воочию увидев свою заветную мечту, смотрели из-за колонн молоденькие девушки; крякнув, замирали

на полуслове старые пропитые штабс-капитаны; с недоброй завистью как бы невзначай взглядывали молодящиеся дамы.

«Ах, Игорек, Игорек! — У Безбородько сузились глаза.— Не нашли бы тебя как-нибудь утром мертвеньким где-нибудь на дальнем пустыре. Да, дядюшка взъярится, как медведь на рогатине, ты у него вместо сына. Ну, а мы — облавочку, и еще одну. Глядь, он нам войск подбросит, и мы ревком тогда с корнем и повыведем. Вот так: честным пирком...» — И он ласково помахал проплывающей мимо раскрасневшейся от танца паре.

На середину зала вышел в мундире, белых перчатках и при всех орденах пожилой полковник — распорядитель бала.

— Гранд тур! — скомандовал он.

Все танцующие пары прекратили вальсировать и взялись за руки, образовав общий круг.

— А... друат! — И все в такт вальсу двинулись направо.

— А... гош! — раздалась самозабвенная команда, и все повернулись налево.

— Ле дам, о мильё! (Дамы, в середину!) Же ву при, медам, а гош! Мосьё, а друат! — И женский круг начинал движение влево, мужской — вправо.

— Корбэй! (Корзинка!) — И по этому сигналу дирижера танцев мужчины вплотную охватили женский круг, подняли сомкнутые руки и перекинули их перед дамами, образовав переплетенный круг.

— А друат! А... гош! — звучали веселые приказания.— Мосьё, ангаже во дам: вальс женераль! — И кавалеры бросились к своим дамам и вновь закружились в вальсе. Оркестр ускорил темп, все труднее было Безбородько уследить за Наташей.

«Мертвенький Игорек, конечно, хорошо, но, пожалуй, уже следует закрепить дело и с другой стороны. Хватит тянуть да оттягивать! Сегодня же должна состояться решительная атака. Сколько можно оставаться безответной к моей ласке и заботе?»

Он вдруг с чудовищной реальностью представил себе Игоря, страстно целующего Наташу, и ее — безвольно отдающую молодому красавцу лицо, губы, шею, и, разъяряясь все больше и больше, с трудом нашел силу, чтобы благосклонно кивнуть Игорю, доставившему Наташу

назад. Юноша увидел его неестественно дикий, впрочем, ставший сразу же приветливым, взгляд, смешался и раскланялся, а Безбородько привлек девушку к себе, приобняв за плечи, и шепнул:

— Повеселилась? Ну, я рад. А теперь пора и за работу, милая. Вот в том углу выпивают наши иностранные друзья, видишь?..

Добрый дядя вполне может допустить на людях фамильярность по отношению к молоденькой племяннице. Наташа внутренне сжалась, готовая к немедленному отпору, но сдержала себя и даже сделала веселый книксен. Уловив мимолетно сверкнувшую и тотчас же исчезнувшую молнию в ее глазах, Безбородько вполне оценил поведение Наташи. «Ох сильна, ох сильна! — подумал он, глядя ей вслед.— Ведь я под каблуком у нее буду, пожалуй. Эх, поскорей бы мне под этот каблук! Да, чудеса с тобой, Василий, происходят, форменные чудеса... Ну что ж, значит, судьба!»

Домой они вернулись после трех часов ночи. Стол был предусмотрительно накрыт заботливой хозяйкой. Переодевшись в халат, Наташа вышла в столовую, потому что Безбородько попросил ознакомить ее с записями, сделанными на балу: в десять утра он должен информировать о них Ханжина.

— Наташенька, тебе какого чаю?

— Не очень крепкого.

Он налил чаю ей, налил себе, пододвинул поближе к ней вазочки с пастилой и печеньем и взялся за карандаш: «Итак?»

Наташа вынула свой крошечный блокнотик и принялась расшифровывать запись:

— Значит, я записала стенограмму сразу после их разговора, по свежим следам.

Говорит Гревс: «Я имею сведения, что эта французская собака Жанен заметно укрепляет положение Деникина».

Говорит Нокс: «А между тем южные концессии не помешали бы и нам, а?» (Оба смеются.).

Снова Нокс: «Очень важно убедить Верховного, что резервный корпус Каппеля должен быть отправлен на север».

Гревс: «Я видел здесь толстую свинью Нарышкина, посланника адмирала. Надо бы внушить ему эту мысль».

Нокс: «Согласен. Например, так: «У Ханжина дела идут настолько блестяще, что он задает балы...» Как вы думаете, сколько может стоить Нарышкин?»

Гревс: «Бутылку хорошего коньяку! (Оба смеются). Кстати говоря, генерал, я имею к вам претензию: вы косвенно помогаете Ханжину!»

Нокс: «Каким же образом?»

Гревс: «У меня есть сведения, что очень сильный агент вашей Интеллидженс сервис подрывает силы красных как раз на путях армии Ханжина».

Нокс: «Но, генерал, это просто значит, что наша разведка, которая согласно договоренности работает на юге, действует эффективнее, чем ваша, которая курирует северный участок. Я думаю, что в борьбе против красных все средства хороши».

Гревс: «Да, конечно, но досадно, что эти средства не планируются более целесообразно. Об этом следует доложить наверх».

Нокс: «Не возражаю. Смотрите, вот идет краса и гордость йоркширского свиноводства генерал Нарышкин. Значит, одна бутылка, не больше?»

Гревс: «Можно и две».

Нокс: «Его брюхо разорит нас» (Оба смеются).

— На этом, Василий Петрович, запись моя кончается, потому что они ушли в кабинет.

— Наташенька! Золото бесценное! Да ты понимаешь, как важно нам знать всю подноготную наших союзничков! Как важно знать их противоречия! Смотри-ка, Гревсу даже Уильямс не по нутру, потому что он работает не на севере, а на юге, то есть с нами.

— Уильямс? Не знаю...

— Не знаешь? Да это тот человек с письмом от твоего отца, благодаря которому я впервые увидел тебя. Помнишь, в Петрограде?

— Еще бы не помнить,— вздохнула Наташа. («Это был последний день, когда я видела Гришу».)

— Может, будет так, даже наверняка будет: друзья-толстосумы захотят закупить тебя,— задумчиво произнес Безбородько.

— Меня!— Наташа звонко рассмеялась.— Феерия!

— Ты зря смеешься, девочка,— задумчиво ответил Безбородько.— Почему бы не подумать о будущем... Каждый должен думать о своем будущем... Впрочем, относительно заморских тузов мы еще решим. Я тебе

скажу, когда можно будет открыться... Да, Уильямс... Сколько случайностей в мире. А наша с тобой встреча? Если б ты знала, какую нечеловечески трудную жизнь приходилось мне вести и как ужасна она теперь. И вдруг надо мной засветилось солнце. Ты, ты — мое солнце! Твои лучи развеют мрак моей жизни, благодаря тебе я выплыву из темноты к свету!— Он схватил ее руку и принялся целовать.— Наташа! Наташа! Пожалей меня! Пожалей!— исступленно молил он.

— А как пожалеть?— медленно и недобро спросила она.— И за что пожалеть?

— Не отвергай меня! Скажи мне «да», скажи, что я могу хоть надеяться. Да? Да?— Он жадно и искательно заглядывал снизу в ее глаза, стоя на коленях.

И вдруг его торопливые вопросы как-то неожиданно и странно зазвучали в ее сознании одновременно с другими голосами: дико кричали раненые, которых выбрасывали из окон, и, покрывая все, голос Александра Ивановича с силой произнес: «Нам это очень важно. Верим тебе...» «Что же делать? Он противен, он ненавистен мне, убийца, но мне надо работать у них в штабе. Одна у меня жизнь, но она одна, а помочь я могу тысячам. Где мне сил взять, как душу укрепить? Гришенька, Гриша, помоги... Я вижу тебя, как сейчас: ты вышел на сцену Мариинки, чтобы пойти на фронт. Я тоже на фронте, я с тобою против этих злобных нелюдей. Но что мне делать сейчас?»

— Да? Наташенька, да?!

Она резко встала:

— Вы ведете себя неблагородно, Василий Петрович! Я согласилась войти в этот дом потому, что вы обещали избавить меня от своих притязаний. Извольте же держать слово офицера!— Наташа решительно обогнула стол, налила холодной чайной заварки и сунула стакан в руку Безбородько.

— Выпейте! У вас истерика.— Брезгливо оглядев его, она вышла.

Ошеломленно глядя на дверь, Безбородько со всей отчетливостью понял, что счастьем счел бы ласковый или хотя бы добрый взгляд этой женщины, облившей его сейчас нескрываемым презрением, понял, что своей жизни без нее представить уже не может. Понял и, страшными словами выругавшись, грохнул изо всех сил стакан об пол.

26—28 апреля 1919 года.
РАЙОН РЕКИ БОРОВКИ

— Товарищи! Идем воевать на Колчака. Много мы с вами всякой сволочи набили, казачье били в Уральских степях, нам к победам не привыкать. Не уйдет от нас и адмирал Колчак. Правильно я говорю?— Чапаев весело подмигнул бойцам, окружавшим тачанку, на которой он стоял.

— Прррравильно! Урра!— Красноармейцы бригады Кутякова, собравшиеся на митинг, дали волю радостным и свирепым глоткам:— Чапаю ура!

Чапаев выждал немного и поднял руку:

— Я, конечно, не генерал. Это генералы сидят в штабах за сто верст, по картам смотрят да приказы дают: взять такое-то село, такую сопку, а ее, может, давно уже и нету,— срыли. А я иначе, я с вами завсегда впереди. Где какая заваруха, там и я. Правду говорю?

— Точно! Правильно! Как есть правда!..

— Оглянитесь вокруг себя, дорогие товарищи! Посмотрите, сколько среди вас здесь находится орлов-героев. Вон стоит командир эскадрона Михаил Зеньков. Любо-дорого посмотреть на него: и сам выглядит справно, и бойцы у него на подбор молодцы-красавцы. Вон они: Захаров, Бурцев, Прохоров, Пертушев, Андриянов — всем нам указ и пример!

...Не знали тогда бойцы и командиры Четвертой армии таких наград, как ордена или медали, и всенародная похвала любимого, легендарного начдива воспринималась как высшая награда, которая поднимала на новые подвиги тех, кто был отмечен, и заряжала новой энергией всех, кто ее слышал!..

— А взять Тимофея Губарькова, вот человек! И поет — заслушаешься! Соловей, одно слово — соловей, и ведь разведчик боевой! Тимка, Ивантеевку помнишь?

— Как не помнить, Василий Иванович!

— То-то и оно! Не всякий сумеет ночью броневик гранатой подбить и экипаж в три человека в плен взять, а Губарьков сумел! А вон там Гулин со своими красными орлятами с самого Питера расположился. Прямо скажу: молодец! Сумел на днях в тылу у белых с разведчиками из Разинского полка и со своими орлятами захватить офи-

цера связи с наисекретным приказом, но только, чур! Я вам об этом не говорил, вы не слыхали...

Одобрительный смех кругами разошелся по площади. Чапаев, улыбаясь, расправил усы.

— А комбриг ваш любимый Иван Кутяков? (Кутяков, каменно посуровев, заправил морщины гимнастерки вдоль ремня за спину.) Герой! В Октябре семнадцатого с полковой делегацией в Питер ездил к самому товарищу Ленину и самолично с ним познакомился. Вот среди нас какие люди есть! Пулям не кланяется, от белых не бегает, а смыслит получше иных генералов. Сидели мы с ним сейчас, смекали-мозговали, как бы белых побольше набить да в плен забрать, а вас да себя сохранить. Верно мы мозговали, а?..

— Верно! Верно! Ура!— И едва кончил Чапаев, как сейчас гармонист растянул мехи, рванул «Камаринского». И началось общее веселье, а Чапаев первым прошел вприсядку по кругу и незаметно с Фурмановым вышел из него. Прошли к штабу, вскочили на коней и — айда. Кутяков — за ними: провожал начдива с комиссаром несколько верст к 74-й и 75-й бригадам, переданным на время в распоряжение Пятой армии.

27 апреля к вечеру в 73-й бригаде Кутякова все были готовы к бою. Разведка донесла: дивизия белых вытянулась в редкую линию развернутых полков — слабая попытка прикрыть обнаруженную красными брешь между корпусами.

Темные тучи, низко нависая над землей, скрыли луну и звезды. Сильный ветер и торопливо срывающийся по временам дождь тоже мешали дозорным противника расслышать приближение конницы, которую вел Суров — человек волевой и дерзкий, давний сподвижник Чапаева.

Гулин, известный мастер злых и лихих фланговых атак, получил от Сурова задание ворваться со своим усиленным взводом в село Иртек и поднять там панику среди батальона белых. Командование уже успело оценить по заслугам боевые качества разведчиков. Все это был спокойный и веселый народ, легко выносивший холод, весеннюю грязь, промозглую сырость, недоедание, суточные переходы. Командира своего они понимали с полуслова и в схватках отличались молниеносной быстротой и взаимовыручкой.

Гулин хорошо понимал свою задачу и разъяснил бойцам, что 73-я бригада ударит по дивизии белых с фрон-

та: пехота по центру и флангам и одновременно конница под командой Кутякова охватит белых с левого фланга, а 25-й кавдивизион под командой Сурова — с правого.

Перейдя вброд холодную Боровку, Гулин и Еремеич растворились в темноте — поползли к дозорным у моста. Через несколько минут взвод услыхал излюбленное Гулиным заячье гуканье и быстро переправился по мосту на тот берег. Гулин и Еремеич вскочили на коней и повели бойцов прочь с дороги, обходя занятое противником село с севера. Расположились на задах села. Гулин послал вперед двух бойцов — снять пост в боковом переулке. Нервы у всех напряжены: вот-вот раздадутся три сигнальных выстрела и пойдет ратная работа!

— Гриша!— шепотом позвал Володя.— Значит, давим страх, а?

Хотел было Григорий ответить ему назидательно, как привык отвечать младшему в таких случаях, но молнией мелькнула мысль: а ведь это Володька, а не он, студент, мыслитель, аналитик, раскусил Хорькова, и не ему бы заноситься, даже в мелочах! Он коротко ответил:

— Давим! Как муху.— И тут же забыл о своих мыслях: сейчас бой. Он любил такие минуты: сердце бьется часто, по спине пробегает легкая дрожь. И сейчас начнется дело: рубить наверняка, стрелять наверняка,— душа горит, голова ледяная, все видит, все соображает. Товарищи уже узнали его злость в бою — расчетливую, «ученую» и азартную, с ним любили ходить в парный дозор или на другое задание.

— Лучше, как первач...— попытался ответить Фролов.

Григорий глянул: ишь, храбрится под бывалого, значит, все будет в норме.

— Как ворвемся, от меня не отставай! Помни гранаты,— строго приказал он другу и проверил, как закреплены они у него на поясе.

Выстрелы!

— Шашки к бою!— завопил Гулин и резко толкнул коня вперед.

Как вихрь понеслись конники к центру села, побросав гранаты в окна штабной избы, беспощадно рубя солдат, выбегающих из изб.

Контрудар Фрунзе начался!..

У церкви разделились на три группы, чтобы прочесать село во всех направлениях, и помчались в разные концы, швыряя гранаты, стреляя навскидку, доставая ошалевшего врага шашкой.

Группу Далматова обстреляли из пулемета. Злой короткий язычок огня глянул прямо ему в глаза, смерть скользнула рядом.

— Спешиться! Лошадей за сарай! Володя, за мной!— И он пополз вдоль плетня к дому, из которого длинными очередями яростно бил пулемет. А ведь здесь с минуты на минуту должны пойти эскадроны Сурова! Изогнувшись, Григорий мгновенно метнул в окно одну за другой две лимонки и тотчас упал, тесно приникнув к влажной земле. Они, оглушая гулким звоном уши, взорвались почти одновременно. Григорий вскочил и выстрелил сквозь дым в убегающего солдата, тот упал.

— За мной!— И бойцы, попрыгав через плетень, ворвались в дом.

У пулемета лежало двое убитых офицеров.

— Обыскать дом!

В кладовой нашли попа с матушкой, скрюченных, дрожащих.

— Оружие есть?!

— Н-н-нет!.. Только у солдат в сарае, там и кони...

— Володя, продолжай обыск! Федя и другие, за мной!

Григорий с наганом распахнул дверь сарая:

— Руки вверх! Выходи по одному! Живо!

С сена скатились два распоясанных солдата, с готовностью подняли руки, вышли.

— Эй, кто там уползает? А ну выходи, стрелять буду!

Раздался истошный вопль. Федя бросился наверх и за толстую ногу выволок визжащую растрепанную молодку.

Григорий озадачен: таких ситуаций еще не бывало. На улице топот, по раскатистому голосу слышно — Гулин.

Григорий бросился к нему:

— Товарищ командир, отсюда по нам стрелял станковый пулемет. Мы его подавили. Убито два офицера. Захватили живыми двух солдат да вот еще мамзель, с которой они развлекались... Трех коней.

— Ага! Так: пулемет и ленты давай ко мне на седло, лошадей бери с собой, пленных запри, бабе — пинка под зад! За мной!

И лихие всадники умчались на край села, где началась усиленная стрельба. Группа Еремеича, спешившись, вела залповый огонь по атакующей пехоте белых. Вот где пригодится пулемет! Гулин ногой выбил доску в сарае, установил «максим» и начал строчить, не жалея лент. Белые залегли. Далматов взобрался на крышу и устроился поудобней для снайперской стрельбы. Унтер-офицер! Солдат!.. Еще солдат... Белые стали отползать. Вдруг с крыши он увидел позади белых лавину конницы. Впереди, хищно пригнувшись к шее коня, с шашкой в руках скакал Суров.

— Товарищ командир! Наши!

Гулин живо взобрался к нему на крышу. Редкая картина боя во всей широте открылась им: охватывая полукругом белую пехоту, неслись конники 25-го кавдивизиона, сверкая шашками. Началась рубка. В окружении ординарцев вырвался Суров и помчался к селу.

— Взвод! За мной!— И разведчики понеслись ему наперерез.

— Товарищ Суров,— доложил Гулин,— с вверенным мне усиленным взводом ворвался в село, учинил панику и выбил до батальона пехоты в поле. Десятка три человек уничтожили, двух офицеров за пулеметом, захватили пять пленных. Контратаку отбили, потерь нет.

— Молодцы!— Железной рукой Суров сдержал приплясывающего коня.— Я увидал их контратаку да и повернул к вам. Объявляю взводу и тебе лично благодарность! Оружие собрать и пленных тоже, все сдать в штаб бригады.— Суров достал из полевой сумки блокнот, написал несколько строк и, вырвав страничку, отдал ее Гулину.— Отошли записку Кутякову, и пусть с его ответом меня разыщут. Толковых ребят пошли. Ну, прощевайте, недосуг!— Он рванул повод и помчался дальше.

В эти же часы Иван Кутяков — бесстрашный двадцатидвухлетний комбриг — со своим кавдивизионом сеял в тылу белых на левом фланге смерть и панику. Он уже захватил батарею, лично зарубив двух офицеров, уже остановил богатейший дивизионный обоз, груженный обувью и шинелями, но, не задерживаясь, оставив десяток кавалеристов для охраны добычи, устремился в село Дураковка, где стоял штаб дивизии белых. Кавдивизион ворвался в село с выстрелами, взрывами гранат, криками, неистовыми воплями. В поднявшейся панике никто не думал о сопротивлении. Командир дивизии гене-

рал Ванюков, в одном белье, но с винтовкой, вскочил в дежурную таратайку, сзади в нее тяжелой кошкой неожиданно впрыгнул дивизионный поп. Он удержался воистину чудом, и кони, обезумев, понеслись, унося хозяев от смерти.

— Где они?— закричал Кутяков.— А!— И он помчался за ними бешеным наметом... Дерзость, талант и непреклонная воля подняли его, недавнего мальчишку, над тысячами бывалых людей. Они вознесли Кутякова почти до сказочной высоты. Чапаев знал, что в случае его, Чапаева, смерти умный и ревнивый к славе Кутяков возьмет дивизию в крепкие руки. Но эта же безумная, заносчивая отвага не раз приводила Ивана Кутякова на грань гибели. Вот он уже почти достал побелевшего от ужаса генерала, но поп, оскалившись, схватил со дна повозки винтовку и, почти не целясь, выстрелил назад. Пуля угодила коню в лоб, и он с разбегу рухнул. Едва-едва успел Кутяков вывернуться из-под него. Поп торжествующе закричал, таратайка остановилась, и поп с руки чуть не в упор открыл огонь по хромающему преследователю. Кутяков метнулся на землю и начал палить в попа из нагана. Неизвестно, чем кончилась бы эта дуэль,— бригада в самый сложный момент могла бы остаться без своего горячего командира. Но генерал, сидевший на вожжах, увидал, как из села вылетели на конях ординарцы Кутякова, гикнул, поп от толчка повалился на сиденье, и таратайка вновь понеслась вперед. Только ее и видели... Кутяков возвращался назад, хромая, мрачный, как грозовая туча,— он ругал себя на чем свет стоит за глупую опрометчивость...

— Товарищ комбриг! К вам нарочные от Сурова,— молодцевато вытянувшись, обратился к нему комэск Зеньков.

— Кто такие?— протянул руку за донесением Кутяков.— А, помню, молокососы с самого Питера. Что там?— он прочел записку, ругнулся.— Передайте Сурову, что его конница здесь мне самому нужна. Ясно? Кругом марш!.. Стой! Как там у него дела?.. Так... Так... Так...— Он хмуро поначалу слушал четкий ответ Далматова, но лицо у него постепенно разгладилось, и он уже с некоторым интересом поглядел на Григория и Володю.— Значит, ничего, воюете, подходяще, красные орлята? Сурову объясните, что в тыл к белым пойдет кавбригада Каширы-

на из Туркестанской армии. А кавдивизион Сурова должен мне правый фланг прикрывать, что бы там ни было. Дороже станет, если мы зарвемся, а белые нас с фланга атакуют. Так ему и передайте. Что у тебя, Михаил Андреевич?..— обратился он к Зенькову.

В полдень 28 апреля Фрунзе получил сообщение, что 11-я дивизия белых разгромлена ударной группой Кутякова, что ее остатки спешно отходят, что захвачены богатые трофеи, несколько сот пленных, много оружия. Несколько позже пришло известие о серьезном поражении 7-й дивизии белых, которой нанесли удар 74-я и 75-я бригады дивизии Чапаева и 26-я дивизия Пятой армии.

Почти одновременно с Фрунзе читал депеши и Ханжин. Генерал Ванюков сообщал телеграфом: «...потери полков граничат с полным уничтожением. В полках осталось по 250—300 человек. Имеют место массовые сдачи в плен. Большевики, создав значительное превосходство в силах, ввели в дело совершенно свежие дивизии. Необходимы срочные пополнения и выдвижение наших резервов, иначе остановить красных не представляется возможным...»

В тот же день юго-восточнее, на реке Деме, малая ударная группа Гая нанесла поражение 12-й дивизии белых и сковала тем самым возможность ответного маневра. В тот же день кавбригада Каширина, войдя в прорыв правее 25-й чапаевской дивизии, вышла в тыл белых, сея неимоверную панику среди войск противника.

И в этот же день пришла убийственная новость: командующего Восточным фронтом С. Каменева, который начал оказывать активную поддержку контрудару Фрунзе, по приказу Троцкого сняли «для отдыха и лечения». Вместо него с севера приехал бывший генерал Самойло, незнакомый ни с обстановкой на этом фронте, ни с командармами, ни с войсками.

И вечером того же дня в Москве (но об этом Фрунзе узнал много недель спустя) на совместном заседании Политбюро и Оргбюро ЦК Троцкий решительно и безоговорочно поставил вопрос о снятии Фрунзе. Ответом ему было сообщение о блестящем начале контрудара, который, как предреввоенсовета отлично знал, должен был начаться четырьмя днями позже...

29 апреля 1919 года.
УФА

Без пяти семь вечера из кабинета Ханжина вышли, негромко переговариваясь, генералы и офицеры штаба Западной армии. Развалившись в креслах приемной, иностранные военные советники с беззастенчивым интересом разглядывали их.

В дверях кабинета вырос Игорь, через приемную мимо гостей со спокойным достоинством прошла Наташа. Адъютант громко произнес:

— Генерал Ханжин просит вас, господа!

Наташа перевела приглашение.

— О, у очаровательной юной леди, оказывается, великолепное произношение,— кольнул ее неулыбчивыми глазами, поднимаясь с кресла, генерал Нокс.— Вероятно, у нее столь же восхитительный слух?— Они с Гревсом переглянулись.

Сухопарый полковник-переводчик осклабился в улыбке.

— Да, я неплохо играю на фортепьяно,— вежливо ответила Наташа, как бы не поняв, о каком слухе идет речь.

— Браво! Браво!— Гревс оценивающе посмотрел на находчивую девушку.

— Значит, и музыкальный слух у вас тоже развит?— снисходительно поддел ее Нокс, проходя в генеральский кабинет.

— Господин командующий,— торжественно произнес Гревс,— я с удовольствием представляю вам личного представителя президента Соединенных Штатов Америки господина Гарриса!

Американский президент — это исполинские океанские суда, в трюмы которых бесконечной чередой, грохоча коваными ботинками, идут по трапам колонны хорошо вооруженных, равнодушных солдат.

Американский президент — это теряющиеся в дали портовых причалов штабеля снарядов, разложенных в ящики по калибрам. Американский президент — это колоссальный подземный форт, набитый доверху таким количеством золота, что его достало бы для закупки со всеми потрохами и 10 и 100 колчаков. Конечно же перед такой неподдающейся воображению гигантской материальной силой даже весьма самостоятельный в сужде-

ниях Ханжин благоговел. Но, с другой стороны, он терпеть не мог беспардонных иностранных советников и прекрасно знал неуемную жадность союзников ко всякого рода откровенно грабительским концессиям и договорам. Вот почему с весьма противоречивым чувством — не то как верующий подходит к архиерею, не то как боксер из своего угла на ринге направляется к наглому сопернику,— двинулся он навстречу господину личному представителю президента, сухопарому, неулыбчивому, как бы недовольному чем-то мужчине с темными глазами.

Гаррис быстро, без приглашения, заговорил. Полковник осклабился, повернувшись к Наташе. Это должно было означать приглашение переводить: джентльмен уступал дорогу даме. Но прежде всего это означало проверку ее квалификации: действительно, сколько стоит юная леди? Молода, хороша собой, находчива, знает стенографию. А вот что она за переводчица?

— Мистера Гарриса интересует положение на фронте,— начала Наташа.— Его беспокоят слухи о неожиданном наступлении большевиков под командой некоего Фрунзе. Мистер Гаррис хотел бы знать, что намерено предпринять ваше превосходительство и каковы шансы на успех. Мистер Гаррис просит сообщить вам, что он наделен широкими материальными полномочиями.

Воцарилось молчание. Ханжин с напряженной улыбкой обдумывал ответ.

— Э-э-э, положение неожиданно осложнилось тем, что красные нанесли фланговый удар моим войскам, которые, как вам известно, победоносно идут к Волге, невзирая на то, господин личный представитель, что другие фронты толкутся на месте. Переведи ему,— он обернулся к Наташе, и та увидела в его глазках одновременно злобу и решительность.— Переведи ему, да без оттеночков, напрямую, что нам ни жарко, ни холодно от присутствия на севере американских и английских войск. Впрочем, как и от наличия имперского флота на Балтике,— глянул он на Нокса.

Наташа перевела со всей возможной резкостью. Полковник закивал ей в совершенном восторге. Нокс поморщился от солдафонства и отсутствия политического такта у Ханжина. Ханжин понял, что его стрела долетела до цели, и продолжал уже спокойней:

— Да, господа, «некий» Фрунзе — талантливый человек. Но в военном деле одного таланта мало. Нужен еще

опыт, нужно знание военного искусства. А этого у бывшего политкаторжанина нет.

— Каторжанина?— поднял брови Гаррис.

— В том-то и дело. Этот большевик думает, что войсками командовать так же просто, как дурачить политическими бреднями серую скотинку.

Наташа несколько замешкалась на «серой скотинке», полковник мигом помог ей найти соответствующий оборот и снова дружески осклабился.

— Вы играете в шахматы?— неожиданно спросил Ханжин у Гарриса.

— В шахматы? («Что за странный разговор! Я спрашиваю его о положении войск, а он мне плетет то о каторжнике, то о шахматах. Хитроумно-азиатский неполноценный стиль мышления».)— Гаррис закивал головой:— Йес, йес!

— Когда неопытный шахматист уводит свои фигуры с королевского фланга, его партнер имеет возможность нанести жестокий удар непосредственно по королю противника. Ясно? Вот и я отдал сейчас, пятнадцать минут тому назад, приказ о нанесении такого удара. Переводи.— Ханжин крупными глотками стал пить воду из стакана.

Наташино сердце бешено забилось: вот минута, ради которой стоило идти на все унижения, на позор, на возможную смерть! От волнения она перевела не «пятнадцать», а «пятьдесят». Коллега тотчас добродушно погрозил ей пальцем, она поправилась, мило улыбнувшись ему.

— По данным нашей войсковой и особенно агентурной разведки,— хрипло заговорил Ханжин,— противник совершенно обнажил свой тыл и фланг. Я не буду скрывать от вас свой секрет, господа: я отдал приказ о срочном сосредоточении Волжского корпуса генерала Каппеля и боевого Украинского полка имени Шевченко в районе города Белебея. Фрунзе вбивает нам клин? Хорошо! А мы ударим под основание этого клина и срубим его! Недели через две, господа, все будет выглядеть иначе. Я поймаю самонадеянного, но неопытного игрока и объявлю ему шах и мат.

— О'кей!— воскликнул мистер Гаррис.

Он уже понял логику Ханжина, и она не показалась ему неполноценной. Напротив, перед ним был вполне деловой человек.

Англичанин-переводчик по-немецки спросил, не устала ли Наташа, затем отпустил ей французский комплимент и незаметно вытеснил ее из беседы. Это хорошо: можно собраться с мыслями.

Встреча закончилась через полчаса. Пока Ханжин, Гаррис и Гревс, широко улыбаясь, трясли друг другу руки, Нокс тихо спросил Наташу, не хочет ли она побывать у него в гостях.

— Речь идет о двух бутылках коньяка?— улыбаясь, спросила девушка.

Нокс засмеялся одобрительно, как добрый отец, потрепал ее по щечке и пошел прощаться с Ханжиным. Наташа вышла в приемную, быстро написала несколько фраз на бланке рецепта, спрятала его в карман кителя и села, склонив голову на руки. «Сообщить немедленно! Как, как это сделать сейчас?»

— Наташенька, устала?— подсел к ней за столик Игорь.

— Ох, немыслимо болит голова!— Она через силу улыбнулась.

— Ну так подождите. Я сейчас доложусь командующему!— Он скрылся в кабинете и вскоре вышел.— Дядя разрешил мне проводить вас до дому. Пройдемся вместе, Наташенька?

— Да, Игорь, с удовольствием. Вы проводите меня до аптеки?

— Хоть на край света!..

Вот и знакомый массивный дом. Матово светятся русская и латинская — для солидности — надписи: «Аптека».

— Подождите меня здесь,— скомандовала она и взбежала по ступенькам.

Яков Семенович, увидав возбужденную, разрумянившуюся девушку, тревожно посмотрел на нее по своей привычке поверх очков.

— От головной боли что-нибудь есть?— быстро спросила она.

— Пирамидон помогает?— с внешней безучастностью, за которой Наташа почувствовала крайнее напряжение, ответил вопросом провизор.

— Нет, у меня рецепт.— Она протянула сложенный листок.

— Хорошо, посмотрим... Минуточку подождите,— Яков Семенович чуть ли не рысцой удалился в провизорскую.

— Мадмуазель,— лихо обратился к Наташе рыжеусый поручик,— по себе знаю, лучшее лекарство — стакан коньяку и сердечный друг. Позвольте?— Он игриво взял ее под руку.

— Игорь!— громко позвала девушка, и в дверях выросла внушительная фигура адъютанта.

— Пардон, пардон, сникаю, мадмуазель, сникаю! Желаю вам приятно излечиться.— И он, козырнув, убрался под недобрым взглядом Игоря.

— Вот вам порошки,— вышел провизор,— за другим лекарством заходите завтра после двенадцати. Что-нибудь сделаем.— Он многозначительно кивнул и тут же участливо объяснил Игорю:— Разве можно, чтобы такая молодая девица и уже мучилась от головы? Ай-яй-яй! Обязательно надо помочь, это наш долг.— Его темные глаза улыбались над стеклами очков.

Наташа тут же запила один порошок водой, и ей впрямь полегчало: сообщение о важном приказе Ханжина передано в верные руки.

(И действительно, несколько часов спустя, глухой ночью, подпольщики Золотухин Андрей Харитонович и Поливин Иван Павлович начали путь на запад, в сторону красных войск, каждый своим путем, унося заученные на память бесценные сведения.)

Медленно шли Наташа с Игорем по темным улочкам.

— Наташенька... я давно мечтал остаться с вами наедине,— нерешительно начал он.— Все эти дни, как вы появились в штабе, я думаю только о вас. Нет мне покоя ни днем, ни ночью...

«Бедный мальчик, бедный ты мальчик,— с горечью и сожалением думала Наташа. Будучи младше его, она чувствовала себя бесконечно старше и взрослее этого сильного, рослого юноши.— Не лети на огонь, сожжешь крылышки... И отпугивать его пока не следует... Опять узел».

— Посидим, Игорек?— Она присела на скамеечку под кустом сирени. Он — поодаль, не смея прикоснуться к ней.

Вызвездило. Теплый ветерок едва касался разгоряченного лица. Мертвая тишина глухой улочки обволокла все. Нигде ни огонька, ни шороха.

«Боже мой, неужели и я когда-то была такой же, как он, неужели и для меня существовали только личные переживания, а большого мира как бы и не было, то есть он был только фоном, декорацией?»

— Игорек,— она дружески дотронулась до его плеча,— не торопитесь с признаниями. Вы еще так мало знаете жизнь и людей.

— Что мне жизнь, что мне люди! Я люблю только вас! Вам нужна моя жизнь? Вот она!— Он схватил ее руку и прижал к сердцу.

— Хорошо. Я подумаю, нужна ли мне ваша жизнь,— сказала она серьезно и встала.— Ну, спасибо за прогулку. Свежий воздух мне помог, а теперь — домой, не то дядя будет беспокоиться.

— Да нет, он отпустил меня.

— Я говорю о своем дяде.

— Я тоже боюсь его,— со вздохом встал Игорь.— Многие боятся его, а ведь он не грубый, не повышает голоса... Наташенька, можно ли мне хоть ждать?

— Чего ждать?— ледяным голосом спросила она.

Совсем сникнув, он откозырял ей у калитки, поглядел на безмолвного часового, вздохнул и ушел.

Безбородько и Мария Ивановна пили чай, когда Наташа вошла в столовую.

— Что так долго?— ласково спросил Безбородько.

— Очень голова болела, Василий Петрович. Прошлась после заседания. Эти сигары такие вонючие.

— Да, но вечером к тебе могли пристать, обидеть тебя,— мягко возразил он.

— Нет, меня проводил Игорь,— с вызовом ответила она.

— А,— кривовато усмехнулся он.— Ру́ки еще не просил?

— Пока нет.

— Ну-ну... Садись закусывай. (Мария Ивановна бесшумно исчезла.) Что там иностранцы? Клюнули на твой английский?

— Да, без церемоний.

Он кивнул.

— Не сомневался. Что-нибудь интересное на совещании было?

— Да. Ханжин говорил о контрударе Каппеля от Белебея, подымал свои акции.

— Э, пустое,— Безбородько небрежно махнул рукой,— знаю я все это.— Он увернул фитиль до половины.

Этот полумрак в комнате, заставленной разнообразной мебелью, пуфиками, резными стульями, создавал какой-то тревожный, странный колорит.

— Наташенька,— глухо сказал Безбородько,— клянусь, ты послана мне богом, ничего, кроме тебя, нет в моей жизни, и я скажу тебе то, чего никому бы не сказал. Сядь поближе.

Она сидела неподвижно.

— Что, еще сердишься на меня, презираешь? Пустое! По-детски все это... В жизни взрослых людей на многое надо закрывать глаза. В том суть, что я давеча накричал, или в том, что ты — один мне свет в окошке? То-то и оно! Ну вот, умница.— Он взял ее руку в свои ладони, задумался.— Большевики сильно таранили нас. Дело, конечно, обстоит хуже, чем Ханжин докладывал заморским друзьям. Я думаю, что наше дело, в общем, проиграно...

— Как?— искренне удивилась Наташа.— Вы это серьезно? Неужели ничего нельзя противопоставить? Вы ли это говорите? А удар от Белебея?

— Хоть откуда. Не в этом дело. Главное, что все больше наших солдат переходит на сторону красных. Хуже того — мне известны случаи расправы с офицерами, которые мешали им перейти в плен. Ах, Наташа, у меня такой нюх — я уже видел все это однажды. В тысяча девятьсот семнадцатом... Это начало развала.

— Василий Петрович! У вас дурное настроение, вы просто сгущаете краски.

— Да, сгущаю. Ты понимаешь, я его допрашиваю, он уже неживой, едва хрипит, а глаза... глаза меня ненавидят, ненавидят! А всех ведь не перевешаешь.— Он грязно выругался и опомнился.— Что я? Что со мной?! Прости меня, счастье мое, солнце мое!— Он начал целовать ей руки.

— Возьмите себя наконец в руки! Вы распускаетесь ежедневно!— Но голос Наташи не был злым, все существо ее ликовало: они чуют, чуют свою гибель!

— Прости меня. Да. Так вот: я хотел сказать тебе, что недолго нам пользоваться этим райским уголком. И может быть... может быть...— Он быстро посмотрел на нее: говорить ли о своем твердом решении пробираться с нею в Англию? Документы уже есть...— Дорогая,— в голосе его послышались одновременно и требовательность, и неуверенность,— я хотел бы, скажем, завтра-послезавтра, на днях, перед лицом всевышнего обменяться с тобой этими кольцами и дать клятву на вечную верность!

Наташа с интересом глянула на толстые, тяжелые перстни, которые, тускло краснея, лежали у него на ладони, и вдруг сморщилась от неодолимой, как приступ тошноты, брезгливости.

— Василий Петрович,— она встала,— а кровь-то вы с этих колец чем отмывали?

— Какую кровь?— бледнея, спросил он.

— А ту самую, что на руках ваших еще не обсохла!— Два пылающих взора скрестились, но секунда — и взгляд Безбородько погас, стал насмешливым.

Полковник поднялся:

— В чистоплюйство изволим играть? В мамину дочку? Поиграй, деточка, поиграй. В госпиталях нам встречались такие-то сестры: хирург режет, а они в обморок — шлеп: кровь-де-с!.. И запомни раз и навсегда: меня ты разозлить не сможешь. Я — твоя судьба, и никуда тебе от меня не деться! Не хочешь завтра под венец, пойдешь через месяц, через год. Или в могилу,— жестко добавил он.— Никому другому я тебя не уступлю. Гуд найт, май леди! Приятных, чистеньких снов.— Он поклонился и вышел.

5—13 мая 1919 года.
РЕКА СОК — РЕКА ИК У БУГУЛЬМЫ — БУГУЛЬМА

Петр Исаев подтащил хрупкий столик с фигурными ножками под самое оконце — поближе к серенькому свету начинающегося дня, взгромоздил на столик клокочущий самовар красной меди и шатнул рукой сооружение — устойчиво ли. В избу, умывшись у колодца, вошел Чапаев, свежий, в расстегнутой гимнастерке. Пока он причесывался и подправлял усы у тусклого зеркальца, Петр резал хлеб, сало, колол на ладони сахар резкими ударами тяжелого ножа.

— Садись, Василь Иванович!

Прикрыв зевок ладонью, Чапаев уселся за столик. Его внимание привлекли гнутые ножки с резьбой: он ощупал их, наклонился, даже заглянул под донце — каким способом закреплены.

— Столиком любопытствуете?— Дородная хозяйка с открытым моложавым лицом на минуту оторвалась от русской печи, где пеклась на сковороде большая лепешка.— Старинная вещь! Как мы делили всем миром имение, так нам он и достался.

— Столик?

— Ага. Ну там корова еще, сани...

Чапаев ухмыльнулся в усы:

— А барин-то что вам сказал?

— А это он еще нам скажет, если вы, дорогие гости, пятки салом от нас намажете! Вот уж тогда он все доподлинно нам выложит! И про корову объяснит, и про сани, и про столичек с ножками фертом.

— Это верно, объяснит. Значит, не след смазывать нам пятки-то?

— Ой, милые, не надо! Ешьте, подкрепляйтесь, только нас Талчаку не оставляйте.

Чапаев снова ухмыльнулся, по-плотницки постучал ногтем по гнутому дереву и нацедил себе крутого кипятку. Ожегшись из стакана, он налил чай на блюдце и, ловко придерживая его тремя пальцами, принялся пить. Исаев, пыхтя от жары, пил из огромной эмалированной кружки.

Перевернув лепешку, хозяйка убедилась в ее готовности и вытащила сковороду из печи.

— Ешьте, люди, добрые,— певуче произнесла она,— я вам еще и сметанку поставлю.

Разломив лепешку, Чапаев без слов протянул половину Петру, вторую обмакнул в миску со сметаной и с аппетитом принялся за еду.

— А сметана от той самой коровы?— спросил Петр, зарываясь в пухлую румяную лепешку чуть не по уши.

— От нее, от нее, голубчики.

— Ммм, хороша! Придется, Василь Иванович, охранить хозяйку-то, а?

— Ну, спасибо, хозяюшка! Угодила нам!— Чапаев аккуратно вычистил остатками лепешки миску.— Прямо тает во рту твое угощение. Попомни: сам Чапаев твою снедь похвалил!

Хозяйка раскраснелась от удовольствия, но ответить ничего не успела: отворилась дверь, и в горницу, пригибаясь под притолокой, зашла группа командиров. Приглушенным разноголосием они поприветствовали начдива, он, остро глянув на них, пригласил всех к чаю. Последо-

вал вежливый отказ: уже почайпили. Чапаев сделал жест, как бы не соглашаясь, и Исаев принялся собирать для пришедших посуду.

— Так что с приказом Тухачевского делать будем?— сразу ухватил быка за рога немногословный коренастый Луговенко, начштаба дивизии.

Исаев тем временем поставил перед каждым по стакану с чаем, все принялись пить его, громко откусывая сахар, ожидая решения начдива. Чапаев не торопился отвечать. Он сидел откинувшись к стене, покручивая кончик уса. Слышалось только хрупанье сахара да сопение чаевников.

Чапаев думал. По замыслу Фрунзе, как Чапаев понимал его,— а он весь жил идеей этого контрудара,— наступление следовало разворачивать северо-восточнее Бугульмы. Вчерашний же приказ командарма Пятой требовал повернуть дивизию на северо-запад. Тухачевский — горячий и хитрый командир; дерзко решил он окружить корпус генерала Войцеховского, зайти ему чуть ли не в тыл. Доброе дело! Знатное дело. Да вот будет ли Войцеховский тем временем стоять на месте? И он ведь не дурак! А если генерал переместится да и сам ударит во фланг? А штыков, сабель и артиллерии у него раза в два поболее, чем в 25-й дивизии...

— Карту!

Мигом очищен от посуды столик, расстелена буро-зеленая бывалая карта, все головы склонились над ней...

Началась трудная, кропотливая работа: один за другим входили по вызову в избу начальники конных разведывательных отрядов, срочно посланных в район Бугульмы тотчас после получения приказа командарма Пятой. Придирчиво выпытывая у каждого самые малейшие подробности, Чапаев наносил на общую карту все, что ему докладывали.

Допросили еще пленного унтера, с дотошностью порасспрашивали мужичка, мобилизованного белыми в обоз, да заплутавшего в степи, заслушали еще нескольких разведчиков, вернувшихся с разных направлений.

— Да, осторожен генерал,— через несколько часов напряженной работы протянул Чапаев, разгибая спину.— Умен! Или пронюхал что-то, или сам сообразил: все данные, что он стал перемещаться вот сюда — в сторону Уфы. И значит... Ты понимаешь, комиссар, что это значит?— обратился он к Фурманову.

Тот встал, покуривая трубку, заходил по комнате. Перемещение Войцеховского значило, что выполнение нового приказа — дерзкого и смелого по замыслу — тем не менее ставило дивизию Чапаева под фланговый удар заведомо более сильного противника, потому что генерал Войцеховский оказался осторожней и дальновидней, чем предполагал Тухачевский. А невыполнение Чапаевым важного приказа в условиях острых непрерывных боев, да еще при старой репутации партизана и анархиста, было чревато незамедлительным отстранением начдива от командования, и Фурманов знал, что сам Чапаев это отчетливо осознает.

— Что ж ты решаешь, Василий Иванович?— с интересом спросил он.

Чапаев встал и тоже заходил по комнате — быстро и гибко.

— Как думаешь,— неожиданно спокойно спросил он,— Тухачевский — мужик умный?

Умный ли? Для Фурманова этот вопрос никакой сложности не представлял: то, что он знал о молодом командарме, безусловно говорило за это. Но...

— В этом ли соль, Василий Иванович?— попыхивая дымком, спросил он.— И умные бывают с амбицией. А в этом смысле я о нем ничего не знаю.

Ни слова не говоря, Чапаев снова склонился над картой. Десятки мелочей, добытых разведкой, говорили за то, что Войцеховский уходит из-под задуманного удара и развертывает свой корпус для броска во фланг 25-й дивизии.

— С дворянским гонором, значит?— переспросил Чапаев.— А тебе ясно, комиссар, что ждет нас, если мы выполним вчерашний приказ?— И он провел резкую черную стрелу, перечеркивая красный контур своих бригад.— Я думаю, каждому должно быть это ясно-понятно, если он не последняя контра. А если кому и неясно, так я из-за этого своих бойцов понапрасну тратить на погибель не буду!.. И белую шкуру Войцеховского трепать не перестану! Вот так!— Он ходил гибкой, кошачьей походкой из угла в угол по комнате.— И не верю я, что командарм Пятой из-за гонора-амбиции будет настаивать на приказе, не хочу верить!— Чапаев ударил кулаком по хрустнувшему столику.— Михаил Васильевич о нем упоминал по-доброму, а уж он людей понимает. Ну, а если...

Фурманов с глубоким удовлетворением глянул на Чапаева, кивнул:

— Ну, а если... Главное, перед революцией мы будем правы. Значит, можно доказать.

Чапаев вскинул на него при слове «мы» глаза.

— Пиши приказ,— решительно обернулся он к Луговенко.— Учитывая новую обстановку, задание всем бригадам меняем...

— Но, Василь Иванович...

— Вот тебе и «но». Чтобы через полчаса новый приказ был составлен: семьдесят третью — сюда, семьдесят четвертую — сюда, семьдесят пятую нацель сюда.— Он энергично провел три красные линии на северо-восток.— А как отправишь приказ по бригадам, от моего имени напиши командарму Пятой. Объясни, что нами установлен отход корпуса Войцеховского с прежнего места. Выполнение вашего приказа приведет наш удар на пустое место и поставит дивизию под контрудар белых по правому флангу и в тыл. Вот почему и просим вашего изменения приказа по армии в таком-то смысле. Он поймет, должен понять! А нет — пускай летит одна голова Чапая, чем десять тысяч голов, потребных для мировой революции. Ясно? Выполняй!

— Василь Иванович, ставь и мою подпись,— все так же попыхивая трубкой, мягко сказал Фурманов.— Уж пусть летят две головы вместе, чего ж порознь?

— Вот и хорошо,— как-то трудно, с глубоким раздумьем и без свойственной для него живости согласился Чапаев.— На миру и смерть красна. Значит, через полчаса вернусь, подпишу приказ, а пока поеду, потолкую еще с Троицким: артиллерийский глаз — зоркий глаз, он такое примечает, что нам и невдомек...

Это было пятого мая. Седьмого мая полевой телеграф отстучал короткую депешу на имя Чапаева, Фурманова, Луговенко: командарм-5 Тухачевский решение Чапаева утверждал и в новом приказе по Пятой армии придавал именно то единственно целесообразное направление 25-й дивизии, и более того — также и 26-й, по которому бригады Чапаева уже решительно двинулись двое суток назад.

...Безусловно, это решение высоко характеризует молодого талантливого полководца Тухачевского. Но мы упростили и спрямили бы историческую истину, если бы остановились лишь на событиях пятого и седьмого мая

(хотя бы факты и были воспроизведены точно): ведь между пятым и седьмым было и шестое мая. А документы свидетельствуют, что Тухачевский был первоначально крайне раздражен письмом из чапаевской дивизии: оно, с его точки зрения, не только сводило на нет большую, тщательно выполненную оперативную работу, проведенную его штабом по разработке эффективнейшей, как ему представлялось, операции, но — главное — лишало подчиненную ему армию возможности нанести долгожданный весьма серьезный удар по противнику, лишало столь крупного успеха. Вот почему, ничего не отвечая Чапаеву, он по прямому проводу сразу же обратился в штаб Фрунзе, зная личное влияние Фрунзе на Чапаева. К аппарату подошел Новицкий. Выслушав гневное, негодующее сообщение Тухачевского с требованием арестовать Чапаева и передать его в Ревтрибунал за невыполнение приказа, Новицкий спокойно высказал предположение, что командарм-5, видимо, что-то в письме Чапаева не понял, и посоветовал еще раз внимательно в этом письме разобраться. Не напрасно же, отвечал Тухачевскому старый опытный профессионал войны, Фрунзе высоко ценит талант Чапаева и поручает именно этому начдиву наиболее сложные, требующие самостоятельного мышления операции, которые Чапаев до сих пор всегда выполнял успешно... К чести Тухачевского, он воспринял охлаждающий разговор с Новицким именно так, как требовалось от полководца-революционера, для которого общее дело — превыше всего: он вновь вернулся к анализу обстановки. Результатом изучения новых разведданных явился приказ, согласно которому, как мы уже знаем, в направлении, предложенном Чапаевым, двинулась не одна 25-я дивизия, но вслед за нею и 26-я, а чуть позже и 27-я — штатные дивизии Пятой армии.

Прямым следствием этих оперативных действий было то, что девятого мая 73-я бригада Ивана Кутякова в ожесточенном встречном (а не фланговом!) бою одержала решительную победу над Ижевской бригадой корпуса Войцеховского, а 74-я бригада ударила всей силой по смешавшейся 4-й дивизии белых и также разгромила ее.

Получив эти сведения, осторожный Войцеховский одиннадцатого мая отдал приказ о срочном отходе оставшихся частей на восток,— только это и помогло ему спастись от окончательного разгрома. И 13 мая 27-я дивизия армии Тухачевского овладела Бугульмой. Конечным след-

ствием всей этой операции явилось твердое решение Фрунзе: пришло время нацеливать главный удар всех своих армий непосредственно на Уфу.

10—14 мая 1919 года.
СЕЛО КОЖАЙ-АНДРЕЕВО — БУЗУЛУК — СИМБИРСК

Желтое солнце спокойно и умиротворенно завершало дневной путь. Косые лучи, наткнувшись на бесчисленные межи широкого поля, раскинувшегося на много верст, подчеркнули прихотливый узор этого огромного одеяла, сшитого из сотен лоскутков-полосок: черные пары перемежались с ярко-зеленой озимью и серым прошлогодним жнивьем. Пестрое многорядье это было наискосок прошито темной полосой дороги, которая, сбегая с гряды пологих холмов, тянулась к большому селу.

То тут, то там лежали вдоль обочины груды обмундирования, аккуратные клади винтовок, стащенные вместе седла, сбруя; трофейная команда и обозники свозили с поля недавней битвы добычу, хоронили убитых, своих и чужих, отволакивали в овраг конские трупы.

А в селе оживление: здесь остановился на отдых 218-й полк. Везде военные повозки, на улицах многолюдье, вовсю дымят на огородах баньки, туда-сюда спешат оживленные девушки.

У большой избы рядом с отборными конями разведчиков — открытый автомобиль. К густой толпе крестьян, сгрудившихся вокруг Фрунзе, подскакал Иван Кутяков.

— Командующий здесь?— спросил он у бойцов и, не дождавшись ответа — сам увидал,— соскочил с коня, сунул повод в руки ближайшего красноармейца и, раздвигая толпу сильным плечом («Ну-ка, папаша!.. Посторонись... А ну, дай пройти!»), пробился в центр. Там взял под козырек:

— Товарищ командующий! Вверенная мне семьдесят третья бригада двадцать пятой дивизии разгромила вдрызг в героическом кровопролитном бою Ижевскую бригаду и нынче добивает четвертую дивизию из корпуса белого генерала Войцеховского. В селе остановлен на

отдых двести восемнадцатый имени Степана Разина полк. Докладывает комбриг Кутяков.

— Здравствуйте, товарищ Кутяков. Значит, вдрызг?— весело улыбнулся Фрунзе. Он стоял рядом с Куйбышевым. Оба по теплому времени были в хлопчатобумажных гимнастерках.

— Так точно!— Кутяков нетерпеливо посмотрел на мужиков, потом на командующего.— Разрешите доложить? Там, в центре села, у церкви, мы бы митинг организовали: очень бойцы просят, как узнали, что вы приехали.

— Хорошо, товарищ Кутяков, с удовольствием выступлю перед вашими бойцами. Объявляйте митинг примерно через час. Да не забудьте пригласить и местное население. Договорились?

— Все будет сделано!— ослепительно блеснули зубы молодого комбрига.— Я оставлю ординарца, он вам путь к штабу покажет. Там вас комиссар Тургайской области Джангильдин дожидается: хороший казах!— Кутяков энергично повернулся и начал проталкиваться назад...

«Дон! Дон! Дон!»— раздались вскоре удары церковного колокола.— На митинг! На митинг!— зычно закричало сразу много голосов.

— Так что, отец, ясна обстановка? И вам тяжело, слов нет, да разве бойцам легче?— Фрунзе заканчивал беседу с седоголовым сморщенным старичком, мявшим в руках шапку.— Значит, и надо друг за друга держаться, помогать один одному.— Где уж тогда Колчаку устоять перед нами! Вот тогда война и кончится!— Он протянул на прощание руку, и мужики один за другим — сколько их ни теснилось вокруг — принялись уважительно пожимать руки простым и сердечным красным генералам.— Добро пожаловать на митинг!— пригласил всех на прощание Фрунзе и вместе с Куйбышевым двинулся за нетерпеливо переминавшимся молоденьким ординарцем. («Эва, темнота деревенская! Командующего от дел только отвлекают. Скажи им, вишь, вернутся беляки или нет. Правильно он им врезал: помогайте красным бойцам, вот и не вернутся. Чего не понять?..»)

В избе за большим столом расположились Фрунзе, Куйбышев, Кутяков, Сиротинский, другие командиры. Они слушают чрезвычайного комиссара степного края Джангильдина. Джангильдин говорит горячо, долго сидеть он не может, стремительно встает, двигается быстро.

Сам он невысок, но широкая кожаная куртка тесна ему в плечах. Неимоверная сила жаждет выхода, руки то отбрасывают за спину потертые ножны с бесценной бухарской саблей, то давят рукоять маузера. «Ух, видать, рубака,— блестящими глазами глядит на Джангильдина Иван Кутяков.— Мне бы эскадрон таких всадничков: Колчака живьем бы привезли...»

Джангильдин кончает доклад:

— Теперь в городе Тургай мы закончили формирование второй партизанской конной бригады. Завершаем формирование пехотного башкирского полка. Но нет у нас обмундирования на шестьсот сорок человек и еще нет пятисот винтовок.

— Как с продовольствием?— по-казахски спросил Фрунзе и тут же перевел вопрос на русский.

— Тут много трудностей,— живо ответил по-казахски Джангильдин.— Плохо,— сказал он по-русски.— Момент сейчас политически острый. Я не хочу брать фураж и продукты бесплатно даже у баев. Нужны деньги. Казахи и башкиры мне верят. Я сказал: буду платить. Надо платить! Я телеграфировал в центр. Центр молчит.

— Сколько надо?

— Вот рапорт.

Фрунзе прочел и написал наискось: «Отпустить через народный банк 5 (пять) миллионов авансом, под отчет, на расходы по формированию воинских частей Турк. обл. *М. Ф.*».

— Товарищ Сиротинский,— сказал он, протягивая бумагу Джангильдину,— когда вернемся в штабной поезд, созвонитесь с самарским банком, обеспечьте срочное получение денег согласно этому документу.

— Спасибо, товарищ командующий.— Джангильдин просиял.— Я думал, кричать надо будет, объяснять долго.

— Зачем же кричать?— улыбнулся Фрунзе.— Ведь вы же делаете очень большое дело: поднимаете казахов и башкир против Колчака, на борьбу за советскую власть. Спасибо, что быстро сформировали части, особенно благодарю за конницу.

— Ай-яй, сирота будет моя конница...— Джангильдин горестно закачал головой, узкие глаза его еще больше сощурились.

— Почему сирота?— искренне удивился Фрунзе.

— Начальник штаба нужен в бригаду, политработники нужны, как без них?

Грянул общий хохот. Джангильдин громко смеялся вместе со всеми.

«Ну хитрец,— утирал слезы Кутяков,— такому и под левую руку не попадай, мигнуть не успеешь, сабелькой развалит. Ну, хитрец!..»

Фрунзе, тоже смеясь, написал резолюцию на втором рапорте, подсунутом Джангильдином, и, положив руку на его будто из чугуна литое плечо, любовно посмотрел ему в лицо — открытое, отважное, умное лицо настоящего батыра.

— А теперь, комиссар, пойдем на митинг,— сказал он,— а после митинга бойцы хороший концерт обещают...

Площадь у старой церкви забита народом. До чего же быстро меняются в жизни обстоятельства: еще утром с этой колокольни свирепо и растерянно огрызался пулемет белых, на площади гулко рвались гранаты, стремительными перебежками продвигались бойцы, а вот сейчас в глубокой тишине красноармейцы и крестьяне слушают докладчика. Командующий четырьмя армиями стоит на двуколке. На нем защитного цвета гимнастерка без знаков различия, глаза у него молодые, светлые, круглая короткая бородка окаймляет простое веселое лицо, фуражка военного образца — в руках.

Более часа говорил Фрунзе. Начал с того, как питерские рабочие добились в Октябре победы. Рассказал, как власть перешла к народу, что получили рабочие и крестьяне в результате создания советской власти. Как Россия вышла из войны. О первых декретах Ленина. О причинах гражданской войны. О высадке иностранных интервентов и о том, как буржуазия всего мира помогает русским помещикам и капиталистам. Просто и доходчиво даже для неграмотных бабок и древних дедов он пояснил, чего хотят белогвардейские заправилы, рассказал о положении на фронтах, о тех трудностях, с которыми встречаются войска на фронте.

— Заканчивая свой доклад,— говорил Фрунзе,— как член ВЦИКа и как член партии большевиков, от имени советского правительства и Центрального Комитета нашей партии поздравляю вас с первой крупной победой. За тринадцать дней боев с момента перехода наших войск в контрнаступление на отборные войска белого адмирала Колчака героическими усилиями Южной группы армий, и в первую очередь славных полков двадцать

пятой дивизии товарища Чапаева, достигнуты огромные результаты. Разбиты шестой, третий и второй корпуса белой армии генерала Ханжина. Враг отброшен на восток на сто двадцать — сто пятьдесят верст. Освобождены сотни сел и несколько городов. Враг коварен и еще силен. Ему усиленно помогают Америка, Англия, Франция и Япония. Но все равно ничто не спасет белую армию Колчака. Каждый удар наших войск, каждое освобожденное село и кусок земли приближают нашу окончательную победу. Недалек тот день, когда красные знамена революционной армии придут на окраины земли нашей. Но надо помнить, что враг еще не добит. Еще немало усилий затратит трудовой народ России, чтобы завершить победу. Враги наши будут разгромлены. Победа будет за трудовым народом!

— Ура! Ура!— гремит на площади.

— Да здравствует товарищ Ленин! Да здравствует советская власть!— В воздух взлетают сотни шапок.

Фрунзе становится на ступицу колеса, но на землю ему спуститься не дают: десятки могучих рук, как пушинку, подбрасывают его в воздух — раз, и другой, и третий!

— Ошалели, чумовые! Отставить! Отставить!— Сиротинский и Кутяков отбивают у разгорячившихся бойцов командующего и ведут его к скамье — смотреть представление. Двуколку быстро откатывают, и зрителей от центра оттесняют — образуется площадка. Передние зрители ложатся, садятся, чтобы задним было виднее, и наконец общий гомон стихает.

На середину выходит клубный активист с белокурым чубом на лбу — Ваня-телефонист из штаба дивизии.

— Товарищи!— зычно возглашает он.— Начинаем наше представление всем на удивление. Занавеса нет, приглашаем верить на слово!

В круг живо вкатывают тачанку. К борту прибито два плаката: «Земля и фабрики — помещикам и капиталистам» и «Рабочим и крестьянам — плетка и веревка». В тачанку забирается «адмирал Колчак» — боец из агитбригады с приклеенными усами и огромными эполетами, а впрягаются в нее еще трое, наряженные соответственно под попа, буржуя и помещика. Под общий хохот они везут «Колчака» по кругу.

— Давай, давай, Петруня!— раздаются насмешливо-сочувственные выкрики в адрес «Колчака».— Гони-по-

гоняй их в хвост и гриву, чертей гладких, когда еще на них и поездишь!..

Ведущий вскакивает в повозку и с чувством начинает декламировать:

Богатей с попом брюхатым
и с помещиком богатым
из-за гор, издалека,
тащат дружно Колчака.
Радость сытым, радость пьяным,
кнут рабочим и крестьянам.
Пыль вздымая сгоряча,
тащит тройка палача.

Гремят бурные аплодисменты, а ведущий командует:

— Запевала, ко мне!

Из толпы выбирается улыбчивый, худощавый парнишка, его знают, встречают возгласами, аплодисментами. «Акафист!.. Акафист давай!»— несется отовсюду крик.

— Сейчас будет объявлен и исполнен наш приговор над Колчаком,— торжественно объявляет ведущий.

Запевала влезает на тачанку, серьезнеет, откашливается и возлагает руку на «Колчака». Тот к вящему удовольствию зрителей ужимками изображает панический ужас.

— Во бла-жен-ном у-спе-нии...— низко загудел могучий, едва ли не с пароходное гудение бас.

Две старушки в первом ряду дружно крестятся. «Колчак» в страшных корчах ежится и испускает дух. Взрыв восторга колеблет ряды зрителей.

— Вечный покой подаждь, го-споди!— плывет низкий печальный голос.

Старушки снова усердно крестятся.

— Сибирскому Верховному правителю, его высокопревосходительству,— повышая тон, поет боец,— белому адмиралу Колчаку со всей его богохранимой паствою, чиновниками, золотопогонниками и всеми его поклонниками, прихлебателями веч-на-я, ве-е-е-чна-я память!

— Вечная память, веч-на-я па-мять, ве-е-е-чная па-а-мять!— дружно грянула сотнями голосов масса бойцов.

Растерявшись, старушки крутят головами во все стороны.

Кутяков наклоняется к Джангильдину и кричит ему на ухо:

— Чапаев сильно уважает этот акафист!

— Ага!— сияет тот и дружески шлепает Кутякова по плечу. Кутяков жмет его ладонь, твердую, как железо, оба радостно смеются, глядя друг на друга.

А запевала торжественно провозглашает:

— Всем контрреволюционерам, имперьялистам, капиталистам, разным белым социалистам, эсерам-карьеристам, монархистам и прочим авантюристам, изменникам трудовой России, от утра и до ночи,— он замахивается на «попа», «буржуя» и «помещика», они падают замертво наземь,— всей подобной сволочи,— бас набирает нечеловеческую силу,— ве-е-ечная, ве-е-чная па-а-а-мять!

— Ве-е-ечная, ве-е-ечная па-а-амять!— согласно подхватывают все бойцы. Мгновение — и тишина раскалывается криками и аплодисментами.

— А сейчас будет русская плясовая!— объявляет ведущий. «Поп» и «буржуй» укатывают «Колчака», и на середину круга выходит боец с гармонью и в косоворотке, за ним другой боец — в сарафане, с платочком. Он жеманится, изображая красную девицу, и старается незаметно поправить грандиозных размеров тряпичную начинку на груди — «бюст». Декораторы снаряжали его от всей души. Восторгу зрителей нет предела, комментариям — один другого хлеще — нет конца.

Вдруг «девица» задрала подол, достала из брючного кармана платок и трубно высморкалась. Грохнул совсем уж отчаянный хохот, многие, визжа и вытирая слезы, в полном изнеможении садились на корточки. «Девица» непонимающе огляделась и, хлопнув себя «в прозрении» по бедрам, хриплым, прокуренным голосом произнесла:

— Извиняюсь, добрые граждане и товарищи! Совсем забыл, што бабу играю!

— Михаил Васильевич,— осторожно тронул Сиротинский за плечо смеющегося командующего,— срочная шифровка.

Фрунзе незаметно выбрался из толпы и направился к штабу...

— Дело непростое, Михаил Васильевич,— сказал Куйбышев,— читайте.

— От Новицкого? Ну-ка. «Только что получено агентурное сообщение от подпольного ревкома Уфы о выделении резервного корпуса генерала Каппеля в район Белебея. Согласно полученным данным, за достоверность которых ревком ручается, генерал Ханжин принял решение нанести нам контрудар на Бугуруслан — Бузулук,

в тыл и фланг нашей ударной группе»... Так, так, так... Молодцы подпольщики. Это подтверждает данные нашей разведки о подходе к Белебею одного полка Каппеля.— Фрунзе развернул карту.— Интересно может получиться. Ну что ж, спасибо этому дому, пойдем к другому. В путь, Валериан Владимирович: завтра утром мы должны быть в Бузулуке. Товарищ Сиротинский, вызывайте Кутякова и Джангильдина. Надо попрощаться...

Утром следующего дня в Бузулуке, в полевом штабе Южной группы, состоялось совещание, на котором Фрунзе смело предложил немедленно повернуть три дивизии на Белебей: 25-й развернуться на сто восемьдесят градусов и ударить по Белебею с севера, 31-й повернуться на девяносто градусов и одновременно нанести по нему удар с запада, 24-й дивизии — нацелиться на Белебей с юга. Маневр сложный, но возможный, а для корпуса Каппеля, оказавшегося неожиданно атакованным сразу с трех сторон,— гибельный.

— Да, его превосходительство Ханжин не лыком шит: все время стремится к хитрым маневренным действиям,— заметил Новицкий.— Но, я гляжу, силы свои разбрасывает. На этом мы его и возьмем. Каппель окажется в западне.

— Федор Федорович, дело нашей с вами чести так сочетать движение дивизий, чтобы к Белебею они подошли одновременно,— очень серьезно сказал Фрунзе.— В результате мы разгромим Каппеля, погоним его и на его плечах ворвемся в Уфу. Засиделся там генерал Ханжин!

Новицкий кивнул, задумчиво и сосредоточенно глядя на карту.

— Товарищ командующий,— в дверях стоял взволнованный адъютант,— срочная телеграмма из штаба фронта.

Фрунзе прочел телеграмму и, что было с ним чрезвычайно редко, бросил ее на стол, выругавшись шепотом.

— Черт знает что! Это же срыв всего и вся!— Он быстро зашагал вдоль вагона.— Прочтите!

Куйбышев распрямил листок и прочел вслух: «Получением сего 5-я армия и приданные ей 25-я и 2-я дивизии переподчиняются мне для действия в северо-восточном направлении против Северной армии Колчака вместе с 2-й и 3-й нашими армиями. Комфронтом Самойло».

Все были ошеломлены. Воцарилось молчание. Поскрипывали лишь сапоги Фрунзе, который стремительно ходил взад-вперед.

— Что ж, будем опротестовывать?— спросил Куйбышев.

— Приказ нелеп в высшей степени,— нервно заметил Новицкий.

— Значит, сделаем так,— Фрунзе энергично подошел к столу.— Вариант поворота на Белебей начнем осуществлять немедленно. Приказ на новый маневр прошу отослать тотчас же, пометив его,— он глянул на часы,— семью часами утра, на три часа раньше получения приказа Самойло. Федор Федорович, под вашу личную ответственность,— срочно передать приказ прежде всего Чапаеву. Все последствия беру на себя.

— Я думаю, мы с Валерианом Владимировичем полностью разделяем вашу ответственность,— откликнулся Новицкий.

— Да, в данной обстановке согласиться с этим приказом — значит прежде всего попасть под удар свежих сил Каппеля. Я буду телеграфировать Ленину,— добавил Куйбышев.

— Хорошо. А я сейчас же телеграфирую комфронтом о том, что выезжаю к нему за невозможностью исполнить приказ. На время поездки в штаб фронта оставляю своим заместителем вас, Федор Федорович.— Фрунзе еще раз прошелся по салону.— Постараюсь убедить Самойло в ошибочности его решения.

— Эх, Михаил Васильевич, все это старые добрые традиции царской армии,— горестно покачал головой Новицкий.— Я думаю, что в данном случае Самойло, как человек здесь новый, просто еще не уяснил обстановки и его, конечно, можно будет переубедить. Ведь он военный человек и не может не понимать, что такое угроза каппелевского удара. Ну, а пока будем осуществлять военно-дипломатическую операцию — переносить час рассылки утреннего приказа. Разрешите приступить к выполнению?..

«Что стоит за приказом Самойло?— думал Фрунзе, подставляя голову теплому ветру, который бил в ветровое стекло и, ослабев немного, яростно трепал волосы командующего, устроившегося на заднем сиденье мощного «фиата».— Кому нужно сорвать успешно начавшееся наступление? Очевидно, тому же, кто столь

грубо, беззастенчиво и торопливо устранил Каменева, когда он начал нам помогать... О, эта крупная игра мелкого самолюбия! Сорвать удачное наступление, скомпрометировать его и тем самым реабилитировать себя: мы-де говорили, что контрудар Фрунзе — авантюра («удар перочинным ножиком в бок слону» — вспомнилось ему), говорили, что лучше отойти за Волгу. Говорили!.. И вот из-за воистину ничтожной борьбы в защиту собственного престижа, собственного авторитета ставятся на карту жизнь тысяч и миллионов людей, судьба самой революции! Но где в таком случае граница между стремлением возвести любыми средствами собственное «я» на пьедестал непогрешимости и предательством? Между тщеславием и изменой общему делу? Не вижу! Нет! Не выйдет этот преступный номер, есть коммунисты в Реввоенсовете, есть ЦК, есть Ленин. Поборемся, граждане честолюбцы!..»

— Какие такие приемные часы на фронте?— услыхал Самойло гневный, презрительный голос в соседней комнате.— А ну-ка идите и доложите, что прибыл командующий Южной группой и требует пропустить его для срочного разговора с командующим фронтом!

В ответ зажурчал голос адъютанта, что командующий фронтом уже отдыхает, что он...

— Выполняйте мой приказ, да поживее,— гневно перебил адъютанта Фрунзе.

Самойло поморщился: ну и времена! Бывший каторжник, студент-недоучка, никакого представления о военном искусстве, а вот — придется принимать... Ленин его ценит. Гусев стоит за него... Был комиссаром огромного военного округа... Совсем неясно, как себя вести, если б не недавняя телеграмма Троцкого. «Совсекретно. Симбирск. Командующему Восточным фронтом Самойло. Имеем твердое намерение снять Фрунзе. Намечен назначением Ольдерогге. Задерживается подписью у Ленина. Не церемоньтесь первым. Проводите намеченную линию. Предреввоенсовета Л. Троцкий».

С Троцким Самойло познакомился на переговорах в Бресте. Очень энергичный и влиятельный человек этот Троцкий: не дрогнув, нарушил директиву Ленина. Очень влиятельный человек. Предреввоенсовета...

Вошел адъютант, высокий, холеный брюнет:

— Товарищ командующий, Фрунзе прет, как бык, мне его не удержать...

Самойло поудобней устроился в постели, подтянул одеяло к подбородку:

— Ну ладно, зови вояку. Надо с ним наконец разобраться, ишь какие телеграммы присылает: «За невозможностью исполнить приказ...»

Фрунзе вошел, вытянулся по-строевому у дверей:

— Здравия желаю, товарищ командующий!

— Да, да, здравствуйте, здравствуйте...— Самойло смотрел на него, не предлагая сесть.— А вы, голубчик, возмужали. Кажется, год я вас не видел?

— Только крайне острое положение на фронте вынуждает меня беспокоить вас. Сегодня утром я прочитал вашу директиву. Должен сознаться, что она ставит войска нашей группы в трудное положение, потому что не учитывает реальной ситуации и развития событий на фронте.

— Это вы мне?— Самойло иронически поднял брови.

— Без Пятой армии и приданных ей двадцать пятой и второй дивизий мы не сможем завершить разгром армии Ханжина. Напротив, под угрозой окажутся все достигнутые успехи, и мы вновь начнем отходить к Волге.

— Все?— И не давая ответить, Самойло начал говорить скучным, поучающим тоном, каким твердят школьникам прописные истины:— Ваш контрудар уже завершен. Достигнут кое-какой тактический успех. Хорошо. Большего нам не надо. Главкомом и предреввоенсовета перед нами поставлена сейчас задача: разгромить Северную армию Колчака. Именно там решается судьба Урала и Сибири. Поэтому я и забираю у вас то, что необходимо для операции на Севере... И вообще, нам, военным, здесь и выше,— он указал пальцем на потолок,— совершенно очевидна ненормальность положения у вас, в Южной группе: дивизии и бригады перемешаны, как овощи в салате «оливье». Абсурд, неупорядоченность!

— Я не могу с надлежащей компетенцией судить о салате «оливье»,— глаза Фрунзе сверкнули,— но относительно перемешивания бригад и дивизий сказать могу твердо: если бы я не составил ударной группы из надерганных мной из Туркестанской и Четвертой армий частей, то, вероятней всего, мы с вами сейчас не имели бы возможности разговаривать в этом уютном особняке!

Самойло рассердился не на шутку:

— Вашим протестом и вашим приездом я крайне возмущен! Вы находитесь на военной службе, сударь, а не

на митинге! Исполнение приказа вышестоящего начальника — важнейший закон дисциплины, без этого армия разваливается. Еще раз требую немедленного исполнения моего приказа и вашего срочного выезда к войскам. За попытку невыполнения приказа на первый случай объявляю вам строгий выговор! Все! Можете идти!

Скулы у Фрунзе покрылись красными пятнами, ногти сжатых пальцев вонзились в ладони. Какое-то мгновение отдаляло его от необузданной вспышки ярости. «Но нет, господа честолюбцы! В борьбу самолюбий вы меня играть не заставите!» Он передохнул и спокойно спросил:

— Действительно ли вы, товарищ командующий, полагаете, что возможен разгром Колчака без поражения главной его армии генерала Ханжина?

Генерал Самойло был крупным, знающим специалистом: двадцать два русских и иностранных ордена были не напрасно получены им до 1917 года за разведывательно-дипломатическую службу. Конечно, наблюдая всю ситуацию на Восточном фронте со стороны, он бесспорно назвал бы задачей номер один разгром Западной армии Ханжина. Но, во-первых, на командование Восточным фронтом Троцкий переместил его с Северного фронта, весьма по-своему дальновидно, потому что идея разгрома прежде всего Северной армии Колчака не могла не быть лично близка Самойло, а во-вторых, и в этом был драматизм его положения, Самойло не мог не считать непреложным для себя выполнение директивы столь влиятельных, обладающих столь громадной властью людей, как Главком и предреввоенсовета. Не имея поэтому мужества ответить Фрунзе по существу, он закричал:

— Требую незамедлительного выполнения приказа! Незамедлительно, по телеграфу отдайте сейчас же указание выполнять мою директиву!

— Без подтверждения вашего приказа Центральным Комитетом партии выполнять его я не буду!— резко ответил Фрунзе.

— Что?!— Самойло отбросил одеяло и сел в пижаме на кровати, судорожно нашаривая ногами пушистые комнатные туфли.— Вы нарушаете основы воинской дисциплины, и я не остановлюсь ни перед чем! Я прикажу вас сейчас немедленно арестовать и предать суду ревтрибунала!

«Ах, черт побери, втянул меня все-таки в перепалку.— Фрунзе хладнокровно смотрел на перекосившееся бело-

бровое лицо.— Да, круто поворачивается; но ведь он военный человек, не может же совсем ото всего отмахнуться».

— Есть сведения, товарищ командующий фронтом,— ровным голосом, как бы не услыхав угрозы, сказал он,— что Ханжин перебрасывает в Белебей свежий резерв: усиленный Волжский корпус генерала Каппеля. Цель маневра — нанести решительный контрудар в тыл ударной группе и всей Пятой армии. Успех этого удара приведет к разрыву всех наших коммуникаций и выходу белых на Волгу.

Самойло сумел наконец надеть меховые туфли.

— Откуда вам известны эти планы Ханжина?— ворчливо, но гораздо спокойней спросил он.

— Данные эти абсолютно точны, они идут одновременно от нашей войсковой разведки и от агентурной разведки подпольного ревкома Уфы и взаимно подтверждают друг друга.

Самойло моментально понял угрозу, нависшую над фронтом. «Ах, черт возьми: принял я фронт в довольно благополучном состоянии, и вот все рухнет. Кто виноват? Да вот, скажут, Самойло виноват: командующего Южной группой отстранил, это раз, приказ отдал неверный — это два!..»— Он сбросил туфли и снова улегся под одеяло.

— Ну, и что же вы предприняли кроме выезда ко мне, узнав о маневре Ханжина?— иронически спросил он.

— Я позволю себе сесть.

— А? Да, да, конечно...— рассеянно бросил Самойло.

Фрунзе придвинул к себе золоченый стульчик и тяжело сел на него.

— За три часа до получения вашего приказа я разослал в дивизии свой приказ с целью упредить Ханжина и разбить корпус Каппеля на подходе к Белебею.— Он сжато и предельно ясно доложил свой план.

«Совсем непонятно, откуда у этого большевистского агитатора такая военная хватка, такая смелость... Крепкий орешек. Если его действительно уважает Ленин, то вряд ли назначение Ольдерогге состоится...»

— Вот и надо было начинать свой доклад с сообщения о Каппеле и контрмерах,— недовольно проговорил он.— В этих условиях я несколько меняю свой приказ: двадцать пятую и вторую дивизии временно оставляю вам, но,— и он начальственно вымолвил:— Пятую армию забираю. Можете громить корпус Каппеля, преследовать противника до реки Белой, но дальше не зарывайтесь — выручать мне вас нечем.

Фрунзе пристально глядел на Самойло: «Господи боже мой! Конечно, когда все понял, тогда испугался. Но ведь решение половинчатое... Эх, разве о деле прежде всего сейчас он думает?..»

— Отбирая Пятую армию, вы рубите мне левую руку!— решительно заявил он.— Ведь перед нами стоит еще задача выручать Оренбург и Уральск!

— А это уж ваше, батенька, дело,— заявил Самойло.— Вам уже давно, насколько я информирован, указывали на чрезмерное увлечение идеей контрудара, но вы ведь никого не слушаете, вот и обезлюдили свои армии.

— Но ведь контрудар — наше общее дело!

— Нет, за свои промахи несете ответственность лично вы. Что касается Пятой армии, то мой приказ согласован там,— он снова показал пальцем наверх,— и отменять я его не буду!

Фрунзе встал:

— Разрешите просить вас назначить на завтра заседание Реввоенсовета фронта.

— Ну, дорогой мой, если вы так уж настаиваете...— с неудовольствием ответил Самойло.— Завтра в десять жду вас в штабе.

— Спокойной ночи!— стульчик жалобно взвизгнул.

Фрунзе встал, коротко кивнул и вышел. Сразу же в дверях появился адъютант. Скорбное выражение его лица свидетельствовало о том, что он все слышал.

— Спросил меня, где живет Гусев,— доверительно доложил он.

— Эти большевики быстро договорятся,— кисло ответил Самойло.— Но крепкий орешек, скажу я тебе, ох, крепкий... Однако утро вечера мудренее. На войне как на войне.— Он тяжело задумался, машинально повторяя: А ля герр ком а ля герр... А ля герр ком а ля герр...

Восемь часов без перерыва продолжалось бурное заседание Реввоенсовета Восточного фронта. В шесть вечера, усталый и возбужденный, прямо с заседания Фрунзе прошел в аппаратную штаба и потребовал соединить его с Новицким. Связь налаживали около часа. Наконец телеграф простучал: «У аппарата Новицкий. Какие новости?»

«С большим трудом добился частичной отмены директивы фронта за № 199/с. 25-ю и 2-ю дивизии возвращают нам. 5-ю армию сохранить в Южной группе не удалось. Но добился приказа по 5-й армии: для обеспечения задуманной нами операции иметь не менее одной дивизии

на стыке с ударной группой на железной дороге Бугульма — Уфа. В северном направлении 5-й армии временно не наступать, заняв выжидательное положение, пока не будет закончена операция под Белебеем. Таким образом, удалось сохранить в наших руках для развития наступления в белебеевско-уфимском направлении десять стрелковых бригад из восемнадцати, а не пять, как предусматривал приказ командующего фронтом». Фрунзе прервал передачу и запросил у Новицкого, все ли ему понятно.

«Все понимаю. Валериан Владимирович рядом. Просит передать, что это довольно редкий случай в истории, когда полководцу приходится воевать не только с противником, но и с собственным командованием. Нас еще интересует: какое указание и какая помощь будет нам дана фронтом на участках обороны у Оренбурга и Уральска?»

«Для обеспечения положения в районе Уральска и Оренбурга, при содействии товарища Гусева, получившего телеграмму от Ленина, из резерва фронта нам срочно передают Самарскую бригаду из двух полков, Казанский мусульманский полк, 3-ю бригаду 33-й дивизии и Московскую 1-ю кавалерийскую дивизию. Все это позволит нам осуществить запланированную нами и фактически начатую Белебеевскую операцию и одновременно борьбу с восстаниями в Уральской и Оренбургской губерниях, с организацией помощи Оренбургу и Уральску, а затем и удар на Уфу. К сожалению, мой вынужденный выезд и переговоры отняли драгоценное время. Надо наверстывать. Посему приказываю...» И Фрунзе продиктовал шесть пунктов приказа.

Закончив приказ, он передал в Самару Куйбышеву и Новицкому:

«Я выезжаю сегодня, в 22 часа, вместе с двумя батальонами Казанского полка; буду в Самаре утром 15-го. На 16-е число приготовить состав Казанскому полку для отправки на Оренбург».

«Все понятно»,— простучал аппарат.

Фрунзе сел, расстегнул ворот. Только сейчас он почувствовал, как нечеловечески устал. Что ж, можно считать почти выигранным и этот этап сражения. Но какой нелегкой ценой! А сколько боев впереди, и сколько еще требуется сил — и от других, и от него...

ВЫСШАЯ ШКОЛА

«Ты хорошо играешь в шахматы, кызыл-генерал...»

— Смелый ты человек, кызыл-генерал! Атакуешь королем. Не всякий отважится.

— Приятно слушать похвалу столь искусного игрока, как ты, курбаши. Позволь заметить, что я угрожаю твоему коню.

— О, кызыл-генерал, красный генерал, это беда небольшая: мои кони — как ветер в пустыне, сейчас они здесь, а вот их уже и нет... Эй, кто там? Кофе нам! — Мадамин-бек повелительно хлопнул в ладоши.

— Ветер может улететь в горы, курбаши, а твоим коням с шахматного поля уйти некуда. Вот мой офицер перекрыл им все проходы.— Фрунзе отхлебнул из крошечной чашечки.— Спасибо за кофе, отменный вкус!

— Уж не этот ли офицер?— Мадамин-бек с тонкой улыбкой посмотрел на невысокого худощавого адъютанта в гимнастерке, выгоревшей под злым солнцем Средней Азии.— Вам не жарко, дорогие гости?— Курбаши что-то коротко и гортанно бросил басмачу, неподвижно стоявшему у окна. Тот поклонился и распахнул створки. В комнату ворвался разноголосый говор, конское ржание, клацание оружия, возбужденные выкрики.

— Благодарю тебя, курбаши. Но я боюсь, что этот нестройный шум помешает тебе правильно оценить позицию и ты сделаешь какой-нибудь неверный ход.

— Оказывается, кызыл-генерал, командующий всем Туркестанским фронтом, может чего-то бояться? А ты не боишься, Фрунзе, что мой кофе окажется тебе не по вку-

су?— Курбаши остро глянул в зрачки главного командира большевиков, который приехал к нему без охраны, с одним лишь суровым тощеньким адъютантом.— Мы ведь люди восточные!..

— Нет, этого не боюсь. Кстати, курбаши, мы с тобой почти земляки: я родом из Пишпека. И я знаю, что гостю нечего опасаться в доме такого отважного воина, как ты.— Фрунзе в свою очередь пристально поглядел прямо в угольные глаза Мадамин-бека и снова отхлебнул из чашечки.— Посмотри, однако, сколько твоих фигур сбито.

— Это не страшно. Вот сейчас эта маленькая пешка дойдет до края доски и обернется большой-большой силой.

— А вдруг все случится, как в жизни, курбаши? Вдруг битые фигуры не захотят возвращаться?

Мадамин-бек вежливо поднял брови:

— Смысл слов твоих темен для меня, о кызыл-генерал...

— Я имею в виду казаков, которые ушли в Китай. Когда они узнали об амнистии, да еще о трехнедельном отпуске, да еще о шести тысячах за коня и тысяче рублей за седельный убор, они почти все — даже офицеры — решили вернуться на нашу сторону.

— Вот ты какой игрок, кызыл-генерал!..— Мадамин-бек задумался, глядя куда-то мимо доски. Потом начал делать один ход за другим.

— Как ты относишься к ничьей, кызыл-генерал?— отрывисто спросил он через некоторое время.

— Посмотри, Мадамин-бек: у меня больше фигур, мои ладьи готовы к решающему штурму, а пешки движутся неудержимо.

— Твой король очень далеко выдвинулся вперед, и подумай: сколько твоих пешек будет мною сбито?

— Ты прав, Мадамин-бек: я тоже считаю, что почетная ничья в этой партии будет лучшим исходом.— Фрунзе отодвинул доску.— Я думаю, что такой храбрый и самостоятельный джигит, как ты, может быть у нас не меньше, чем командиром полка.

Курбаши, главарь басмачей, резко отшатнулся. Он ничего не понимал: он думал, как вернее выторговать отступление за рубеж, на чужбину, через кольцо красных войск, а тут... Он сверлил черными глазами спокойное лицо Фрунзе: где же, где ловушка?.. Фрунзе не торопясь допивал кофе.

Мадамин-бек, не выдержав, вскочил, сбросил шахматы на пол, схватился за рукоять богатой сабли:

— Видит аллах, если ты хитер, как змея, я буду беспощаден, как коршун! Он камнем падает на змею с неба и убивает в мгновение ока!

Басмач у окна тоже угрожающе схватился за саблю, Порывисто встал адъютант. Фрунзе допил душистый напиток и тоже встал:

— Я не змея, а ты не коршун, Мадамин-бек. Мы с тобой мужчины, которые уважают силу друг друга! Зачем понапрасну гибнуть нашим бойцам? И разве ты не видишь, что ничего доброго басмачей не ждет? Монстров уже сдался. Но он слишком поздно сдался и слишком много злодеяний учинил. А ты, курбаши, можешь сохранить и жизнь, и честь, ты будешь уважаемым командиром своих всадников. И я прямо говорю тебе: сейчас я согласен на почетную ничью, а позже поставлю твоему королю безжалостный мат!

Мадамин-бек мягко, как барс, прошелся по ковру и неожиданно сел по-турецки:

— У тебя есть приказ из Москвы?

— Нет. Но у меня есть доверие Москвы.

— Тебя послушают?

— Да.

— Командир полка...— после длительной паузы произнес курбаши.

— Командир Старо-Маргеланского узбекского конного полка Красной Армии.

— Уж и название придумал,— покачал головой Мадамин-бек.— Ты хорошо играешь в шахматы, кызыл-генерал, лучше меня.

От генерал-фельдмаршала Ласи до пастуха Ткаченко...

Темные рваные облака стремительно уносились по низкому небу к горизонту. Смеркалось, и потому где-то совсем близко они неразличимо сливались с Сивашом, по-ноябрьски недобрым и мрачным. Едва белели в густой лиловой мгле мазанки на плоском берегу. Нигде ни огонька, ни голоса. Замерла крохотная рыбацкая деревушка Строгановка, замерло, притаилось все северное побережье. Но молчит и Крым — ни случай-

ного стука, ни колесного скрипа, ни человеческого шевеления не доносится с врангелевской стороны, только воображение угадывает притаившихся, настороженных — там, за свинцовыми водами, да ветер свистит, да «гнилое море» Сиваш, угоняемое злым западным ветром, сердито и неровно плещет.

Хлопнула о стенку выхваченная сильным порывом дверь, Фрунзе и Гусев вышли из глинобитной мазанки, поплотнее запахнули шинели, двинулись вдоль берега.

— Итак, дед Оленчук и дед Ткаченко подтвердили существование бродов, дали их точную схему при каждом ветре и предложили провести войска по обнажившемуся дну. Геройские деды!— сказал Фрунзе.— Один солевар, другой пастух, а от их советов, смело скажу, судьбы тысяч и тысяч бойцов зависят.

— Значит?

— Да. Это было последнее звено. Значит, по бродам через Сиваш в тыл Перекопу мы и бросим большие силы.

Они остановились, глядя туда, где в снежной тьме, невидимые и злобные, готовые отразить любой штурм с суши, зарылись в землю, спрятались за Турецким валом, опутались колючей проволокой, заслонились танками, напряглись в ожидании белые.

— Двадцатый год на исходе. Пора кончать,— жестко сказал Фрунзе.

— Да, появление Красной Армии из моря, в тылу укреплений, несомненно, ошеломит противника, но...

— Но?

— Я не могу не думать: не утопим ли мы свои войска? Пройдут ли они по воде?

Фрунзе двинулся дальше, Гусев, несколько поотстав,— за ним. Через некоторое время Фрунзе заговорил:

— Я все время думал об этом. И вот что надумал: дать Врангелю прийти в себя после разгрома на Каховском плацдарме, отсидеться, отдохнуть до весны, чтобы он с помощью Антанты перешел в новое наступление? Не имеем права! Брать укрепления в лоб? Положим всю армию. И даже если возьмем перешеек при таком условии, страна нам этого не простит: каждый человек сейчас позарез нужен новой России. Остается лишь комбинированное наступление — с суши и моря. И вот теперь встает этот мучительный вопрос: пройдут ли войска по воде?— Он размеренно шагал, беседуя как бы сам с собой. Гусев шел рядом, подняв воротник, не перебивая

его.— Пройдут ли? Оказывается, уже проходили, причем не однажды!

— То есть? Что ты имеешь в виду?

— Когда стало ясно, что штурм должен быть комбинированным — с моря и суши, я поднял все материалы, все документы и узнал, что в 1737 году русский генерал-фельдмаршал Ласи, обойдя по Арбатской стрелке войска крымского хана, которые ждали его у Перекопа, отогнал и разгромил их. Повторить этот маневр нам нельзя. Врангель перекрыл Арбатскую стрелку, наш флот из-за ранних морозов пробиться не может. А вот в 1738 году маршал Ласи повторно подошел к Крыму. Хан ждал его опять у Перекопа. Тогда Ласи воспользовался тем, что Сиваш обмелел, и прошел с войском через броды Сиваша, ворвался в Крым и разбил войска крымского хана. Задумал и я повторить его маневр.

— Ясно.

— Да, конечно. Но, знаешь, среди многих звеньев, которые помогли сложиться решению,— от генерал-фельдмаршала Ласи до пастуха Ткаченко,— есть и такое, которое держит на себе всю цепь.

— Михаил Васильевич, объясни. Всегда я понимал тебя, а тут...

— Ты помнишь, что нам писал Ленин шестнадцатого октября?

— Сердитое было послание!— усмехнулся Гусев.

— Может быть. Но меня как током ударило, когда прочел: «Готовьтесь обстоятельнее, проверьте — изучены ли все переходы вброд для взятия Крыма». Ведь я тогда как раз об этом же начал думать, еще ни с кем этой мыслью не делился, еще очень сомневался. И вдруг: Ленин думает о том же! Для меня это значило очень многое...

— Понимаю...

— Товарищ командующий Южным фронтом! Вас просит к прямому проводу начдив товарищ Блюхер!— Запыхавшийся молоденький связной стоял навытяжку, рука у козырька.

— Иду!— Фрунзе повернулся и на мгновение глянул туда, где в густом сумраке за снежным ветром прятался Крым.

Наглядно, до иллюзии реальности он увидал колонны красноармейцев, вступающих в море, чтобы подобно призракам появиться из ночи на Крымском берегу. Появить-

ся и свершить суд! Командарм зашагал, упрямо наклонив лицо против ветра — тоскливо завывающего ледяного ветра, который он заставил служить победе.

«А помнишь, Лида...»

— Как думаешь, Лида, какой момент в моей жизни был самым страшным?

— Что ты, Миша! Уж сколько в твоей жизни ужасного было! Разве угадаешь?

— А все же?

— Я-то думаю, страшнее всего было сидеть в смертной камере, каждую ночь ждать казни.

— Да, тяжело было. Но я себя к виселице подготовил, встретил бы смерть без страха. Ужасно было только одно: глядеть в глаза людей, которых уводили. Это не забудется. А вот однажды ночью пришли и за мной, вызывают мрачным таким, замогильным голосом: «Фрунзе!» Поднимаюсь... И сообщают, что смертная казнь заменена высылкой. Ну, значит, повоюем!

— А может, тогда было самое страшное, когда в девятьсот пятом году, осенью, казаки тебя в изгородь ногами сунули и лошадьми тянуть стали, разорвать хотели?

— Нет, сестренка моя дорогая, тогда во мне только ярость поднялась беспощадная. Уж и колени в суставах разошлись, уж и решетка стала ломаться, а я казаков все неслыханно бранил, пока память не потерял. Нет, не тогда было самое страшное.

— Когда же, Миша? Выходит, и я не знаю...

— А помнишь, Лида, за что в двадцать первом году меня к Ленину срочно вызывали?

— Ну как же! Дал тебе хорошенький нагоняй Владимир Ильич, чтобы впредь так не рисковал. Подумать только: чуть было к махновцам в собственные руки не попал!

(А знаете, что смеху-то было, когда Миша вечером в Москву прибыл! Остановился он у Воронского. Это был такой литературный критик, они с Мишей еще до революции были знакомы,— вместе подпольной работой занимались. Стал Миша ложиться, а у него галифе-то в руках и распались: их пулей прожгло, когда махновцы в него стреляли. Хорошо, что мать у Воронского раньше модисткой была, аккуратно все заметала, а то конфуз получился бы!)

— Помнишь, значит... Да, выскочили мы, несколько человек, прямо на эскадрон махновцев, открыли они пальбу, я крикнул своим: «Назад!» Все развернулись и поскакали. А когда конь встал на дыбы, маузер мой и выпал наземь! Вот тут-то, Лида, и было самое страшное. Подумал я: спрыгну за ним, а вытянутые суставы и заскочат, заклинят, как не раз бывало! И возьмут меня махновцы голыми руками — вот уже они, полсотни сажен осталось...

— Господи! Действительно... Так скакал бы без маузера!

— Тоже нельзя: именной был маузер. А главное, если не отстреливаться, они тогда прицельный огонь открыли бы. Тогда я тихонько-тихонько, на животе, сполз с коня, чтобы ноги никак не нагружать, поднял оружие, а уж тогда взвился в седло, как кошка, и начал палить чуть что не в упор. Одного сразу свалил, другие рассыпались, я и погнал коня вовсю! Уж как они стреляли: штаны прострелили, на шерсти коня несколько паленых полос оставили. Один, особо упорный, долго за мной гнался, все мы с ним перестреливались: он из винтовки, я из маузера. Все-таки я его свалил. Видишь, сидим, вспоминаем, и уже двадцать пятый год на дворе.

— Да, братец, не зря тебе Ленин разгон тогда устроил!

— А я разве говорю, что зря? (А сам смеется. Хорошо он так, очень весело смеялся, заразительно, и я с ним тоже засмеялась. А ведь какой момент вспоминали!)

«Ты спрашиваешь, Костя...»

— А зачем тебе, Костя?

— Ну как зачем: комиссаром Ярославского округа я после тебя был? Был. Командармом Четвертой после тебя был?

— Честно говоря, мог бы быть и получше.

— Так разве я спорю? Однако был? Был! Твоим заместителем по Туркестанскому фронту был? Тоже, скажешь, мог бы и получше работать? Тогда почему же ты потянул меня за собой в штаб войск Украины и Крыма, а?

— Сдаюсь! А теперь, значит, хочешь после меня стать председателем Реввоенсовета?

— Да мне бы чего поменьше: можно и наркомом по военным и морским делам!

Друзья расхохотались.

— Забирай! Хоть Военную академию возьми, и то мне легче станет!

Все так же смеясь, Фрунзе подошел к окну, распахнул его и повернулся к Авксентьевскому.

— Ты спрашиваешь, Костя, где же все-таки я получил военное образование? Так?

— Точно так. И что тебя все-таки подтолкнуло к военному делу?

Фрунзе посерьезнел, задумался:

— Думал, экономистом буду, в Политехнический поступил. Не вышло. А подтолкнула меня, Костя, одна беседа. Всего лишь одна: с незабвенным нашим Ильичем.

— С Лениным?! Когда?

— Давно это было, девятнадцать лет тому назад: в девятьсот шестом году. Двадцати одного года от роду попал я в Стокгольм, на Четвертый съезд партии. Молодым был. Хотя и обстрелянным. А ему тридцать шесть — в расцвете сил и зрелости был. И вот начал он меня обо всем выспрашивать, особенно об иваново-вознесенских Советах. Интересовался и баррикадными боями. А потом и говорит: «Что стрелять рабочие умеют, это хорошо. А вот руководить военными действиями многие ли из них могут по-настоящему? И не думаете ли вы, что в будущих восстаниях-битвах это умение может сыграть решающую роль? Революционеры должны овладеть военными знаниями, это еще Энгельс писал! Я бы вам советовал над этим подумать!»

— И стал думать?

— Да. И стал я читать все, что мог. И всюду, где мог. И начал изучать языки, чтобы читать как можно больше о военном искусстве.

— «И всюду, где мог?..»

— Ты тюрьму имеешь в виду? Верно. Там я много успел. Особенно в камере смертников: очень усердно учился. И сказал бы я так: низшую военную школу я кончал тогда, когда взял в руки револьвер и стрелял в урядника во время забастовочного движения иваново-вознесенских и шуйских текстильщиков да когда по тюрьмам да каторгам сроки отбывал.

А среднюю школу, я считаю, кончил тогда, когда правильно оценил обстановку на Восточном фронте в девят-

надцатом году и нанес удар Колчаку армиями Южной группы.

А третья, высшая моя военная школа — это та, когда ты и другие командиры и многие специалисты убеждали меня на Южном фронте против Врангеля другое решение принять, но я позволил себе не согласиться, принял свое решение и оказался прав. Там мы Врангеля разгромили весьма основательно.

— Михаил Васильевич, а какую же школу ты сейчас кончаешь?— Авксентьевский кивнул на стопку иностранных книг и журналов.

Фрунзе подошел к столу, взял одну книгу, другую:

— Не знаю, Костя, как назвать эту школу, но, в общем, навалился я сейчас на изучение военной техники. Авиация, танки, невиданной силы артиллерия, подводный флот и многое другое — вот что будет играть в будущей войне совершенно особую роль, и мы должны об этом думать загодя.

Авксентьевский стоял у стола, склонив голову.

— Нет, Миша,— строго, без улыбки сказал он,— уж лучше ты и оставайся на своих постах. Уж лучше бы, чтоб тебя никто не сменял, не заменял.

— Соня!— закричал Фрунзе.— Неси нам чай да сама иди сюда скорее: надо гостя дорогого развеселить, а то уж очень он в серьезность ударился и меня туда же тащит. Да захвати конфет каких — хоть монпансье!

15 мая 1919 года.
САРАТОВ

Беспредельно широка Волга у Саратова в мае, с одного берега едва-едва виден другой. Река так многоводна, что, когда стоишь на песке у самой воды, кажется, будто из-за земной кривизны поверхность ее слегка выпукла.

Май в 1919 году стоял тихий, жаркий, безоблачный. К вечеру, когда солнце закатится, небо на западе сначала пожелтеет, затем станет сиреневым, потом синим, и весь этот спокойный, постепенный перелив цветов отразится в безбрежном разливе Волги. Но редко-редко зарябит по гладкой ленте заката, повторенной в воде, след от лодки,— мало осталось в тот год рыбаков на Волге: кто не вернулся с германской, кто воевал за красных, а кто и за белых. А рыбы расплодилось в реке без счету, ловить бы только, но кому — старикам одним?..

Скользит по реке одинокая лодка, ровными сильными взмахами весел гонит ее через реку простоволосый старик в ветхой ситцевой рубахе к заросшему кустарником песчаному острову, едет на ночную, самую удачливую рыбалку — себя ли поддержать свежей рыбой, для рынка ли наловить...

Вытянув лодку на пологий откос, старик размотал удочки, насадил наживку, поставил поплавки на разную высоту и установил вдоль берега удилища — все это быстро и сноровисто. И почти сразу же то на одном, то на другом удилище начали вздрагивать и звенеть маленькие коло-

кольчики. Не прошло и часу, как в брезентовом ведре густо заплескались порядочные окуньки и подлещики, а звоночки продолжали сообщать о новой и новой добыче.

Старик еще раз обошел с ведром удочки, снял рыбу и отправился вдоль берега — собирать ветви, щепки, поленья, прибитые к острову течением. В лощинке за кустами он развел небольшой костер, подвесил над ним котелок с водой, быстро почистил несколько рыбешек и забросил их в кипяток. Запустив руку в холщовые штаны, рыбак вынул из кармана зловеще блеснувший при свете костра короткий тупой кольт с дулом огромного калибра — хоть на слона с таким идти,— переложил оружие в левую руку, а правой извлек из глубин кармана тряпочку с двумя сырыми картофелинами, лавровым листом, перцем и солью. Бросив приправу в клокочущий котелок и спрятав кольт, рыбак снова отправился к удочкам: одна из них звала его особенно громко и настойчиво. Он потянул удочку на себя и понял, что рыба попалась большая и торопиться нельзя. Добродушно мурлыкая, он стал водить добычу, то отпуская леску, то осторожно подтягивая к себе. Минут через десять, все так же ласково напевая, он опустил в воду сачок и сильно подтянул рыбу к себе. Мгновение — и в сачке забился округло-серебристый язь. Рыбак бросил бьющуюся рыбу в ведро и отправился к костру. Зачерпнув деревянной ложкой бурлящую уху, он осторожно попробовал жгучее варево, одобрительно крякнул и снял котелок.

Потянулась теплая, темная ночь. Только редкий плеск волны и слабый звон колокольчиков нарушали безмолвие. Старый рыбак все так же цепко таскал добычу. Постепенно звезды начали блекнуть, восточный край неба засветился, защебетали первые птахи. Настороженное ухо рыбака уловило вдалеке слабые удары весел. Он вынул из-под распоясанной рубахи массивные золотые часы с двойной крышкой, посмотрел время, удовлетворенно кивнул головой, но на всякий случай взвел в кармане маслянисто щелкнувший курок.

Мой костер в тумане светит,
Искры гаснут на лету...
Ночью нас никто не встретит,
Мы простимся на мосту,—

донесся издалека женский голос. В предрассветном тумане лодка, видимо, плыла наугад,— пение стало удаляться. Но четверть часа спустя плеск весел раздался совсем близко, женщина энергично повернула лодку против течения и погнала на отмель рядом с лодкой рыбака.

Вогнав свою лодку в песок, невысокая гибкая женщина сразу выскочила в мелкую воду и, подтянув лодку повыше, направилась к костру.

— Свежей ухи?— поприветствовал ее старик.

— С удовольствием. Аппетит собачий, или волчий, или какой там еще бывает.— Она жадно принялась черпать ложкой прямо из котелка.— Ах, дорогой шеф, если вас уволят из вашей конторы за непригодностью, как выбрасывают старый шкаф,— доходчиво разъяснила женщина,— то вы прекрасно сможете зарабатывать себе на пропитание рыболовством. Если, конечно, вас раньше не ухлопает Чека.

— Или не угостит вкусным пирожком одна очаровательная молодая леди,— добродушно поддакнул старик, глянув ей в глаза.— Почему вы не пришли тогда в Самаре? Я ждал вас, и промедление могло мне дорого стоить!

— Они обложили вас, как медведя в берлоге.

— Врете! Второй выход был свободен!

Она с комической покорностью вздохнула и лениво выгнулась. Старик бросил насмешливый взгляд на ее грудь и сухо, но уже более спокойно сказал:

— Извольте сесть благопристойно, у нас есть дела.

Нелидова снова нарочито покорно вздохнула и принялась приводить в порядок волосы.

— Многих взяли, почти всех,— сообщила она.— Усиленно ищут вас и меня. Разгром...

— Ничего страшного. Есть мнение некоторых умных людей, что так даже лучше...

— Что?— Как ни цинична была Нелидова, но хода мыслей Уильямса постичь даже она не могла.— Эти умные люди сидят в Чека?

— Они сидят далеко, очень далеко, хе-хе-хе... Есть новые директивы, дорогая Галина Ивановна,— уклонился от объяснений Уильямс.

«А хорошо бы и тебе, старая сволочь, подсунуть пирожка! Тридцать наших людей поставят к стенке, а он доволен — новые директивы, видите ли...»

— Я слушаю, сэр.— Она обворожительно улыбнулась.

— Очень умные и очень знающие люди решили, что я должен работать в другом месте, скажем, где-нибудь восточнее, или южнее, или западнее, а может быть, и севернее... А вместо меня останетесь здесь вы, дорогая Нелидова. Какая карьера, а? Какой счет в банке, а? О мадам, тысячи претендентов будут лежать у ваших ног.

— Насчет ног они и сейчас не брезгуют,— отрубила Нелидова, по необъяснимой ассоциации со злобой вспомнив Безбородько.

— О, какой язык! Какой язык!— одобрительно покачал головой Уильямс.— Как сабля у этого... у друга вашего покойного мужа, у Плясункова...

— Да, у Плясункова.— Нелидова взяла себя в руки: этот старый черт, оказывается, знает, кто разгромил восстание в Ставрополе, от кого она бежала недавно в Самару, очертя голову, бросив Долина и других. Не подсунул бы Уильямс ей за это «пирожка». Она с испугом глянула краешком глаза на опустошенный котелок. Но, впрочем, зачем же тогда предлагать ей карьеру?..

Костер дымил, догорая. Яркой полосой зажглось небо на востоке — вот-вот брызнет первый луч. Облака в зените уже пылали желтизной.

— Да, миссис, борьба с большевиками оказалась трудней, чем многим представлялось первоначально. В свое время я предупреждал об этом! Но мы не должны отказываться от борьбы, нет! Мы только должны действовать острее, умнее. Я установил прочную связь с Южной группой казачьих войск Колчака. Все это будет передано вам. Наше руководство действительно очень ценит вас.

«Ну, значит, показалось,— с облегчением подумала Нелидова, которая уже явственно почувствовала приближение сильных резей в животе.— Ох уж эта уха, ох уж все эти угощения...» И она со вниманием начала слушать Уильямса:

— Ваша главная цель,— восстания, восстания и восстания в казачьих станицах, в совершенно ослабленном тылу у этого каторжника... у Фрунзе. Итак, слушайте внимательно...— Он методично и последовательно стал диктовать ей явки, имена, пароли.

Она внимательно слушала и повторяла все вслед за ним.

Так прошло около часа. Затем она, не стыдясь Уильямса («Ах, сэр, какие между нами могут быть условности?.. Да к тому же вы, по-моему, простите, не столько мужчина, сколько бумажник из крокодиловой кожи»), выкупалась, освежилась и, натянув на мокрое тело платье, повторила все выученное, но уже не как школьница-ученица, а как деловой партнер. В конце концов, руководитель района беседует с руководителем другого района — какое может быть неравенство? Тем более, что она молода, дело знает отлично, перспективна, и, надо думать, далеко не все большие начальники там, наверху, будут столь же бесчувственны к ее прелестям, как этот старый импотент... В общем, трудно сказать, кто с кем должен говорить искательным тоном...

— Да, миссис, у вас прекрасная память. Вообще, вы далеко пойдете. Если не зарветесь. Если не забудете, как бежали из Ставрополя, из Самары. От Плясункова и других.

«Ах, угрожать? Шантажировать? Ну смотри мне, старая щука, мы еще встретимся, и тогда посмотрим, чей желудок крепче!»

— Нет, сэр, я ничего не забуду. Я всегда буду помнить вас и все ваши уроки,— с милой улыбкой, но так, что у него похолодело внутри, пообещала она.

— До встречи. В случае победы — в Петербурге. А нет — в Лондоне.— Он с безупречной вежливостью склонил голову.

Она повязала косынкой свои пышные волосы цвета воронова крыла и вошла в лодку, подобрав подол так, чтобы раннее солнышко без помех ласкало ее ноги.

Старый рыбак, подвернув брюки и зайдя по колено в воду, столкнул лодку, и молодая, простенько одетая саратовская мещаночка медленно поплыла по реке, чуть касаясь воды веслами...

На прощанье шаль с каймою
Ты на мне узлом стяни:
Как концы ее, с тобою
Мы сходились в эти дни,—

донесся до него ее ленивый, полный презрения голос.

29 мая 1919 года.
МОСКВА

ТЕЛЕГРАММА

29.V.1919 г. *Шифром*

СИМБИРСК
РЕВВОЕНСОВЕТ ВОСТФРОНТА
ГУСЕВУ, ЛАШЕВИЧУ, ЮРЕНЕВУ

По вашему настоянию назначен опять Каменев. Если мы до зимы не завоюем Урала, то я считаю гибель революции неизбежной. Напрягите все силы. О каждом трении Каменева со штабом своевременно телеграфируйте мне шифром. Следите внимательно за подкреплениями; мобилизуйте поголовно прифронтовое население; следите за политработой. Еженедельно шифром телеграфируйте мне итоги. Прочтите эту телеграмму Муралову, Смирнову, Розенгольцу и всем видным коммунистам и питерским рабочим. Известите о получении. Обратите сугубое внимание на мобилизацию оренбургских казаков. Вы отвечаете за то, чтобы части не начали разлагаться и настроение не падало. Не увлекайтесь оперативной стороной.

Ленин

3—4 июня 1919 года.
ДЕРЕВНИ ТРИФОНОВКА — ЛАВОЧНОЕ

Мчится, тяжело погромыхивает на ухабах походная кухня. Сидят на облучке два красноармейца, весело переговариваются. А что им? Обед сварен, будет доставлен в срок. И невдомек бойцам, что незаметно проскочили они необходимый поворот и едут прямо навстречу собственной смерти, которая не за горами уже, а вот — за этой последней извилиной дороги, в этой деревне, занятой белыми.

— Тпру!— весело командует кашевар, натягивая вожжи у крайней избы.— Здорово, мужики! А где здесь хозчасть Интернационального полка дивизии товарища Чапаева?

— Охти вам!— испуганно всплескивает руками один из крестьян, сидевших на завалинке, увидав красные

звезды.— Братцы, тикайте отсюда, у нас еще белые!

Побледнел молодой боец, стал отчаянно дергать вожжи, чтобы развернуть коней, но тут из дома выскочило пять казаков — без поясов, но с винтовками.

— А ну, слазь оба! Давайте сюда, в хату!

И еще не все было потеряно — ударить бы кнутом по коням, понеслись бы они во весь опор. А там — подстрелили бойцов или нет, это дело случая, а могли бы и уйти. Но уж очень благодушно перед нежданной встречей были настроены молодые красноармейцы, и грубый окрик застал их врасплох. Медленно, как больные, слезли они со скамьи, устланной сеном, и, подталкиваемые стволами, вступили в большую избу. А там, за широким столом, уставленным разной снедью и водкой, обедало с дюжину матерых казаков. В углу под образами сидел старший из них — могучий, вислоусый казачина с двумя «Георгиями» на гимнастерке и маленькими на его медвежьих плечах погонами сотника.

— Вашскородь, поймали красношкурых разведчиков! Приехали, вишь, с кухней для отвода глаз,— бойко доложили ему.

Пристально глядя на совсем жиденьких против него пареньков, бывший вахмистр, ныне офицер Охрименко опрокинул в рот стакан с остатками водки, с хрустом откусил соленый огурец и, накаляясь яростью («И от таких сопливых уже месяц как бежим?»), спросил:

— Какой части?

— Интернационального двести двадцать второго полка двадцать пятой дивизии товарища Чапаева!— четко доложил рыжий, веснушчатый кашевар.

— Тырнационального... Так... Разведчики, значит?

— Никак нет, кашевары мы.

Охрименко выбрался из-за стола и подошел к пленным, нависнув над ними, как громоздится темная гора над тонкими зелеными березками.

— Так вашу... А где ваш полк сейчас?

— Должон быть в этом селе, а раз нету, так не знаем.

— А сколько штыков у вас в полку?

— А это мы не знаем,— побледнев, отвечал боец.

— А ты, значит, кашу варил?— тяжело дыша, спрашивал Охрименко.

— Варил,— еле слышно шепнул кашевар.

— А на сколько же персон ты варил? А?— дико за-

орал офицер.— Говори, не то сейчас мозги вышибу!

— На всех варил,— едва шевеля губами, вымолвил пленник.

Хрясь! Страшный удар пудового кулака обрушился ему на переносицу и отбросил паренька к стене. Широким черным потоком хлынула кровь, она мгновенно залила все лицо, рубаху, штаны, полилась на пол.

— А!— с пьяным криком казаки бросились насмерть забивать пленных: ногами, кулаками, еще ногами, еще кулаками!

— Стой, дьяволы! — заорал Охрименко.— Стой! Так они живо отойдут в царство небесное, дешева будет расплата за нашу земельку! А ну, вяжи их к стульям!

С бойцов посдирали гимнастерки, посадили их и привязали веревками к стульям.

— А вот так, а вот так! Равноправия захотели, голытьба проклятая? Вот тебе равноправие! Ну, продолжай.— И он передал своим кровавым сподвижникам нож, которым начал резать кривую пятиконечную звезду на спине у кашевара.— А ну, кто там, соли сюда!

Один из бойцов глухо стонал, скрежеща зубами, только обильный пот залил ему лицо. Другой закричал нечеловеческим криком, когда казаки начали сдирать с его спины кожу.

— Ну, сколько у вас бойцов, гад? Отвечай!— Охрименко поднял за чуб сникшую голову с закатившимися глазами. Кашевар открыл свои померкшие глаза, и дикая ненависть засветилась в них. Собрав последние силы, он плюнул кровью в лицо палачу. Со звериным ревом тот отшатнулся и стал шарить у пояса шашку; не найдя ее, он бросился к стене, выхватил из ножен оружие и рубанул бойца по руке. Тогда и другие, озверевшие от крови, злобы и водки, казаки начали добивать свои жертвы — табуретами, бутылками, ножнами.

Вдруг неподалеку звонко лопнул выстрел, за ним другой.

— Братцы! Красные близко! — вскочил в избу казак.

— Тихо! Этих — в навоз! — Охрименко быстро стал опоясываться.— Седлать коней!

Четверо потащили замордованных пленников в хлев, остальные заметались по комнате, собирая вещи, оружие. Через несколько минут все высыпали наружу.

— Ты!— Охрименко притянул к себе полумертвого от испуга хозяина дома.— Молчать! Мы скоро вер-

немся. Проболтаешься — зарублю!— И он отбросил его прочь.

За селом слышались частые беспорядочные выстрелы, крики «ура»!

— По коням! За мной!— И они вихрем умчались прочь от приближающегося боя. Не прошло и пяти минут, как по улице мимо избы молнией промчались красные кавалеристы: конный взвод под командой Григория Далматова отрезал путь отступающей белой пехоте. Когда погоня кончилась, Григорий отдал приказ бойцам спешиться и отдохнуть, а Еремеичу и Фролову собрать всех пленных вместе.

Не торопясь, шагом возвращались бойцы к просторной избе на краю деревни.

— Здравствуй, хозяин,— обратился Григорий к крестьянину, который, схватив щеки, как при зубной боли, сидел около своего дома.— Можно у тебя отдохнуть?

— Родные вы мои! Что было, что было-то... Заезжайте скорее, только сперва бабы кровь отмоют. Весь пол, все стенки в крови!— И пожилой, тертый-перетертый жизнью мужичонка неожиданно закричал тонким голосом и стал биться лбом о крыльцо.

— Что такое? Что случилось!— Григорий спрыгнул с коня и бросился к хозяину.

Тот оторвал от стены залитое слезами лицо и стал совать рукой в сторону конюшни:

— Там... там... В навоз двоих ваших зарыли, детишки еще совсем... Может, дышат еще... О, душегубы окаянные, что наделали-то!..

Далматов и его бойцы бросились в конюшню и осторожно стали снимать с кучи навоза в углу слой за слоем, и вот показались измазанные, окровавленные, обезображенные тела замученных бойцов. Принесли воду, стали обмывать лица, грудь, руки. И вдруг из-под навоза показалась вырезанная на спине у первого пятиконечная звезда.

«Но ведь это человек! Как же можно с человеком — так? Кто же может с человеком — так? Не́люди! Не́люди!»— Слепая ненависть волной захлестнула Григория. Он схватил старика за грудь и стал трясти его.

— Кто это сделал? Говори!

— Здоровый такой казачина сотник Охрименко всем распоряжался, он и повинен...

— Где он? Говори!..

— Да ускакали все как раз перед вами...

Далматов вскочил на коня и наметом бросился со двора на улицу.

«Не́люди — не́люди! Контра проклятая! Вампиры проклятые! Выжигать, уничтожать вас! Я вам покажу сейчас все пять концов красной звезды!»

— Гриша! Гриша! Товарищ командир! Стой!— услыхал он голос Фролова.— Стой, ты куда?

Далматов чуть придержал коня, яростно и нетерпеливо поглядывая на догонявшего его друга. Запыхавшись, Володя радостно отрапортовал:

— Товарищ командир! По деревне захвачено и взято в плен семьдесят два белых солдата. Мобилизовал две подводы для сбора оружия.

— Где пленные?..

— А вон там... Стой, чего это с тобой?..

Далматов ветром понесся к пленным. Они сидели на траве и слушали Еремеича, который что-то говорил им.

— Охрименко есть? — закричал Григорий, подскакав к ним.— Я спрашиваю, кто Охрименко, ну? Ты?— Он направил коня на дородного пожилого солдата. Тот испуганно упал на землю, крестясь дрожащей рукой.

— Быстрых, Быстрых мы, это кто хочешь скажет.

— Григорий, ты что?— Еремеич сурово встал перед Далматовым.— Опомнись!

— Опомнись? А ты видел, что они с нашими бойцами сделали? Звезды нарезали, живьем истерзали! О, палачи проклятые! Встать! Всем следовать вперед! Ну!..

Еремеич твердой рукой схватил за уздечку пляшущего Ратмира и, глядя в глаза Григорию, тихо произнес:

— А ты уверен, что палачи — среди них? А? Всю работу нам сорвать хочешь? Семьдесят солдат от советской власти отпугнуть хочешь, так, что ли?— Два взора столкнулись: один горячий, бешеный, другой — холодный, властный, едва ли не презрительный.

— Эх, Еремеич,— промолвил Григорий, тяжело дыша,— ведь это не люди. Если б ты видел...— Взгляд его понемногу становился осмысленным.

— Не люди? А это от нас с тобой сейчас зависит, кем они будут. Ты думаешь, я не видал такого, что тебе и не снилось?— Старый большевик отпустил поводья Ратми-

ра: — Эх, сынок, голову только не надо терять: бывает, потом и не подберешь.— Он повернулся к пленным, громко скомандовал: — К месту злодеяния — шагом арш!— вскочил на коня и вместе с Далматовым погнал всю толпу к дому на околице.

Там, на дворе перед окнами, уже лежали обмытые мертвецы со сложенными на груди посеченными руками. Их вид был страшен. Пленные закрестились, стащили фуражки. Григорий соскочил с коня, подошел к трупам и бережно перевернул их на живот — спекшимся мясом засияли сине-фиолетовые звезды на спинах.

— Что за базар такой?— вдруг раздался начальственный звонкий голос.

К дому подъехал в сопровождении Фурманова и Петра Исаева Чапаев.

Григорий встал с колен и, приложив руку к козырьку, отрапортовал:

— Товарищ начдив, отдаем последнюю честь зверски замученным красным героям!

Все расступились, и Чапаев увидел трупы.

Что-то в лице его дрогнуло, глаза сузились, как от боли. Он спрыгнул наземь, сорвал с головы папаху и подошел к мертвым бойцам.

— Товарищи!— пронзительным высоким голосом яростно закричал Чапаев, обращаясь к красноармейцам и крестьянам.— Так поклянемся же над этими павшими героями, которых зверски замучили беляки, бить колчаковцев и всякую погань, чтобы они знали, что вечное сияние красной звезды никто не сможет погасить! Клянемся!

— Клянемся!— был громовой ответ. Среди пленных прошло шевеление, с ужасом смотрели они на красных бойцов.

Вперед быстро вышел Фурманов:

— Дорогие товарищи! Очень правильно говорил наш начальник дивизии товарищ Чапаев, что мы без пощады до полного разгрома будем бить проклятого врага! Будем бить так, чтобы духу не осталось на нашей земле от ненавистных злодеев! Но, товарищи, посмотрите на этих замученных героев. Неужели мы когда-нибудь станем такими, как их убийцы? Нет, мы никогда не будем такими, как белогвардейские псы; если уж противник попал к нам в плен, мы сохраним ему жизнь, потому что мы не дикие звери, подобные тем, которые истязали и убили двух

наших героических бойцов. Имена палачей мы узнаем! Мы установим также имена людей, которые под страшной пыткой ничего не сказали врагу, и с их именами пойдем вперед, неся смерть пособникам помещиков и капиталистов. И в этой святой борьбе нам помогут также и крестьяне, которых временно обманул наш общий враг — кровавый адмирал Колчак. Правильно я говорю?— обратился он к пленным.

— Верно! Правильно!— раздались оттуда многоголосые возгласы.— Мы давно бы перешли, да случая не было.

Григорий перехватил грустный и упрекающий взгляд Ивана Еремеевича и опустил голову.

— Понял, Далматов?— спросил Чапаев.— Разобраться здесь!— Он вынул маузер, трижды выстрелил в воздух:— Прощайте, герои, мы отомстим за вас!— вскочил на коня, вздыбил его, круто развернул и помчался дальше...

Утром, едва рассвело, эскадрон Говорова в составе кавдивизиона Сурова вытянулся вдоль узкой лесной дороги. Далматов молча ехал впереди своего взвода, не отвечая на вопросы Фролова. Смутно было у него на душе. Неловко чувствовал себя перед Еремеичем, стыдно было перед самим собой: снова потерять самообладание, настолько ослепнуть от ярости. Но больше всего жгли сознание фиолетовые звезды, запекшиеся, с крупинками сверкающей соли в углах. А ведь где-то рядом, совсем неподалеку, живет, дышит и, может быть, смеется этот неведомый пока, но бесконечно ненавидимый палач-сотник. И Григорий невольно хватался за рукоять шашки.

Двигаясь в эскадронной колонне по глухой лесной дорожке, Далматов не мог и предполагать, насколько тесен мир: не пройдет и часа, как судьба сведет его с тем человеком, который сыграл злую роль в жизни Наташи и которого он, Григорий, хорошо знает...

Вот за поворотом неожиданно блеснуло зеркало большой реки.

— На берег не показываться!— слышен приглушенный рокот Говорова.— Дозор, ко мне!

— Ух, красота какая!— раздался звонкий голос Фролова.— Картина!

— Картина-то картина,— прозвучал озабоченный ответ Сурова,— да берега напротив шибко неудобные.— Он спешился и стал в бинокль осматривать невозмути-

мую гладь реки и лес на противоположной стороне.— Никого и ничего. Недаром начдив к этому месту нас послал.— Ну-ка, тихо!— Все застыли, прислушиваясь.

Григорий быстро узнал характерный стук колесного пароходика,— такие ходили по Неве.

— Товарищ командир,— прибежал дозорный,— по реке слева, издали,— два парохода и буксир. Приближаются сюда.

— Гулин, коней в лес, всем залечь! Пулеметчик, давай на мыс. Далматов, развернуть взвод левее, у камышей, остальные — правее, в ивняке. Себя не показывать, без команды не стрелять. Послать связных в сторону Красного Яра, передать Зенькову, чтобы пароходы в случае чего обратно не пускал. Все!

Спешенные кавалеристы быстро рассыпались по обе стороны небольшого мыска и замаскировались,— с трех шагов не видать.

— Гриша, товарищ командир, глянь.— Фролов потянул его за рукав.

Далматов оторвался от бинокля: «Чего Володьке надо? (А тот и впрямь показывал дело — запрятанную недалеко в камышах рыбацкую лодку.) Ага, может сгодиться, орел-курица!»— и продолжал наблюдать. На носу первого пароходика, речного грузо-пассажирского ветерана, под мерное хлопанье лопастей играла в карты группа офицеров. На палубе — команда солдат, но все больше едут женщины с корзинками и мешками, видимо, на базар. А на втором? Ого! Да здесь около сотни солдат! И все вооружены...

Суров о чем-то оживленно шептался с Говоровым и Гулиным: удача редкая, не упустить!

— Ну давай, иерихонская труба, действуй,— хлопнул он Гулина по плечу. Тот встал у дерева и голосом, перекрывшим всю реку, скомандовал:

— Оррудийный рррасчет и пулеметчики, по пароходам — к бою готовьсь!!!

Гриша в бинокль увидел, какая паника поднялась на пароходах: опрокинув столик, офицеры заметались по палубе, начали стаскивать сапоги. Несколько человек стремглав попрыгали прямо с верхней палубы в воду и поплыли, прячась за пароходами, к противоположному берегу. Быстрее зашлепали колеса, заспешили вперед.

— Пулемет номер первый! По головному... предупредительную очередь!.. Огонь!

Коротко и гулко прозвучала очередь, цепочка всплесков выросла перед самым носом у судна.

— Приказываю всем судам немедленно причаливать к берегу!

В ответ жалкими хлопушками защелкали револьверные выстрелы. Еще несколько офицеров без сапог метнулись в реку.

— Орудие, готовьсь прямой наводкой!— гремит зычная команда.— Батальон, предупредительный огонь, залпом — пли!

Раздался дружный залп. На пароходе сразу перестали вертеться колеса, вверх медленно пополз белый флаг. Буксир бросился в сторону и тут же сел на мель.

Григорий, согнувшись, прибежал к Сурову:

— Товарищ командир дивизиона, есть лодка с веслами. Разрешите на головной пароход? («А вдруг Охрименко там? Сидел на палубе какой-то здоровенный офицер...»)

— Давай! Езжайте впятером, огнем прикроем.

Пятеро питерских добровольцев, нажимая на весла, понеслись к пароходу. Им вдогон полетела громовая команда:

— Пулеметам и орудию держать пароходы под прицелом!

Григорий с наганом в руках, не дожидаясь, пока закрепят лодку, вскочил на трап и взбежал на палубу:

— Всем сложить оружие! Пленным гарантируем жизнь, за сопротивление — расстрел на месте!

Несколько матросов из корабельной команды и десяток солдат мигом набросились на оставшихся офицеров и обезоружили их. «Эх, все тощие, нет тут Охрименки!»

— Товарищ командир, там в каюте генерал,— тихонько потянул Далматова за рукав один из матросов, совсем молодой, черномазый от угля, с восхищением смотревший на своих боевых сверстников.

— Тихов, остаешься старшим на палубе. Игнатов, следи за капитаном, пускай причаливает к берегу. Фролов, за мной!— Григорий и Володя торопливо пошли за матросом.

— Вон там закрылся, гад золотопогонный!

— Открывай живо, ну!— крикнул Далматов.

Молчание. Тогда друзья в две рукоятки наганов забарабанили по двери. Оттуда ни звука.

— Ну-ка!— Григорий сильным ударом ноги вышиб дверь и на миг оторопел: перед ним стоял Авилов! В генеральской форме, изменившей, конечно, общий его облик, но это был он — Авилов!

— Руки! Руки вверх, собака!— неистово закричал Далматов («Третья встреча! Больше не уйдешь!»)

Побледнев до зеленого цвета, Авилов медленно начал поднимать руки. Высокий, широкоплечий, с лицом бесстрашным и дерзким, смотрел на него светящимися от ненависти глазами красноармеец («Откуда здесь взялись красные?.. так внезапно...»), лица которого, хоть и почерневшего, исхудавшего, он не мог не узнать! «Петроград... Надежда Александровна... Наташа... Студент... Срочный пакет в штаб семьдесят четвертой...— побежала огоньком по бикфордову шнуру строчка воспоминаний в мозгу.— Судьба,— вяло подумалось ему.— Все... Нет!— вспыхнуло вдруг.— Мишень, да какая!»

Снизу вверх, не целясь, из зажатого в правой руке маленького браунинга он выстрелил в Далматова. И снова смерть разминулась с Григорием. Жаром обдало щеку, пуля обожгла ухо, и тотчас, почти одновременно раздалось два выстрела, два нагана ударили в Авилова в упор. Генерал резко согнулся, выронил браунинг и тяжело рухнул на пол.

— Стрелял еще, гад!— вымолвил Володя, помогая Григорию уложить тело на диван.

— А ты знаешь, кто это был?— брезгливо сморщась над трупом, спросил Далматов.

— Кто?

— Авилов!

— Что?— От удивления Фролов чуть не выпустил убитого.— Ну-ка! И он полез к нему в карман за документами.— Пусто. И в этом пусто! И здесь ничего...

— А он, хлопцы, отдал пакет с документами офицеру, что в реку прыгнул,— сказал матрос, который только и успел два раза растерянно моргнуть во время молниеносной перестрелки.

— Гриша, а Гриша, а ведь Чапай с нас шкуру спустит, что мы его живого не взяли, предателя проклятого!

— Да ведь он стрелял... Видишь, ухо задел, кровянит.

— Вот возьмут тебя за это ухо да и выволокут на солнышко: разведчик, скажут, липовый, командир взвода

еще... А если так?..— Фролов сдернул мешок с матраца.— Ну-ка, приятель, давай!

И прежде чем Григорий слово успел сказать, Володька и матросик, готовый от души услужить, всунули в мешок труп и какую-то тяжелую железяку и, вытащив из каюты, тут же сбросили завязанный мешок с борта в воду. Легкий плеск речной волны — и все было кончено. Да, не о таком салюте в конце жизненного пути мечтал Авилов...

— Ты что, не соображаешь?— Григорий схватил друга за плечо.— Как теперь докажешь, что здесь был Авилов?

— А его и не было,— беспечно ответил Володя.— Я, например, не видел. Он тоже не видел (чумазый матросик с искренней готовностью закивал головой). А тебе, скажут, померещилось. Так что молчи себе в тряпочку, ученая голова, и командуй нами по-прежнему.

— Тьфу! Болван! — вскипел Григорий.— Ведь мы...

— Главное, что мне нравится в тебе,— это всегдашнее спокойствие,— невозмутимо прервал его Фролов.— Выдержка в тебе какая, сила воли, как у этих, ну, которые на гвоздях спят и дух свой развивают — смугленькие монахи такие, из Индии. Другой бы ругаться начал, крик бы поднял, а ты сосредоточишься и — полный порядок... Нет, еще в тебе одна черта хорошая есть: все-таки мало ты меня в наряды гоняешь...

Григорий с сердцем втолкнул наган в кобуру.

— Выходит, одному Наташиному должнику мы уплатили,— мрачно констатировал он, шагая узеньким коридором к трапу.— Со всеми бы так...

— Вот это уже трезвый разговор,— обрадовался Володя. Этому-то сполна уплатили.

— Эх, Уфа, хоть бы на след Наташи там напасть.

— Чудак! Главное, считай, сделано: пароходы добыты, теперь-то что через Белую не переправиться. А переправимся, так найти ее — раз плюнуть, дело простое.

— Одну сволочь в расход пустили, а грех на душу все же взяли,— поморщился Григорий.— Не люблю врать, свободный человек не врет!

— Эх ты, философ,— беспечно возразил Володя,— путаешь важное с мелочами. Пароходы взяли — раз, белый свет от черной падали очистили — два. Радоваться надо, а ты страдаешь вроде того занудного Вертера, кото-

рого, как сейчас помню, заставлял меня в Питере читать, незнамо за какие только мои грехи.— И он, лукаво подмигнув другу, начал первым подниматься наверх, на палубу.

7 июня 1919 года. УФА

В штабах и в войсковых частях Уфы денно и нощно готовились к обороне города. Необычайно активизировался и подпольный ревком: что ни день, новые листовки оповещали население о приближении Красной Армии. Что ни день, все больше подвижного состава выходило из строя на железной дороге. Участились случаи побега машинистов со снаряженных эшелонов. Что ни день, росли списки дезертиров. Некоторые из солдат бежали, испортив телеграфное оборудование и перерезав провода. Провокаторы сообщали о накоплении сил подпольщиков в горнозаводском Миньяро-Симском районе. Партизаны совершили там налет на обоз из 60 подвод, и только чудо помешало им захватить его. Безбородько почти не бывал дома. Он высох и почернел, гоняясь со своими молодчиками за подпольщиками, число которых, как он чувствовал и знал, росло день ото дня.

Наташа содрогнулась, увидев его после недельного перерыва, когда он к ней вошел утром,— так угольно-темны были мешки у него под глазами. Он быстро наклонился к ее руке, припал с поцелуем к запястью. Она нетерпеливо шевельнулась, он выпрямился, вздохнул:

— Здравствуй, мой свет! До чего ж ты хороша. Я гляжу на тебя и вспоминаю, что есть где-то цветы, небо, июньское солнце и нет подвала, криков, человечьей падали. Эх!.. А теперь слушай меня: мы сейчас же, немедленно собираем вещи и переезжаем в штабной поезд, что стоит на путях. Таков приказ командующего, чтобы в случае необходимости все, кто нужен штабу, без дальнейших сборов выехали в указанном направлении. Значит, будем жить пока в вагоне, нам выделено купе.— Он глянул на часы.— Поторопись, пожалуйста, через час я должен быть у Ханжина, он уже там.

Сумятица мыслей взвихрилась в голове у Наташи: «Наши близко... Бежать!.. Или продолжать работу?.. Нет, встретить Гришу. Но как бежать, если поезд вдруг тронется?» Она так задумалась, что, забыв о Безбородько, начала расстегивать халат и, опамятовавшись, мгновенно застегнулась, кинув взор на неподвижного офицера. Он смотрел на нее, задумчиво сощурив глаза. «Заметалась. Еще бы, одно купе... Но, с другой стороны,— привыкает, начала по-семейному раздеваться. Хорошо».

Наташа, вспыхнув багровым румянцем, выскочила в другую комнату. «Теряю голову, забываюсь. Плохо! Но как же связаться с Александром Ивановичем?»

— Так я жду тебя, милая, поторапливайся,— услыхала она.— Быстренько собери свои вещи в большую плетенку.

— Уезжаете?— вдруг раздались за дверьми плаксивые причитания Марии Ивановны.— Что же со мной, горемыкою, бу-у-дет...

— Не волнуйтесь, хозяюшка. Я еще вернусь. Ждите в гости. Все продовольствие, все мешки оставляю вам — хватит надолго, только соседям не хвалитесь. Вот вам за хлопоты (раздался шелест бумажек, прерываемый хлюпающими звуками). А теперь помогите-ка нам собраться, да побыстрее.

— Благодетель,— завыла попадья,— да на кого же ты меня...

— Тихо!

— Иду, иду, батюшка, сейчас... Да что же будет-то...

Пролетка с лихим рысаком доставила их на запасные пути. Солдаты перетащили вещи в отдельное купе, столь похожее на то, с которого начался совсем недавно и бесконечно давно — несколько месяцев тому назад — новый этап ее жизни.

— Устраивайся, любовь моя, а я от Ханжина прямо к тебе!— Он ушел.

«Бежать! Сейчас же! Немедленно прочь из этой клетки. Но куда? Все равно! Спрятаться, укрыться!.. Укрыться? А они будут воевать против красных, против Гриши? Нельзя, нет! Придется оставаться здесь до последней возможности... Опять оставаться с этим...» На глаза навернулись слезы, и она вдруг бурно разрыдалась, упав ничком на диван, сотрясаясь от неудержимого плача, от несказанной жалости к себе. Она плакала и плакала, ей становилось легче, горечь не уходила, но все прояснялось,

выплывало вперед одно большое слово — «н а д о». Всхлипывая потихоньку, она села и стала приводить в порядок покрасневшее, распухшее лицо... «Н а д о».

А тем временем генерал Ханжин, ответив на приветствие Безбородько, подошел к двери салона, запер ее на ключ и повернулся к контрразведчику. Ханжин, как всегда, был выбрит и надушен, китель его был безукоризненно отглажен, но лицо одрябло и осунулось, а волосы заметно поредели и поседели.

— Вот что, дорогой мой,— он доверительно взял Безбородько за локоть.— Верховный главнокомандующий прислал совершенно секретный приказ, который, как вы увидите, касается прежде всего вас. Читайте...— Он вынул из внутреннего кармана плотную бумагу, развернул ее и протянул Безбородько.— Садитесь, голубчик, садитесь, что же стоя-то читать.

Безбородько машинально сел, быстро пробежал лист глазами и начал читать его второй раз — чуть ли не по складам, не торопясь, чтобы привести в порядок разбежавшиеся мысли... Немедленно после получения данного приказа ему предлагалось заняться организацией группы для уничтожения в кратчайший срок Фрунзе, Новицкого, Куйбышева и Чапаева, которые после вступления красных в город, несомненно, будут устраивать парады и митинги. За успешное проведение операции назначалось вознаграждение: за Фрунзе — сто тысяч золотых рублей, за остальных — по пятьдесят тысяч. «Оставаться... Рисковать, когда все готово для побега в Англию... Но четверть миллиона золотом... Но бросить Наташу... Но четверть миллиона!..»

Ханжин всматривался в его застывшее лицо.

— А почему же, спрашивается, только этих голубчиков надо ухлопать?— ласково и вкрадчиво заговорил он.— А вы, Василий Петрович, организуйте так, чтобы и заместителей ликвидировать, и начальников штабов. Головка с человечка долой — пятьдесят тысяч, еще головка — еще пятьдесят тысяч.. А там, глядишь, когда вся армия-то без головы осталась, и я с войсками тут как тут. Раз — и разгромчик! Два — и мы на Волге! Три — и до Москвы одной ручкой подать, а? Хе-хе-хе.— Он требовательно и искательно глядел в глаза Безбородько и, уловив в них что-то желательное ему, уже твердо сказал:— Надеюсь, приказ вам ясен, дорогой мой полковник? Вот так! А мы Верховному подскажем, что за такую

операцию и генерала вам присвоить будет не много, а? Не возражаете, хе-хе-хе?

«Растерялся старик, все готов обещать, лишь бы перестали наконец его бить... Ну да черт с ним... Главное, золотишка на широкий замах хватит. Из грязи да в большие князи взовьешься, Васька!» И Безбородько твердо произнес, вставая:

— Готов служить родине верой и правдой до самого конца!

— Вот и хорошо, вот и хорошо. Иного от вас не ожидал. А неплохо будет сидеть на вас генеральский мундир, а? Неплохо, неплохо! Итак, приступайте к работе. Уфу нам, видимо, придется на время оставить. Но далеко мы не уйдем: как только головки красных стратегов полетят, мы снова будем тут как тут!.. Да, а насчет нашей милой переводчицы не беспокойтесь. Будет с нами как у Христа за пазухой. Я лично буду заботиться о ней и поручу Игорьку опекать ее. Если, конечно, вы не будете возражать?

— Благодарю за заботу. Разрешите идти?

— Желаю удачи!— Ханжин крепко затряс сильную руку темноволосого полковника, жадно всматриваясь в его сузившиеся глаза. Потом прижал его к своей пухлой груди и трижды поцеловал:— Ну, иди, Василий. С богом!— И он отвернулся, утирая старческие слезы.

Медленно шагал Безбородько вдоль особого поезда в хвост, к своему вагону, машинально отвечая вытягивающимся в струнку часовым. Зайдя в купе, он сел в угол и задумчиво забарабанил пальцами по столику. Все так же механически он вытащил папиросу, помял, засунул в рот, чиркнул спичкой и только тут как бы очнулся:

— Господи боже мой, что это я, Наташенька, прости, чуть было не надымил. Иди сюда, моя хорошая.— Он протянул ей руку, она, беспокойно глядя на него, перешла к нему, чувствуя, что с Безбородько что-то происходит.

— Видишь ли, мы на некоторое время должны расстаться,— отрывисто произнес он.

— Почему?— тревожно спросила она.

С усталой и горькой усмешкой он посмотрел в ее недоумевающие глаза: неужели лед все-таки тронулся? И надо же — именно сейчас! О женщины! Всегда-то вы так — дорожитесь, цену себе набиваете, а как до разлуки доходит: «Милый, не уходи!»

— Обстоятельства складываются так, что я... ну, как бы это сказать, останусь здесь, в городе, когда этот поезд уйдет.

«Господи, что он задумал, господи!.. Узнать! Во что бы то ни стало узнать!»

— А я? Я с вами?

Он ласково и уверенно, по-хозяйски, погладил ее по голове:

— Ты не беспокойся, ты будешь выполнять ту же роль переводчицы. На дверь я поставлю надежный замок...

— Среди этой офицерни одна, без вас, я не останусь!

— Не беспокойся, милая: Ханжин приказал Игорю опекать тебя. И сам генерал обещал до моего возвращения заботиться о тебе.

— Василий Петрович, без вас я в поезде не останусь!

Безбородько ласково поцеловал ее в пробор между золотистых прядей.

— Это будет очень, очень опасно! А тебя в городе не спрячешь, ведь каждая собака здесь знает, что ты моя... э-э-э... родственница.

— Но вы остаетесь?

— Меня сам черт не найдет! Да кроме того, я уж так изменю внешность, что даже ты, в упор глядя, меня не узнаешь. А недельки через две-три я отыщу ваш поезд, и мы будем вместе — уже навсегда!

«Что он задумал? Что он задумал?»

Она решительно произнесла:

— Только с вами!

Он привлек ее к себе:

— Родная ты моя! Единственная во всем этом темном мире близкая душа! Зачем же я стану пугать тебя подробностями своей работы? Узнала бы — сама бы не настаивала. Ну поверь на слово: не смею, не смею я ни взять тебя с собой, ни остаться с тобой.

— Я не могу одна, возьмите меня с собой!— умоляюще, настойчиво твердила она.

— Деточка, милая, нельзя!

— Нельзя? Игорь, говорите, опекать будет? А если вы возвратитесь, а я буду замужем, тогда как?— Она откинулась и с гневом посмотрела на него.— Одна я оставаться не хочу. Вы вполне можете взять меня с собой!

— Наташа, но зачем же так страшно угрожать мне?— голос его дрогнул.— Пойми, я остаюсь здесь для очень опасного дела, очень! Я дождусь здесь прихода красных,

выполню все, что мне поручили, и вернусь к тебе уже генералом. Ты понимаешь, что в девятнадцать лет будешь генеральшей? Не дочерью генерала, а женой! Я осыплю тебя золотом, мы будем жить, как индийские раджи, но только дождись меня, подожди всего две недели.— Голос его из просительного стал жестким.— И учти, если ты дашь согласие Игорю, то быстро, очень быстро станешь его вдовой! Я понятно сказал? Ты меня знаешь! Запомни это и не пытайся что-нибудь изменить!

«Готовится страшное зверство. Его обещали сделать генералом. За что, за какие убийства, взрывы, катастрофы? Ему посулили много золота — «как индийские раджи»,— боже мой, за какие реки крови?.. На все пойти, сорвать хоть своею смертью,— броситься, как под поезд!»

Прильнув к нему, глядя ему прямо в глаза, она спросила:

— Вася, а если я все-таки убегу к тебе, как я тебя найду?

Он нежно приник к ее губам и словно забылся.

Она отвела свою голову назад и настойчиво шепнула:

— Как я найду тебя? Ты мне скажешь, скажешь!

— Милая, не надо спрашивать...

Тесно прижавшись к нему, она негромко, но с силой сказала:

— Я сбегу к тебе! Я буду ходить по улицам и искать тебя. Я буду заходить туда, где ты мог бы скрываться, и я найду тебя все равно!

— Милая, не надо, не надо спрашивать...— Пламенея, он покрывал ее поцелуями. Ее, впервые такую нежную, любящую!

В вагоне было тихо; тихо было и снаружи. Но если бы даже ударила буря и стала бы рвать железную крышу, он ничего бы не слыхал; настала счастливейшая минута жизни. Прекрасная, строгая, любимая им Наташа перестала отвергать его. Из-под страдальчески закрытых век ее текли слезы. Он думал — слезы обретенной любви, слезы счастья...

— Вася, Васенька, а если поезд подорвут, мы никогда больше не встретимся?

Безбородько замер на мгновение: потерять ее? Навсегда? Теперь, когда... Он бешено стиснул ее в объятиях:

— Слушай: последний дом справа от большого оврага. На калитке натяжной звонок. Звонить три раза с про-

межутками. Пароль простой: мне дядю Алешу. Но это на самый крайний случай! А сейчас, любовь моя, солнце мое, ты будешь жить здесь и ждать своего генерала. Да? Да? Да?

Вечером, когда уже смеркалось и она сидела одна, не зажигая света, раздался вежливый стук в дверь.

— Кто?— спросила Наташа.

— Дозвольте взойти, ваше благородие.

Она повернула ключ: в коридоре, приложив руку к козырьку, стоял старший унтер-офицер писарь Сидоркин. Она чуть ли не ежедневно видела его за работой в оперативном отделе.

Сидоркин вошел, задвинул за собой дверь:

— Так что приказано вас звать на совещание в салон-вагон, иностранцы будуть.

— А, хорошо, хорошо,— рассеянно ответила Наташа,— сейчас причешусь и приду.

Сидоркин оглянулся на дверь и тихо-тихо произнес:

— Александр Иванович велел передать, чтобы зашли сегодня вечером, сказавши, что за своими вещами, к тете Дусе, на Госпитальную. Провожатый — обязательно, без него отсюда не выпустят. А там уже встретят наши. Разрешите идти, ваше благородие?— громко спросил он.

Наташа замерла в полной растерянности с гребенкой в волосах, не зная, что спросить, что сказать, и расширившимися глазами уставилась на этого писаря, мимо которого она проходила раньше, как мимо примелькавшейся мебели.

— Слушаюсь!— громко ответил сам себе Сидоркин, улыбнулся, отечески потрепал Наташу по голове и, по-уставному повернувшись, вышел.

С чем сравнить ту радость, которая вспыхнула в измученной душе девушки? «Я не одна, я со своими, они думают обо мне, любят меня, оберегают меня!» Тягостное бремя взваленной на себя ответственности исчезло, ушло в ту же секунду, когда захлопнулась дверь за Сидоркиным, когда Наташа поняла, что о ней не забыли, что о ней помнят, несмотря на занятость перед боем. А может быть, ей даже разрешат оставить штаб, бросить свою роль, вернуться к человеческой жизни?

Рослая, веселая, в короне золотых волос, с цветком, засунутым под погон, и сама как воплощение цветущей женственности, вошла она в штабной вагон.

— Наташенька!— Игорь даже прикрыл ладонью глаза.— Боже мой, я просто не могу...

«Взять его в провожатые? Идея!»— Она слегка хлопнула адъютанта по рукаву:

— Игорек, после заседания мне нужна будет помощь...

— Да, да, я знаю, твой дядя уехал. Только прикажи, и я...

— Вот и хорошо. Договорились.— Она вошла в салон. Ей радостно закивал англичанин-переводчик, показав в улыбке сразу все свои огромные зубы. Она многозначительно кивнула ему, поздоровалась с иностранными представителями, с некоторыми офицерами и заняла свое место за маленьким столиком.

— Господа офицеры!— раздалась громкая команда. Все стали. Ханжин вошел («Садитесь, господа, садитесь!»), прошел на председательское место и сразу начал:

— Господа! Ситуация усложняется. Только что получено сообщение о том, что разведчики дивизии Чапаева переправились у Красного Яра и захватили плацдарм западнее сел Новые Турбаслы и Александровка.

Англичанин быстро перевел сказанное Гревсу и Ноксу. Наташа с признательной улыбкой кивнула коллеге.

Ханжин отдернул занавеску от карты:

— Я думаю, что это демонстрация. Четвертой дивизии приказываю завтра сбросить этих разведчиков в реку Белую и утопить их там. Главный удар следует ждать южнее Уфы. А посему, генерал Голицын, прошу вас сосредоточить свои полки у Благовещенского и быть готовым к удару по главной переправе. К селу Вотякеево направляю восьмую пехотную дивизию генерала Войцеховского и сибирскую казачью дивизию.

— Как я понял, генерал сейчас действует по инструкции русской басни о сюртуке некоего Тришки,— кратко сообщил англичанин-переводчик Ноксу и Гревсу и, широко улыбаясь, подмигнул Наташе. Но та сделала официальное лицо и подробно перевела им все сказанное Ханжиным: чтобы лучше запомнить.

«Сплутовать решил, шельма, а наша девка не дала»,— мимоходом подумал Ханжин, услыхав в ее тихой и быстрой речи названия деревень и фамилии генералов.

— Не кажется ли генералу, что дивизия Чапаева, если она переправится, такая угроза, к которой надо отнестись очень серьезно?— спросил Гревс.

Явно нервничая, Ханжин ответил:

— Вы же слышали, что я приказал четвертой дивизии заняться этими полками. Начальнику авиации,— продолжил Ханжин,— приказываю завтра, восьмого, бросить на переправу у Красного Яра все шестнадцать аэропланов. Задача: прекратить переправу через реку и по возможности отрезать пути отступления тем, кто уже переправился, когда вступит в действие четвертая дивизия. И, кроме того, если Чапаеву удастся переправить свои полки и удержать плацдарм до ночи восьмого, я переброшу туда еще две дивизии, и на заре девятого он отведает такого блюда, которого не пробовал: психической атаки. Уверяю вас, господа, что после этого с дивизией Чапаева будет покончено раз и навсегда.

Полковник-англичанин быстро заговорил, он переводил точно и мертвенно, как машина. Впрочем, и машина дала осечку: когда коллега сообщил об ожидаемой атаке «психопатов», Наташа любезно поправила его «психическая атака». Утратив на миг свою выдержку, англичанин зло спросил: «Азиатское блюдо?» — и тут же широчайше улыбнулся,— шучу, дескать...

«Сегодня же, сегодня же надо доложить, что Ханжин определил место главной переправы красных южнее Уфы, что он бросает против дивизии Чапаева самолеты и намечает против нее «психическую» контратаку на утро девятого июня... Обязательно, обязательно...»

Совещание продолжалось. Наташа быстро и точно переводила, и уверенное сознание своей силы поднималось из глубины ее души: не струсила, не убежала, перемогла себя, и вот теперь до конца понятно, как нужно было остаться!

Едва отзвучали последние слова и все поднялись, Наташа скользнула к двери.

— Минуточку, мисс,— остановил ее Нокс.

— Да, сэр?

— Я надеюсь еще много раз иметь поводы убеждаться в вашем чудесном музыкальном слухе и слышать ваш чудесный музыкальный голос. Разрешите мне вручить вам презент. Надеюсь, вы вполне оцените мою маленькую, но очень многозначительную шутку.— Он протянул ей руку. Недоумевая, она пожала ее и ощутила в своей ладони какой-то малюсенький колючий предмет. Нокс улыбался, его переводчик кивал изо всех сил, выражая высшую степень дружелюбия. Наташа глянула на свою ладонь и увидела цепочку с двумя крошечными золотыми бутылоч-

ками, усыпанными точечками алмазов. Секунду она стояла опустив глаза, затем весело подняла их:

— О, сэр! Вы остроумны и злопамятны! Разумеется, я с удовольствием продолжу с вами в свое время воспоминания о стоимости генерала Нарышкина.— Она сделала книксен и выскочила в коридорчик («Если мне посоветует сделать это Александр Иванович»). Прикалывая под цветком заискрившуюся всеми цветами радуги безделушку, Наташа шутливо обратилась к Игорю:

— Мой рыцарь, готовы ли вы сдержать свое слово?

— Требуй всего, что угодно!

— Мне надо сходить на старую квартиру и взять оттуда кое-какие личные вещи, дорогие мне как память. Не угодно ли вам сопровождать меня?

Лицо Игоря отразило полную растерянность.

— Но, Наташенька, разве ты не знаешь приказ командующего: никому территорию вокзала не покидать без его личного разрешения? Тем более ночью... Все кругом оцеплено.

— Какой еще приказ? Знать ничего не знаю! Ну, Игоречек, я тебя подожду у себя в купе, а ты уж постарайся, ладно? Ну? Уговорила?

— Да, постараюсь...— с колебанием выговорил он.

Прошло более часа, пока Игорь постучал к ней:

— Дал пропуск, не захотел тебя огорчать. Разрешил взять в сопровождение трех солдат.

— Что ты, что ты?! Зачем они нам?

— Я тоже думаю, что вдвоем лучше. Наташенька, мы так давно не были вместе — целую вечность...— Он присел на край дивана.

— Не рассаживаться, рыцарь, пошли, пошли!

— Ну, пойдем,— покорно вздохнул он и продекламировал:

О, дали лунно-талые,
О, темно-снежный путь,
Болит душа усталая
И не дает заснуть.

— Анненский?— спросила Наташа.— А мне больше по душе другие его строки, они веселые, как детская игра, я их сразу запомнила:

Ты придешь, коль верна мечтам,
Только та ли ты?
Знаю: сад там, сирени там
Солнцем залиты.

— Наташенька, ты не смейся, ведь я офицер, наследник военного рода и все такое, но я очень люблю стихи, я знаю наизусть тысячи строк. И они меня волнуют больше, чем моя служба, чем все эти совещания, чем все эти революции, экзекуции, контрибуции. Послушай, ну разве не заключено какое-то необъяснимое очарование в таких вот строках:

Есть слова — их дыханье, что цвет,
Так же нежно и бело-тревожно,
Но меж них ни печальнее нет,
Ни нежнее тебя, *«невозможно»*...

— Я тоже очень люблю стихи, я готова читать их запоем, потому что слышу в них волшебную музыку, всегда разную...

— Как хорошо ты говоришь!

— Но, Игорек, «все эти революции, экзекуции, контрибуции» волнуют меня больше, чем стихи.

— Я ведаю это, я это чувствую. Ты необыкновенный человек! В тебе есть что-то астральное, тайное, серьезное, чего нет во мне. Я не знаю, для чего мне жить...

«А Гриша знает!»

В темном городе было пустынно. Встречались только патрули. Один из них, офицерский, тщательно изучил документы Игоря и Наташи.

— Куда держите путь?— строго спросил старший патруля, грузный штабс-капитан.

— Генерал Ханжин знает, куда мы держим путь,— с достоинством ответила Наташа.— Вы видели его подпись?

Офицер из патруля что-то зашептал на ухо старшему. «Безбородько из контрразведки»,— различил Наташин натренированный слух.

— Ах вот как. Извините, молодые люди: таковы обстоятельства. Враг коварен, и он не спит! Могу сообщить, что у нас в тылу весьма откровенно шпионят даже женщины!

Неимоверно забилось сердце Наташи: неужели напали на след? Неужели какая-то неловкость вызвала подозрение?..

— Ничего легче не возникает в условиях фронтового города, чем слухи,— пренебрежительно сказала она.— Извините, штабс-капитан, но вам не следовало бы сеять панику.

— Слухи? Паника! Извините, мадмуазель, но уж вы-то, в силу вашего родственного положения, могли бы знать, что это не слухи,— возразил штабс-капитан.— Не далее как вчера я собственноручно вел огонь по двум наглым бабам, которые гребли прочь от города, несмотря на все предупреждения и окрики. Уверяю вас, это были отнюдь не молочницы!.. Можете следовать!— Он сухо козырнул, и они разошлись.

Откуда было знать Наташе, что Мария Саруль и Эльза Вайнер, героические агентурные разведчицы 25-й дивизии (именно их вчера обстреливал неглупый и настороженный штабс-капитан), трое суток провели в расположении белых, собирая сведения о колчаковской артиллерии, дислоцированной против мест возможной переправы красных войск? Действовали они дерзко, и дважды им приходилось уходить от преследования. Слух о «красных бабах-шпионках» широко разошелся среди колчаковцев. Эти легендарно смелые женщины были схвачены месяцем позже во время их рейда в Челябинск и растерзаны в контрразведке...

— Ну что ты скажешь...— Наташа покачала головой.— Они так взвинчены, что готовы палить по каждой женщине и подозревать буквально каждого обывателя, отправившегося на рыбалку.

И вдруг земля дрогнула. Издалека донесся приглушенный расстоянием грозный гул.

— Артиллерия,— нервно сказал Игорь.— Но это далеко. Здесь совершенно безопасно.— И они быстро зашагали вперед.

Именно в эту минуту по приказу Троицкого, командующего артиллерией 25-й дивизии, во исполнение приказа Фрунзе, два артдивизиона — 73-й и 74-й под командованием Хлебникова и 91-й и 92-й артдивизион 31-й дивизии, сведенные воедино,— все сорок восемь орудий — сразу открыли массированный огонь по окопам противника, подавляя огневые точки белых и прикрывая главные силы переправляющихся бойцов. И, услыхав этот грохот, Наташа поняла, что борьба за город обострилась, вступила в новую фазу и что теперь ее сведения нужнее, чем когда-либо.

Вот и домик на задах госпиталя — того самого столь памятного госпиталя. Наташа постучала в темное окошко. Почти тотчас за стеклом забелело сухонькое лицо тети Дуси. Прачка усиленно закивала головой и исчезла. Че-

рез минуту раздался скрип засовов, и дверь отворилась.

— Пожалуйте, пожалуйте, господа офицеры! Здравствуйте. Наталья Николаевна, заходите в дом.

— Давно мы не виделись, тетя Дуся,— с волнением сказала Наташа, вглядываясь в ее исхудавшее лицо.

— Так ведь с того самого времени, как ты ушла от нас, и не виделись! Красавица-то какая!

С глубоким чувством, как никогда не обнимала и мать, Наташа притянула к себе пожилую, иссохшую женщину. Прачка только коротко всхлипнула.

— Тетя Дуся, я уезжаю, вот пришла взять свой чемоданчик. Где он у вас?

— Дорогая ты моя барышня, а я давеча припрятала его у подружки своей. Уж дозволь, я за ним сбегаю. В одну минуту, одна нога здесь, другая там. Присядьте, господа хорошие, а я скоро!

Хлопнула дверь, и Наташа с Игорем остались одни в полумраке — свечка едва освещала лишь стол, на котором стояла.

— Господи, хоть бы она не приходила вечность,— вздохнул Игорь.

— А как же Ханжин?

Игорь молчал, покусывая губы, потом его будто прорвало:

— Что мне Ханжин, что мне отец, что мне так называемая родина! Ничего-то мне не нужно, только видеть тебя, вдыхать запах твоих волос, быть с тобой, касаться тебя!— Он взял ее руки в свои.— Разве ты не видишь, не чувствуешь, что я говорю искренне? Я ревную тебя ко всем до безумия, больное воображение заставляет меня подозревать даже твоего дядюшку. Наташенька, скажи мне, что ты согласна стать моей, и ты станешь женой самого счастливого человека. Дядя отпустит меня из армии: я единственный наследник всего нашего рода, он не захочет рисковать моим будущим. Мы уедем на юг Франции, у тебя будет вилла, автомобиль, лошади, виноградник, а главное — муж, который будет жить только ради тебя одной. Пойми ты меня, только в тебе цель моей жизни,— сказал он тоскливо.

«И этот предлагает любовь, а с нею тоже жизнь за границей. Они не могут существовать на родине. Милый ты мальчик, ты чистый, неиспорченный, поэтичный. Но так воспитали тебя, что ты можешь думать лишь о себе, для тебя нет страдающих людей, нет родины, ты чужой

в собственной стране, среди русских». Она с сожалением погладила его по щеке. «Хоть бы стрелять не начал, дурачок, когда наши придут. Поживет в плену, кончится война, найдет себе место и на родине...»

— Меня тронули твои чувства, Игорек. Ты очень хороший, честный.— Юноша затаив дыхание ждал решения своей судьбы. Большой, быстрый, сильный, он почувствовал такую слабость, что расстегнул воротничок и отвалился к стене.

Наташа видела все это, и огромная жалость, это всесильное женское, материнское чувство, охватило ее, несмотря на трагизм ситуации. «Я спасу тебя, милый дурачок».

— Но зачем ты начал говорить о деньгах, о машине? Разве в этом для меня счастье?— Она заглянула ему в страдальчески полузакрытые глаза.

— А в чем же?— глухо спросил он.— Ведь я люблю тебя, я болен тобой, я так люблю тебя, что даже не могу обнять тебя. А ты? Могу я хоть надеяться? Я буду ждать всю жизнь, если ты скажешь, что я могу надеяться...

— Ты мог бы быть счастлив во Франции, без России?

— Ты моя Россия!

Она бережно обняла его голову, и он со стоном прильнул к ней, закрыв глаза, задыхаясь от переполняющего его чувства.

Наташа на мгновение закрыла глаза. «Наяву ли все это? Не снится ли мне этот бесконечный, безжалостный день? Да я ли это — недавняя гимназистка? Мне кажется, что прошла уже долгая-долгая жизнь. Я всех понимаю. Поймет ли кто-нибудь меня? Пожалеет ли? Гришенька, ты со своей прямотой поймешь ли меня?»

— Больно! — тихонько сказала Наташа.— Твои ремни меня давят.

Он медленно, впрямь как больной, открыл глаза, медленно расстегнул ремень и отбросил его прочь вместе с портупеей и кобурой.

«Хорошо! Теперь будешь жить, милый ты мальчик!»

— Можно тебя поцеловать?— шепотом спросил он.

— Я люблю другого,— тоже шепотом ответила она.

Она почувствовала, как он вздрогнул и окаменел.

— Кого?— отрывисто спросил он.

— Его нет здесь.

— Дядю?

Она покачала головой:

— Что ты, глупый!

— Скажи мне, и я буду лучше его! Я буду таким, каким ты только хочешь! Скажи, что я должен делать? Не убивай надежду, или я умру, поверь мне!

В сенях заскрипела дверь. Наташа вскочила, загородив собой Игоря. «Мало ли горячих голов!» Вошла тетя Дуся:

— Наташенька, меня патруль арестовал, не поверили, что я для господ офицеров стараюсь.

Оттолкнув тетю Дусю, в комнату быстро вошли офицер и два солдата. Игорь вскочил на ноги, как был, распоясанный, и бросился к ремню. Офицер наступил на кобуру ногой.

— Назад, изменник!— завопил он.— Лучшие люди отечества сейчас кровь проливают в боях против большевистского отребья, а вы любовными интрижками заниматься изволите? Позор! Я доложу командующему, в каком виде застал вас!

— Не пугайте меня командующим, я его личный адъютант!

— Петров, вяжи ему руки!— Офицер упер дуло нагана в грудь Игорю.

— Игорь!— умоляюще вскрикнула Наташа. Он оглянулся.— Не спорь с ними!

Солдаты навалились на него сзади и крепко схватили за руки.

— Так, значит, личный адъютант командующего? А вы, мамзель, жена полковника Безбородько?

— Прекратите это издевательство!— неистово, задыхаясь от гнева, закричал Игорь.— Это моя невеста!

— Прекратить? Это вы правильно сказали. А теперь можно и раскрыться: вы в плену у членов уфимского ревкома, ясно? Заложники. Все понятно, господа офицеры?

— Наташа, прости. Я не уберег тебя,— в отчаянии прошептал Игорь.

— Не беспокойся, милый. Все будет хорошо. Эти люди зла нам не сделают.

— Я не уберег тебя!

— Первой допросим барюшню-офицера. Запереть пока господина личного адъютанта в амбар!

Солдаты повели Игоря из комнаты, он повернул к ней искаженное лицо: «Наташенька!» Дверь захлопнулась.

— Ну, здравствуй, Колька-Колосник,— дружески протянул ей руку молодой, с озорными глазами «офицер».—

Есть новости? Сейчас здесь будет Александр Иванович.

— Здравствуйте, товарищ. Новости есть, по-моему, важные. А пока у меня просьба: отнеситесь без злобы к этому офицеру. Он совсем не вредный человек.

— Посмотрим, Наталья Николаевна, как дела сложатся,— с большим уважением ответил тот.— Может быть, мы сумеем обменять его на наших товарищей. Во всяком случае, сохраним живым-здоровым. Хорошо, что вы его обезоружили.

— Здравствуй, милая! Здравствуй, доченька!— В дверях стоял Александр Иванович. Наташа бросилась к нему.— Ах ты наша умница,— приговаривал он, целуя ее,— ах ты наша красавица! Ну не реви, не реви, кончились твои мучения, не пошлем тебя больше, если только сама не захочешь. Ну, выкладывай новости. Полна небось, как коробок?

— Как коробок...— И она, всхлипывая и улыбаясь сквозь слезы, по пунктам начала докладывать

— Понял, Михей?— качнул в сторону сидящего «офицера» Александр Иванович. Тот только руками развел.

— Ну, товарищи, я пойду: надо сейчас же срочно отрядить по крайней мере троих на ту сторону, чтобы успели сообщить нашим главное: и что Ханжин ждет основной удар с юга, и что «психическую» атаку против Чапаева с утра девятого готовит. А ты, Михей, как устроишь Наташу, приходи ко мне. Слушай, а может быть, ты сама считаешь, что тебе надо вернуться?

— Я не считаю. Только...

— Что «только»?

— Вот.— Наташа тронула на груди подарок Нокса.

— Ну и что?

— Английский аванс...

Михей многозначительно присвистнул. Александр Иванович только руками развел:

— Ну, девонька!.. Это дело государственное, тут нужна башка побольше моей. Во всех случаях надо тебе ждать наших в Уфе, тогда и решим... А знаешь, дочка, ведь я даже слов не имею, чтобы все свое сказать о тебе. До чего ж у тебя душа,— он поискал слово,— верная! Ну, отдыхай.— Он направился к выходу.

— Александр Иванович! Михей!— в комнату ворвались «солдаты».— Адъютант на брючном ремне задавился!

Испуганно охнула безмолвная до того тетя Дуся.

— Тьфу ты, жалость какая!— Михей бросился в амбар.

— О боже!— Наташа бессильно опустилась на скамью. Из полумрака явственно, до полной иллюзии присутствия, выплыло искаженное лицо, глухо, прерывисто прозвучал его голос: «Я не уберег тебя...» Наташа застонала от боли: себя ты не уберег, бедный мальчик! Как же мог ты, глупый, так легко расстаться с жизнью? Почему так мало связывало тебя с ней, так мало было в ней дорогого? Натянутые ее нервы не выдержали.

— Когда же все это кончится? — зарыдала она в голос.— Когда кончится эта проклятая война, когда перестанут погибать люди? Александр Иванович, сколько же так можно?

Александр Иванович молча погладил ее по голове, поглядел на часы, вздохнул и решительно направился к двери. Война не ждала, надо было переправлять Наташины новости: спасать тысячи красноармейских жизней.

7 июня 1919 года.
ЧИШМЫ — КРАСНЫЙ ЯР — ЛАВОЧНОЕ

В этот же день, седьмого июня, знаменательный для Наташи таким количеством событий и потрясений, Гриша Далматов находился совсем недалеко от нее — в составе войск, которые готовились к взятию Уфы. В тот самый утренний час, когда Безбородько сообщил Наташе об их переезде в штабной поезд, Далматов в сопровождении Фролова и Тихова возвращался из Чишм, куда они отвозили приказ дивизионному интенданту, в Красный Яр, где должна была начаться переправа.

Далматов молчаливо ехал впереди на верном Ратмире, не отвечая на шутки друзей, не вступая в разговоры. «Сердце сердцу весть подает!» Видимо, эта поговорка сложилась недаром: он неотступно думал о Наташе, и смутно и тревожно было у него на душе. Неожиданно раздался резкий сигнал автомобильного клаксона. Лошади нервно шарахнулись к обочине. Мимо всадников, вздымая клубы пыли, промчался автомобиль.

«Фрунзе! Командующий!» Далматов увидел профиль человека на переднем сиденье.

— Хлопцы, за мной! — Он хлестнул коня и помчался вслед за машиной, которая, легко уходя от добровольного эскорта, оставляла за собой высокое седое облако.

Вдруг неподалеку от «фиата» гулко разорвался снаряд, взметнув кверху придорожный куст. Еще взрыв, еще один!

— Ух, гады! Поняли: раз машина, значит, начальство!— прокричал Володька.— Снарядов не жалеют!

Гул мотора вдруг смолк, облако пыли перестало двигаться, обстрел прекратился.

— Неужто попали?— испуганно спросил Володька.

— Полный аллюр!— И они помчались вперед. Вот и машина. Стоит цела и невредима поперек дороги, среди оседающей пыли, завязнув передними колесами в канаве.

Четыре человека пытаются ее вытащить.

— А ну, ребята, помогайте-ка!— обрадовался Фрунзе.

Забыв даже поздороваться с командующим, разведчики мигом соскочили с коней и бросились к машине. Прошло минут десять напряженных усилий: «Раз-два, взяли! Еще — взяли! Ничего не взяли...»

— Что ж, будем добираться иначе. Придется, товарищи бойцы, отдать нам двух лошадей.

— Тихов, Фролов, остаетесь здесь, я еду с командующим!— приказал Григорий.

Фрунзе и Сиротинский быстро вскочили на поданных коней. Далматов подъехал к ним и заметил, что Фрунзе смотрит на него.

— Из Питера?

— Так точно, товарищ командующий!— радостно воскликнул Григорий, восхищаясь его памятью.

— Студент?

— Так точно!

Окружающие, кроме Фролова, который стоял, широко улыбаясь, с удивлением смотрели на Григория: откуда Фрунзе мог знать его?

— Здравствуйте, дорогой мой,— Фрунзе дружески протянул ему руку.— Хорошо помню, как вы тогда в «Мариинке» положили доброе начало. Молодец! Возмужали, повзрослели. Ну, а сейчас едем быстрее, не то я опоздаю на собрание комсостава.— И, обращаясь к шоферу, до-

бавил: — Я пришлю десяток кавалеристов от Чапаева. Они помогут. А пока — отдыхайте.

Они помчались. Фрунзе был сосредоточен. Григорий жадно вглядывался в него, впитывая глазами буквально все: и его посадку, и спокойный прямой взор, и взбугрившуюся от сильных мышц гимнастерку на плечах.

Проскакав несколько верст, командующий перевел лошадь на шаг. Сиротинский и Далматов поравнялись с ним.

— Как воюете?

— Да по-разному получается. А в общем-то нам повезло: в очень хорошую дивизию попали.

— Все еще рядовой?

— Никак нет. Недавно принял взвод конных разведчиков.

— Это хорошо. Нам нужны грамотные командиры. В партию вступили?

— Пока нет, товарищ командующий,— замялся Григорий.— Не совсем еще готов я... Многое не так получается, как надо...

— Вот как? А скажите, за плечами у вас карабин. Стрелять вас из него заранее научили или на практике постигаете это искусство? Не хромает военная подготовка?

— Нас и в Петрограде обучали в тире, и в Бузулуке много тренировали.

— А каковы результаты у вас лично?

— Я, товарищ командующий, с малых лет охотник. Птицу в лёт бью.

— Вот как? Это прекрасно. Я тоже очень люблю охоту. Значит, повезло с направлением в двадцать пятую дивизию?

— Да, трусов и предателей здесь нет. Наступают умно, смело. Вот только комбриг семьдесят четвертой Авилов, бывший генерал, подвел нас.

— Да,— задумчиво произнес Фрунзе.— Очень подвел, а могло быть и совсем плохо... Правда, по его документам, которые я смотрел, он в генералы произведен еще не был. А что, среди бойцов прошел слух об измене бывшего генерала?

— Нет, товарищ командарм. Я его еще в Петрограде видел, когда девушку знакомую провожал. Она мне рассказала, что он бывший генерал, и сам хочет к белым перебежать, и ее мать уговаривает. А потом я доставлял

приказ лично комбригу семьдесят четвертой и узнал его... Он понял это, приглашал чаю у него попить и просил передать привет моей девушке в Петроград. А я уже знал из ее письма, что он как раз и вывез ее с матерью из Питера! Значит, он врет, скрывает правду! Мы с другом доложили о нем Фурманову, но было уже поздно. Сбежал генерал.

— Вот как, следовательно, было,— с интересом протянул Фрунзе.— До чего же причудливо иной раз получается в жизни... Да, упустили! Теперь, наверно, у Ханжина корпусом командует.

Несколько минут ехали молча. Душевные колебания терзали Григория: никогда в жизни не лгал, а тут, получается, продолжает скрывать факт, может быть, очень важный для командования.

— Простите, товарищ командующий,— буркнул он, преодолев себя,— но Авилов корпусом не командует.

— Откуда такие сведения?— искренне удивился командующий.

— Мы его на днях пристрелили...

— Ну и ну!— Фрунзе даже приостановил коня.— Час от часу занятней. Интересный у нас с вами разговор получается! Ну-ка подробней!

Сбивчиво и неловко Далматов рассказал эпизод, связанный с захватом пароходов.

— Значит, вы и в этом деле отличились? Здорово у вас выходит. А кому доложили?

— Никому!— выдавил из себя Григорий.— Побоялся, что живым не доставил.

— Но ведь он стрелял в вас? Мог убить?

— Да. Вот рубец на ухе.

— Так неужели вы думаете, что Чапаев не понял бы закономерность вашего поступка? Нехорошо! За то, что рассказали мне правду, спасибо. А впредь ничего от командира не скрывайте. Лучше плохая правда, чем хорошая ложь! Запомните?

— Да. Да, товарищ командующий! Я потому сейчас и в партию заколебался: не все так у меня получается, как надо. Не готов еще.

— После войны куда намереваетесь?

— Еще не знаю. Не думал об этом пока. Сначала нужно победить.

— Поступайте на курсы красных командиров, а потом — в военную академию. Военное дело — сложная и

многообразная наука. Ее одной практикой не постичь. Надо знать историю военного искусства, знать его теоретические основы. Грамотные кадры нам будут еще нужны, и, думаю, не раз. Грамотные и политически сознательные. Капиталисты постоянно будут навязывать нам столкновения и войны.— Увидав домики, Фрунзе спросил:— Это уже Красный Яр?

— Так точно,— отрывисто ответил Григорий. Его мысли и чувства теснились, перебивались после этой беседы — короткой, но такой важной и значительной (это он подспудно понимал!) для всей его дальнейшей жизни.

— Едем к штабу Чапаева!— Фрунзе пришпорил коня, и всадники крупной рысью понеслись к селу. Григорий остался у коновязи штаба, а Фрунзе и Сиротинский, встреченные Чапаевым и Фурмановым, быстро прошли внутрь.

...Архивы, к счастью, сохранили для потомства приказы № 084 и № 086, оглашенные на совещании Чапаевым, и коррективы Фрунзе к ним. Изучение этих документов способно доставить высокое наслаждение специалистам по военному искусству, потому что историки столкнутся здесь с действительно талантливым искусством. Сколько бы лет ни прошло, как бы ни шагнула вперед тактика и техника, но принципы форсирования реки дивизией, разработанные в этих приказах Чапаевым, будут восприниматься как современные: так классически отточенны и глубоки они в своей главной мысли. Однако не только военные, но и психологи могут найти здесь бесценный материал, потому что совещание это показало пример идеального соотношения планов мышления на разных уровнях руководства,— выслушав Чапаева, Фрунзе еще более заострил его идею: главнокомандующий несколько сузил фронт наступления чапаевской дивизии и усилил ее нажим вводом вслед за чапаевской еще 31-й дивизии из своего резерва. То есть Фрунзе соотнес оперативный масштаб замысла Чапаева с более широким стратегическим, с основной целью данного этапа всей операции — взятием Уфы.

После совещания Фрунзе сообщил Чапаеву о своем намерении провести вместе с ним командирскую разведку и лично участвовать в руководстве форсированием ре-

ки. Это было как раз тогда, когда Безбородько дал согласие на массированный террористический акт.

Одним из прямых последствий решения Фрунзе выехать на разведку было снаряжение множества передовых дозоров, направленных по разным маршрутам. Григорий с Володей отправились парным дозором по дороге к излучине реки Белой и далее — к деревне Лавочное.

— Не зевать, глядеть в оба — орлами-зайцами, или как там складно у Фролова получалось,— напутствовал их Гулин.— За вами следом едут на рекогносцировку командующий и начдив. Ясно? Дозоров много, а ваш — наиглавнейший.

Вечер был серый, туманный, а когда молодые бойцы въехали в лесок, стало совсем темно. Григорий достал шашку и прижал ее к правому плечу. Шепнул:

— Володька, вынь-ка наголо!

— Заяц белый, где ты бегал,— веселым шепотом ответил Фролов.— Не робей, всегда успею.

«Надо было приказать построже... А ну его к чертям, еще подумает, что зазнаюсь...»

Дорога круто свернула вправо, и вдруг из потемок с двух сторон на них стремительно выскочило около дюжины белоказаков. Как железными клещами, до боли сдавило правую ногу Далматова, кто-то повис на морде у коня. Но раньше, чем разведчик успел что-то понять или решить, начала работать его рука: взмах вправо, влево, вперед. Раздались дикие крики, стоны. Ратмир, боевой конь, взвился на дыбы, ударив кого-то передними ногами, развернулся и поскакал назад. Вдогонку донеслась злобная брань казаков и громкий крик Володи, резанувший по самому сердцу. «К Володьке?.. Назад к своим?.. Предупредить!»

Неистовым галопом проскакав в потемках с версту, задыхаясь от горя и бешенства, Далматов налетел на следующий дозор из четырех человек во главе с Еремеичем. Григорий едва сдержал коня.

— Где Володька? Что случилось?

Григорий разевал рот и ничего не мог ответить. Машинально он начал засовывать шашку в ножны и почувствовал, что она вся в крови.

— Засада. Володьку схватили. Я отбился,— наконец выдохнул он, сдерживая нервно гарцующего Ратмира.

— Володьку!— охнул Еремеич.— Где?

Послышался топот множества копыт. Подъехали Фрунзе и Чапаев в сопровождении эскадрона.

— Далматов? Что случилось?— тревожно спросил Чапаев.

— Товарищ командующий, разрешите доложить?— Григорий, тяжело дыша, взял под козырек.

— А, старый знакомый,— приветливо сказал Фрунзе.— Докладывайте, товарищ Далматов.

— Впереди засада. Напарника моего схватили. Я отбился.

— Далеко?

— Не более версты.

— Молодец, задачу дозора выполнил. Товарищ Чапаев, прикажите отрезать противнику путь к реке. Лучше бы обойтись без стрельбы. Но главное — любой ценой не выпустить вражеских разведчиков с нашим бойцом на тот берег. Если они уйдут, все может рухнуть!..

Чапаев, который отлично знал местность, сразу разделил эскадрон на три группы: одна должна была выйти на реку с севера, другая — с юга, от деревни Лавочное, а третья, во главе с Гулиным,— преследовать врага по пятам. Понеслись карьером, лошадей не жалели.

Казаков настигли недалеко от реки и бросились на них с трех сторон. Началась ожесточенная рубка.

— Вот он, жив!— закричал Еремеич.

Плотный, богатырской стати офицер, к седлу которого был приторочен скрученный Фролов, не принимая боя, мчался на могучем коне к реке. Еремеич, а за ним Григорий, разгадав маневр, бросились наперерез.

— Стой, стой, гад!— прохрипел Еремеич.

Они уже были в трех шагах от него, и Григорий увидел совсем рядом выпученные глаза задыхающегося своего друга.

— Володька!— завопил он.

Казак мгновенно обернулся и выстрелил из нагана в Еремеича — тот взмахнул руками и неловко рухнул на землю, зацепившись одной ногой за стремя. Его конь заржал и закружился на месте. Григорий выстрелил в шею огромного коня противника, тот упал на колени, и офицер перелетел через его голову. Тотчас чапаевцы, выскочившие из засады, бросились на него и стали вязать. Григорий кинулся к Володе, вытащил из его разодранного рта тряпку и быстро разрезал путы.

Кровавая схватка была уже окончена, бойцы повели трофейных коней, перевязывали раненых. Не дожидаясь, пока Володя встанет, Григорий упал на колени рядом с Еремеичем, схватил его за плечи, закричал:

— Еремеич, Еремеич, что с тобой?

Старый воин с трудом приоткрыл глаза:

— Схватили... его?

— Схватили, схватили! И Володьку освободили!

— Позови... Володьку...

Фролов опустился рядом с ним:

— Еремеич, я здесь, сейчас тебя перевяжем, вылечим!

— Не надо... перевязывать... Насмерть он меня... Убил... Дело военное... Тебя спасли... Скажи... Федору... Федьку... отца своего... извести... Дружили мы... Дружили... Сынок...

— Сделаю, все сделаю, Еремеич. Да ты не думай, поправишься!— глотая слезы, кивал Фролов.

— Я на тебя... с Гришкой... надеюсь... Помираю...

— Это я, я во всем виноват!— зарыдал Володька.

— Война виновата,— едва слышно ответил Еремеич.— Володя... за сынка мне...— Судорога перекосила его лицо, он силился сказать что-то еще, но тело его вздрогнуло и вытянулось.

Его конь подошел, ткнулся мордой в подбородок своего хозяина, повел ноздрями и заржал протяжно и жалобно.

Подъехал Гулин, спешился, сдернул фуражку:

— Эх, Еремеич, старый ты наш орел... Вот где нашел ты свой конец!— Он закрыл глаза боевому товарищу, поцеловал его в лоб. Встал с колен, отряхнул песок, сказал вполголоса:

— Григорий, Володьку пошли с телом Еремеича в Красный Яр, пусть позаботятся о гробе. А сам возьми под опеку этого пса.— Он пнул лежащего в ногах у бойцов связанного офицера. Тот дернулся, с ненавистью поглядел на него.— Смотри-ка, с «Георгиями» в разведку ходит.

Какое-то необъяснимое чувство заставило шагнуть Григория к пленному и тихо спросить его:

— Охрименко? Ты?

Сотник с ужасом обернулся всем туловищем к неизвестному ему — он мог голову дать наотрез!— высокому парню-красноармейцу.

— Он,— со всей определенностью сказал Далматов.— Он! Товарищи, это он звезды вырезал!

— Погоди,— Гулин положил свою руку на рукоять его шашки.— Если ты или кто другой эту шкуру хоть пальцем тронет — лично застрелю! Вы все меня знаете: сказал — сделаю! Понятно, Далматов? Вези его к Фрунзе.

— Вставай!— коротко приказал Григорий.

Охрименко исподлобья глянул на него, с надеждой посмотрел на Гулина и начал тяжело подниматься на ноги.

— Мы его всенародно судить будем, на людях,— сказал Гулин.— И казнить его будем на людях. А перед смертью он все нам расскажет, и жизнь его нам сейчас нужнее нужного.

Бойцы угрюмо отводили глаза.

— Так чтоб живого доставить!

— Пошли!— так же коротко приказал Далматов, вынимая наган из кобуры...

Стемнело, над рекой поднялся туман, и берег ожил: по всем дорогам к воде подвозили и тащили на руках плоты, лодки, боеприпасы. Связисты тянули провода, подтаскивали катушки кабеля. Из блиндажа недалеко от мыска вышли Фрунзе, Чапаев, Сиротинский.

— Ну что ж, Василий Иванович, операция вами продумана отлично, бойцы подготовлены. Пора и начинать.

— Есть, начинать!— Чапаев козырнул, вскочил на коня, огрел его нагайкой и исчез в темноте, сопровождаемый неотлучным Исаевым.

На плоты и лодки устанавливали пулеметы, умело, без шума рассаживались и сразу же отталкивались от берега.

Из блиндажа выскочил дивизионный телефонист:

— Товарищ командующий, срочное сообщение от товарища Новицкого!

— Что еще?— Фрунзе зашел в блиндаж и при ярком свете керосиновой лампы прочел: «Только что получена телеграмма предреввоенсовета Троцкого требованием приостановить наступление реке Белая, перейти обороне. Две дивизии требует срочно переправить Южный фронт. Жду вашего решения. *Новицкий*».

— Пока я командующий Южной группой, к обороне я не перейду! Понятно?— яростно сказал Фрунзе.

— Понятно,— растерянно ответил телефонист.

Фрунзе глянул на него и сдержался. «Да он что, Троцкий, и впрямь работает адвокатом у Колчака, что ли?»

— Передавай,— сказал он.— «Чишма. Самара. Новицкому. Наступление продолжается. Форсирование реки Белой началось. Директиву предреввоенсовета прошу опротестовать у Ленина. *Фрунзе*». А сейчас срочно соедини меня с начальником артиллерии Троицким... Владимир Петрович? Фрунзе у аппарата. Сколько орудий сосредоточили для обеспечения переправ?.. Сорок восемь стволов. А напротив моста?.. Четыре батареи... Теперь слушайте мой приказ...

Это был тот самый час, когда Ханжин, нервничая, открыл совещание в своем штабе и Наташа начала детально переводить его распоряжения иностранным военным советникам.

Фрунзе вышел к реке. Лодки, плоты, два пароходика суетились на реке, перевозя бойцов на тот берег. На место отправленных подходили новые ротные колонны: 217-й и 220-й полки переправлялись на плацдарм, захваченный разведчиками.

— Товарищ командующий! Не хотите казачьего офицера допросить, который сегодня засаду устраивал?

— Очень интересно! Где он?..

Допрос, встречи с командирами, руководящими переправой, телефонный разговор с полевым штабом в Чишмах, уточнение задач артиллерии. И вот взгляд на часы и пауза, перерыв: стоя на берегу, Фрунзе заслушался долгожданной отрадной музыкой — заговорили десятки артиллерийских стволов сразу.

— А далеко, пожалуй, слышно этот грохот, а, Василий Иванович?

— Почитай, до самого Омска достигнет,— живо откликнулся Чапаев,— не даст сегодня Колчаку сон досмотреть.

8 июня 1919 года.
РЕКА БЕЛАЯ, 17 КИЛОМЕТРОВ СЕВЕРНЕЕ УФЫ

Утром восьмого июня Фрунзе узнал, что 220-й Иваново-Вознесенский полк, израсходовав боеприпасы и будучи контратакован двумя белогвардейскими полками,

начал отступать к реке, оголяя фланг 217-го Пугачевского полка. Передав через помначштаба дивизии Богданова приказ Чапаеву немедленно наладить снабжение 220-го полка патронами, он решительно отправился к переправе. Гулин и еще десять бойцов по приказу помначштаба были прикомандированы к нему для личной охраны.

Перебравшись через Белую, Фрунзе поднялся на высокий откос. Стремительным наметом туда же прискакал Кутяков. Он спрыгнул около Фрунзе раньше, чем успел остановиться его быстроногий конь, и сердито закричал:

— Товарищ командующий! Зачем вы переправились сюда? Здесь очень опасно! Белые сейчас сильно контратакуют, гонят нас к реке. Но мы их остановим, как только прибудут наши другие полки.

— А на войне везде опасно.— Фрунзе спокойно положил руку на плечо приплясывающему от возбуждения комбригу.— Место командира там, где решается судьба операции или боя. Куда отступает Иваново-Вознесенский полк?

— От Старых Турбаслов к Новым. Беляки воспользовались их отходом, зашли в тыл пугачевцам и заняли село Александровку. Пугачевский полк оказался полуокружен и прижат к реке.

— Так, немедленно организуйте контратаку в помощь пугачевцам силами того батальона двести девятнадцатого полка, который уже переправился через реку. Перебросьте к ним еще батальон из района действий двести девятнадцатого. Действуйте! А двести двадцатым я займусь сам.— Он вскочил на свою лошадь и тронулся вперед.

Кутяков подбежал к Гулину:

— Бери еще моих разведчиков из двести восемнадцатого, Тимофей Губарьков будет тебе помощником. И гляди: от командующего не отставать ни на шаг! Он спешится — и вы за ним. Он в огонь — вы закрывайте. За его жизнь полный ответ будет с тебя, понял?!— И он ускакал, а группа сопровождения помчалась за Фрунзе к деревне Новые Турбаслы.

И вот впереди открылась картина: сотни красноармейцев отходят к реке, а чуть дальше за ними движутся густые белогвардейские цепи.

Фрунзе и Сиротинский спешились, группа Гулина — тоже. Тесно окружив командующего, они примкнули шты-

ки к винтовкам, взятым у раненых на берегу. Фрунзе поднял с земли брошенную кем-то трехлинейку.

Волна бегущих бойцов начала накатываться на плотно стоящую группу.

— Ивановцы, стой!— властно закричал Фрунзе.— Отступать-то некуда! Позади река. Вперед, ивановцы, за мной! Ура-а-а!

Ближайшие бойцы остановились, всмотрелись — Фрунзе! Арсений!— И тотчас, как ток, мгновенно передалось по рядам:

— Фрунзе с нами! Фрунзе с нами!

Казалось, этот возглас заключал в себе магическую силу: бойцы останавливались, поворачивались и тут же, яростно уставя вперед штыки, бросались навстречу врагу. Сокрушительная лавина, нарастая, ринулась на белых. Не ожидая такого поворота, противник замедлил движение и открыл неорганизованный, беспорядочный огонь.

Все ближе и ближе цепи белогвардейцев, ощетинившиеся штыками. Громовое всеобщее «ура!» ивановцев тучей надвигалось на них и вот — поглотило. Сошлись вплотную две силы, закрутился смертельный калейдоскоп! Прямо против Далматова оказывается офицер с занесенной шашкой: лицо его искажено, зубы оскалены. Холод смерти уже дохнул в лицо молодому красноармейцу. Но руки знают свое дело: винтовка вверх — удар отбит, выпад штыком вперед,— и, скорчившись, офицер падает. Рядом Гулин успевает заколоть солдата, бегущего на Далматова, затем в упор стреляет в другого, отталкивая Фрунзе назад, за себя. Со стоном падает вперед раненный в грудь Владимир Тронин, начальник политотдела Туркестанской армии. Не целясь, Далматов стреляет в огромного озверевшего солдата, замахнувшегося прикладом на Фролова, этот выстрел сливается с выстрелом Фрунзе, колчаковец роняет винтовку и грузно оседает. Варится, клокочет страшная каша... Стреляет молчаливый, сосредоточенный Фролов и спасает от верной смерти Далматова. Сжав челюсти, безмолвно работает штыком хладнокровный, внимательный Сиротинский, стараясь держаться вплотную к командующему. Палит из нагана Губарьков.

Кругом непрерывно хлопают выстрелы, раздаются тупые удары, хрипло звучит злобная ругань, слышны возгласы, стоны, надрывные команды. Как можно руководить в этом диком, первобытном по жестокости бою? Все

решает порыв, умение владеть штыком, присутствие духа.

Белые дрогнули, начали подаваться. И в это время в бой вступили два батальона 218-го полка имени Степана Разина, которые сумел подвести Кутяков. Подминая колчаковцев, со всесокрушающим «ура!» они бросились вперед.

— Ткачи! За мной!— вырвался вперед комполка Горбачев, и бойцы с новой силой устремились на врага.

— Ребятки, спокойней, спокойней,— вполголоса командует Гулин разведчикам, и те зажимают в живое кольцо запыхавшегося, раскрасневшегося Фрунзе. Командующий пытается оттереть то одного, то другого бойца,— не тут-то было! Однако переполненный азартом боя, Фрунзе понял, что критический момент миновал, что сражение перемещается вперед и теперь уже ивановцы и разинцы преследуют врага.

— Бегут,— негромко сказал он, отирая пот и отдавая винтовку Сиротинскому.

С грохотом, прыгая на кочках, промчалась повозка с патронами, чуть не врезалась в цепь. Фрунзе смотрит, как жадно бойцы расхватывают боеприпасы и стремглав пускаются догонять своих.

— Быстрее, быстрее,— командует Фрунзе.— Повозку занимайте под раненых. Где Тронин?— Отойдя назад, он склонился над начальником политотдела.— Владимир Аркадьевич, держитесь, не падайте духом!— Он расстегнул гимнастерку Тронина.— Рана от сердца далеко. Ну-ка, товарищи, поддержите его, помогите перевязать...

— Атаку... отбили?— прошептал Тронин.

— Отбили, Владимир Аркадьевич, отбили. Бегут беляки,— ответил Фрунзе, сноровисто бинтуя его.

— Приподнимите... меня... Поглядеть...

Командующий с адъютантом бережно подняли повыше его плечи и голову.

Мимо пронеслись двуколки с патронами и пулеметными лентами, посланные Чапаевым с того берега.

— Раненых, раненых укладывайте!— И повозки вскоре начали возвращаться назад, медленно, чтобы не тряхнуло, пробираясь к переправе.

— Молодцы, конные разведчики!— сказал Фрунзе, присаживаясь на ящик из-под патронов.— Увидел вас сегодня в штыковом бою. Хорошо дрались! Умело и сердито.

В это время со стороны реки раздался гулкий, мощ-

ный взрыв, за ним другой, третий... Что такое? И вдруг все увидели аэропланы: они шли на бреющем полете к переправе у Красного Яра. Бомбы отваливались от них черными крупинками.

— Ханжин пустил в дело авиацию!— воскликнул Сиротинский.

— А мы никаких контрмер не предусмотрели! Не привыкли принимать в расчет авиацию. Да и бензина у нас почти нет! Эх!..

Со стороны реки продолжали доноситься взрывы.

— Товарищ Сиротинский! Берите-ка этих молодцов и скачите к реке. Организуйте там группы стрелков человек по двадцать — тридцать. Пусть бьют по самолетам залпами. Троицкому от моего имени прикажите выделить трехдюймовую батарею для стрельбы шрапнелью по аэропланам. Быстрее! Я сейчас тоже приеду.

Сиротинский козырнул, вскочил на коня, но вдруг спохватился:

— Товарищ командующий, забирать от вас охрану не имею права. Возьму с собой только Гулина. Хватит! Организуем.— И он строго посмотрел на бойцов: дескать, смотреть в оба!— Старшим остается Губарьков.

— Согласен,— сказал Фрунзе.— Сергей Аркадьевич, быстрее сообщите по телефону Чапаеву, чтобы переправы не прекращал и организовал бы по аэропланам залповый огонь с берега, а также с плотов и пароходов.

Фрунзе вскочил на лошадь и с группой сопровождающих бойцов тоже поехал к переправе. Вдруг он обратился к Далматову:

— Если не ошибаюсь, вы вчера говорили мне, когда мы ехали к Красному Яру, что с детства увлекаетесь охотой?

— Так точно,— снова пораженный памятью командующего, несколько растерянно подтвердил Гриша.

— Стало быть, принципы стрельбы по летящей цели понимаете? Что мушку надо выносить вперед в зависимости от скорости полета цели,— знаете? Так? Ну, вот что: скачите побыстрее к реке, соберите бойцов и организуйте охоту за аэропланами. Стреляйте залпами и с упреждением!

— Есть!

На берегу Далматов увидел комбрига Кутякова. Размахивая маузером, не обращая внимания на пулеметные очереди с самолетов, он пытался собрать бойцов, разбе-

жавшихся по кустам. Лексикон его был предельно далек от изысканности:

— Дурачье, мать вашу!.. Аэропланы-то деревянные, они пуль боятся. Бить по ним надо залпами! Живо сюда!.. Далматов, ты? А ну, принимай команду над этими бойцами, а я — на переправу!

Соскочив с коня, Далматов заорал, надрывая голосовые связки:

— Слушай мою команду! С колена!— Человек сорок стало на колено и защелкало затворами.— Прицел постоянный, мушку выносить на полфигуры аэроплана вперед! Огонь!

Грянул залп.

— Огонь!

Еще залп. Аэроплан клюнул носом, но выправился.

— Огонь! Огонь!

Аэроплан задымил, развернулся и, оставляя за собой черный шлейф, полетел в сторону Уфы.

— Ура! Так ему! Наелся нашей каши!— В воздух полетели фуражки.

— Отставить! Зарядить винтовки!

Бойцы были убеждены, что это они подбили аэроплан. Но Григорий видел, как поодаль стреляли по воздушному хищнику и красноармейцы, сколоченные в группы Кутяковым и Гулиным, как с берега длинными очередями били два «максима». Кто сбил, невозможно было определить, но надо было поддержать уверенность в своих силах.

— Молодцы, ребята!— завопил Гриша.— Срубили ворона! Приготовиться!..

Появились еще два тарахтящих в вышине аэроплана. Вокруг них начали рваться шрапнельные облачка.

— Прицел двести, мушку выносить на фигуру вперед! Огонь!

Аэропланы, беспорядочно сбросив бомбы на лес, отвернули в сторону и полетели прочь.

К берегу подъехал Фрунзе. Он спешился и, отойдя на несколько шагов от лошади, стал наблюдать, как идет переправа. На реке снова все пришло в движение: засновали плоты и лодки, отчалил пароходик. Неожиданно из-за деревьев на бреющем полете вырвался аэроплан, от земли его отделяло не более двадцати — тридцати метров. Отчетливо виден был летчик в темной куртке, кожаном шлеме и огромных очках. Он правил прямо на Фрунзе.

— Огонь!— отчаянно завопил Григорий. Раздался беспорядочный залп. Но в ту же секунду из самолета одна за другой выпали две черные бомбы. Грянули оглушительные взрывы. Все заволокло дымом. Далматов успел только заметить, как Фрунзе схватился за голову и медленно сел, а потом лег на землю. С отчаянным ржанием повалилась и сразу же замолчала его лошадь. Рухнул убитый наповал коновод Абдулла.

Сиротинский, который в этот момент мчался на коне к командующему, ворвался в расходящийся дым и, соскочив, упал на колени рядом с Фрунзе.

— Михаил Васильевич, вы ранены?— услыхал Григорий его отчаянный, срывающийся голос.

Фрунзе открыл глаза, отнял руки от головы и дважды глубоко вздохнул:

— Нет. Пронесло. Только контузило. Плохо слышу. Сейчас пройдет.

Дорого, чрезмерно дорого могла обойтись эта неучтенная возможность противника: за минуту перед тем, как контузило Фрунзе, на другом берегу был ранен в голову Чапаев...

Он примчался из Красного Яра к реке в момент наибольшей паники, вызванной аэропланами. Среди разрывов бомб и пулеметных очередей потерявшие голову бойцы, бросая оружие, прыгали с плотов и лодок, пытаясь спастись вплавь. Над водой неслись душераздирающие крики о помощи. Пароходы развернулись и ушли под защиту крутого лесистого берега, река быстро опустела. Стрелки, ожидавшие переправы, рассеялись в кустарниках и мелколесье.

— Паччему в блиндаже?— закричал рассвирепевший Чапаев на дежурного.— Паччему прекратилась переправа? Аэропланов испугались? Расстреляю на месте, сукины дети! Что стоишь, как святой? Передавай мой приказ: пароходам возобновить переправы, лодкам и плотам вернуться для перевозки бойцов. Марш!

К Чапаеву подскакал на взмыленном коне командир 219-го полка Сокол.

— У него во втором батальоне бабы, что ли?— напустился на него Чапаев.— Аэропланов струсили? Выдели роту, пускай замаскируются и бьют по аэропланам залпами. И переправляйся, переправляйся. А третий батальон приближай к Уфе с этого берега.

— Есть!

— Давай, Сокол, давай: мешкать некогда!

Над рекой снова показались самолеты. Но что это? С того берега раздались залпы — один за другим.

— Петька, гляди, аэроплан-то споткнулся! Нет, выровнял. Ах подлец! Задымил. Тикает!— в диком восторге завопил Чапаев.— Ай да Иван, ай да Кутяков! Вот так распорядился!

В это время рота из полка Сокола тоже открыла огонь залпами. Белые летчики не выдержали и стали отворачивать. Лишь один продолжал крутиться над переправой, поливая все вокруг свинцовым дождем. Пехота Сокола вела по нему огонь, но он с назойливым гудением вновь и вновь возвращался к переправе. Чапаев, сидя на коне, наблюдал эту диковинную картину боя пехоты с воздушным противником. Вдруг фонтанчики пыли от пулеметной очереди взметнулись совсем рядом с ним. Чапаев шатнулся в седле и схватился за голову. Струйка крови потекла у него по щеке. Петька бросился к начдиву и бережно помог ему спешиться. А самолет полетел через реку, прямо к группе Фрунзе, которая была видна с высоты.

— Ах подлец! Брызнул и в меня угодил,— спокойно сказал Чапаев, садясь на землю.

— Врача! Врача к Василь Ивановичу!— гаркнул Петька.

Ранение оказалось легким: пуля была на излете и застряла в черепе. Врач крепко ухватился за торчащий кусочек свинца, вытянул пулю, сделал перевязку и строго велел Чапаеву лежать.

— Да ты что, тетерев-етерев, в такой момент лежать? Не видишь, что делается, что ли?

Начдив с кряхтением встал, опираясь на Петькину руку, постоял, пока не перестала кружиться голова, закрученная бинтами, подошел к коню, взобрался на него без всякой лихости и шагом поехал к переправе.

Петька глянул туда-сюда, подбежал к блиндажу, закричал связисту:

— Ты, стукалка-пукалка, живо сообщи командующему, что Чапаев ранен в голову. Понял?— и помчался за начдивом к переправе.

— Ранен в голову?— переспросил Фрунзе. Он сидел на траве.— Товарищ Сиротинский,— он говорил медленно, с паузами,— срочно разыщите Кутякова. Мой ему приказ: тотчас принять на себя обязанности начальника дивизии и командовать вместо Чапаева. Чапаеву пере-

дать мою просьбу: сегодня лежать, выполнять все предписания врача. Я проверю лично. Кутякову сообщить: как выйдет на речку Шугуровку от Старых Турбаслов до Степанова, пусть остановится, даст людям отдых, подтянет боеприпасы и артиллерию. Руководить переправой пока буду я сам. Выполняйте!..

А переправа снова шла полным ходом. Пыхтели пароходики, плыли лодки. На двух больших плотах и на пароходах переправлялись орудия Хлебникова. Тарахтели моторами на спуске три бронеавтомобиля. К вечеру переправа была завершена полностью. Лучшие войска красных накопились за Белой, готовясь к решающему броску на Уфу...

Стемнело. В большом сенном сарае расположился на отдых командный состав 73-й бригады. В стороне паслись стреноженные кони, чуть поодаль патрулировали спаренные дозоры.

Из распахнутых настежь ворот сенника доносился разноголосый храп смертельно уставших людей. Спали, разметавшись на сене, командиры, связисты, разведчики. У входа разместились на шинелях Гулин и бойцы из охраны командующего. В глубине тускло светился каганец, поставленный на снарядный ящик, рядом с ним лежал, положив забинтованную голову на седло и укрывшись буркой, Чапаев. Около Чапаева сидел Фрунзе, они негромко разговаривали.

Гриша спал и не спал. Перед его внутренним взором беспорядочно и беззвучно мелькали картины боя. Вот Фрунзе, подняв руку с винтовкой, что-то кричит бегущим ивановцам, вот наплывает огромный офицер, и Гриша выдергивает из него свой штык и ударом плеча отталкивает командующего, на которого замахнулся уже другой колчаковец. И сразу начинает расти, расти в размерах и заслоняет небо самолет, поливающий из пулемета все вокруг. «Залпом! Огонь!» — кричит Гриша, но губы его лишь слабо шевелятся. Лицо летчика в чудовищных очках приближается вплотную и разом исчезает: вот уже лежит смертельно бледный Еремеич и с трудом пытается открыть глаза. Он открывает их, улыбается, и вдруг вместо него — перекошенный от злобы Авилов. Он выхватывает браунинг и стреляет в Гришу в упор! «А! — кричит Гриша.— Попался, гад!» И стреляет сам.

— Беспокойно спят ребята,— кивает в сторону бойцов Фрунзе.— Тяжело им сегодня пришлось.

— А кому легко? Вам, что ли, легко?

— Василий Иванович, потолкуем по душам перед отъездом?

— Потолкуем, Михаил Васильевич. Я перед боем никогда не сплю. Да тут еще башка трещит от пули этой дурацкой.

— Хочу сказать вам, Василий Иванович, что ночью в начале переправы и днем в бою полки вашей дивизии действовали отлично. Это форсирование будут со временем изучать историки.

— А чего ж, я не против,— весело ответил Чапаев.— Пускай генералы в академиях рассказывают: так, мол, и так переправлялись непобедимые бойцы Чапаева, который академий не кончал...

— Да,— Фрунзе улыбнулся,— надо отметить слаженность, дисциплинированность и отвагу войск. Но надо отметить и наши недочеты и оплошности.

— Это какие же?— сухо спросил Чапаев.

— Прежде всего, мои. Во-первых, мы не предусмотрели прикрытия переправы от аэропланов. В результате — неоправданные потери и паника. Так? А если бы мы заранее наладили залповый огонь с обоих берегов, приспособили бы пулеметы и артиллерию? Что с вами, Василий Иванович?

— Трещит, проклятая! Но ничего. Ваш разбор мне наука. Слушаю со всем вниманием, Михаил Васильевич.

— Вторая наша грубая ошибка, что плохо мы обеспечили полки боеприпасами. Ивановцы-то отчего начали отступать? Кончились патроны, вот и растерялись. Так?..

Фрунзе спокойно излагал свои соображения, не жалея ни себя, ни начдива. Чапаев громко вздохнул. Фрунзе едва заметно улыбнулся:

— Теперь я хотел бы отметить, что хорошего и поучительного было в действиях дивизии.

— Очень бы желательно послушать,— оживился Чапаев.

И командующий принялся анализировать маневр за маневром. Чапаев вторил ему репликами, иногда перебивал, вспомнив какую-то деталь, затем замолкал и снова комментировал сказанное Фрунзе: шел увлеченный разговор двух специалистов.

— Стой! Кто идет?— раздался неподалеку тревожный оклик часового. Гулин и его бойцы вскочили на ноги, будто и не спали, и выбежали из сарая.

— Заканчиваю.— Фрунзе прислушался к быстрому говору за стеной.— Ночью я буду в семьдесят пятой бригаде, что у моста против города. Прикажу Потапову и Фурманову начать форсирование. Вы с севера, двадцать четвертая и вторая с юга — обойдете Уфу, перерезав железную дорогу. Завтра к вечеру Уфа должна быть взята!

Разведчики вместе с Кутяковым ввели мокрого и грязного колчаковского солдата. Сапог на нем не было, гимнастерка висела клочьями.

— Товарищ командующий, перебежчика привели,— доложил Кутяков.

— Давайте его поближе.

Тяжелые руки Гулина обыскали щуплого солдата, поворачивая его, как ребенка.

— Ладно, шагай,— проворчал он.— Далматов, гляди в оба, знаем мы эти штуки.

Чапаев полупривстал, чтобы легче было разглядеть перебежчика, из-под бурки высунулись его босые ноги.

— Почему перебежали к нам?— спросил Фрунзе.

Солдатик оглядел всех и широко, счастливо улыбнулся.

— Здравствуйте,— ответил он.— Я не солдат, я рабочий. Из ревкома Уфы. Большевик.

— А не врешь?— спросил Чапаев.

— Нет. Мне задание дали и еще двум другим перейти фронт и лично доложить товарищу Чапаеву об очень важном деле.

— А вот этот человек в бинтах и есть Чапаев,— сказал Фрунзе.

Солдатик еще шире улыбнулся, но сразу же нахмурился:

— А точно ли? Здесь шутить нельзя.

— Да уж точнее не бывает.— Чапаев расправил усы.— А это вот товарищ Фрунзе, слыхал?

— Как не слыхать.— Он опять счастливо улыбнулся.— Тогда слушайте. На рассвете на вас пойдут две дивизии Каппеля, будет какая-то «психическая» атака. Хотят прижать дивизию Чапаева к реке и утопить ее. Это раз. Другое: главную переправу Ханжин ждет к югу от Уфы. Вот и все, что мне велено доложить.— Он радостно засмеялся.— Сто пудов с плеч!

— Ух ты!— Глаза у Чапаева засветились.— Ну молодец!

— А чем вы докажете, товарищ, что вы член ревкома?— спросил Фрунзе, пытливо всматриваясь в лицо

стоящего перед ним человека.— Да вы садитесь, устали небось.

Вокруг них уже стояла тесная толпа чапаевцев, проснувшихся во время допроса. Стряхивая с одежды и волос сено, подходили все новые командиры и связисты.

Человек сел на старую колоду, подумал:

— Документа у меня, конечно, нет. А сказать коечто могу. Когда генерал Ханжин хотел ударить вам в тыл от Белебея, наш ревком послал в штаб армии или фронта, точно не знаю, донесение. Вы его получили?

— Это точно. Донесение такое получили, и наша разведка его подтвердила. Спасибо. Это было очень важное сообщение. А вот насколько точны ваши сегодняшние сведения?

— А у нас в штабе Ханжина есть надежные люди. Уж вам я скажу,— ревкомовец улыбнулся,— хороший там работает парень. Колька-Колосник мы его зовем. Всегда точные сведения нам сообщает. Сам-то я его не видел, но чудеса делает, просто чудеса! Но и перепроверяем, само собой. Однако всегда сходится.

Фрунзе еще раз, долго не отрывая взгляда, посмотрел в его глаза. Человек доверчиво и радостно улыбнулся. Улыбнулся и Фрунзе:

— Василий Иванович, значит, так: товарища одеть, обуть, накормить, отправить в Красный Яр. Если все подтвердится, представить к награде.

Чапаев отбросил бурку и, как был в белье, с головой, белой от бинтов, похожий в полумраке на привидение, подошел к ревкомовцу; тот встал, и Чапаев порывисто обнял его и поцеловал. Тот беззвучно заплакал.

— Петя, действуй!— Исаев и перебежчик вышли из сарая...

И никто не догадался спросить у этого мужественного человека его имя, фамилию. А потом в горячке боев и вовсе забыли о нем. Кто был этот герой, единственный из троих, посланных уфимским ревкомом, которому удалось дойти? Пока не знаем...

— Теперь слушайте меня со всем вниманием,— властно сказал Фрунзе.— Товарищ Кутяков, Василия Ивановича тревожить сейчас нельзя: он ранен в голову. Все командование принимайте на себя. Василия Ивановича переправить сейчас в Авдонь. Там ему легче будет держать с вами телефонную связь, да и врачебную помощь там наладить легче. Ясно?

Кутяков нервно шевельнул шашкой и, не отвечая, кивнул.

— Ему под раненую голову нужна подушка, а не седло. Ежедневно вы лично будете мне докладывать о его здоровье.

Кутяков опять кивнул.

— А вас, Василий Иванович, прошу выполнять все наказы врачей. Дивизией сейчас командует Кутяков. Под вашим контролем, конечно.

— Ну, давай, Иван,— угрюмо, с обидой сказал Чапаев, укладываясь на седло и укрываясь буркой.

— Товарищ Сиротинский, они ждут главного удара с юга. Я и поеду туда. А вы от моего имени позвоните в тридцать первую дивизию, передайте, чтобы начала переправу здесь же, у Красного Яра, частью сил еще северней, чем двадцать пятая. Выполняйте!

Сиротинский козырнул и вышел.

— Товарищ Кутяков, немедленно будите своих орлов. Подымайте полки. Прикажите окопаться. Чем глубже, тем лучше. Побольше пулеметов выдвигайте в переднюю линию. Немедленно предупредите Троицкого, Хлебникова, пусть готовят заградительный огонь. Запретите открытие огня без вашей команды. Что такое «психическая» атака? Она предусматривает сближение без выстрелов, без артподготовки, в сомкнутых рядах, под барабанный бой, со штыками наперевес. Она была хороша, когда не было нарезного скорострельного оружия. Ротные колонны, дойдя до окопов противника, легко их прорывали. А сейчас это авантюра, рассчитанная на нестойкого противника. Но еще раз прошу вас подготовиться основательно: очень много сил бросят на вас. Хорошо бы на флангах скрытно сосредоточить конницу.

Дальше: если ранят вас, командование дивизией разрешаю снова принять Василию Ивановичу. Ни в каком ином случае! Уфа завтра должна быть наша!

Чапаев не утерпел, откинул бурку:

— Михаил Васильевич, товарищ командующий, разрешите и мне несколько слов сказать?

— Пожалуйста, Василий Иванович, но только лежа.

— Иван, ты первую линию уплотни хотя бы еще двумя батальонами двести девятнадцатого полка, а в версте за первой линией разверни двести двадцать первый и двести двадцать второй полки. Тоже пусть окопаются, грунт здесь мягкий...— Чапаев четко и конкретно ри-

совал Кутякову возможные варианты предстоящего боя.

Фрунзе послушал его, встал и незаметно отошел. Уже у выхода он сказал:

— Если завтра возьмете Уфу, оставлю вас в городе недели на две для отдыха и пополнения. Вместо вас введу в дело тридцать первую дивизию. Это мое решение можете сообщить во всех полках. А через недельку ждите меня в гости. Василий Иванович, немедля собирайтесь в Авдонь, там и штаб, и телефоны, а главное — санчасть и врачи. До скорой встречи, товарищи!

9 июня 1919 года.
УФА

Быстро, энергично, расчетливо отдавая приказания, Иван Кутяков, без меры отважный, властный юноша, которому в критический момент была доверена судьба прославленной дивизии, двигался от полка к полку. Двадцать два года, но разве это мало? Двадцать лет было Фрунзе, когда под его руководством забурлило рабочее движение во Владимирской губернии!..

Звезды уже начали таять в побледневшем небе, и на востоке осторожно разгорелась розовая полоска, когда Кутяков соскочил с коня около батареи легкой артиллерии, сел прямо на землю и жадно закурил, вглядываясь в даль. Оставалось только ждать. Все было сделано по-хозяйски: полки, сколько успели, зарылись в землю, боеприпасы распределены, конница собрана за левым флангом, связь по всему фронту налажена.

— А не подвел ли нас перебежчик?— высказал он вслух то, что подспудно беспокоило его всю ночь.— Мы лицом на восток, а они на нас с севера или с юга — от Уфы...

Но что это? Кутяков насторожился, вскочил, несколько раз сильно затянулся и бросил окурок под ноги. Еще почти не различимый, едва слышимый, начал беспокоить ухо какой-то унылый, неясный гул. Солнце выбросило в небо первые лучи. Кутяков схватился за бинокль. Гул катился издалека, он становился громче, отчетливей, уже в его бесформенном звучании обозначился какой-то

ритм... И вдруг он понял: барабаны! Сотни войсковых барабанов били: «Старый барабанщик, старый барабанщик, старый барабанщик...»

«Нет, не подвел!» Ночная едкая тревога исчезла и сразу забылась, теперь бы все исполнить, как задумано... Он пружинисто забросил тело на коня и с места в карьер поскакал вперед с эскортом ординарцев и связистов.

Холмистое поле, расстилавшееся перед укрывшимися в лесу, зарывшимися в землю безмолвными чапаевцами было расчерчено прямоугольниками крестьянских наделов. Но вот по всему горизонту начала наползать на него непроглядная тень, покрывая тьмой зеленеющую волнистую озимь.

Монотонный бой барабанов, грузно повторяющих одну и ту же бессмысленно-торжественную фразу, стал слышен громче и отчетливей; прибой за прибоем — и нервы бойцов начали как бы накручиваться, натягиваться на какие-то неумолимые, зловещие колки, медленно поворачиваемые рукой самой смерти: «Нет пощады, нет пощады, нет пощады...»

Каппелевцы покрыли все огромное поле слева направо, сколько видит глаз. В первой линии двигались офицеры, грозно выбросив в сторону чапаевцев тонкие безжалостные штыки. Отовсюду неотвратимо и неудержимо катились, катились вперед бесконечные шеренги, и черные штандарты символами смерти то тут, то там реяли над ними. Огромная лавина, лавина без конца и края, лавина во весь горизонт надвигалась на окопы.

«Эх, дураки, дураки,— шептал Кутяков, разглядывая в тяжелый морской бинокль то одного, то другого безмерно приблизившегося и увеличившегося каппелевца,— и сколько же вас положим, сколько положим...»

Осталось совсем немного: полкилометра. Сколько же движется цепей: одна... две... три... пять... девять... Нет смысла считать, их больше двадцати. Тысячи, тысячи, тысячи колчаковцев, четко отбивая шаг, под азартную зазывающую дробь бессмысленных барабанов, молча двигаются вперед, чтобы вскоре, сейчас, вот-вот, ринуться в последний, неудержимый бросок и разом кончить все дело. Твердо шагают подошвы, вздрагивают щеки, все разом колеблются вверх-вниз штыки.

Молчат, молчат чапаевцы, только изредка судорожно сглатывают слюну молодые бойцы, только свирепо шепчут злые, темные слова старослужащие, только погляды-

вают время от времени туда, где каменно застыл с биноклем в руках Иван Кутяков.

Триста метров, двести пятьдесят, двести,— уже видны сверкающие на темном сукне надраенные мелом пуговицы, уже можно различить вспыхивающие под солнцем грани на каждом штыке.

— По белым гадам — огонь!— закричал с яростным торжеством Кутяков, и, тотчас повторенная стоустно, эта команда мгновенно превратилась в страшный клекот десятков пулеметов, в непрерывные залпы винтовок, в злобный и радостный лай орудий, занявших место в первой линии...

Как острая коса, пройдя по росистой траве, срубает все до одной травинки, оставляя поваленный ряд, так и здесь сразу была выкошена первая цепь, а за ней вторая. Но с механической быстротой место упавших занимали новые и новые колчаковцы, и вот каппелевцы уже бегом бросились вперед, стреляя на ходу, с каждой секундой приближаясь к окопам.

Белые снайперы издали начали бить по чапаевским пулеметам: вот замолк один «максим», захлебнулся другой, третий. Колчаковцы повернули туда, где огонь поредел, и уже не остановить их ружейными залпами...

В этот момент в Авдоне Чапаев, лежавший в постели, оттолкнув врача, поднялся с койки и, с перевязанной головой, вышел из избы. С трудом, покачиваясь, он взошел на пригорок, сел на траву и стал чутко вслушиваться в отзвуки боя, нервно покручивая и покусывая кончики усов.

— Петр!— закричал он.— А ну, живо в штаб, да все узнай подробней!— И так весь день — каждые пятнадцать — двадцать минут требовал он сообщений.

...Ружейными залпами не остановить несущуюся в штыки черную громаду каппелевцев, но вот одна за другой ожили пулеметные точки. Это запасные пулеметчики, вторые номера или просто добровольцы, соседние бойцы бросились к рукояткам «максимов», и снова коса смерти заходила по широкому лугу, и снова начали падать, вздымая руки, люди в черном, и снова заколыхались, заколебались на смертном ветру вражеские штандарты.

Огромны потери каппелевцев, они уже атакуют не «психически», а рассредоточившись, они уже приближаются перебежками и по-пластунски, они уже ведут залповый организованный огонь и вводят в бой последние

резервы. И вот повсюду завязываются беспощадные рукопашные схватки.

Кутяков осторожен, нетороплив, экономен. Он должен выиграть этот главный в своей жизни бой! Он знает, хорошо знает закон Суворова: кто сохранит к концу сражения силы, тот и победит. Он выслушивает донесения, он сам видит все, от него скачут ординарцы с твердым приказом — держаться, переходить в контратаку, биться до конца, рассчитывать только на собственные силы! Только на собственные, только на себя!..

Да, он был безупречен в этот день, Иван Кутяков, двадцатидвухлетний комбриг, заменивший Чапаева, он не поддался чужим просьбам, не поддался своему порыву, он сохранил резерв! И вот колчаковцы делают последнюю ставку: сузив фронт до двух верст, они бросают в атаку сразу три свежих полка. Опять черная колышущаяся тьма закрывает нежную озимь.

«И сколько же мы вас положим, сколько положим...»— шепчет Иван Кутяков. Он велит подпустить атакующих на сотню метров, и с этой дистанции страшный огонь пулеметов просто-таки слизывает передние цепи, остальные в растерянности залегают.

— Двести восемнадцатый и двести двадцатый, вперед!— резко командует комбриг, и грохотом сапог, громовым «ура!» отдается его команда. В штыки пошли первые два полка, вслед за ними из окопов, винтовки наперевес, бросились бойцы других полков.

— Артиллерия!— командует Кутяков.

Выкатывая вперед легкие пушки, артиллеристы Хлебникова бьют шрапнелью в промежутки и через головы атакующих полков.

— Теперь пора!— Кутяков вскочил на вороного коня и в сопровождении ординарцев помчался к лесу, где скрывался до последнего часа сводный кавалерийский полк дивизии. Круто остановив могучего коня, вздыбив его перед эскадроном, он вырвал из ножен хорошо всем известную шашку Чапаева с серебряным эфесом:

— Сабли наголо! С места — галопом марш! Рубить всех!— и вихрем на стелющемся коне помчался вперед с развевающейся буркой за плечами. Один за другим вылетали из засады чапаевские эскадроны и, на ходу развертываясь в цепи, неслись на каппелевцев.

Перед конниками бежали, охваченные ужасом, бросая все, падая ничком на землю, до двух тысяч колчаков-

ских солдат и офицеров. Сверкающая шашками лава с головокружительной быстротой настигала их...

К семи вечера 73-я и 74-я бригады вышли на северные окраины Уфы и перерезали железную дорогу. Белых охватила паника, обозы и кавалерия карьером по дорогам и без дорог бросились на восток.

По приказу Чапаева о продвижении 73-й и 74-й бригад было сообщено в штаб 75-й, стоявшей против моста. Фурманов и комбриг Потапов отдали приказ начать решительный штурм города. Быстро были спущены на воду припрятанные лодки, плоты, бревна, паром, 223-й и 225-й полки приступили к форсированию Белой. Раздался страшный взрыв — в воздух взлетел пролет огромного моста. Это значило, что белые окончательно поняли: Уфу им не удержать.

Батальон Николая Кононова в районе старой деревянной лестницы, что вздымалась от реки на гору, первым ворвался в город, свирепой штыковой атакой сбив колчаковцев с крутой набережной. Фурманов, возглавив одну из рот, устремился прежде всего к тюрьме — освободить политзаключенных. В это время с востока в Уфу ворвались бойцы 217-го полка бригады Кутякова. С севера, переправившись через реку Белая, вступил в город встреченный группой подпольщиков батальон 219-го полка. Он тоже устремился к тюрьме. Поздно вечером девятого июня Уфа была освобождена полностью.

План Фрунзе получил блистательное завершение!

В Чишмы, где находился Фрунзе, к ночи пришла телеграмма: «...Все ваши подчиненные и сослуживцы поздравляют вас взятием Уфы». Но Фрунзе эту телеграмму тогда не прочел: ослабев после контузии, он спал.

10—11 июня 1919 года.
УФА

С утра бурлит Уфа, из домов на улицы выплеснулся народ: от мала до велика все ждут торжественного вступления красных войск. Никто его не объявлял, не назначал, но радостная, оживленная толпа густеет, становится все многолюднее, все плотнее.

Кутяков мечтал о торжественном вступлении всей дивизии в Уфу. Но разве могли с ходу остановиться полки, которые на одном дыхании гнали панически бегущего врага? И потому в городе расположилась на отдых 75-я бригада и батальон 219-го полка, а утром туда вошла еще часть дивизионной конницы.

Эскадрон Говорова с трудом пробирался через запруженную людьми улицу. Гриша Далматов ехал впереди своего взвода, радостно и тревожно вглядываясь в лица, отвечая на крики и рукопожатия.

И вдруг:

— Гришенька! Гриша!

И время остановилось.

Он увидал голубые, заплаканные и смеющиеся глаза под низко опущенным темным платком.

И наступила абсолютная, нерушимая тишина.

И бесконечно долго, побледнев и сжав челюсти, смотрел он в них.

И все вокруг исчезло.

Осталась лишь она. И ее взгляд, который тянулся навстречу ему.

— Наташа...— беззвучно, как во сне, прошептал он. И бешено крикнув:— Федя, прими взвод! Володька, за мной!— круто повернул Ратмира, разрезая толпу.

Фролов, недоумевая, двинулся за ним. На панели Григорий соскочил, не глядя сунул повод Владимиру в руку.

Рядом с Наташей стояла какая-то девушка, но он ее не замечал, он ничего не слыхал: ни криков толпы, ни вопросов недоумевающего Володи. В полной тишине неуверенно, недоверчиво шагнул он к ней, плачущей и смеющейся, протянувшей к нему руки, и обнял ее. И время остановилось снова: у него на груди плакала Наташа.

Он бережно взял ее голову в ладони и посмотрел в лицо, залитое слезами. Как похудела, как повзрослела она! Какая красивая...

— Нашелся, нашелся!— смеялась она.— Гришенька, ты навсегда нашелся, навсегда, мой любимый!— И она целовала, целовала его в щеки, в губы, в нос.

Раздалось сердитое ржание: Ратмир взревновал хозяина и головой слегка толкнул незнакомую девушку.

— Дурак,— ликуя, сказал Григорий, ухватив его за гриву,— это же Наташа. Понял? Наташа!

Ратмир снова обиженно заржал.

— Ратмир, а это Володя. Понял? Володя,— подражая интонациям друга, произнес Фролов.— Здравствуй, Наташа. Давно мы с тобой не видались,— сказал он и спрыгнул на землю.

— Здравствуй, Володечка, здравствуй!— Наташа обняла его и поцеловала.

— Эх, подружка, никак я тебя в росте не догоню,— с комическим сожалением произнес он.— Одно утешение, что женишок твой — с коломенскую версту, а тебе только на такую жердь и вешаться...

— Да, дорогие мои, знакомьтесь,— спохватилась Наташа,— это Тося, моя самая лучшая подруга.

Невысокая кареглазая девушка с милым смущением наблюдала встречу Наташи с Григорием и Володей. Она покраснела и протянула руку:

— Очень приятно. Тося. А мне Наташа все про вас рассказывала.

— Про обоих?— живо спросил Фролов, пожимая ее твердую ладошку.

Все рассмеялись, и Ратмир снова недовольно заржал, обиженный невниманием.

— Ты получил мое письмо?— тихо спросила Наташа, прижимаясь к плечу Григория.

— Уже на фронте. Ты так изменилась. Совсем взрослая стала. А какая красивая...

— А Наташа ведь у нас герой,— сказала Тося.— Она ведь у Ханжина в штабе работала, подпоручиком была. Это мой папка ей поручил.

— У Ханжина?— изумился Григорий.

— Да. Ревком поручил,— смело подняла ресницы Наташа.

— С Колькой-Колосником?— быстро спросил Григорий.

— Можно сказать, что с ним,— сдержанно улыбнулась девушка.

Григорий крепко поцеловал ее. У нее снова показались на глазах слезы.

— Везет же долговязым,— завистливо вздохнул Володька и вдруг без всякого перехода спросил:— Тосечка, а у вас строгий папа?

— А вам зачем?— лукаво спросила девушка.

— Да так, к слову пришлось... Ну что, товарищ командир, какое решение принимаем?

— Какое решение? Сейчас догоним эскадрон, разместим взвод, обеспечим бойцов и лошадей, а тогда отпросимся у Говорова и Гулина. Где мы найдем вас?

— Опять расставаться?— померкла Наташа. И тихо сказала в самое ухо:— Приходи быстрее. Есть срочное дело. Секретное.

Он внимательно посмотрел на нее:

— Пиши адрес.

Спрятав бумажку в нагрудный карман, он взлетел в седло. Ратмир заиграл под ним. Наташа, подняв руки к подбородку, смотрела на него — сильного, черного от солнца, похудевшего в боях. Толкнув коня, он помчался вперед. Фролов за ним, оглядываясь и посылая назад воздушные поцелуи...

В домике у тети Дуси кипела подготовка: на плите шкворчало и шипело, из кухоньки в комнату и обратно беспрерывно сновали то девушки, то сама тетя Дуся. Чисто вымытый стол уставили мисками с квашеной капустой, отварной картошкой, селедкой, воблой, ломтиками сала. В центре горделиво возвышалась бутыль с мутной жидкостью.

— Мужчина, он что?— поучала хлопотливая, принарядившаяся в яркое шелковое платье тетя Дуся.— Он всегда есть хочет. А если он молодой да еще солдат к тому же, тут ему только подавай, все умнет!

То одна, то другая подбегали к окошку, вглядываясь в улицу и прижимая ладошки к раскаленным щекам.

— А ну вас!— притворно сердилась тетя Дуся.— Совсем обеспамятели! Кыш от плиты, идите переодевайтесь, а то кавалеры вас, замарашек, бросят и найдут которые собой почище!

— Наташа! Идут!— вдруг взвизгнула Тося.

— Где?— Наташа и тетя Дуся кинулись к окошку. И впрямь в дворик входили начищенные, наутюженные, в блестящих сапогах, сверкая пряжками и портупеями, при шашках и наганах, два молодых бойца, суровые и торжественные.

— Ой!..— Наташа медленно осела на лавку.

— Тетя Дуся, задержи их,— толкнула Тося хозяйку к выходу. Она живо распахнула Наташе ворот, побежала к ведру, набрала полон рот воды и брызнула на подругу.

— Ах ты моя милая, да как же ты любишь его, да как же ты натерпелась,— целовала она ее и голубила.—

Ну что, отошла? Тогда давай быстрее переодеваться, чтобы все увидали, какая у нас красавица живет, какая королева живет...

Григорий и Володя встали, когда на крылечке показались нарядные девушки: оживленная и одновременно застенчивая Тося и Наташа, поначалу сдержанная. Однако сразу же завязался разговор, быстрый и бестолковый, но в нем ли суть? Едва Григорий взял Наташу за руку, едва глянул в ее глаза, он уже ничего толком не замечал: где они сидели, что пили, как превзошел себя, блистая остроумием, Володька, на которого Тося бросала нескрываемо-восхищенные взгляды... Главное, он видел Наташу, слушал ее голос.

Пришел Александр Иванович, за ним появилась разряженная, надушенная санитарка Аня, пришли еще какие-то мужчины и женщины, было шумно и весело, но все это как-то незаметно промелькнуло, хотя он всем отвечал, даже пел со всеми. И вот наступило долгожданное: вечер, и они с Наташей вдвоем во дворике на лавочке. Правда, рядом шепчутся и хихикают Володя с Тоней, но Григорий с Наташей вдвоем. Ее голова у него на плече, ее волосы рядом, ее губы рядом, вся она рядом. От счастья ему стало казаться, что все это выдумано, потому что в жизни так хорошо не может быть, жизнь — это бои, рубка, перекошенные в предсмертной злобе лица врагов, ночевки на мерзлой земле. Это вечная бессонница и всегдашняя необходимость вскочить на коня и мчаться куда-то...

— Ты помнил обо мне?— шепотом спросила Наташа.

— Ты всегда, везде, всюду была со мной.

— Но так лучше?— она лукаво прижалась к нему и вдруг с легким стоном оторвалась от него.

— Погоди! А то я все забуду, что должна сказать. Я от счастья теряю разум.

— Потом, потом будешь говорить...

— Потом может быть поздно!..

И она рассказала, что в городе остался чрезвычайно опасный белогвардеец. Цель его, несомненно,— какая-то крупная диверсия. Надо незамедлительно принять меры.

— Откуда ты об этом знаешь? И вообще, как ты жила все это бесконечное время?

— Милый, я все тебе расскажу. Но сейчас надо действовать. Ты сможешь кого-нибудь привести из начальства?.. Мне часто разгуливать по городу не следует, Безбородько или его люди могут увидеть меня...

Так впервые услыхал Гриша эту фамилию.

— Безбородько?

— Да, начальник контрразведки. Ведь я жила у него в доме.

— У него в доме?!

— Да, под видом племянницы. Но все это после, милый мой, после... Кому я должна рассказать?

Гриша задумался:

— Знаешь, начальник особого отдела Южной группы армией Валентинов, по-моему, очень толковый чекист. Он уже в Уфе, я видел. Мы придем с ним к тебе завтра. Хорошо?

— С утра?

— Я постараюсь.

— И мы опять встретимся?

— Обязательно.

— И никогда не расстанемся?

— Нам обещали отдых недели на две или на три.

— Нет, мы вообще не расстанемся. Знаешь, что я решила? Я поступлю к вам медсестрой.

— К нам?!

— Да. Я буду совсем рядом с тобой, и мы сможем видеться. А если тебя в бою ранят, я буду ухаживать за тобой и спасу тебя.

— Родная моя! Лучше уж не надо,— шутливо возразил он.— Ни раны, ни, стало быть, спасения!

— Гриша, а может, ты просто не хочешь, чтобы я была в вашей дивизии?— странным ровным голосом спросила она.

— Не хочу?— недоуменно повторил он.— Не понимаю. Одного я хочу: чтоб ты осталась жива.

— Родной ты мой, прости,— шепнула она.— Я ведь... Я подумала, а вдруг ты кого-нибудь без меня... Там... Ну, не буду об этом. Я ведь изменилась, Гриша. Я уже не робкая девочка. Если я что-нибудь решила, я добиваюсь своего. И теперь я обязательно буду, буду у вас в дивизии. Все равно кем: санитаркой, артисткой, библиотекарем, переводчицей, пулеметчицей. И запомни: я не могу больше без тебя...

И часы полетели один за другим: медленно, как бы перед собой, разворачивала она панораму своей жизни, начиная с отъезда из Петрограда и до самого бегства из штабного поезда. Она не решилась лишь на одно: не могла она рассказать в эти чистые, счастливые часы о вы-

нужденной своей близости с Безбородько. (Всю целиком историю ее трудной и героической жизни Гриша узнал лишь четверть века спустя, когда его, раненого офицера, случайно встретила в оренбургском госпитале Тося и передала ему Наташины стенографические записи. Торопливой скорописью, сидя весь день девятого июня взаперти у тети Дуси, Наташа заносила в тетрадку под близкий грохот орудий бесстрашно и правдиво, как на последней исповеди, все события, последовавшие после ее отъезда из Петрограда. «А может быть, я встречу Гришу?»— на этом вопросе обрывался ее дневник...)

Наташа говорила тихо, не раз слезы сдавливали ей горло. Гриша целовал ее глаза, щеки, она немного успокаивалась и продолжала говорить:

— Меня ведь тут знали. Правда, в форме, в кителе, коса короной, но все равно надо было мне дома сидеть,— вдруг увидят, узнают! Но не могла, не могла я остаться: а если я встречу моего милого, ненаглядного, любимого? И я надела что поплоше, повязалась платочком пониже, до бровей, и пошли мы с Тоней сторонкой, Гришенька. И вдруг ты едешь! Я гляжу и думаю: с ума я сошла, снится мне все это. Господи, неужели не приснилось?! И ты хочешь, чтоб мы теперь расстались? Да никогда, и не говори ничего такого!

— Товарищ командир,— услыхал Григорий подчеркнуто вежливый голос Володи,— что передать Ратмиру? Дело, простите, к полуночи...

— Скоро пойдем, успеем.— Наташа припала к его плечу. Он повернулся к ней:— До завтра, свет мой ненаглядный. Утром я буду у тебя. А потом мы никогда не расстанемся. Спи спокойно. Оружие у тебя есть?

— Есть. Браунинг.

— До завтра!..

Утром Григорий привел с собой в домик тети Дуси Пухова, начальника особого отдела 25-й. Рослый блондин в темной кожаной куртке, прежде чем войти, спокойно осмотрел, стоя на ступеньках, окрестности, вход, окна, оглядел чердачное окно и только затем толкнул дверь.

Наташа встала ему навстречу.

— Ну, здравствуй!— Он улыбнулся.— Вот ты какая! Я-то думаю, почему Далматов так горячится. Понятно. Григорий, ты посиди там на лавочке под окном, чтоб лишний кто сюда не вошел, а мы с Натальей Николаевной потолкуем часок-другой.

«Толковали» они действительно больше двух часов. За это время во дворе появился Володя, а потом — по счастливой случайности — и Тося.

— Далматов, Фролов! Зайдите-ка,— позвал из окна Пухов.

— Я скоро,— мигнул Володя Тосе.

Наташа стояла у стены, Пухов разгуливал по комнате.

— Значит, так, дорогие товарищи: выходить Наташе дальше двора нельзя. Видеть ее никто из посторонних не должен. Охрану ее поручаю вам. Будете дежурить попеременно в передней комнате. Возможно, мы перевезем ее в другое место, но пока пусть будет тут. Еще раз повторяю: видеть Наталью Николаевну должно как можно меньше народу. Я очень озабочен тем, Наташа, что ты вчера долго была на улице и что ваша встреча с Григорием, по твоим же словам, привлекла много зевак. Прямо скажу тебе, по-товарищески: это была глупая, недопустимая небрежность, за которую тебя надо бы крепко, самым суровым образом наказать.

— Товарищ Пухов...— взволнованно начала Наташа.

— Ты думаешь, я не понимаю, как трудно тебе было сидеть взаперти, когда входили наши войска? Все понимаю! Но ты-то сама пойми: если Безбородько донесут, что видели тебя да еще в обнимку с красным бойцом, он вмиг изменит явку, а тогда... А тогда... Представляешь, что может быть?

— Представляю — тихо ответила Наташа.— Но мы бы не встретились с Гришей...— растерянно добавила она.

— А Гришу ты нашла бы позже, мы б тебе помогли: все бы списки подняли, в Москву бы написали. Эх, Наташа, в нашей с тобой работе сердце должно быть горячим, но голова — холодной... Ну, не расстраивайся: и на старуху бывает проруха, а ты пока не так уж стара,— он улыбнулся.— Главное, дело ты сделала громадное. Но теперь нам придется, видимо, поторопиться с операцией. А вам, товарищи бойцы, задача ясна?

— Так точно!— быстро ответил Володя.— Другим глазеть на нее не давать, самим — сколько хочешь!

— Вот именно,— рассмеялся Пухов.— Только гляделки не проглядите. Насчет эскадрона не беспокойтесь, я объясню. А здесь держать себя, как в боевом секрете. Ясно? До скорой встречи!— Качнув в дверях громадными плечами, он быстро ушел: предстояло наладить усилен-

ную охрану штаба и подготовить операцию против Безбородько и его группы. Времени оставалось мало: 25-я дивизия ждала приезда Фрунзе, и Пухов прекрасно понимал, против кого, в первую очередь, будет направлен удар.

— Товарищ командир, разрешите мне скромненько занять вторую очередь по охране товарища Турчиной-Далматовой?— подмигнул Фролов, становясь навытяжку.

— Володька!— укоризненно крикнула Наташа.

— Виноват: товарища Далматовой-Турчиной,— поправился Фролов исчезая.

— Товарищ Далматова...— задумчиво прошептала Наташа.— Гришенька, а что мы будем делать после войны?

— Мы? Любить друг друга.

— Не шути этим. Сглазишь.

— Суеверная ты моя...

— Я больше не вынесу разлуки.

— После войны,— задумался он.— Ты знаешь, мне сам Фрунзе предложил идти в военную академию. Наверно, пойду.

— Сам Фрунзе? Расскажешь? А Технологический?

— Для того и в военную, чтобы другие могли учиться в Технологическом.

— И я должна буду всю жизнь ездить за своим командиром?!

— Попробуй только не поехать!..

Они говорили и говорили, целовались, снова говорили. Она затеяла обед («Вот увидишь, какая я дурная хозяйка, сразу расхочешь жениться»), он помогал ей, они смеялись, снова целовались, картошка подгорела, чайник, злобно дребезжа, залил плиту («Да, больше, чем троих детей, тебе доверять опасно»). Но ничто не могло затмить солнечного неба, омрачить этого бесконечного счастья.

Около семи вечера пришел Валентинов. Был он не один: с ним в комнату вошли Гулин и Пухов.

— А ну, Гришуня, где твоя краля, по которой ты у нас сох-сох да вовсе высох?— загудел Гулин.— Честь имею: Гулин,— представился он.— Эге, браток, не зря, выходит, ты усыхал до тоньшины Кощея бессмертного! Как бы и мне вслед за тобой не начать худеть, даром что дома баба есть и дети ползают! Вот это девка! Молодцы, красные орлы с самого Питера. Что ты,

что Володька — каких девчат заарканили, а? Ха-ха-ха!

Наташа с веселой улыбкой рассматривала богатыря. Ее рука потерялась в его ладонище.

— Наталья Николаевна,— официально произнес Валентинов,— я хочу говорить совершенно откровенно. Наблюдение за указанным вами домом показало, что туда прошли, стараясь не привлекать внимания, несколько человек. Среди них — некто, весьма похожий на Безбородько, как он вами описан. Неизвестно, надолго они собрались или завтра разойдутся и больше не встретятся. Но сегодня они уже не уйдут: время ходьбы без пропуска кончилось. Вот почему обстановка вынуждает нас действовать быстро и решительно, чтобы не упустить этот злодейский клубок. Я понятно говорю?

— Да,— твердо ответила Наташа.

— Хорошо. Геройские разведчики товарища Гулина и отряд чекистов сегодня к десяти вечера, в темноте, со всех сторон обложат этот дом. Плохо, правда, что он стоит над оврагом, но мы перекроем все, что можно. Согласны ли вы лично принять участие в этой операции? Она очень опасна, и вы, как женщина, вправе от нее отказаться. Но ваше участие поможет сделать ее бескровной, поможет взять живым Безбородько. Я не тороплю вас с ответом, напротив, прошу хорошенько подумать.

Наташа знала Безбородько — опытного, хитрого, смелого, осторожного. Взять его живым совсем не простое дело, это значит идти на смертельный риск,— тем более что соучастников он умел подбирать надежных, активных, изворотливых. И идти на это, когда счастье только-только пришло к ней... Но как же она собиралась в чапаевскую дивизию — под пули и снаряды?

— Что я должна сделать?

— Когда дом будем охвачен, вы должны будете сказать пароль и добиться, чтобы Безбородько вышел к вам. А чтобы вам не было страшно, мы попросим Далматова и Фролова все время находиться рядом с вами. Товарищ Гулин уверяет, что это ребята храбрые, расторопные, проверенные.

— Отменные ребятки!— громыхнул Гулин.— Орлы!

— Да. Я согласна,— подняла глаза Наташа.

— Большое спасибо вам, Наталья Николаевна.— Валентинов взял ее за плечи.— Советская Россия может гордиться такой дочерью! Ну что ж, товарищи, будем готовиться... Отдыхайте, Наталья Николаевна. Охрана выставлена, так что товарищи Далматов и Фролов могут пока отбыть в распоряжение эскадрона для подготовки.

Все вышли, оставив Григория и Наташу вдвоем. Они без слов крепко, до боли обнялись.

— Отдыхай!— порывисто бросил Григорий и бросился было к двери, но снова вернулся.

— Далматов!— пророкотал Гулин, и он опрометью выскочил из комнаты...

По небу быстро плыли тучи, и луна часто ныряла-выныривала из облака в облако. Город был темен и безлюден: с семи часов вечера до шести утра хождение по улицам запрещено. Лишь ветер озлобленно гонял пыль и мусор, хлопая забытыми ставнями, завывая в трубах и затихая, чтобы неожиданно наброситься на город с новым остервенением.

Красноармейцы и чекисты, подойдя во мраке, незаметно окружили со всех сторон окраинный дом над оврагом. Человек десять во главе с Валентиновым подползли к самому забору и приготовили оружие.

Наташа, Григорий и Владимир, дождавшись, когда луна спряталась, бесшумно пересекли палисадник и подошли к входной двери.

Девушка трижды с остановками дернула ручку звонка. Никто не торопился открывать. Напряженный слух уловил едва слышный шорох где-то наверху. Наташа позвонила еще раз. Шагов за дверью не было слышно, никто не шел, но чей-то тихий голос спросил:

— Кто?

— К дяде Алеше.

— А вы кто?

— Наташа.

— Наташа?

— Да.

— Подождите.

Прошло несколько минут. Зная, что из дома сейчас, очевидно, наблюдают за входом, Григорий и Володя заранее отступили в непроглядный мрак у куста рядом с дверью.

— Кого надо?— раздался вдруг сверху, из чернильно-

темного проема чердака, приглушенный, измененный, но столь знакомый ей голос.

— Василий Петрович, это я, Наташа.

Безбородько раздумывал.

— Ты одна?— сухо и отрывисто спросил он.

— Нет, с Игорем. Он тяжело ранен, лежит здесь у куста. Помогите его поднять.

— Хорошо. Подожди. Сейчас впустят.— Он, видимо, что-то сказал, обернувшись назад.

Наташа отступила к кусту, а Валентинов, Пухов, Гулин и еще несколько человек беззвучно стали по обе стороны двери. Заскрипел засов, дверь приоткрылась. Прошелестело вежливое:

— Наташа, где вы? Заходите...

Больше человек ничего не мог сказать: рот его был зажат страшными руками Гулина, и в коридор мгновенно, не производя шума, проникла сразу вся передовая группа Валентинова. И в ту же секунду в просвете между бегущими облаками показалась луна.

Ее мертвенный яркий свет залил двор лишь на несколько мгновений.

— Лежит в кустах, говоришь?!

Внезапное прозрение, которое ранит страшней оружия, неожиданный крах заветной надежды, нечеловеческая ненависть, слепая жажда мести — все это прозвучало в хриплом возгласе Безбородько: в густой темени он разглядел рядом с Наташей контуры двух мужчин.

И хотя, казалось бы, для Безбородько было важней стрелять по военным, которых привела с собой Наташа, чем по безоружной девушке, Володя, который стоял рядом с нею, в необычайном озарении понял, что, ослепленный и уязвленный смертельной злобой, Безбородько хочет убить ее. И в кратчайшую долю мгновения, которая у него оставалась, он сделал единственное, что еще мог успеть: он заслонил собой Наташу.

Из слухового оконца ударил огнем оглушительный выстрел, и как срезанный упал на землю Володя. Еще не поняв, не осознав, не представив, что произошло, Григорий молниеносно выстрелил из нагана туда, где сверкнул огонь. С чердака раздался яростный вопль, и тотчас прогремел еще один выстрел. И без крика, прижимая руки к груди, медленно начала оседать Наташа.

Все еще не понимая всего случившегося, лишь боковым зрением отмечая, как склоняется и падает она, Гри-

горий с холодной расчетливой точностью послал несколько пуль в непроглядную темень чердака — снова раздался бешеный озлобленный вопль. Раненый Безбородько со стуком выронил маузер и метнулся прочь от слухового окна.

В доме засветились окна: группа Валентинова без шума, без стрельбы, врасплох захватила всех террористов Безбородько. Гулин выскочил из дома:

— Что палишь?

— Безбородько! Уйдет!

Гулин оглянулся, охнул и упал на колени: в освещенном квадрате неподвижно лежали наискосок два тела:

— Володька! Наташа! Володька!.. Наташа...— Он припал ухом к ее груди.— Дышит!— Взревел и, отчаянно ругаясь, чуть не выломив плечом дверь, бросился с наганом в руках через три ступени наверх.

Григорий остался стоять, опустив руку с наганом. Он не мог, не желал, не хотел понять того, что случилось. И вдруг по сердцу остро ударила надежда: а если это не в самом деле, а просто так надо было притвориться? Вот сейчас Володька сядет и засмеется: что, дескать, орел-канарейка, испугался? И Наташа встанет, поправит волосы и улыбнется: «Гришуня, так и быть, стану я за тобой по гарнизонам ездить, но учиться все равно поступлю, только еще не знаю — на медицинский или филологический...»

Он осторожно присел на корточки и, боясь глянуть на Наташу, вытянувшуюся рядом на спине, приподнял тяжелую, словно налитую свинцом голову Володи. Глаза друга были полуоткрыты, но неподвижны, из уголка рта бежала тоненькая черная струйка. Григорий бережно положил его на траву и протянул руку к Наташе. Он тихонько, ласково провел пальцами по ее волосам, по неподвижному теплому лицу, по плечу, по груди. Под ладонью билось ее сердце! И сразу же руки ощутили вязкую жидкость, пропитавшую платье. Кровь, сколько крови...

— Наташенька, ты ранена?— прошептал он.— Куда он тебя, слышишь? Ты меня слышишь?!— закричал Григорий изо всех сил.

Он лихорадочно выпростал из-под ремня свою нижнюю рубаху, оторвал полосу и начал неумелыми пальцами перевязывать Наташину грудь прямо поверх платья.

Из дома выскочил Гулин:

— Ушел, гад! Ушел! Весь чердак в крови, а его нет, убрался через другое окошко и прямо в овраг. Ничего, далеко не уйдет, живо достанем!— И он помчался к бойцам, на ходу отдавая команды...

...Ушел Безбородько, не достали...

И в архивах Западной армии, захваченных позднее, нет в списках убитых или пропавших без вести фамилии начальника контрразведки полковника Безбородько. Скрылся, уполз, ушел смертельно опасный враг, человек без чести, без родины, без совести. И есть ли где счет тем преступлениям, которые сотворил этот озлобленный и расчетливый палач и убийца?..

А Григорий, перевязав Наташу, сидел между двумя неподвижными телами. Они лежали совсем рядом друг с другом: Володя — названый брат, Наташа — любовь, невеста, будущая жена.

Из дома начали выводить связанных диверсантов. И конвойные и пленные безмолвно остановились перед убитыми, перед Григорием, который не видел их и раскачивался, мотая головой.

Последними вышли Валентинов и Пухов.

— Что стали?— бросил Пухов тревожно и тут же все увидал.— Наташа?! Володя?!

— Ммм, ммм, ммм,— качался Григорий от брата к невесте.

Валентинов кинулся к ним.

— Санитаров!— отрывисто приказал он, осмотрев Наташу. Затем медленно сложил Володины руки, встал и обнажил низко склоненную голову.

«Да ты поплачь, поплачь, полегчает»,— вспоминалось Григорию потом. Вспоминалось и то, как он проснулся ночью и по привычке прислушался к Володькиному дыханию... И не сразу понял, почему рядом с ним пусто. И еще запомнились ему ожесточенные залпы эскадрона над Володиной могилой. Но каким был Володя в гробу, он не вспоминал никогда, потому что Володя был совсем не тот сердитый мальчик маленького роста, что лежал укрытый красным кумачом. Огромный человек, без раздумья шагнувший вперед, чтобы своей жизнью заслонить от пули товарища,— только таким и мог сохраниться в его памяти Владимир Фролов, питерский доброволец, потомственный рабочий из-за Невской заставы, погибший восемнадцати лет от роду.

16—17 июня 1919 года.
УФА

Все резко качнулись вперед: шофер лихо затормозил перед самым мостом. Фрунзе вышел, остановился, заложив руки за спину. Чугунная громада высилась перед ним как диковинное чудище с перебитым хребтом. На фоне изодранных ветром темных туч и тускло-желтого предзакатного солнца его силуэт выглядел зловеще. Издалека загрохотали тяжелые, с железным лязгом шаги: начальник караула, придерживая шашку и фуражку, бежал навстречу командующему.

«Вот и Уфа. Не в приказах, не в схемах, не на картах. Вот она — за вздыбленной ветром рекой: белые дома, красные крыши, купола, гнилые сарайчики вдоль берега... Вот она — реальная, видимая, осязаемая, всегда тут стояла. Она-то всегда стояла, да только нас здесь долго не было. Эх, нелегок оказался путь... Нелегок, но ведь пройден! Пройден... А впереди Урал, Сибирь, Туркестан. И там будем!..» Приложив по-строевому руку к козырьку, Фрунзе слушал торопливый рапорт начальника караула. «Ну, чего он мельтешит, чего суетится? Дело свое знает, за плечами бои, победы, так чего ж теряться, чуть ли не приседать от страха?»

— Так что лодка подана, товарищ командующий!

«Товарищ командующий... «Товарищ» говоришь, а робеешь, как перед господином каким. Эх, сколько еще нужно сделать, чтобы революция всюду победила, чтобы души человеческие от скверны прошлого очистились!»

— Здравствуйте, товарищ!— Фрунзе крепко пожал торопливо и почтительно протянутую ему руку.— А почему вы предлагаете лодку? Разве через мост перейти невозможно?

— Дак ведь... Как же... Настил ведь очень гнучий... Опасно...— растерянно ответил тот.

— Вы-то ходите по нему? Даже бегом бежали мне навстречу. А я не смогу?— Фрунзе улыбнулся.— Пошли!

Сиротинский тревожно измерил глазами высоту: досочка над пропастью, внизу стремительное течение, вверху порывистый ветер, а Михаил Васильевич после недавней контузии.

— Товарищ командующий,— негромко, но решительно возразил он.— Врачи говорят... Они приказали мне...

— Так ведь, кажется, и я приказал?— спокойно спросил Фрунзе.— Пошли!— И он быстро двинулся вперед.— Вот развелось надо мной начальников,— шутя посетовал он.— Валентинов не велел мне в Уфе парад устраивать: дескать, главаря террористов упустили, возможно покушение. Врачи, оказывается, не велят через мост ходить...

— Нет, про мост они не говорили,— смущенно начал Сиротинский,— но...

— Ах, не говорили? Вот и отлично! Держитесь покрепче за воздух.— И Фрунзе ступил на гибкие доски, настланные над взорванным пролетом. «Эх, и что за жизнь: от ночевки в лесу пятилетним малышом до взорванного моста, а мне уж тридцать пять! И всюду нужна воля, и никуда без нее, и ничего без нее...» Твердо и спокойно шагая, не глядя на темную воду, несущуюся где-то за много сажен внизу, он прошел по длинным, прогибающимся доскам и ступил на бетон.

— Молодежь! Не робеть! Прочность досок уже испытана...

Почти к самому провалу охрана подогнала ручную дрезину.

— Откуда вы сами-то родом будете?— спросил Фрунзе у начальника караула.

— Чего?— растерялся тот.— Мы-то? Тобольской губернии, Курганского уезда, Михайло-Архангельской волости, деревня Орловка,— отбарабанил он.

— Курганские? Как же, знаю. Много оттуда храбрых революционных солдат к нам перешло. Приходилось встречать.

— Это верно!— глаза у начальника караула враз вспыхнули, оживились.— Наши уроженцы многие собой героические бойцы, товарищ командующий!— У него даже грудь раздалась колоколом, голова вынырнула из плечей.

— Желаю удачи!— Фрунзе еще раз пожал сильную руку и шагнул на дрезину.

Два красноармейца взялись за рукоятки рычагов, и железная приземистая подвода понеслась по рельсам, оставляя позади вытянувшегося по-гвардейски, повеселевшего, взявшего под козырек начальника караула.

В лад, как заводные, сгибались и разгибались красноармейцы, постукивали под стремительными колесами стыки. Дрезина мчалась к вокзалу. Все время гнусаво гудел клаксон, сгоняя с пути ремонтных рабочих. Железнодорожники, саперы, пехотинцы то тут, то там по нескольку человек работали на восстановлении полотна, стрелок, путевых сооружений. «Молодцы чапаевцы! Эта артерия нам нужна до крайности. А сшивают ее, видно, быстро и старательно».

Еще не остановилась окончательно дрезина, а Сиротинский спрыгнул уже с нее и побежал к вокзальному зданию.

— Сергей Аркадьевич, куда?

— Вызову лошадей, Михаил Васильевич,— деловито доложил тот.

— Не надо шуму. Прибудем спокойно, посмотрим, кстати, как они живут в обычных условиях.

— Но вы еще нездоровы, Михаил Васильевич,— опустив глаза, возразил адъютант. Весь его взъерошенный вид, сжатые губы свидетельствовали, что без боя он не сдастся.

— Ага!— обрадовался Фрунзе.— Поглядите-ка: вот и экипаж!— Он указал на телегу около пакгауза, с которой пожилой извозчик не торопясь сгружал какие-то тюки.

Сиротинский сердито качнул головой и побежал к ломовику. Оттуда донеслись обрывки их беседы: «Да вишь, занят...» — «Помогу...» — «Рупь...» — «Креста на тебе нет...»— «А овес-то нынче почем?..» — «Ладно, не обидим...» — «Да я с полным удовольствием...» Сиротинский живо посбрасывал оставшиеся узлы с телеги. Фрунзе и его спутники вспрыгнули на нее, извозчик дернул вожжи, чмокнул: «Нно, дохлая!» — и пузатая кобылка потрусила на привокзальную площадь. Она старательно втащила седоков на гору, а с нее бодрой рысцой покатила по улицам.

«Да, четыре месяца прошло после Уральска... Истерический вороний грай, повсеместная стрельба, толпы расстегнутых бойцов, бессмысленно шатающихся по улицам. Всего четыре месяца! И вот эти части переплавились из полупартизанских отрядов в кадровые войска. Любо-дорого смотреть на встречных красноармейцев: подтянуты, деловиты...»

Телега, дребезжа на булыжниках, подкатила к камен-

ному дому, занятому штабом дивизии. У коновязи стояло много лошадей, на завалинке сидели, покуривая, ординарцы, позевывал в дверях часовой. Сиротинский вынул кошелек, стал отсчитывать извозчику деньги.

Из дверей штаба выбежал Чапаев в чалме из бинтов, за ним Фурманов и другие командиры.

— Товарищ командующий! Да вы что, на этой... телеге приехали?— чуть не плача, вскричал Чапаев.

— Здравствуйте, Василий Иванович! Как здоровье? А чем же плохой экипаж?— Фрунзе посмеивался.

— Да что же нам не сообщили-то? Мы бы к мосту за вами легковую машину послали трофейную, даже две!

Извозчик растерянно похлопал глазами, вскочил на облучок и отчаянно рванул вожжи. Лошаденка карьером понеслась прочь, затряслась, запрыгала на камнях телега.

— Не беспокойтесь, Василий Иванович, доехали мы отлично. И мост посмотрели, и ремонтные работы на путях, и город увидали. Дисциплиной красноармейцев доволен. Ну, что мы тут стоим? Пошли в штаб?

Весть о приезде командующего мигом разнеслась по частям, дислоцированным в Уфе и ее окрестностях. Чуть ли не ежеминутно приоткрывалась дверь в большой зал.

— Разрешите, Василий Иванович?

— Можно?

— Здеся Михайло Васильевич?..

По одному, по двое, по трое входили и входили, снимая фуражки, обветренные, прокаленные солнцем, обожженные огнем жестоких сражений командиры и комиссары чапаевской дивизии. Фрунзе сердечно приветствовал их, расспрашивал о здоровье, о делах-заботах. Часам к девяти вечера комната для совещаний была полна. Цвет ветеранов-чапаевцев собрался здесь. Не только сам начдив и его комиссар разговаривали с Фрунзе, здесь были все три чапаевских комбрига — Кутяков, Зубарев и Потапов, командир кавэскадрона Говоров, начальник штаба дивизии Снежков, артиллеристы Троицкий и Фомичев, начштаба 73-й Чернов, начштаба 75-й Бабинин, командир 25-го кавполка Суров, комиссар 75-й Шумаков, закаленные всеми невзгодами хозяйственники-снабженцы Козлов и Белобородов, командиры прославленных полков Бубенец, Рязанцев, Чижов, Михайлов, Горбачев, Сокол, Малы-

шев, Рост, командир эскадрона Зеньков и многие другие — человек сорок.

Глядя на этих оживленно-сдержанных людей, вслушиваясь в гул их голосов, встречая приветливые и радостные взгляды, не мог Фрунзе не вспомнить другого зала, в котором не так уж много недель назад такие же командиры-чапаевцы встречали его совсем по-другому. Он переглянулся с Сиротинским, тот понимающе улыбнулся ему из угла: «Уральск. Как же можно забыть!» Да, тогда — дерзкий вызов на собрание, оскорбительное поведение, попытка покушения, сейчас — сами, как мотыльки на лампу, слетелись, побросав дела, едва прошел слух, что прибыл командующий. Февраль и июнь... Воистину зима и лето!

Фрунзе встал.

— Василий Иванович и Дмитрий Андреевич! Хочется мне сказать вам, что никогда, наверное, в жизни не чувствовал я себя так хорошо, как сейчас среди вас.— Он твердо и прямо поглядел в глаза Чапаева, сжавшего кулаки так, что они побелели, и с силой подчеркнул:— Я чувствую себя среди своих братьев — братьев по духу, по классу, по революции.

Напряженные, взволнованные лица окружали его. Кутяков, наклонившись вперед, сжал эфес шашки, Бубенец откинулся на спинку стула, широко раскрыв глаза, Фурманов замер, так и не раскурив трубку.

Фрунзе широко улыбнулся:

— Ну, а разве братья при встрече устраивают заседание? Нет, Василий Иванович, хотя мы и сидим здесь в отличном помещении для совещаний, сегодня я у вас все-таки гость. А поэтому давайте-ка устроимся не по-официальному, а по-домашнему. Почему бы вам не велеть, чтобы принесли сюда скатерти, да самовар-другой, да стаканов-чашек сколько надо? Посидели бы, почаевали, поговорили бы по душам. Как, товарищи?

Радостный гул, грохот сдвигаемых столов послужили ответом.

— Исаев! Мигом!..— Чапаев повернулся к Фрунзе.— Это радость для нас, Михаил Васильевич! Это по-нашему. Уважили командиров, спасибо!

— И комиссаров,— лукаво подсказал Фурманов.

Вестовые откуда-то притащили накрахмаленные скатерти с пышными фамильными вензелями, набросили их поверх сдвинутых вместе колченогих канцелярских сто-

лов, вскоре появились и два огромных красно-медных самовара. Быстро нарезали солидными ломтями белый хлеб, положили перед каждым по кусочку настоящего рафинада, налили крепкого чаю. Козлов и Белобородов переглянулись, и через минуту откуда-то был доставлен брусок соленого сала: каждому гостю досталось по бело-розовому пластику. Началось пиршество, да еще какое!

Налито было всем, но никто не начинал пить. Тогда Фрунзе снова встал:

— Товарищи! Я очень рад в такой дружной боевой семье, где, как часто говорит Василий Иванович, нет отдельных героев, а вся дивизия герои, за стаканом чаю провести этот вечер. Разрешите мне прежде всего от имени нашей Коммунистической партии и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета поздравить вас с победой и поблагодарить вас и весь личный состав дивизии за проведенную операцию по освобождению Уфы. Хочу сообщить вам еще о том, что и ваши соседи: тридцать первая, вторая, двадцать четвертая стрелковые дивизии и третья кавалерийская — сломили наконец сопротивление противостоящего противника, повсеместно отбросив армию генерала Ханжина от реки Белой. Эта армия являлась белой гвардией, ударной силой Колчака. Мы сегодня смело можем сказать, что главная сила Колчака разгромлена! А это в ближайшее время вызовет необходимость отступления и северной колчаковской армии. Наша с вами победа, товарищи, открыла дорогу Красной Армии к освобождению всего Урала, за ним Сибири и Туркестана...

Неподвижно сидел Чапаев, выпрямившийся, застывший, лишь ослепительным синим светом разгорелись под бинтами его глаза. Фрунзе положил ему на плечо руку:

— Враг разбит, но еще не добит. А вы знаете, что недобитая армия оживает и может быть очень опасной. Казачьи армии Колчака еще окружают Уральск и блокировали Оренбург. Они перерезали железную дорогу на Саратов, стремясь соединиться с армией генерала Деникина. Разгромить уральское казачество и подавить поднятые у нас в тылу восстания — одна из наших первоочередных задач. За героической, уже пятидесятидневной обороной Уральска следит вся трудовая Русь и сам Владимир Ильич Ленин.

Фрунзе достал из сумки листок бумаги.

— Слушайте! Эту телеграмму прислал нам сегодня Ленин с просьбой передать в осажденный Уральск.— И он громко прочел:

Прошу передать уральским товарищам мой горячий привет героям пятидесятидневной обороны осажденного Уральска, просьбу не падать духом, продержаться еще немного недель. Геройское дело защиты Уральска увенчается успехом.

Предсовобороны *Ленин*

— Товарищи мои дорогие! Почетную задачу освобождения Уральска от блокады я решил возложить на геройскую двадцать пятую дивизию.

От громкого троекратного «ура!» едва не лопнули окна в зале. Лошади перед штабом запрядали ушами, заволновались.

— Как, Василий Иванович, беретесь?

Чапаев с грохотом отодвинул стул.

— Товарищ командующий!— начал он и остановился. Задумчиво расправил усы.— Да вы гляньте вокруг себя, Михаил Васильевич. Уральску надо помочь? Сибирь назад отвоевать? Китай-Индию с-под мирового империализма вызволить? Сообщайте Владимиру Ильичу: готовы! Правильно я говорю?

— Правильна-а!— грянуло в ответ, и снова забеспокоились на улице кони.

— Вот наше слово, товарищ командующий.— Чапаев сел.

— Уверен, что задачу вы решите успешно. А я вас усилю, подчинив Василию Ивановичу еще четвертую особую бригаду, которой командует всем вам хорошо известный товарищ Плясунков. Всего под командой Чапаева будет, таким образом, одиннадцать стрелковых полков и два кавалерийских. А это, по сути дела, не дивизия, а целый корпус. Огромная сила!..

И снова задребезжали стекла, и снова начали вздымать головы боевые кони, услыхав неистовое «ура!», при звуках которого не раз приходилось им нести своих хозяев в безумные атаки.

А Фрунзе задумчиво глядел на радостные лица боевых соратников. Если бы люди всегда могли быть такими же яркими, самоотверженными, одухотворенными, какими оказываются они в часы и дни своего взлета! Кончится война, предстоит испытание буднями. А как велики, как

огромны задачи мирной жизни, ради которых ведь и совершилась революция...

Он, все так же стоя, отхлебнул чаю и негромко произнес:

— Вместе с вами я форсировал реку Белую у Красного Яра, вместе с вами был в боях. Я наблюдал и вас и ваших бойцов и в сражении, и на отдыхе. И у меня возникла такая мысль: неужели только в дни великих испытаний будете вы жить такой сплоченной, дружной семьей, отряхнув и забыв все мелкое? Сохранится ли ваша дружба после победоносного окончания войны, когда начнем строить социализм? Будет ли каждый из нас всегда чувствовать, что его, как раненного в бою солдата, не бросят в беде ближайшие товарищи и окружающие на работе или соседи по селу, по дому, по улице? Подумайте над этим. Сохраните свою сплоченность и дружбу не только в ближайших боях, но и тогда, когда не будет войны. Оставайтесь навсегда революционерами, братьями всех трудящихся! Помните, ради чего мы проливали свою кровь, теряли лучших из лучших, отважных наших товарищей! Так не давайте же своей душе покрыться тиной равнодушия, высокомерия, зазнайства! Будьте готовы в любую минуту идти в бой за наши идеи, за равенство всех людей, за то, чтоб не было угнетателей и угнетенных, но и в мирные дни сохраните навсегда свою дружбу, простоту в обращении и откровенность с товарищами.

Вот и давайте сейчас по-дружески за стаканом чаю поговорим, кто о чем хочет, послушаем, кого что волнует, и по-братски все обсудим...

Далеко за полночь расходились и разъезжались участники этого чаепития. Цокот копыт по мостовой, ржание, людской говор, красный огонек цыгарок во тьме — не скоро наступила тишина и безлюдье у штаба. Но вот опустела коновязь, смолкло все вокруг, лишь мерные шаги часовых, хрупанье дежурных коней тревожили ночную тишину. Да еще долго, очень долго ярко светились в ночном мраке окна одной комнаты: Фрунзе, Чапаев и Фурманов впервые за последние месяцы смогли спокойно, не торопясь обсудить все накопившиеся многосложные вопросы. И о чем только им не пришлось говорить!.. Лишь в три часа ночи Сиротинский и Исаев, объединив усилия, сумели увести на покой недавно контуженного командующего и раненного в голову Чапаева. Зачадив в ночи, потухли

лампы, и здание штаба растворилось в темноте летней ночи...

Около двух часов пополудни Михаил Васильевич уезжал в Самару. Трофейный лимузин вез его по улицам города. Уфа жила деловой, будничной жизнью: казалось, никогда не было здесь белых, не свирепствовала контрразведка, не раздавались на улицах выстрелы. Шофер дал предупредительный гудок: автомобиль догонял широкоплечего юного командира на темном жеребце. Всадник придержал коня и принял вправо, шофер сбавил ход. Машина поравнялась с седоком, и Фрунзе тотчас узнал: доброволец из Петрограда, чапаевский разведчик! Кажется, фамилия его Далматов... Но что такое? Это и Далматов и не он, настолько мрачный и безжизненный, какой-то потухший взгляд бросил он на командующего. Правая рука его взлетела под козырек, конь заплясал под ним. Фрунзе приветливым кивком ответил старому знакомому, и автомобиль, резко увеличив скорость, унес командующего вперед.

А Григорий, медленно опустив руку, сдерживая Ратмира, смотрел вслед Фрунзе: в Петрограде встретились они впервые, потом вновь судьба свела их под одним небом, даже в одном бою пришлось им испытать одну и ту же смертельную опасность, и вот — вновь повстречались на улицах Уфы! И надежда звонкими толчками застучала в виски юноши: какой знак, какой добрый знак! Наташа тоже видела Фрунзе в Петрограде и тоже увидит его здесь.

Он толкнул коня и продолжал свой путь к госпиталю. И вдруг одно слово острой иглой пронзило его сердце: «Володя!» Володя тоже впервые увидел Фрунзе в Петрограде, но... Вот уже почти неделя, как похоронили Володю!

Он привязал Ратмира к столбу и огляделся: Наташа рассказывала ему об этом дворе. С виду ничего особенного, а ведь сюда из окон выбрасывали на снег раненых красноармейцев, здесь они кричали, их добивали штыками, выстрелами. Вот из этой двери вытащили Наташу и поволокли ее, наверно, к тем подвалам, откуда сейчас вытаскивают какие-то койки. И все вокруг было залито кровью. Вот это темное пятно на стене не остатки ли крови? Здесь едва не убили Наташу! Едва не убили Наташу... И снова, в тысячный, десятитысячный раз, задал он себе вопрос: ну почему, почему я первым не выстрелил в Безбородько?..

Войдя в вестибюль, он властно приказал дежурному санитару:

— Медсестру Антонину Александровну!

Тот, подняв лицо от газеты, хотел, видно, что-то возразить насчет неурочного для свиданий времени, но увидал мрачный, неулыбчивый взгляд и заторопился:

— Чичас... Чичас, товарищ командир, сей момент...

Тяжелыми шагами, круто поворачиваясь, Григорий ходил по скользкому кафелю.

— Гриша!

Он обернулся. В дверях стояла Тося. Сама в белом халате, она держала в руках другой.

— Здравствуйте, Гриша. Наташенька очень вас ждет.— И она расплакалась навзрыд, сразу став маленькой, беспомощной, некрасивой.

— Как ее состояние? Да перестаньте вы плакать!

— Да, да, сейчас. Я сейчас. Ведь она так ждала вас все эти месяцы, столько говорила мне о вас.— Она утерла глаза, щеки.— Тяжелое состояние, очень тяжелое. Нет у врачей надежды. Она вчера пришла в сознание и очень нервничает. Подбодрите ее, Гришенька, но только не утомляйте, пять минуточек можно всего!

Она помогла ему облачиться в коротенький смешной халат, который был для него как детская распашонка, и повела длинными коридорами и широкими лестницами.

«Здесь ее волочил колчаковец... А в этой палате, может быть, они ее хлестали за то, что она не давала убивать раненых...»

— Сюда!

Он сразу увидел ее. Она лежала в полузабытьи, повернув голову к двери. С легким клацаньем подкованных каблуков он прошел к ней, стал на колено перед койкой и поцеловал ей руку; белая, как исподняя солдатская рубаха, которая была надета на Наташе, она беспомощно лежала вдоль тела.

Наташа открыла глаза: крутая мощная шея, сильные широкие плечи склонились над ее кистью, шероховатые губы и колючки щетины коснулись ее пальцев.

— Гришенька, пришел попрощаться со мной?

Он живо повернулся к ней. Ее глаза без улыбки смотрели прямо в его зрачки.

Он понял обостренным чутьем, о каком прощанье она говорила, и возразил:

— Да, солнышко мое! Утром приказ вышел: идем Уральск от блокады освобождать! А потом я вернусь, ты уже будешь здоровая, встретишь меня...

Она слабо улыбнулась, едва ощутимо погладила его лицо.

— Колючий... Уже бреешься... Я так хотела выйти за тебя замуж... Я больше всего на свете хотела выйти за тебя замуж...

— Почему «хотела»? Уже не хочешь?— беспомощно пошутил он.

— Я так хотела дожить...— В уголках ее закрытых глаз показались слезы.

— Да что ты такое говоришь?!— растерянно и гневно спросил он.— Мне доктора точно сказали: будет, говорят, жить! Скоро начнешь поправляться, встанешь, будешь ходить...

— Не кричи, мой дорогой, мой командир... Я была виновата перед тобой... Так вышло... Ты меня простишь...— Она начала задыхаться.

— Ты мне на всю жизнь нужна, понятно? На всю жизнь! Я тебя люблю! Понятно? Выздоровеешь, я к тому времени вернусь, поженимся. Понятно? А будешь плакать, я... я не знаю, что сделаю!..

— Понятно...— прошептала она.

Огромные ее глаза окатили его таким потоком света, что он едва не закричал от боли. Чуть было не рванулся он и не принялся в смертельной тоске рубить в щепу столы и табуретки.

— Гришенька,— она говорила уже громче, настойчивей, и он не понял: то ли она поверила ему, то ли хотела успокоить, утешить.— Скажи Пухову, пусть распорядится: когда я выздоровлю, меня... к вам... медсестрой...

— Сегодня же скажу!

Она снова закрыла глаза. Грудь ее начала конвульсивно вздыматься.

— Товарищ Далматов!

Стоя на коленях, он обернулся: в дверях стоял толстый пожилой врач.

— Прибыл вестовой. Вас срочно вызывают в штаб. Прощайтесь, скоро увидитесь снова.

Григорий пристально вгляделся в его глаза. Тот едва заметно показал на сердце и на часы: дескать, никак ей больше нельзя, никак! Тогда Григорий склонился над Наташей, плотно обхватив ладонями ее истаяв-

шие плечи и принялся целовать лоб, глаза, сухие горячие губы.

— Выздоравливай! В Петроград вместе поедем, вместе! Кровинка моя, солнце мое!..

— Прощай!— внятно сказал она.— Береги себя... Володе привет...

Он вскочил и, натыкаясь на табуретки, стол, бросился к двери. В коридоре его догнала Тося, он сорвал с себя кургузый халатик, сунул ей в руки и выбежал во двор.

Слезы мутили его глаза, лицо исказилось. Он издавал какие-то рычащие, клохчущие звуки. Ратмир испуганно шарахнулся от него, он дернул его, вскочил в седло и рванул повод. Черный конь стремглав вынес всадника из ворот и понесся стрелой из города в поле. А Григорий гнал его и гнал, ругаясь и плача, все гнал и гнал, и встречный ветер студил ему лицо и сердце и пел что-то свое — и горькое, и мстительное, и равнодушное. И тяжкой ношей ложилась жизнь на его плечи: погибли, ушли навсегда Еремеич, Володька, Наташа... И надо было их мечты нести с собой, и мстить за них, и жить за них. И он гнал и гнал коня, ругаясь и плача,— из юности, которая кончилась, в зрелость.

1 июля 1919 года.
МОСКВА

«Фрунзе... Фрунзе... Яркий человек Фрунзе. Талантливый человек... Смелый...» Ленин положил бланки с наклеенными лентами слов на край стола и подошел к большой карте. «Южный Урал... Туркестан... Западная Сибирь... Бежит, бежит Колчак, а белоказаки нависли бешеным псом под Уральском — Оренбургом... Сложный район... Сложные задачи... А впереди вся Сибирь...»

Слегка покачиваясь, заложив руки за спину, он смотрел на огненно-красную опояску фронтов, отмеченных на карте, и чередой проходили перед его внутренним взором новые красные полководцы и военачальники, один ярче другого. «Нет, все-таки Фрунзе крепче. Упорней. Самостоятельней. Большевик. Крупный, одаренный полководец».

Ленин прошелся по кабинету, остановился у окна. Яркое солнышко заливало двор, со звонким щебетом прыгали по брусчатке воробьи... «Фрунзе, Михаил Васильевич. Какие у него глаза! Запомнились в 1906 году на Стокгольмском съезде. Совсем юноша был, а как рассказывал тогда об ивановских боевиках, об ивановском Совете рабочих депутатов!.. О первом в истории Совете!.. А в 1917 году ведь именно по этим глазам узнал я его: выступает коренастый, широкогрудый мужчина, объявлено — «Михайлов». Какой же это, думаю, Михайлов? Ведь это Арсений! Тот самый ясноглазый боевик, которого дважды за эти годы приговаривали к смертной казни!.. А всего лишь полгода назад он колебался, принять ли армию, говорил о кавалерийском полке».

Ленин слегка усмехнулся: «Глаза ясные, а взор твердый, неподатливый! Я шлю ему телеграмму месяца полтора тому назад: знаете ли об отчаянных просьбах оренбуржцев о помощи? А он: силы нужны на главном направлении, что же касается «потока оренбургских слезниц» — так и написал!— то это объясняется прежде всего неумением оренбуржцев использовать свои средства...» Ильич представил, как сердито писал свой ответ Фрунзе. Да, такой военачальник предпочитал и предпочтет остро, умело и неожиданно для врага действовать, нежели извергать «поток слезниц».

— Владимир Ильич, к вам товарищи Гусев и Склянский,— в дверях стояла Фотиева.

Ленин глянул на часы:

— Очень хорошо! Они точны. Просите их, Лидия Александровна.— Он прошел вперед, остановился у стола.

В кабинет вошли заместитель председателя РВС республики Склянский и член РВС Гусев — энергичные, подтянутые люди в расцвете сил.

— Здравствуйте, Владимир Ильич! Как наглядно у вас карта размечена.— Гусев бережно пожал протянутую руку Ленина.

— Это он хочет доказать, что у него великолепные навыки штабной работы, не так ли?— Ленин лукаво глянул на Склянского: поддержит ли шутку?

— И верно,— широко улыбнулся Склянский.— Но все же умеет он мыслить стратегически, Владимир Ильич, умеет!

— Да? Это очень приятно, редкое умение!

— А как же! Яркий денек, жаркий луч на карте он и то заставил служить своим целям: какая, дескать, карта отчетливая, какой, значит, я вояка прирожденный!

Гусев и Ленин от души расхохотались, Склянский присоединился к ним.

— Отлично, отлично подмечено.— Все еще смеясь, Владимир Ильич жестом пригласил Гусева и Склянского сесть. Лицо его посерьезнело.— Итак, товарищи военные большевики, я пригласил вас, чтобы узнать ваше мнение по ряду вопросов.

Первый: что вы думаете сейчас о положении под Уральском?

— Беспокойное положение,— подумав, ответил Склянский.

— Прочтите, пожалуйста. Получено только что.

Ленин протянул им телеграфные бланки и ушел за письменный стол. Гусев и Склянский углубились в чтение:

«На № 490/с. Операциям противника на Уральском фронте, в частности в районе Николаевска, мной уделялось и уделяется самое серьезное внимание ввиду очевидной опасности соединения колчаковско-деникинского фронта на Волге. К сожалению, до сих пор в моем распоряжении в этом участке были лишь слабые части, совершенно неподготовленные, часто плохо вооруженные. Все остальное было направлено в дни колчаковского наступления на Самару против него и до сих пор занято на уфимском направлении. Уже месяц тому назад мной была намечена переброска с уфимского направления одной дивизии на Уральско-Оренбургский фронт, что быстро позволило бы ликвидировать и этот участок, но, согласно распоряжениям высшего командования, у меня сразу одна за другой были отняты две дивизии — 2-я и 31-я, из которых первая уже переброшена частью на Петроград, частью на Царицын, а вторая перебрасывается под Воронеж.

Это, во-первых, приостановило быстрое и решающее завершение Уфимской операции, а во вторых, не дало возможности своевременно подкрепить Уральско-Оренбургский фронт. Пришлось ограничиться затыканием дыр за счет вновь формируемых, совершенно небоеспособных частей, что приводило к ряду частичных успехов противника. Нынче я получил разрешение использовать силы

25-й дивизии, которая и перебрасывается самым спешным порядком с напряжением всех сил и средств из-под Уфы в район Богатое — Бузулук для нанесения удара с севера, хотя в данный момент, а именно при полной неустойчивости 9-й и 10-й армий и при слабой обеспеченности восточного участка своего фронта (Стерлитамак, Оренбург), одной 25-й дивизии далеко не может считаться достаточным для ликвидации Уральско-Оренбургского фронта.

Тем не менее позволяю выразить надежду, что не позже чем через 10—14 дней Уральск и весь север области будут очищены от белогвардейщины, в частности обратное занятие нами Николаевска считаю обеспеченным в ближайшее время. Использованию местных средств мешает крайний недостаток оружия; так, несмотря на настойчивые просьбы, я до сих пор не получил пулеметов и только вчера получил партию винтовок далеко не в достаточном числе. Прошу верить, что Реввоенсовет Южгруппы работает в чрезвычайно трудной обстановке, часто при очевидном непонимании главным военным командованием проделанной им работы исполнял и исполняет свой долг перед революцией.

Командующий Южной группой
М. Фрунзе».

— Ну что?— живо спросил Ленин.— Вот вам еще копии двух его приказов по разгрому южной группы казачьих армий Колчака. Почитайте-ка.— А сам продолжал работу.

Поскрипывало его быстрое перо, шелестели листы приказов Фрунзе. Склянский, дочитав последний лист, задумался. Гусев достал записную книжечку, стал что-то в нее заносить.

— Я думаю, на Фрунзе можно положиться,— коротко сказал Склянский.— Дельно, очень дельно.

— Да?— откликнулся Ленин.— Это же зрелый полководец и самый настоящий, наш-нашенский большевик! Вы посмотрите, какие военачальники вырастают в партии. А?— Ленин встал.— Товарищ Гусев, вот вы довольно долго работали в Реввоенсовете Восточного фронта. Прошу вас откровенно и всесторонне охарактеризовать Фрунзе.

Гусев снял пенсне, задумался. Большой лоб его сморщился.

— Сделать это мне непросто, потому что мы с Михаилом Васильевичем не всегда гладили друг друга по шерстке. А рука у него, надо сказать, крутая и тяжелая...

— А вы попробуйте, попробуйте,— лукаво поощрил его Ленин.— Честь и хвала вам, если сможете быть объективным. И товарищ Склянский вам кое-что подскажет. А в случае чего и я немного помогу: все-таки лет пятнадцать его знаю. Нуте-с, и без приукрашивания!

— Начну хотя бы с того, что в январе, когда он появился на фронте, он был мне очень мало известен как военный работник. И для Каменева, и для меня, и для всех других явилось неожиданностью, что этот человек, который никакой военной школы не проходил...

— Не проходил? Так-так...

— ...что этот большевик, в прошлом подпольщик, окажется не только превосходным организатором и администратором, но и обнаружит большое искусство в руководстве военными операциями. В его лице мы нашли исключительный талант полководца с редкими стратегическими способностями. А плюс к этому — замечательная большевистская закалка.

— Минуточку, Сергей Иванович!— перебил его Ленин.— Вы не сгоряча ли, не с налету ли употребили слова «редкие стратегические способности»? Не подражая ли злоязыкому товарищу Склянскому?

Гусев задумался.

— Нет, Владимир Ильич, не с налету и никому не подражая, а будучи в полном уме, здравой памяти и полностью отдавая себе отчет в том, что говорю.

— Так-так, продолжайте, продолжайте.

— В апреле он был назначен командующим Южной группой Восточного фронта из четырех армий. Теперь я понимаю, что не проявил достаточного упорства, когда допустил, что Самойло отобрал у него Пятую армию Тухачевского: Фрунзе тогда видел дальше и чем Самойло, и чем я!

— Похвальная самокритичность!— Ленин остро глянул на Гусева.— Но я позволю себе тем не менее сделать вам одно критическое замечание. Вы сказали: «Никакой военной школы Фрунзе не проходил»?

— Да, Владимир Ильич. Времени у него ни на какой

регулярный курс попросту не было: из тюрем да в каторги. Самородок...

— Да, самородок. Но «регулярный курс», как вы изволили сформулировать, он все же прошел! Не удивляйтесь, не удивляйтесь: прошел! Да такой, который и не снится генералам старой закалки! Смотрите: организация боевых дружин в Иваново-Вознесенске. Участие в боях на Пресне. Организация народной милиции в Минске. Разгром мятежа левых эсеров в Москве. Руководство Ярославским округом. От Шуи до Архангельска округ-то. Ну, был «регулярный курс»?

— Получается — регулярнейший.

— Но меня прежде всего заинтересовала ваша мысль о стратегических данных у Фрунзе. Это сейчас крайне важно, архиважно. Не смогли бы вы ее развить, конкретизировать?

— Конкретизировать?— Гусев задумался.— Что же... На Южную группу армий Восточного фронта легла основная стратегическая задача всей операции против Колчака. Надо было разбить его центр и левый фланг и не давать ему возможности вывести этот фланг из-под удара, принуждая его тем самым быстро откатываться всем фронтом на восток. Эта операция была блестяще проведена товарищем Фрунзе, а взятие Уфы показало его превосходный глазомер. Он умело рассчитывает, когда он, как командующий армиями, должен сидеть в штабе и когда должен появляться на боевой линии фронта, чтобы своим личным влиянием и примером двинуть части против сильнейшего врага и опрокинуть его. Именно в решающий момент боев за Уфу Фрунзе оказался в решающем месте — в первых наступающих цепях Красной Армии. И это определило исход боя и дало нам огромный выигрыш времени.

— Ну, и резюме?

— Чрезвычайно быстрый рост полководца, далеко еще не закончившийся.

— Очень, очень интересно! А что скажет товарищ Склянский?

Склянский улыбнулся:

— Владимир Ильич, а я с Гусевым согласен. Совершенно согласен.

— Отлично! Но при этом совершенном согласии не смогли бы вы найти свой особый аспект характеристики Фрунзе, свой поворот?

— Свой поворот? Отчего же не найти?— Склянский прищурился, взлохматил прическу.— Непреклонное стремление Фрунзе к намеченной цели.

— Непреклонное?

— Вот именно! Например: руководство фронта сильно опасалось развития успеха противником в направлении Бугульмы и Сергиевска, а Фрунзе считал, что такое вытянутое положение противника только благоприятствует удару во фланг. И, несмотря на то, что у него неоднократно, раз за разом, отбирали то бригаду, то дивизию, то целую армию, он от своего плана не отказался и блестяще доказал, что был прав. А новый конфликт? В самый разгар наступления на Уфу наш председатель реввоенсовета единолично попытался остановить это наступление, приказав перейти к обороне вдоль реки Белой.

— Да, Фрунзе весьма энергично опротестовал этот приказ,— заметил Ленин.— Действительно, чинопочитания в нем ни на грош. Я слушаю вас, извините.

— И, последнее, что я хочу сказать: ведь он упрямится не ради упрямства. Интересы республики для него выше всего. Отобрали у него Пятую армию, дали ей другое направление. А вот же, я читаю в его приказе пункт, который предусматривает прикрытие фланга этой армии частями Фрунзе!

— Так, так! Правильно ли я понял, товарищи военные большевики, что вы положительно оцениваете деятельность Фрунзе?

— Так точно... Да, Владимир Ильич...

— Правильно ли я понял, что развернуться во всю ширь дарования ему мешает подчинение начальникам, которые оказались слабее его в понимании стратегической обстановки?

— В общем, да, Владимир Ильич.— Гусев с нескрываемым интересом смотрел на Ленина.

— Так, так. Зачем же в подобном случае нам придерживаться освященных веками стародавних обычаев и выдерживать человека, способного к большой работе, на меньшей работе лишь потому, что человек этот не просидел еще десятка штанов на старой должности? Логично ли это будет для революционеров?

— Да уж какая здесь логика,— усмехнулся Склянский.

— Я очень внимательно слушал вас, товарищи, и рад тому, что независимо друг от друга все мы пришли

к общему мнению: значит, оно близко к истинному.

Меня привлекает стиль мышления Фрунзе: этот полководец бесконечно далек от прямолинейности. Он предпочитает маневр, фланговый удар, непрерывное нарастание ударов.

Он хладнокровен и смел: ведь ударная группировка разворачивалась тылом к фронту уральских белоказаков.

Он по-хозяйски, по-государственному расчетлив: ударная группа была создана им не из резервов Главного командования, а из частей, которые дрались тут же, на фронте.

Так вот,— Ленин встал,— не будет ли правильным с нашей стороны поставить послезавтра на Пленуме Центрального Комитета вопрос о назначении товарища Фрунзе командующим всем Восточным фронтом с задачей скорейшего разгрома Колчака? Каменев же, с моей точки зрения, человек более зрелый и мудрый, чем Вацетис, мог бы стать Главкомом. А Вацетис мог бы работать там, где революции потребуются прежде всего его незаурядные волевые качества, его упорство. Как ваше мнение, товарищи?

— Целиком за,— сказал Склянский.

— Поддерживаю. Замену Вацетиса Каменевым приветствую,— ответил Гусев.

— Насколько я понимаю ситуацию, оппоненты на Пленуме у нас будут: предреввоенсовета настойчиво, очень настойчиво предлагает наступление на Восточном фронте приостановить. Ну что ж, думаю, Пленум сумеет во всем разобраться и вынести правильное решение. (Забегая на два дня вперед, скажем, что Пленум действительно разобрался: Троцкий был отстранен от руководства действиями на Восточном фронте.)— Глаза Ленина уже не улыбались, они смотрели жестко и требовательно.— Однако вернемся к личности товарища Фрунзе. Вы, Сергей Иванович, отлично, метко сказали, что в лице товарища Фрунзе наша партия нашла незаурядный военный талант, полководца большого стратегического дарования. Примерно так же мне характеризует Фрунзе и Куйбышев.— Ленин прошелся по кабинету.— А если заглянуть подальше, то я думаю уже о другой задаче, которую мы перед Фрунзе поставим, когда Колчак будет добит.

— О какой, Владимир Ильич?

— Освобождение всего Туркестана. Создание и укрепление там советских азиатских республик. Англия сейчас пытается охватить своим влиянием этот громадный и архиважный для нас район. Судя по всему, Фрунзе сумеет и там одержать решительную победу. А уж потом...— Ленин подошел к окну.— Впрочем, действительность покажет! Итак, продолжим работу. Прошу вас, товарищ Гусев, сообщить, какие меры приняты за последние сутки на Петроградском и Южном фронтах.

1956—1972 гг.

ОГЛАВЛЕНИЕ

«...Желаю удачи вашему «Аэроплану»!» 11

12 декабря 1918 года. **Москва** 16
16 декабря 1918 года. **Петроград** 18
27 декабря 1918 года. **Петроград** 33
10 января 1919 года. **Петроград** 46
8—18 января 1919 года. **Петроград — Москва — Инза — Самара — Уфа** 52
31 января — 1 февраля 1919 года. **Самара** 74

Подарки к дню рождения 89
«Ты старший брат, и ты поймешь меня, Костя...» (К девятнадцатилетию. Год 1904-й) 89
На Тезе, речке-невеличке. (К двадцатидвухлетию. Год 1907-й) 89
«Господин новоявленный Монте-Кристо». (К двадцатишестилетию. Год 1911-й) 92

2—27 февраля 1919 года. **Петроград — Инза — Самара** 96
4 февраля 1919 года. **Омск** 107
10—15 февраля 1919 года. **Уральск** 113
20 февраля 1919 года. **Самара** 135
10 марта — 15 апреля 1919 года. **Бузулук — село Палимовка под Бузулуком** 143
11 марта 1919 года. **Самара** 158
14 марта 1919 года. **Уфа** 171
19 марта 1919 года. **Самара** 180
15—29 марта 1919 года. **Уфа** 187
30 марта 1919 года. **Самара** 208
31 марта 1919 года. **Уфа** 216
Ночь с 7 на 8 апреля 1919 года. **Самара** 224
13 апреля 1919 года. **Самара** 231
15 апреля 1919 года. **Петроград** 242
17—18 апреля 1919 года. **Деревня Карамзино под Бугурусланом** 247
19 апреля 1919 года. **Самара** 255
24 апреля 1919 года. **Сёла Кинельское — Языково** 264

25—26 апреля 1919 года. **Самара** 271
26 апреля 1919 года. **Уфа** 275
26—28 апреля 1919 года. **Район реки Боровки** 288
29 апреля 1919 года. **Уфа** 295
5—13 мая 1919 года. **Река Сок — река Ик у Бугульмы — Бугульма** 302
10—14 мая 1919 года. **Село Кожай-Андреево — Бузулук — Симбирск** 308

Высшая школа 323
«Ты хорошо играешь в шахматы, кызыл-генерал...» 323
От генерал-фельдмаршала Ласи до пастуха Ткаченко . . . 325
«А помнишь, Лида...» 328
«Ты спрашиваешь, Костя...» 329

15 мая 1919 года. **Саратов** 332
29 мая 1919 года. **Москва** 337
3—4 июня 1919 года. **Деревни Трифоновка — Лавочное** . . . 337
7 июня 1919 года. **Уфа** 349
7 июня 1919 года. **Чишмы — Красный Яр — Лавочное** 365
8 июня 1919 года. **Река Белая, 17 километров севернее Уфы** . . . 375
9 июня 1919 года. **Уфа** 389
10—11 июня 1919 года. **Уфа** 393
16—17 июня 1919 года. **Уфа** 408
1 июля 1919 года. **Москва** 419

Андреев Ю. А., Воронов Г. А.

А65 Багряная летопись: Роман.— М.: ДОСААФ, 1988.—429 с., ил.— (Б-ка «Отчизны верные сыны»).

2 р. 60 к. в переплете № 7, 2 р. 20 к. в обложке.

При всей необычности биографий многих героев роман документален, построен на изображении подлинных судеб и событий 1919 года. Центральная фигура произведения — выдающийся советский полководец Михаил Васильевич Фрунзе, осуществивший блистательный разгром войск Колчака. В книге изображены и ближайшие соратники Фрунзе.

Форма романа, сочетающего исторический размах с изображением частных судеб, позволила авторам слить многообразие сюжетных линий в единую «летопись» багряного революционного времени.

Для массового читателя.

А $\frac{4702010200-028}{072(02)-88}$ $\frac{\text{КБ-45-38-87}}{\text{БЗВ-6-3-87}}$

ББК 84.Р7
Р2

Рецензент В. Г. Резниченко

Литературно-художественное издание

Юрий Андреевич Андреев,
Григорий Александрович Воронов

БАГРЯНАЯ ЛЕТОПИСЬ

Редактор **Т. А. Соколова**
Художественный редактор **А. А. Митрофанов**
Корректор **И. С. Судзиловская**
Технический редактор **В. Н. Кошелева**

ИБ № 2224

Сдано в набор 03.03.86. Подписано в печать 20.07.87. Г-13836. Формат 84×108 1/32. Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл.-п. л. 22,68. Усл. кр.-отт. 23,10. Уч. изд. л. 23,56. Тираж 300 000 экз., I завод — 100 000 в пер. № 7, II завод — 200 000 в обложке. Зак. 1461. Цена 2 р. 60 к. в пер. № 7, мягкой обл. 2 р. 20 к. Изд. № 1/е-251

Ордена «Знак Почета» Издательство ДОСААФ СССР. 129110, Москва, Олимпийский просп., 22.

Ордена Трудового Красного Знамени типография издательства Куйбышевского обкома КПСС, 443086, г. Куйбышев, просп. Карла Маркса, 201.

Уважаемые читатели!

В 1987 году Издательство ДОСААФ СССР начало выпуск библиотеки «Отчизны верные сыны». Пятьдесят томов библиотеки выйдут к пятидесятилетию Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

В 1988 году увидят свет следующие издания:

Корольков Ю. М. **Кио ку мицу!**

Роман о замечательном советском разведчике Рихарде Зорге.

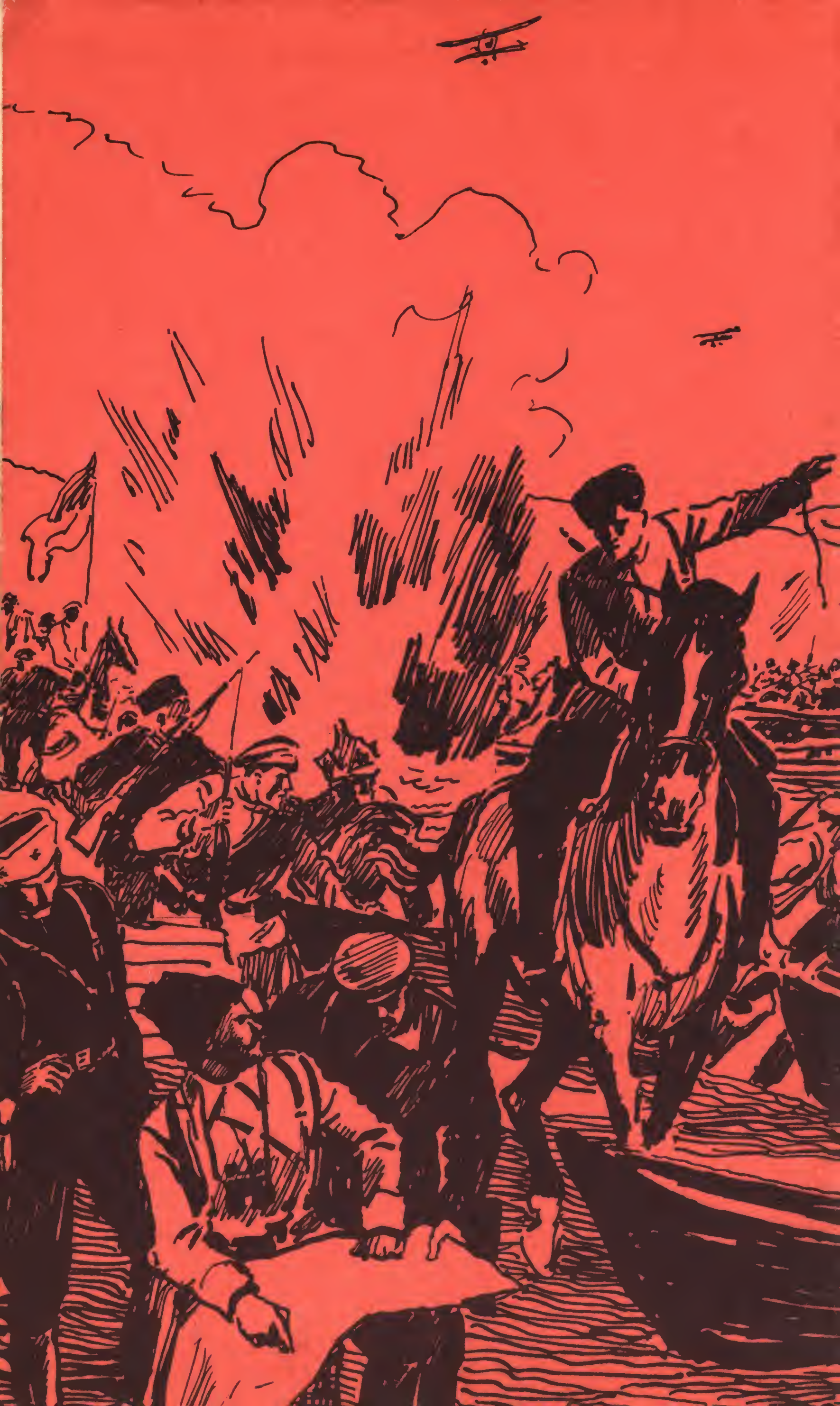
Субботин А. А. **За землю Русскую.**

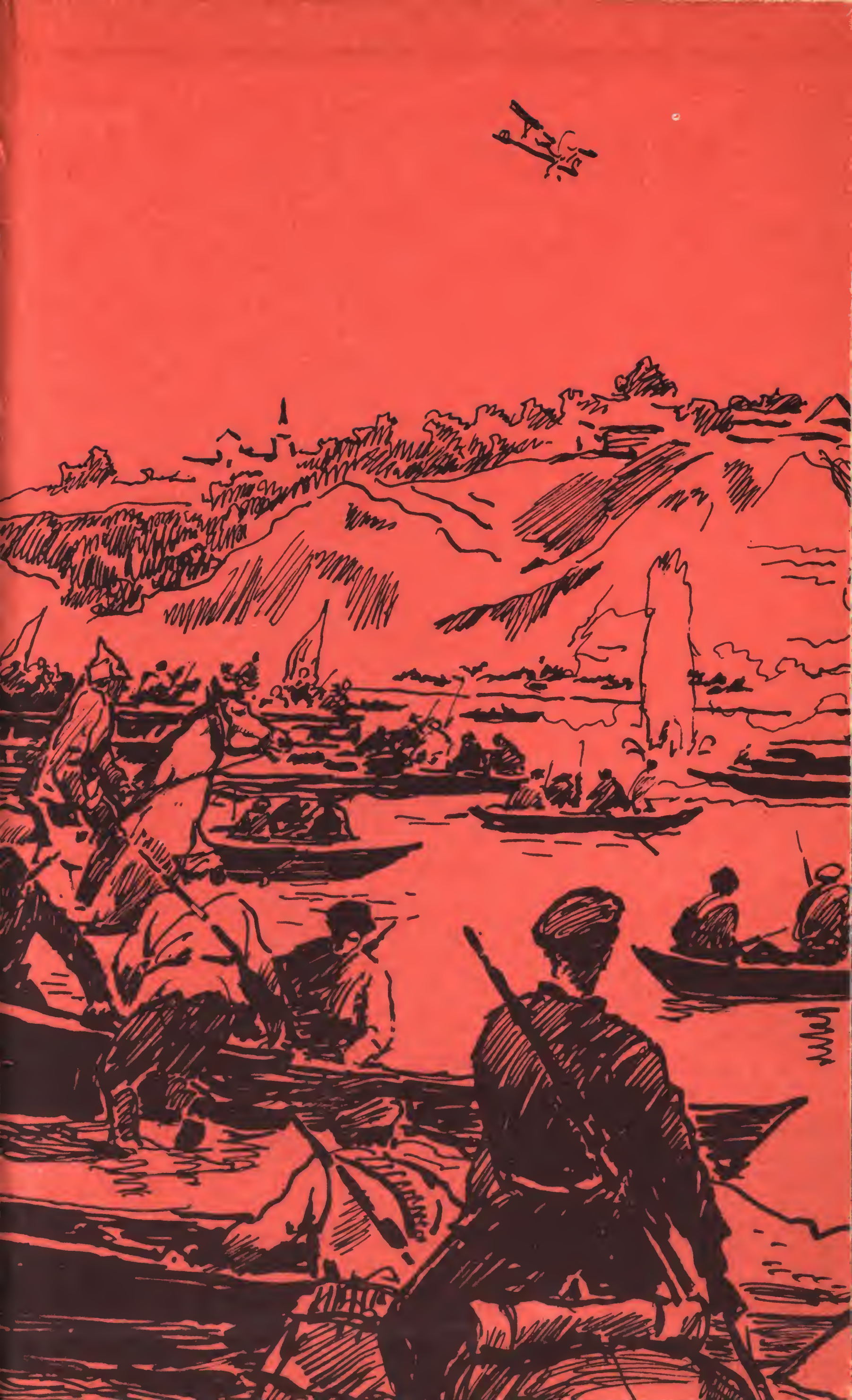
В центре романа — образ Александра Невского, талантливого полководца и выдающегося государственного деятеля XIII века.

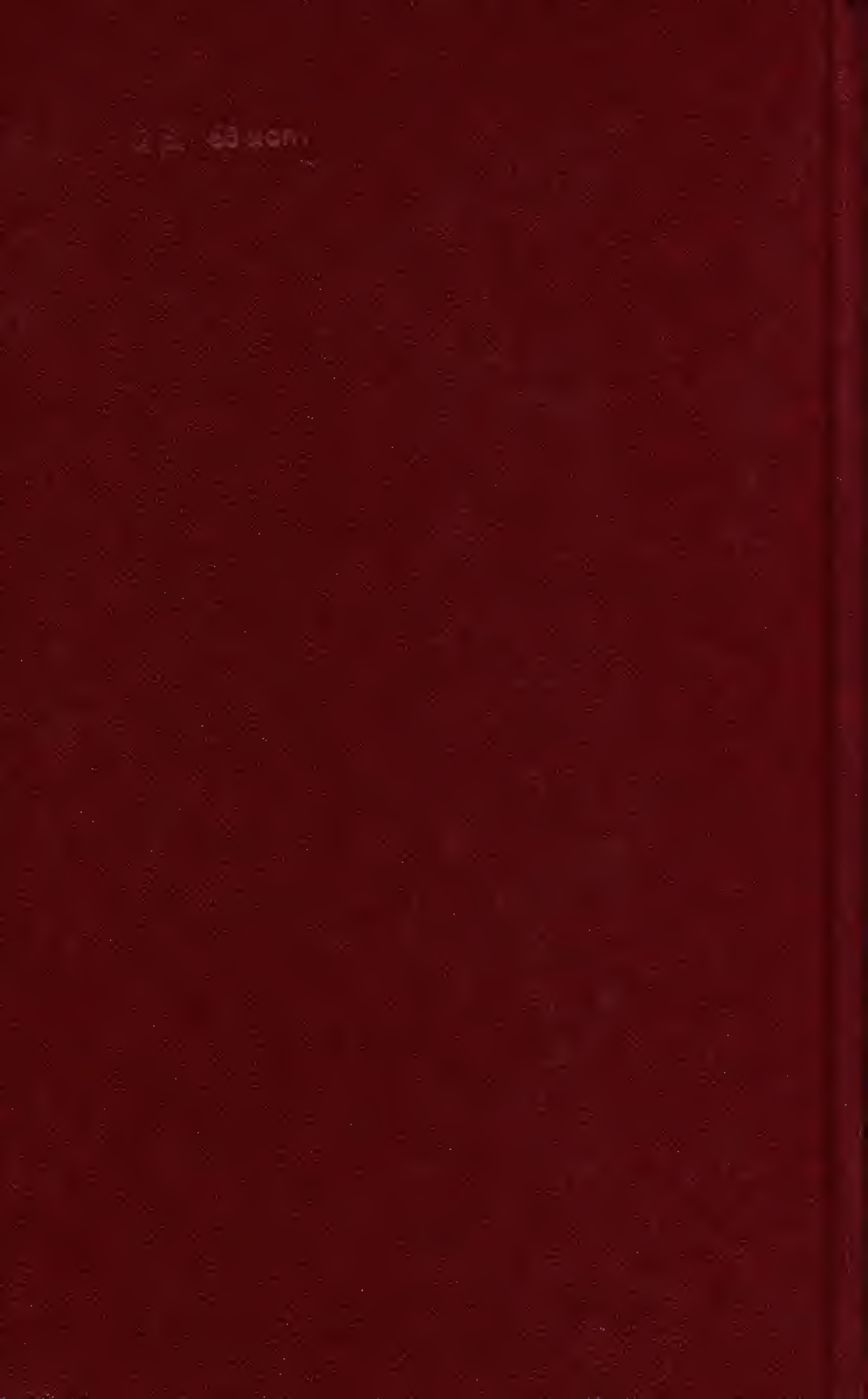
Федоров П. И. **Генерал Доватор.**

Роман о действиях конников прославленного героя Великой Отечественной войны Л. М. Доватора летом — зимой 1941 года.

Напоминаем, что издательство распространением книг не занимается. Приобретайте наши издания в книжных магазинах.

БАГРЯНАЯ ЛЕТОПИСЬ
ЮРИЙ АНДРЕЕВ
ГРИГОРИЙ ВОРОНОВ